Мария Гинзбург
Погасить Черное Пламя

Мир Мандры –

Текст книги предоставлен автором http://www.litres.ru
«Гинзбург М. Погасить черное пламя: фантастический роман»: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-35164-0

Аннотация

Его зовут Морул Кер, иначе – Черное Пламя. По природе он дракон, а по сути – жестокий полубезумный властитель, одержимый стремлением покорить свободолюбивых эльфов Железного Леса. Ради достижения цели Морул Кер готов даже разрушить Инкубатор, где небесные наездники-химмельриттеры выводят драконоподобных созданий. Наездники вынуждены напасть на обитателей Железного Леса, но темные эльфы оказывают им жесточайшее сопротивление. Чтобы отомстить Черному Пламени за пролитую кровь, юная эльфийка Глиргвай, принц Рингрин, маг Лайтонд, оборотень Зигфрид и рыжий эльф Кулумит объединяются в единый кулак. С этого момента Морул Кер и созданная им империя обречены. Даже могучий магический артефакт Эрустим, питающийся энергией смерти, не остановит заговорщиков.

Мария Гинзбург
ПОГАСИТЬ ЧЕРНОЕ ПЛАМЯ

Автор выражает искреннюю признательность
Светику (DeadlyArrow)
Крису Игольчатому
Щемелинину Денису
Фангу

Чернышевой Нате

Часть первая. Железный Лес.

Из всех способов предотвратить заговор самый верный – не быть ненавистным народу.
Никколо Макиавелли, «Государь»

ПРОЛОГ

Летом Гниловранская трясина наряжалась в зеленый фартук из ряски и мха, натягивала на когтистые лапы кокетливые браслеты из клюквы и брусники и приобретала жуткое очарование. Зато пробраться по ней было невозможно. Но сейчас строгая Матушка Зима натянула на трясину ледяной панцирь. Он сковал болото подобно гипсу, под которым скрыто месиво раскрошенных костей. Если бы не это, Эназерел не дожил бы до вечера первого дня после своего побега. Но сейчас шел уже третий день, как эльф был на свободе. Он понимал, что это невероятная удача. Эназерел еще ни разу не попался на глаза дубокракам. Успел залечь, первым заметив змеедерево – синее, тощее, очень голодное, судя по нервным, резким движениям гибкого ствола. Близнещипцы, слава Илуватару, к западу от лагеря не водились. На эту помесь ясеня со стальной бороной можно было наткнуться, только если направиться вглубь болота. Эназерел всегда подозревал, что капище и лагерь являлись лишь неким форпостом на краю Гниловрана, призванным защитить подступы к чему-то тайному и чрезвычайно важному для мандречен, спрятанному в сердце трясины.

Но сейчас эльф уже не думал ни о чем, и, с трудом передвигая ноги в стоптанных валенках, хотел только одного – чтобы ему *перестало* везти.

Он бежал из лагеря потому, что получил на завтрак двойную пайку. Это могло означать только одно. Где-то за месяц до зимнего солнцеворота жрецы бога Смерти отбирали кандидатов для очередного жертвоприношения из числа воспитуемых. Отобранных начинали кормить гораздо лучше, чем остальных, а недели за две до Мидинваэрна, который люди называли праздником Коляды, переставали выводить и на работы. Эназерел не хотел умирать, а смерть на жертвенном камне казалась потомку Воинов Льда особенно отвратительной и мерзкой.

Алая монетка солнца уже скатывалась к верхушкам деревьев. Эназерел понимал, что ходит по кругу, попав во власть каких-то чар. Он понимал, что если остановится, то здесь и умрет – у ледяной заструги высотой ему по пояс, острой, как гребень дракона, мимо которой он проходил уже пятый раз. Что смерть будет долгой и очень, очень болезненной. Мандречены не имели представления о настоящих морозах и представляли смерть от холода как погружение в сладостный сон, из которого нет возврата. Эназерел знал об этом из их песен, которые ему, как и других воспитуемым в Гниловране, пришлось выучить и петь каждый раз во время возвращения с лесоповала. Но эльф, родившийся на берегу Залива Вздыбленного Льда, где ночь и день длятся по полгода, знал правду.

Эназарел жалел только об одном – что не успел выдернуть нож из спины охранника и бросился бежать, спасаясь от собак. Если бы оружие осталось у него, можно было бы прекратить все эти бесполезные мучения. За тридцать лет в воспитательном лагере эльф привык к боли, и этим его нельзя уже было ни смутить, ни остановить. Страшнее боли было почти физическое унижение, которое испытывал Эназерел, ощущая, как его тело, послушное, гибкое, которым он так гордился, превращается в кричащий от холода и голода тупой кусок мяса.

И теперь смерть на жертвеннике казалась ему почти прекрасной.

Эльф с горечью посмотрел на голые, черные стволы вязов метрах в пятидесяти к югу, на кусты в лохматых снежных шапках. У него невыносимо ломило шею, словно Эназерел тащил на плечах упитанного ребенка – очевидно, продуло во время ночевки в пещере под

корнями мертвого дубокрака. Эльф сам не замечал, что опускает голову все ниже и ниже. Вдруг Эназерел остановился и моргнул. Вязы окутала темная дымка, а в следующий миг они исчезли. Растаяла и заструга; эльф увидел, что стоит у канавы, которая отрезает дорогу от леса. Заметил и саму дорогу, такую знакомую, родную дорогу на просеку, где воспитуемые валили лес.

Эназерел бросился вперед. Лед на канаве затрещал, но выдержал. Эльф уже видел отряд, медленно идущий по дороге в сторону лагеря. Отблески солнца играли на черных эбонитовых палочках конвоиров. Он понял, что дорога была окутана чарами, и кто-то открыл ему проход через барьер. Эназерел молился за своего неизвестного спасителя, и боялся, что у него хватит сил удержать разрыв долго.

– Почему замолчали? – гаркнул сержант Ванадей и потянулся за висевшей на поясе эбонитовой дубинкой. Легкая, хрупкая дубинка являлась сильным антимагическим амулетом. Одно ее прикосновение лишало чародея всего накопленного Чи, и, как следствие – способности колдовать довольно длительный срок. И уж лучшего оружия для того, кому приходится сторожить магов, не найти.

Егор поморщился. Он отслужил в Гниловранском воспитательном лагере десять лет, поднялся от старшего сержанта до капитана внутренних войск Мандры, и уже нюхом чуял, когда не стоит перегибать палку. Именно сейчас, когда все были взвинчены предстоящим отбором для жертвоприношения Ящеру, делать не следовало. Не успели волхвы назначить к жертвоприношению одного из воспитуемых, как он сбежал, убив двоих охранников. И Егор, и Ванадей попали в отряд, который жрецы послали на поиски. Люди провели незабываемую ночь на болотах, по колено в снегу, под неприятное гуканье и кряхтенье, которому в конце концов начали подвывать их собственные собаки. Хорошо еще, что на близнещипцы не нарвались, а то чудовища и положили бы всех охранников в темноте.

– Возвращаться с работы положено с песней! – крикнул Ванадей.

Егор заметил, что на повороте воспитуемые замедляют шаг, и головы у всех поворачиваются в сторону заснеженного болота. Он прошел вперед и увидел, наконец, что послужило причиной молчания.

– Осади, – сказал Егор негромко.

Ванадей засопел, но промолчал. Тут и он заметил эльфа, бредущего вдоль дороги. Ноздри сержанта хищно зашевелились – стали видны жесткие черные волосы, растущие в них.

– Господин капитан! – сиплым от волнения голосом произнес Ванадей. – Так это же ентот… беглый… Номер шестьсот восемь! Заблудился, видать, сюда вышел… Разрешите задержать?

Он уже стоял на обочине, подсигивая от нетерпения.

– Ну, задержи, задержи, – ухмыльнулся Егор.

Ванадей не прослужил в Гниловране еще и месяца, и поэтому всех особенностей лагерного быта не знал. Он недоверчиво посмотрел на капитана и шагнул вперед, чтобы спуститься к канаве. Пространство вокруг Ванадея засияло черными, изломанными зигзагами. Сержант отлетел обратно на дорогу, чуть не сбив с ног двух воспитуемых.

– Продолжать движение, – приказал капитан, не повышая голоса.

Сидхи двинулись дальше. Егору не понравились глаза того из них, что был повыше. Видел он уже такие глаза… Воспитуемый явно что-то задумал. Ванадей, кряхтя, поднимался. Сержант надул губы, как обиженный ребенок.

– Дорога зачарована, – сказал Егор. – Ты думал, мы их караулим? Укараулишь их, как же… Здесь для этого дубокраки, реснисосны, крабомары, ну и близнещипцы, ясно дело. Мы здесь, брат, для поддержания порядка – и только.

Лайтонд украдкой посмотрел через плечо. Один из охранников с трудом поднимался из растоптанного в кашу снега, неуклюжий в своем толстом ватнике. «Их форму и нашу шьют

по одной мерке», в который раз подумал Лайтонд. – «И они вместе с нами перевоспитываются, только мы ходим строем, а они охраняют этот строй… Но какая разница? Мы наказаны, и знаем за что; а за что наказаны они?».

Второй охранник, Игор, как его звали эльфы, объяснял новичку, имени которого Лайтонд еще не запомнил, что с дороги сойти нельзя – она завернута в колдовство, как изящная ваза в слои бумаги. Этих слоев было столько, что пробить их было не под силу даже Лайтонду, волшебнику седьмого класса, Верховному магу Фейре.

Хотя…

Сплетенная из Цинн стена отбросила нового охранника, из-за которого Эназерелу пришлось бежать. Лайтонд увидел, как пошли круги по ткани заклятий, словно от брошенного в воду камня. Не задумываясь, он бросил в то же место Черного Комара – так называлось заклятье, впитывающее в себя Цин в любом виде. Оно ослабляло мощность магических сетей. Игор сурово глянул на Лайтонда, будто почувствовав что-то. Но это было невозможно – мандречен не обладал способностями к магии. Эльф подождал, чтобы Игор прошел вперед, и метнул в защитный барьер, отделявший дорогу от леса, Булаву Гнева – так некроманты, у которых он позаимствовал этот прием, называли направленный удар Цин. Для того, кто мог видеть мертвую силу, этот сгусток Цин, состоящий из особым способом скрепленных линий, очень походил на оружие былинных мандреченских богатырей. В волшебном ограждении расплылась дыра.

Лайтонд смотрел на нее с чувством радости и удовлетворения. Он не ожидал, что у него получится.

Эназерел тоже заметил разрыв в магическом щите – эльф со всех ног кинулся через канаву, вдоль которой до этого бесцельно брел.

– Что за… – услышал Лайтонд удивленный голос Игора.

В следующий миг эльфа скрутила боль – новичок сообразил, в чем дело, и огрел Лайтонда дубинкой. Эльф согнулся и заорал благим матом. Он давно перестал быть сдержанным героем, о котором на севере слагали песни. Тем эльфом, что был способен не мигая смотреть в глаза дракону так долго, что чудовище первым отводило взгляд. В воспитательном лагере драконов не было. Охранники, все как один кривобокие и рыхлые, больше походили на головы огромной гидры, вылепленной из дерьма. Среди них были мастера сломать любую выдержку, и эльфов сдержанных и стойких они встречали с восторгом. Сохранить себя можно было, лишь перестав дразнить их.

Рядом раздался еще один хриплый вопль – Ванадей ударил перебравшегося через канаву Эназерела.

– Что теперь с ними делать, господин капитан? – осведомился новичок.

– Волхвы решат, – ответил Игор. – Я думаю, они отдадут их Ящеру… Девятьсот Пятый, Шестьсот Восьмой! – добавил капитан. – Шагом марш!

Эльфы побрели рядом по дороге.

Трехгранная стела идола на холме, вокруг которого и раскинулось капище, была уже отлично видна. До воспитательного лагеря – кучи грязных домиков у подножия холма – оставалось рукой подать.

I

В 824 году от Дня Наказания за Гордость Разума на главной площади Мир Минаса появился памятник из серого глоссдольского мрамора. Лыжник и двое детей – один стоит перед ним, второй выглядывает из заплечной сумки. Памятник принес жителям города много смущений и огорчений. На вопрос гостей и путешественников:

– Кто здесь изображен?

Еще можно было ответить:

– Это Каоледан, глава Нолдокора Мир Минаса, и его младший брат Тиурику – военный комендант нашего города. Оба прославились своей мудростью и мужеством.

Хотя даже Каоледан и Тиурику не знали, приходятся они братьями друг другу, или нет. Матери у них были разные, это глава Нолдокора Мир Минаса и военный комендант города помнили хорошо.

– А лыжник – кто это? – продолжали допытываться заезжие купцы.

На что получали неохотный ответ:

– Это Реммевагара.

А что еще сказать об эльфе, который расстался с жизнью на этой самой площади двадцать пять лет назад по приговору суда, как профессиональный вор и убийца?

– Реммевагара? Звездный Рыцарь? Так отец братьев из эльдар? А так похож на мандречена! – удивлялись гости. – А братья выглядят ну как чистокровные темные эльфы!

На это жители Мир Минаса обычно отмалчивались. Прозвище спасителя братьев переводилось не «Звездный», а «*Звездатый* Воин».

– Звездный рыцарь? Эльдар? – говорили другие. – Но обычно памятники им ставят лицом на юг.

Это было тоже верно. Воинов Льда ставили лицом к стране, некогда захваченной ими, изгнавшей пришельцев, но не забывшей унижения и в отместку до сих пор оставлявшей на теле Фейре болезненные укусы. Памятник Реммевагаре смотрит на запад.

Вор и убийца, принесший Каоледана и полугодовалого Тиурику в Мир Минас, глядит на восточный склон Эммин-ну-Фуин. В ясную погоду покрытые лесом склоны кажутся мохнатой спиной неведомого чудовища, да ущелье Дункелайс ухмыляется серым щербатым ртом. Там, чуть выше одинокого скального утеса, высечены семнадцать имен в два столбика – по двенадцать и пять. Столбики соединяет фраза, которую многие темные эльфы могли бы прочесть. Но понять смысл написанного мог бы только боремец.

Реммевагара умер неграмотным; для жизни ему хватило умения быстро считать. Но надпись на скале появилась раньше, чем он умер, и неграмотный полуэльф знал, что она означает. Это было заклинание на неречи, успокаивающее мертвых. Жившие неподалеку от Дункелайс серые эльфы убедились в том, что боремцы мстят даже мертвые, когда в праздничную ночь пламя пожрало деревню Фаммирен, что звалась еще Грюн Фольбарт. После чего выжившие скинулись и заплатили некроманту, чтобы он связал духов, и на горе появилось заклинание.

Но то ли некромант на уроках в Зойберкунстшуле больше заглядывался на очаровательных соседок, чем слушал учителя, то ли духи оказались слишком могучими, чтобы он смог связать их совсем.

И до сих пор иногда, в прозрачных осенних сумерках, когда небо и душу наполняют все оттенки серого, в небе над утесом можно увидеть две фигуры.

Химмельриттера на гросайдечи и назгула на жуткой летучей твари, для которой не нашлось имени ни в одном языке мира. Они кружат над утесом, бок о бок, неспешно поднимаясь и опускаясь в потоках воздуха.

И Реммевагара знает – иногда они даже беседуют. Химмельриттер говорит, что ход истории мира зависит от нелепых и смешных случайностей. Кто бы мог подумать, что пожар в Фаммирен был отзвуком из будущего, когда запылала вся Мандра? Назгул молча кивает. Он мог бы рассказать, как это сладко и страшно – находиться под властью могучего артефакта. Но назгул молчит, боясь потерять своего единственного собеседника, и переводит разговор на другое.

Смерть – это же так скучно. В ней, как никогда, необходим достойный компаньон.

Моруско отвел ветку рябины с тяжелыми алыми гроздьями, шагнул вперед и почти по пояс провалился в сугроб. Император Мандры назначил встречу на пустынном берегу Шеноры, напротив острова Акэе. Он проделал путь по воздуху и не подумал о том, каково будет добираться королю темных эльфов через заснеженный лес. На три версты, отделявшие точку рандеву от Келенборноста, у Моруско ушел весь короткий зимний день, возвращаться предстояло в темноте. Но не это тревожило короля – как и все темные эльфы, он видел

ночью лучше, чем днем.

Эльф вышел на обрыв. Император уже ждал его. На фоне снега силуэт дракона казался вырезанным из черной бумаги. За его спиной высилась мохнатая шапка острова. На острове Акэе росли сосны, огромные, с великолепной твердой древесиной. Таких деревьев не осталось больше в Мандре. Раньше они встречались в Бурой Пуще на левом берегу Шеноры. Полане пустили их на корабли, а местность теперь называлась Бурая Пустошь. Разница между новым и старым названием заключалась всего в одной руне.

– А, вот и ты, – сказал Черное Пламя.

Снегирей, возившихся в ветвях сосен, вспугнул его раскатистый голос. Птицы взметнулись над островом, словно язык пламени.

– Зачем ты позвал меня, Морул Кер? – спросил Моруско.

Таков был вольный перевод прозвища дракона, настоящего же имени императора Мандры никто из эльфов не знал.

– Будешь опять угрожать и требовать, чтобы я приказал моим подданным сложить оружие? – продолжал король. – Я устал повторять тебе, что Железный Лес никогда не принадлежал никому, кроме темных эльфов. И я устал повторять, что после того, как ты заставил меня подписать договор о добровольном присоединении к Мандре, темные эльфы больше не считают меня своим королем…

– Это я устал от твоих отговорок! – взревел Черное Пламя. – Лихой Лес – мой, кому бы он ни принадлежал раньше! Но я вижу, ты не понимаешь, когда с тобой говорят по-человечески. Я позвал тебя, чтобы кое-что показать.

Дракон повернул голову к острову. Из пасти императора Мандры вырвался длинный язык пламени. Моруско вскрикнул, когда огонь упал на лес. Зашипел, вскипая, снег. Сосны запылали, как тонкие свечки. Король вскинул руки. Сияющая голубая сфера вылетела из его ладоней, разбухла и накрыла собой остров Акэе.

– Ты думал, что сможешь шантажировать меня? – презрительно обронил Моруско.

Сфера сменила цвет на черный, задрожала и лопнула. Языки пламени с ревом вырвались из-под нее. К небу поднялся столб дыма. Король побледнел.

Дракон засмеялся.

– В каком сыром дупле тебя обучали колдовать? – осведомился Черное Пламя. – Дыхание истинного дракона потушить нельзя, уж это-то ты должен был знать. А теперь представь, если драконы подуют на Лихой Лес с четырех сторон…

– Ты не сделаешь этого, – хрипло сказал Моруско. – Подумай сам, Морул Кер. На выжженной земле не останется никого, кто платил бы тебе налоги песцовыми шкурками, соболями и серебром…

Что-то мелькнуло в глазах дракона. Если бы король темных эльфов не был так ошарашен, он бы узнал безумие и боль – с некоторых пор эта парочка стала и его частыми гостями.

– Сделаю, – отвечал император Мандры. – Земля, удобренная пеплом, чудесно плодоносит. Я поселю здесь более покорных подданных. Я поселю здесь людей! А рудники огонь не затронет… Тебе решать, Моруско. Ты должен выдать мне главарей партизан не позже Коляды, или твой лес вспыхнет, как праздничная елка!

– Смилуйся! – закричал Моруско. – Ты даешь мне всего три недели, а ведь отряды Ежей рассеяны по всему Железному Лесу! Я не успею, Морул Кер! Дай сроку хотя бы месяц!

– Я все сказал, – отрезал император Мандры. – Ты хитер, как лис, но если главари Ежей в день Коляды не будут в Келенборносте, в цепях, я подпалю твою шкурку, и она и вправду станет черной! [1]

Дракон расправил крылья. В лицо эльфу полетела снежная крошка. Потоком воздуха Моруско едва не сбило с ног. Черное Пламя взмахнул крыльями и спланировал с обрыва.

---

[1] Моруско – «Черный Лис»

Дракон вышел из пике над самой поверхностью реки. Огромное тело на миг заслонило пылающий остров.

Когда эльф снова увидел Акэе, огонь уже погас.

Моруско смотрел на изуродованные черные стволы и плакал, хотя еще с детства знал, что нет ничего более глупого и болезненного, чем рыдать на морозе.

Холодное дыхание Раксэ Хэлка убило недолгую оттепель. Реммевагара снял кожаные калоши еще в Жемчужной Капле и нес их теперь в заплечной сумке. Следы от валенок не оставались на твердой корочке наста, а тонкие порезы от полозьев саней ничем не отличались от рубцов, оставленных ветром. Эльф основательно закупился на деревенском рынке. На санках лежали тщательно укутанный, чтобы не заморозить, мешок картошки, увесистая пачка табаку, бочонок квашеной капусты, четыре килограмма пороха, пачка картона, соль, сахар, две корчаги вина, коробочка с разноцветной гуашью, деревянный солдатик, яркая погремушка и четыре книжки. Сыр и творог партизаны сами делали из молока – у них были две козы и одна корова. Сами же добывали и мясо – охота была одним из немногих зимних развлечений отряда Кошмары, как называли грозную предводительницу люди и серые эльфы. На самом деле предводительницу отряда звали Махой, а происходила она из рода Морриганов, издревле владевшего местностью к югу от Дункелайс. Перед нападением на мандреченский обоз Маха всегда раскрашивала лицо жуткими красками. Ее этому научила сестра Че, друидка. Она покинула безопасное становище в сердце Железного Леса ради настоящей борьбы с захватчиками. Сестра Че утверждала, что определенное сочетание красок и расположение полос делают партизан не убийцами, а проводниками воли бога, жертвенными ножами и остриями лап Великого Паука. Она собственноручно разрисовывала лица всем Ежам из отряда перед выходом в рейд, бормоча молитвы. Реммевагара вырос на юге Железного Леса, где поклонялись Матери Рябине, и относился к ритуалу скептически. Но смыв гуашь, партизаны могли разгуливать хоть по самому Бьонгарду, не боясь быть узнанными в лицо, да и кожа не трескалась от мороза под толстым слоем краски. И еще ни один из отряда Кошмары не умер от черной опухоли. В момент смерти чужая Цин переходит в ауру убийцы; и она никогда не усваивается, а оседает во внутренних органах и раньше или позже превращает их в опухоль, пожирающую все тело. Черная опухоль была болезнью профессиональных убийц, которыми, как ни крути, и являлись партизаны.

Зимний день короток. Ожерелья сосулек на березах и величественных елях последний раз вспыхнули драгоценной бирюзой, алыми рубинами и ослепительными хризобериллами в лучах заката, и серые, как паутина, сумерки, окутали лес. Реммевагара заторопился. Узкие, кошачьи зрачки и способность видеть ночью Мелькор подарил только тем, кто помогал ему – темным эльфам. Мать же Реммевагары была звездной эльфкой, приехавшей в Железный Лес после развода. Отцом ее ребенка был мандречен, что нередко случалось во время правления Черного Пламени – единственного властителя за всю историю обитаемого мира, признававшего смешанные браки. Причина подобной терпимости была проста – дракон сам был женат на мандреченке.

Реммевагара совсем не хотел заблудиться в темноте или нарваться на вышедшего на охоту каменного тролля. Увидев впереди и чуть слева черную пасть ущелья, партизан облегченно вздохнул и прибавил шагу. Снег под полозьями санок заскрипел веселее. Реммевагара же никак не мог выкинуть из головы новость, что услышал на рыночной площади… и дважды из-за этого чуть не сбился с пути. Потому и пришел так поздно.

Перед входом в ущелье полуэльф остановился, телепатически просканировал местность. Проход в крохотную горную долину, где находился Дом партизан, был нашпигован магическими ловушками. Каждый воин отряда Махи научил Глиргвай и Квендихен тому немногому, что знал и умел сам, и здесь девушки постарались от души. «Ночные иглы» и «розовые слезы» соседствовали с волчьими ямами, в которых магии не было ни на фарлонг, но на дне их стояли крепкие острые колья. Реммевагара обнаружил

Глиргвай в крохотной сторожевой башенке на противоположном конце ущелья. Эльфка лежала, обняв пулемет, и, как показалось ему в первый момент, крепко спала. Партизан чуть не застонал от отчаяния. Достучаться до разума спящего телепатически было невозможно, а пройти ущелье в темноте он бы не смог. «Глира!» вложив в импульс всю свою Чи, мысленно крикнул Реммевагара.

Йоханн сразу сказал, что лис пытается увести их от норы. Вольфганг разделил отряд на две группы, и одну во главе с Йоханном послал за лисом, а сам с ребятами принялся прочесывать окрестности. В летнем лесу было душно. Комары нещадно жрали шею и запястья между латной рукавицей и кольчугой, но Вольфганг ничего не чувствовал, охваченный тем особым предчувствием крупной добычи, которое его никогда не подводило.

Они с Карлом заметили нору одновременно. Вольфганг думал, что там сидит самка с лисятами. Когда бланкблютеры подняли пласт дерна Резаком Айби, под ним оказалась одна лишь лиса – слишком крупная для того, чтобы быть *настоящей* лисой. Облезлая, с огромным животом. Лиса пыталась драться. Ее магии хватило на то, чтобы сильно обжечь двоих воинов, но ребята Вольфганга ее взяли. Когда оборотня тащили из норы, она перекинулась, и умоляла о пощаде голосом, так похожим на человеческий. Ребята Вольфганга уже навидались этих выродков, чтобы знать – это все обман. Истинная природа оборотней – звериная, а звери созданы Воданом для того, чтобы на них охотились. Но лиса все еще на что-то надеялась, говорила об их матерях, когда из-за спин ребят, усмехаясь, вышел Вольфганг.

– Бёзмюль… – мертвым голосом прошептала она.

Так оборотни прозвали Вольфганга. Больше пойманная женщина ничего не говорила, только орала, скулила и выла. Карл изловил ежа, на свое горе очутившегося рядом с бланкблютерами. Вольфганг вспорол брюхо лисе – ребята крепко держали ее за лапы, а мерзкая тварь орала так, что с ближайшего дуба только что листья не осыпались. Командир бланкблютеров вырвал из раскрытого чрева окровавленный, безволосый липкий комок. Он разбил голову звереныша о дуб, бросил тельце себе под ноги и растоптал его в алую кашу. Крохотные белые косточки хрустели под ногами, смешиваясь с сухими иголками и птичьим дерьмом. Вольфганг засунул ежа в сочащееся темно-алым отверстие и заклинанием заставил рану закрыться. Затем, согласно ритуалу Очищения, оборотню отрубили руки. Карл остановил кровь Клеймом Варна, иначе потеха закончилась бы слишком быстро. Бланкблютеры сели кружком, слушая последнюю песню последней лисы Фюхсвальда.

Группа Йоханна не вернулась до заката, и он не отвечал на попытки Карла выйти на телепатическую связь. Видно, группа в азарте погони ушла слишком далеко. Вольфганг и его ребята заночевали на полянке с разоренной норой – очередным символом Очищения Боремии от жалких пародий на человека.

Лезвие тонет в мехе, и кровь проступает не сразу. Из желто-красных внутренностей показывается крошечная головка, кожа на ней сморщена от воды. Ребенок открывает глаза и смотрит на меня… О боги… Головенка разлетается – я взял его за ноги и вырвал из теплого чрева еще живой матери, и разбил хрупкий череп о дерево.

Да, все это делаю я, Вольфганг фон Штернхерц, которого мать в детстве звала Вольфи.

А теперь меня зовут Бёзмюль. Пока я не встретил того некроманта, я думал, что все понимаю. Для несчастных оборотней я действительно Мельница Зла – та самая ручная мельница, что крутят бесшабашные норны. Из-под жерновов этой мельницы на оборотней последнее время сыплются одни несчастья.

Нет, Бёзмюль – не я. Как выяснилось, бёзмюль – это даже не имя собственное. Я сижу над левым плечом этого ублюдка, скованный линиями собственной перекореженной ауры и не могу даже пошевелиться. Бланкблютеры считают его сильным магом, потому что никто, даже Карл, не может прочесть ауру Бёзмюля – все видят только бессмысленный вихрь вспышек. Йоханн презирает начальника и боится одновременно. Он знает мою настоящую

фамилию… и не понимает, что наследник самых крупных угодий Боремии делает вместе с ними – швалью и голытьбой, пришедшей в отряды Очищения за своим куском земли, пусть он даже будет размером с эту полянку. Если выкорчевать Фюхсвальд, здесь смогут прокормиться пять деревень и два города таких вот Йоханнов и Карлов. Но прежде, чем корчевать лес, надо выкорчевать тех, кто сидит на этой земле, как собака на сене – старый род лис-оборотней.

Я не могу ничего изменить, это тело повинуется не мне. Я могу лишь наблюдать, и не могу отвернуться. Некромант, эта тварь, которых чураются даже их учителя, демонстративно встал из-за стола… На вопрос бёзмюля о причинах подобного неуважения маг, усмехнувшись, предложил побеседовать наедине. Во дворе он сказал, что Вольфганг фон Штернхерц – уже не человек, а кукла, которой управляет Локи. Таких кукол и зовут *бёзмюлями, мельницами зла* … А правила ордена некромантов запрещают им сидеть за одним столом с куклами, которые прикидываются людьми. «Даже у самого тупого некрома, оживленного на третий после похорон, больше собственной воли и мозгов, чем у тебя, бёзмюль», сказал маг и плюнул в лицо. Некромант был прав, и за это бёзмюль хотел убить его; но маг чуть шевельнул рукой, усмехаясь… Бёзмюля приложило об стену трактира, а когда он очнулся, некроманта уже и след простыл.

Локи – бог предателей и трусов. Но я никого не предавал, да и трусом не был.

Или…

Но почему? Как я очутился здесь, над левым плечом?

Раньше мне казалось, что если я найду ответ, то смогу все исправить. Я смогу вернуться в свое тело и…

Но я забыл, что «и».

Я уже не ищу ответа, потому что знаю – он ничего не изменит.

Бёзмюль засыпает. Все, что у нас с ним есть общего – это сны, и странные, зыбкие голоса из прошлого, но ему везет больше – он не помнит, что ему снится и забывает, что шепчет ему память.

А я – помню.

И слышу.

Сегодня у него был удачный день, и поэтому ночь наверняка будет переполнена кошмарами…

Вольфи не сводил глаз с оранжевой горизонтальной линии, делившей яйцо пополам. Вторая линия, зеленая, перечеркивала яйцо дракона от основания до макушки. Вольфи слышал легкое потрескивание скорлупы. С минуты на минуту яйцо должно было расколоться; только вместо одного дракона из него должны были вылупиться четверо. Они никогда не сравняются в размерах со своими дикими сородичами, рожденными не в Инкубаторе; но именно они, летающие ящерицы, гросайдечи, удерживают вечно голодных драконов Пустоши вдали от городов родной Боремии.

Линии на скорлупе засияли так, что стало больно глазам, и яйцо с грохотом развалилось на четыре части. Вольфи и еще трое будущих небесных наездников бегом бросились к осколкам – первым в этом мире гросайдечь должна была увидеть своего хозяина. И вот Карл уже держит на руках огромную золотистую ящерицу, мокрую и дрожащую; Йоханн, присев на корточки, гладит по голове свою гросайдечь, нетвердо стоящую на ногах… Вольфи откинул тяжелый кусок скорлупы, измазанный засохшим драконьим пометом.

На мальчика обрушилась лиса. Она была мертва, на оскаленных зубах застыли кровь и слюна. Вместо передних лап у зверя торчали культяпки, а живот был в мелких дырочках, в которых застряли изломанные иглы пытавшегося освободиться ежа.

…. Химмельриттеры? Папа не разрешит тебе, Вольфи. Да и тебя могут не принять, там нужны способности. Да, гросайдечи очень красивые…. Сынок, ты же не оставишь

маму одну?

Цитадель основана безродным ублюдком, и набирают туда всякий сброд. Почему? Потому что половину из них давят гросайдечи при рождении, а вторая половина гибнет на патрулировании. Драконы сжирают твоих ненаглядных химмельриттеров вместе с костями и дерьмом… Что ты сказал? Прокляну и лишу наследства. Пошел вон.

Вольфганг открыл глаза, рванулся, и остатки сна вылетели у него из головы. Командир бланкблютеров вдруг понял, что не может пошевелиться… и это чувство показалось ему странно знакомым. Серый, как двухнедельные портянки, рассвет, озарял труп лисы на дубе и трупы бланкблютеров вокруг дерева. От ребят мало что осталось – огромный лис, передними лапами прижимавший командира бланкблютеров к мокрой от росы траве, сделал все, от него зависящее, чтобы опознать кого-то в этом рагу из кольчуг, ног и обгрызенных черепов было невозможно. На левом боку зверя шерсти не было – были лишь черные, обугленные струпья.

Йоханн тоже сделал все, что мог.

Но этого оказалось недостаточно.

«Ты спрашивал, почему?», телепатировал лис Вольфгангу.

– Я ни о чем не спрашиваю тебя, тварь! Убей меня, выродок! – Вольфганг хотел крикнуть, но не узнал своего голоса – получился тонкий, почти детский истеричный выкрик.

Оборотень фыркнул ему в лицо, обдал зловонной слюной.

«Ты сам себя убиваешь, непрерывно, беспрестанно… Как поется в той колыбельной, что звучала и над твоей кроваткой, храбрец умирает лишь однажды, а трус умирает тысячу раз каждый день…. Ты говоришь, ты никого не предавал? А себя самого? Ты предал свою мечту, ты струсил. Ты не хотел лишаться наследства. А еще, ты боялся потерять любовь. Но ты знал, что мать тебя не любит. Потому что не умеет любить. Она поэтому и ушла от нас к людям – с вами ей было легче, с вами, в области чувств недалеко ушедшими от деревянных кукол… Но ты боялся лишиться и этой жалкой декорации, этой кукольной имитации любви, которую имел…»

– А тебе бы спектакли ставить, – прохрипел бёзмюль. – Монолог хорош, куда там скальдам… Декоратор в паленой шкуре…

«А я и поставлю. Мой первый спектакль будет называться „Волчонок“, сообщил лис.

Воздух вокруг них задрожал, заискрился. К горлу Вольфганга подкатила тошнота.

«О нет, я не убью тебя. Посланника бога может остановить только бог. Куда уж мне, жалкой пародии на человека, тягаться с богами. Но я могу закрутить жернова в другую сторону…».

Зеленые листья дуба стали светло-серыми. Вольфганг вдруг ощутил, что лису, стоящему над ним, семь с половиной лет. Бёзмюль понял, что источником знания был запах тела зверя, и истошно завопил. Вольфи хотел крикнуть «нет», но смог только нечленораздельно зарычать…

«Ты никогда не думал, ***почему*** *ты так легко находишь наши норы? Почему мать бросила в огонь роскошную волчью шубу, которую подарил ей отец? Оборотни учатся менять облик с самого детства, и с непривычки тебе будет трудно… Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь снова стать* ***человеком*** *, Вольфи… Но бёзмюлем тебе больше не быть. Никогда»*

Лис отступил, и Вольфганг вскочил на четвереньки. Лис несколько секунд смотрел на стоящего перед ним волка, с одурелым видом нюхавшего собственные лапы. Лис думал, что теперь волк убежит. Но перед ним стоял потомок тех, кто утопил Звездных Рыцарей в их собственной крови. Волк поднял морду и пристально посмотрел лису в глаза, вызывая на бой. Лис вздыбил шерсть на хребте и громко тявкнул. Волк хлестнул себя хвостом по бокам, присел, собираясь для прыжка…

И увидел дрожащие в туманной дымке контуры Мглистых гор.

Гор, отделяющих Боремию от Экны. Страны, где не смотрят, человек ты, оборотень

или горный тролль, и оставляют в живых всех, кто признал милосердного Барраха.

Гор, в которых спряталась Цитадель, основанная безродным ублюдком, научившимся делить драконье яйцо на четыре части…

И остановился.

«Возможно, когда-то я скажу тебе спасибо за то, что ты со мной сделал», телепатировал волк. Он отвернулся от лиса и направился к восточному краю поляны. – «Даже жертву богам за тебя принесу… Но не сейчас».

Волк исчез в кустах. Солнце заглядывало ему в глаза – и удивлялось, вместе со старым лисом, на правом боку больше никогда не будет расти шерсть.

Лис пошел в другую сторону – его путь лежал на юго-запад, где Боремия граничила с Мандрой. Там законов о чистоте человеческой расы не принимали.

Пока.

Вольф закричал и сел на кровати. «О Водан, за что мне это», думал он, вытирая мокрый лоб смятой простыней. – «Ведь я давно искупил все, что сделал тогда… Я вывел всех оборотней, кто еще оставался в живых, спас всех, кого смог найти. Они все в Экне, я не скажу, что аулы оборотней процветают, но ведь и никто не голодает. Я принес благодарственную жертву за Рейнарта, короля лис… Я больше не Вольфганг фон Штернхерц, я старший химмельриттер Вольф… За что ты посылаешь мне эти сны?».

Он услышал всхлип – короткий, детский – и повернулся. Красавица Брунгильда, которую Вольф чудом не разбудил, когда метался в кошмаре, плакала во сне.

И тут старший химмельриттер Вольф понял, что вовсе не Водан наслал ему сегодняшний сон. Вольф готов был поклясться, что стон и плач сейчас слышен в каждой спальне Цитадели, и не только. Часовые на стенах наверняка тоже боролись с кошмаром, сжимая в руках алебарды и луки…

Он осторожно потряс Брунгильду. Воздушная наездница открыла глаза, мутные от ужаса. Вольф подал ей кольчугу. Чудесную кольчугу Брунгильды, серебристую, столь мелкого плетения, что она была похожа на свитер, которые носят на севере Фейре. Она действительно была связана, а не выкована – связана из затвердевшей слюны гигантского паука, из которой чудовища плетут свои сети. Так, по крайней мере, утверждал торговец, у которого Брунгильда приобрела кольчугу. На вороте и плечах были мифриловые накладки с эмалью в виде лиловых колокольчиков и желтых ромашек. Чар на кольчуге было едва не больше, чем колечек – Вольф постарался, и теперь даже при ударе секирой тело воздушной наездницы не превратилось бы в фарш.

– Одевайся, – сказал Вольф. – Пора на бой.

Глаза оборотня горели красным. Он криво усмехнулся:

– Но кажется мне, что этот бой мы уже проиграли….

Наездница гросайдечи поднялась, натянула кольчугу поверх кружевной ночной рубашки.

– Я готова, – хрипло сказала она.

Башенка была наглухо защищена от всех ветров, но не отапливалась. Да пару щелей в каменной кладке пришлось оставить – для тонкого, длинного, похожего на хобот гигантского комара ствола пулемета, и для стрелка – чтобы видеть, куда стрелять. Впрочем, Глиргвай не мерзла. Волчий полушубок и шерстяные штаны, а так же заклинание Сферы Тепла, которым она окружила себя, вполне решили эту проблему. Сменив Моркобинина на посту, девушка проверила поворотный механизм пулемета, смазала его, посмотрела, легко ли ходит патронный диск, и накрутила около сотни патронов. Тиндекет, владелец пулеметов – того, что стоял сейчас в сторожевой башенке и второго, находившегося над входом в Дом Ежей – всегда говорил: «Не знаешь, чем заняться? Накрути патронов». Сам Тиндекет никогда не рассказывал об этом, но Хелькар как-то обмолвился, что эльф заплатил за волшебное оружие половиной своей жизни. Морана, богиня Смерти и Зимы, выпила из

Тиндекета половину его Чи. Партизаны редко пользовались пулеметами – они были слишком тяжелы для того, чтобы таскать их с собой по лесу, но почти каждую зиму кому-нибудь в Жемчужной Капле приходило в голову подзаработать на головах преступников. Глиргвай этому не удивлялась и не злилась, в отличие от Квендихен. «Ведь мы защищаем их», со слезами в голосе говорила подруга, рассекая трупы, чтобы скормить их Дому. «Если бы не мы, здесь давно бы хозяйничали мандречены. Они вырубили бы весь лес, увезли бы пауков, чтобы показывать их в цирках, опустошили бы рудники…». Квендихен повторяла слова Моркобинина, своего возлюбленного, за которым увязалась в одном из кабаков. До судьбоносной встречи Квендихен была трактирной певицей, и политикой не интересовалась вообще. Она с равным удовольствием исполняла под заказ посетителей и протяжные песни мандречен, и арии из опер серых эльфов, изобилующие цветистыми сравнениями, и суровые песни эльфов темных, отличающиеся рваным ритмом и скупостью поэтических оборотов. Но маленький, ворчливый, похожий на медвежонка Моркобинин чем-то сумел покорить сердце избалованной актрисы. Глиргвай догадывалась, чем именно. Если бы она оказалась на месте Квендихен, она бы не стала повторять ничего не значащие слова о политике – она бы установила небольшого идола в виде фаллоса и во время отлучек Моркобинина смазывала бы его соком грецких орехов, петрушки или, на худой конец, сырым яйцом. Как-то Глиргвай поделилась своими мыслями на этот счет с Хелькаром. Эльфка думала, что он засмеется, но тот печально улыбнулся и сказал: «Я чувствую и свою вину в том, что ты выросла такой циничной». Но так или иначе, Квендихен была хорошей подругой. Она научила Глиргвай играть на лютне и петь, а так же пользоваться тушью не только для того, чтобы чернить глазные впадины перед боем. Поэтому Глиргвай помалкивала, когда на Квендихен находило желание порассуждать о политике. Певица сделала себе под грудью наколку в виде черной стрелы, хотя понимала, насколько это опасно. За голову Махи давали сто золотых далеров; голова Квендихен оценивалась в пятнадцать, а сама Глиргвай, как ей недавно удалось узнать, стоила, по мнению мандречен, двадцати пяти.

Но голова Черной Стрелы, ненаследной принцессы Железного Леса, чей отряд контролировал большую область на юге, была оценена в двести далеров.

Зима – время безысходной тоски. Она отупляет и заставляет забыть боль прошлых ошибок. Иногда охотники за головами приходили из очень отдаленных мест, но конец всегда был один и тот же. Тиндекет называл это «крутить диски». Гостям не удавалось придти нежданными; партизаны успевали перетащить в ущелье второй пулемет, и установить его в незаметной пещере над входом в ущелье. Один поворот диска занимал полторы минуты и съедал пятьдесят патронов. Прошлой зимой Тиндекет впервые разрешил Глиргвай покрутить диски вместе с ним. На втором пулемете всегда сидел Моркобинин, и в ту зиму с ним была Квендихен.

Им пришлось отстреливаться в течение получаса, на этот раз пришла не ватага, а маленькая армия. Через пятнадцать минут пулемет разогрелся так, что стрелки обжигали себе руки, касаясь механизма смены диска. До весны девушки проходили с лубками на руках – они сожгли кисти до живого мяса, до костей. Квендихен, надышавшаяся порохового дыма, долго кашляла.

Но в этот раз дежурство прошло спокойно до самого вечера. Когда начало темнеть, Глиргвай забеспокоилась. Реммевагара, отправленный в Жемчужную Каплю за покупками, давно уже должен был вернуться, но его все не было видно. Полуэльф не нашел бы дороги к долине в ночном лесу. Глиргвай обняла ствол пулемета и погрузилась в поисковый транс, которому ее обучила сестра Че.

Землянка Черной Стрелы была теплой и сухой. Лежанка, сколоченная из сосновых досок – просторной. Да и тюфяк был набит не соломой, как у остальных партизан, а гусиным пухом. Но после смерти Эарона лежанка казалась эльфке слишком просторной, тюфяк – комковатым. По вечерам Ваниэль долго не могла заснуть, несмотря на изнурительные дневные рейды по лесу. Она лежала, вдыхая горьковатый запах смолы, и нежный звон

магического шара даже обрадовал ее.

Ваниэль села, всунула ноги в валенки и подошла к столу. Никто очень давно не выходил с ней на связь; она пользовалась магическим шаром как пресс-папье для карт и бумаг. Сейчас хрустальный шар светился нежным молочным светом. Эльфка коснулась его рукой, и в прозрачной глубине появилось лицо матери. Ваниэль нахмурилась.

– Вани, прошу тебя, не разрывай связь! – воскликнула королева Ниматэ. – Выслушай меня!! Вы с братом должны бежать из Железного Леса, бежать как можно быстрее. В конце концов, у тебя есть предназначение, и ты должна сохранить себя для него!

– Это что-то новенькое, – пробормотала эльфка и опустилась на табуретку. – Обычно ты предлагаешь мне вернуться домой.

Королева Ниматэ ответила. Ненаследная принцесса темных эльфов слушала. Слушала долго.

К облегчению Реммевагары, эльфка зашевелилась, села и ответила: «И вовсе незачем так орать, я все прекрасно слышу».

«Деактивируй ловушки, я пройду», передал он.

«Я проведу тебя», отвечала Глиргвай. – «Подожди».

Она прикрылась магическим щитом и исчезла из башенки и из ощущений Реммевагары. Эльф вздохнул и сел на санки. Темнота вокруг сгущалась. Так вода в стакане становится все черней по мере того, как в нее добавляют краску. Реммевагара от нечего делать счистил снег с валенок.

Глиргвай появилась из темноты бесшумно – черная фигурка на сером фоне, словно в театре теней. Реммевагара вздрогнул. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, если учесть, кто учил Глиргвай подкрадываться. Хелькар подобрал девочку – тогда ей было лет пять – в горящей деревне, через которую мандречены гнали отряд Махи после крайне неудачной вылазки.

Да, ее подобрал Хелькар.

Обычно он не был склонен к милосердию.

Стройный, на голову выше любого в отряде, Хелькар отказался остричь волосы и скреплять их в иглы. Из-за этой прически партизан и называли Ежами. В длинных светлых кудрях он носил эмалевую заколку в виде трилистника с крохотными изумрудами. По словам эльфа, это был подарок погибшей возлюбленной. Так что Хелькар ничем, ну вот ничем не походил на Короля-Призрака, о котором длинными зимними вечерами рассказывала Реммевагаре мать. Ничем, кроме одного.

А сейчас вся надежда была только на старые сказки, на странные, удивительные песни Звездных Эльфов, на кардинально расходившиеся с летописями предания. И на то, что он, Реммевагара не ошибся, и те два кольца, что Хелькар носит на шее на серебряной цепочке – это не обручальные кольца его и девушки, которую брат Хелькара убил из ревности. Эльф объяснял их происхождение именно так, но на его месте Реммевагара тоже соврал бы.

– Санки нам не провести через ущелье, – сказала Глиргвай, перебивая размышления полуэльфа. – Давай телепортируем их.

Реммевагара поднялся и закинул на санки кожаный хомут, в который впрягался, когда тащил их.

– Давай.

Он снял рукавицы, засунул их за пояс. Глиргвай тоже стащила перчатки, связанные сестрой Че из козьей шерсти, убрала их в карман волчьего полушубка. Они подняли руки, внимательно глядя друг на друга. При совместном плетении заклинаний самым важным моментом была синхронность приложения силы. Вспыхнули и сплелись оранжево-голубые молнии – девушка пользовалась Чи Огня, Реммевагара был магом Воздуха. Причудливые, безумно искаженные тени полуэльфа и Глиргвай легли на стены ущелья, и санки исчезли.

– Мы были бы с тобой идеальными Синергистами, – заметил он.

– Ты каждый раз это говоришь, – фыркнула Глиргвай и натянула перчатки. – Пошли.

– Возьми меня за руку, – попросил Реммевагара. – Я ничего не вижу.

Она так и сделала, и Ежи двинулись через ущелье. Чернильная мгла вокруг казалась Глиргвай бархатисто-серой поволокой, и девушка шагала быстро. Реммевагара едва поспевал за ней. Эльфка вела товарища странными зигзагами, иногда надолго замирая на одном месте и что-то бормоча. Неожиданно она резко сбавила темп. Реммевагара знал, что сейчас они проходят «розовые сопли». Воспользовавшись моментом, полуэльф вытащил из-за пазухи леденец в бумажной обертке, протянул Глиргвай. Девушка развернула его, спрятала обертку в карман, засунула леденец за щеку.

– Я тебе еще книжку купил, – сказал Реммевагара. – «Воины Льда – поход на юг», как ты просила.

По вечерам, когда отряд собирался в общем зале Дома, сестра Че страстно говорила о необходимости продолжения рода именно в эту трудную для отечества годину. Такова была доктрина друидов – растить и защищать – и сестра Че оставалась истинной друидкой. Она могла помочь сохранить беременность любой сложности и выпестовать самого слабого ребенка, в чем Ежи убедились на примере Глиргвай. Девочка была сильно обожжена, когда Хелькар нашел ее, но сейчас, к двадцати годам, на теле девушки не осталось и следа тех страшных ожогов. Эльфы отряда Махи относились к разным племенам и поклонялись разным богам, но друиды пользовались уважением среди всех обитателей Железного Леса. Да и редко какой отряд мог похвастаться тем, что среди них есть жрец. Поэтому сестру Че почтительно слушали. Никто не мог упрекнуть ее в том, что слова сестры Че расходятся с делом. В отряде было двое детей, Каоледан семи лет и полугодовалый Тиурику. Сестра Че утверждала, что отцом Каоледана был Отец Дуб. По крайней мере трое партизан думали иначе, но никто не возражал – друидка была вспыльчива, как чистокровная мандреченка. Маха не делала никаких заявлений насчет отца своего сына, но Тиндекет, появившись в отряде, научил эльфов трем вещам: готовить борщ, стрелять из пулемета и сбивать сыр [2].

Помимо необходимости продолжения рода, Че напоминала и недопустимости отношения к любовнику как к собственности. «Идет война», говорила друидка, – «и мы не должны привязываться к возлюбленным. Ведь если любимый погибнет, мы тоже не сможем драться так, как надо, и Железный Лес потеряет не одного защитника, а двух». Ежи Махи слушали эти речи минимум на пятнадцать лет дольше, чем Глиргвай. Благодаря речам ли друидки, или упрощению нравов, которые, по словам Хелькара, всегда сопутствуют длительной войне, но отношения в отряде были очень свободные. Года два назад Глиргвай тоже задумалась о необходимости выбора мужчины. Квендихен, желая помочь подруге, дала точную и исчерпывающую классификацию каждого воина отряда. Глиргвай спросила, любит ли подруга Моркобинина.

– Конечно, – ответила Квендихен. – Но чем выше число генетических комбинаций, тем более здоровым будет потомство.

Глиргвай позавидовала способности подруги легко и не задумываясь усваивать чужие взгляды, становиться адепткой любой философской системы. Тогда Глиргвай впервые обрадовалась тому, что отряд Махи встретился актрисе раньше вербовщиков в Серые Колготки. Так назывались отряды снайперш, в основном серых эльфок, которые воевали на стороне мандречен. Армия Мандры поддерживала их оружием, провиантом и обмундированием. Квендихен носила их форменный полушубок из чернобурки с жемчужной розой на плече, который сняла с одной из убитых лучниц.

А ее трофеем могла бы стать и куртка Ежа, сшитая из коричневых, оранжевых и желтых кусочков замши – под цвет леса.

– Зря стараешься, – ответила Глиргвай и захрустела леденцом. – Хелькар говорит, что в таких замкнутых сообществах, как наше, необходим приток свежей крови. Мой ребенок будет не от тебя, Ремме, можешь не подлизываться.

---

[2] Тиурику – «кусочек сыра» (синдарин)

Одним из качеств, доставшихся Реммевагаре по наследству, была известная во всем мире мандреченская вспыльчивость. Полуэльфу немало пришлось потрудиться, прежде чем он научился сдерживать себя, но в этот раз удар был слишком неожиданным, а отравленное лезвие насмешки вошло слишком глубоко.

– Он пустой, твой Хелькар, – резче, чем хотел, ответил Реммевагара. – Но он как собака на сене, и сам не ам, и другим не дам. Он не хочет, чтобы ты с кем-нибудь из нас легла. Но кто бы ни стал отцом твоего ребенка, воспитывать-то будем мы, все вместе.

Эльфка повернулась к нему, глаза ее вспыхнули, как у кошки. Реммевагара думал, что она сейчас ударит его… по крайней мере попытается… и тогда акт зачатия, хочет она того или нет, свершится в ближайшем сугробе.

Но вместо этого Глиргвай вскинула лук, с которым не расставалась, молниеносно наложила стрелу на тетиву. Полуэльф не вздрогнул, хотя видел, что раздвоенный наконечник стрелы направлен ему в лицо. Тонко пропела тетива, и прямо на руки Реммевагары упала пронзенная стрелой птица.

Стрелять Глиргвай тоже учил Хелькар, и боевое ее прозвище было – Смертельная Стрела.

Полуэльф поморщился. Он не любил таких фокусов, эффектных, но пошлых.

Эльфка сказала:

– Отнеси рябчика на кухню, это будет хорошей добавкой к ужину. Мы пришли. Дальше доберешься сам. Мне пора на пост.

И исчезла, словно ее сдуло ветром. Разочарованный Реммевагара поплелся к Дому. Его зеленоватое свечение уже было отчетливо различимо во мраке.

Разрушитель Игнат переоборудовал под Инкубатор Лесную Кошку – центральную башню крепости Татцельбург. С одной стороны от магического сооружения находились норы гросайдечей. С другой полумесяцем обхватывало трехэтажное здание из грубого серого камня – общежитие старших химмельриттеров.

Люди, которых ожидал император Мандры, появились на внешней галерее общежития, выбежали на улицу и остановились, не доходя до Инкубатора саженей двадцати. Крохотные фигурки, одна сжимает меч, другая – лук. Дракон зевнул – из пасти вырвались крохотные язычки пламени – и с усмешкой глянул на двух людей. Один из людей оказался женщиной. Длинная светлая коса доходила ей почти до колен. Ночная сорочка из полупрозрачных кружев заканчивалась чуть ниже крепких бедер и не защищала ни от холодного зимнего ветра, ни от нескромных взглядов. Но, несмотря на спешку, женщина успела надеть кольчугу и захватила с собой лук. Эмалевые цветочки на вороте и плечах кольчуги светились от окутывающих ее чар. Мужчина был в одних штанах и коротких теплых сапогах. Глаза его горели алым, а кончик меча, направленного на дракона, дрожал, словно жало змеи.

– Поздравляю, – сказал Черное Пламя. – Мало кто может справиться с сонными чарами, когда их насылает дракон… Главный Химмельриттер? – осведомился он у мужчины.

– Нет, – отвечал тот. – Старший химмельриттер Вольф.

Дракон лениво провел лапой по стене. В очертаниях постройки все еще можно было узнать замковую башню, но она была словно вся обмотана ватой, как новогодняя игрушка, уложенная в коробку до следующих праздников. Из-под когтей императора брызнула штукатурка. Женщина яростно закричала и схватилась за лук, но мужчина взял ее руку.

– Странно, – сказал Черное Пламя. – Такой сильный маг, как ты, и на такой низкой должности. Впрочем, в чужую Цитадель со своим уставом не ходят…

Он снова царапнул стену, и по Инкубатору скользнула черная змейка трещины. Небесная наездница больше не кричала. Глаза ее стали мертвыми.

– Что тебе нужно? – спросил Вольф.

«Высота Инкубатора шесть метров, периметр четыре… Он обхватил его хвостом и положил голову на верхушку… Значит, его длина метров одиннадцать. Маловат император для дракона, если бы он еще огня не выдыхал, я бы сказал, что это вообще линдворм»,

непроизвольно подумал оборотень.

– Ты скоро узнаешь, – заверил Черное Пламя. – Иди, разбуди Главного Химмельриттера. Приведи его ко мне. Ну что это такое, сам император в гости пожаловал, а он дрыхнет, как младенец?

Капище Гниловран находилось на высоком холме. Здесь, по утверждению волхвов, никогда не рос лес. Священное место обнесли забором из кольев, на верхушке каждого из которых торчало по черепу эльфа. Некоторые черепа были очень старые, выбеленные солнцем и ветром. Другие, на западной стороне частокола, были относительно свежими. Утром того дня, когда Эназерел наделал переполоху в лагере, не меньше трети самых старых и рассохшихся черепов сняли – приближалось время обновления декораций.

Воспитательный лагерь находился в низинке у подножия холма. Здесь никогда не просыхала грязь, под ногами все время хлюпало. Лайтонд, когда прибыл в Гниловран пятьдесят лет назад, посоветовал класть в переходах между бараками стволы деревьев, расколотые вдоль. Ему случалось видеть такие мостовые в Линдалмаре. Город, где находилась лучшая музыкальная школа в обитаемом мире, тоже расположился в довольно-таки заболоченной местности. Дренадан прислушался к его совету, и с тех пор был уложен уже третий ярус мостовой – бревна гнили, разбивались под сапогами воспитуемых, да и просто уходили в жидкую почву под собственным весом.

На склоне холма, между капищем и воспитательным лагерем, находился небольшой домик. Стены его были сложены из камня. Забор в полтора человеческих роста высотой окружал дом. Верх забора был утыкан заостренными железными прутьями.

По словам Дренадана, раньше здесь было требище – хлипкий сарай, где жрецы Ящера готовились к ритуалам. Остальные боги мандречен были просты и скромны в своих запросах. Полевой цветочек, миска крупы, яркая ленточка, пара-тройка блинчиков с пылу с жару – этого им вполне хватало. Но Ящер был не таков. В дар себе он принимал только жизни, и половину сарая еще в те далекие времена занимал загон для жертвенных животных.

Теперь здесь содержали эльфов, назначенных к жертвоприношению.

Эназерел рухнул без сознания, едва воспитуемые добрались до лагеря. Охранники унесли его, и никто не сомневался, куда. Обнаружив в своей миске двойную норму, Лайтонд не удивился. До барака, в котором размещался его отряд, эльф так и не дошел – его забрали сразу из столовой. Лайтонд последний раз взглянул в застывшие, искаженные лица друзей и врагов. Пятьдесят лет – достаточный срок, чтобы обзавестись и теми, и другими, даже в воспитательном лагере. Только сытым и порядочным горожанам кажется, что все воспитуемые равны и делить им нечего. В вязкой, как клей, тишине эльф помахал на прощание рукой.

Уже стемнело. Факел, который нес один из охранников, ронял длинные огненные слезы на грязную мостовую. Их посыпали песком, чтобы не было скользко, и сейчас под ногами идущих булькала каша из снега и песка. «А ведь это Эназерел предложил», вспомнил Лайтонд. Неизвестно почему, эта мысль ободрила его.

Дверь в требище оказалась открыта; охранники заходить внутрь не стали и поспешно удалились, накрепко закрыв внешние ворота. Лайтонд вычаровал светящийся шар, завесил его над своим левым плечом и шагнул внутрь.

В требище не обнаружилось ничего из того, что можно было ожидать – ни крючьев для сдирания кожи, ни дыбы, ни пыточного стола. В сенях пахло сырой кожей и чем-то медицинским. Небесно-голубая нить ментального следа Эназерела тянулась в сторону двери, которая оказалась закрыта. Другая дверь привела Лайтонда в большую, жарко натопленную комнату. Эльф увидел два ряда коек, накрытых серыми шерстяными одеялами. Заправлены были только две дальние от входа. На тумбочке между ними горел теплый глаз масляной лампы. Чувствовалось, что в помещении недавно проветривали, но полностью избавиться от затхлости – большую часть года требище пустовало – не удалось.

В общем и целом, требище почти ничем не отличалось от барака, где Лайтонд провел

предыдущие пятьдесят лет. Разве что только стены здесь были толще – эльф увидел массивные бревна, пазы между которыми были плотно и аккуратно забиты мхом, и понял, что старое деревянное требище одели в камень, когда в этом возникла необходимость. И здесь было необычно пусто, но, как подозревал Лайтонд, ненадолго. Сорок-пятьдесят воспитуемых из числа самых слабых, больных, старых и намозоливших глаза администрации за последний год всегда можно было отобрать. Преимущество Лайтонда и Эназерела заключалось в том, что они были первыми.

Лайтонд подошел к застеленным койкам, увидел бумажки, приколотые к подушке. На одной из них было написано «905», на второй – «608». На кровати, отведенной ему, обнаружилась смена чистой одежды – куртка и штаны воспитуемого из плотного хлопка в красно-зеленую вертикальную полоску, а так же полотенце, гребешок и мыло, которые выдавались обычно только по банным дням. Но сегодня была не суббота, а вторник. Эльф задумчиво посмотрел по сторонам и увидел две двери. Не веря себе, Лайтонд поочередно открыл их. За одной из них обнаружилась душевая кабина с горячей водой и полусидячей ванной, за второй – теплый сортир. Эльф с умилением смотрел на фаянсовый цветок унитаза и думал: «В положении приговоренного к смерти есть свои преимущества». Он набрал в ванну столько воды, сколько смог, и втиснулся туда своим длинным телом, как лягушка в ужа. Колени торчали из воды. Лайтонд неторопливо намылил их.

И все же, несмотря на все небольшие, но приятные мелочи, положенные ему как жертвенному животному, умирать эльф не хотел. Ему казалось, что Дренадан никогда не назначит его на эту роль. Ведь тогда Музыка, которой старый жрец обучил Лайтонда, тайные знания, которыми Дренадан щедро делился – все становилось бессмысленным. Но эльф ошибся. «А что Дренадан», думал эльф, обмакивая мочалку в теплую воду. – «Он человек подневольный. Значит, она все-таки уговорила дракона. Хорошо еще, на этот раз она не настаивает на четвертовании, как после штурма замка…».

Он потер грудь. Мочалка была дешевая, некачественная – одноразовая, сделанная из пропаренного мха. На груди эльфа остались короткие желто-черные волокна. Лайтонд плеснул воды, смыл их.

«Надо дождаться, пока Эназерелу станет лучше», подумал эльф. – «Поодиночке нам не прорваться, а вот вдвоем – мы уйдем, это точно. К воротам лагеря я нас обоих телепортирую, а магический щит над требищем не от таких, как я, делали… Двигать сразу по дороге из лагеря, и все».

Что будет потом, Лайтонд решил пока не задумываться. Сама мысль о побеге, которую он себе позволил как бы вскользь, настолько взбудоражила его, что эльфу предстояло немало потрудиться, чтобы замаскировать ее следы в своей ауре. Верховный маг Фейре отчетливо чувствовал мысли тех, кто находился рядом, потому и был так молчалив. Но Дренадан был единственным, кто слышал мысли Лайтонда – мага высшего, седьмого класса, единственного в обитаемом мире Музыканта Смерти.

Эльф ощутил короткий, болезненный укол в плечо. Лайтонд непроизвольно вздрогнул и обернулся.

Перед ним стоял высокий, сухощавый мужчина в черном длинном балахоне. Он был абсолютно седой, но с косматыми черными бровями. На правой стороне груди горела серебром вышивка в виде ящерицы – знак высокого положения на иерархической лестнице жрецов бога Смерти. Нижние чины носили шеврон на рукаве, средние удостаивались пояса с застежкой в виде ящерицы. Мягкие черты лица, которые не удалось ужесточить даже векам пребывания на должности первого главного волхва Ящера, наводили на мысль о том, что кто-то из близких родственников Дренадана вел свой род из нелюдей. Лайтонд знал, что так оно и есть – мать Дренадана была эльфкой. Лайтонд как-то спросил, к чему это накручивание титулов, если «первый», и так понятно, что «главный». Дренадан объяснил, что первый – это не звание, а порядковый номер. Лайтонд не поверил – получалось, что все восемьсот лет, прошедшие со Дня Наказания за Гордость Разума, у Ящера не было других главных жрецов. Да и люди столько не живут, столько не живут даже эльфы. Но уточнять он

не стал.

Дренадан всегда подходил бесшумно и появлялся неизвестно откуда. Лайтонд ни разу ни смог почувствовать колебаний его ауры, сопутствующих появлению любого живого существа, хотя ментальный след жреца – черную, словно грязную, струну чистой Цин – ему хватало сил увидеть. Но всегда после того, как Дренадан уже удалялся.

Сейчас жрец бога Смерти стоял рядом с ним и облизывал длинную костяную иглу. Лайтонд покосился на свое плечо, где алела капелька крови.

– Пойдет, – сказал Дренадан.

– Что? – осведомился эльф.

– Твоя кровь, – ответил жрец. – Эназерел очень слаб, сделаем ему переливание.

– У нас могут быть разные группы, – заметил Лайтонд. – Так будет только хуже.

Тут он сообразил, зачем Дренадан уколол его в плечо, и замолчал. «Кем же надо быть, чтобы определять группу крови на вкус», подумал эльф и чуть усмехнулся. С помощью некоторых ритуалов можно было научиться гораздо большему. Да и старый жрец вовсе не обладал демоническим обаянием и красотой, которую молва приписывала вампирам.

– Пошевеливайся тут, – сказал Дренадан и исчез.

Лайтонд вздохнул, пошарил рукой в мыльной воде и выдернул пробку. Затем поднялся и включил душ. Вода успела остыть, и сначала эльфа обдало ледяной струей. Лайтонд тихонько вскрикнул, но вода уже пошла теплее. Эльф кое-как домылся и вышел из душевой, на ходу вытираясь серым, застиранным полотенцем с треугольной черной вышивкой в углу: «*Гниловранский воспитательный лагерь* ». Лайтонд надел униформу и вышел в сени. Эльф зябко поежился, когда ему протянуло по ногам сквозняком из неплотно прикрытой входной двери. Дверь, ведущая во вторую половину дома, на этот раз оказалась открыта. За ней обнаружилась небольшая комната. На столе горела лампа, такая же, как на тумбочке у кровати Лайтонда. По обеим сторонам от стола находились жесткие деревянные топчаны. На одном из них лежал Эназерел, с ног до головы укутанный в казенное одеяло. Дренадан стоял спиной ко входу. Услышав шаги Лайтонда, он сказал:

– Ложись, – и махнул рукой в сторону свободного топчана.

Эльф послушался. Расхлябанные доски топчана с наслаждением впились ему в ребра, тонкий хлопок униформы сыграть роль буфера не смог. Главный жрец чем-то подозрительно булькал, крякал и причмокивал. По комнате пополз ядреный запах – жрецы, судя по всему, гнали самогон из шишек реснисосен.

– Что-то я не вижу и капельниц, ни катетеров, – сказал Лайтонд с сомнением. На медицинскоей оборудование тянул разве что облезлый умывальник в углу, куда Дренадан сейчас шумно сплюнул. – Как ты собираешься перелить кровь?

Дренадан обернулся. Главный волхв Ящера ухмылялся во весь рот, и Лайтонд первый раз обратил внимание, какие ровные и крепкие у него зубы.

Особенно клыки.

От изумления эльф не смог даже пошевелиться.

– А вот как, – произнес жрец и наклонился к Лайтонду.

Перед глазами эльфа все поплыло. Что-то холодное и скользкое коснулось его шеи.

… В полумраке над собой Лайтонд видел Рингрина. Алый отблеск от магического шара, висевшего где-то вне поля зрения эльфа, лежал на щеке принца Железного Леса. В первый момент Лайтонд подумал, что это кровь. Лежать было холодно и жестко, но это был уже не топчан – он чувствовал спиной, что рисунок стыков изменился. Тянуло сыростью и могильным, вечным холодом глубокого подземелья.

– Он мертв, ваше высочество, – услышал Лайтонд незнакомый, спокойный голос на мандречи.

Рингрин посмотрел прямо ему в глаза.

– Не может быть, – сказал он с отчаянием. – На теле нет ран, ну разве кроме этой, но не может жизнь покинуть тело сквозь такую крохотную дырочку!

– Иногда волшебники умирают от своей магии, – сказал другой голос, с твердым боремским акцентом. – Если Владислав говорит, что Лайтонд мертв, значит, так оно и есть. Врачи не ошибаются.

– Рингрин, мы не можем помочь ему, – добавил девичий голос на языке темных эльфов. – А отсюда надо убираться. Чем дальше, тем лучше.

…Дренадан впился в шею эльфа – страстно, сильно, больно. Лайтонд слышал, как он урчит и чавкает, но ничего, кроме невыносимого отвращения, не испытывал. Ему хотелось сбросить жреца с себя, но руки его не слушались, тело стало словно тряпочное.

… Рингрин еще раз вгляделся в лицо Лайтонда, а затем провел ладонью по глазам, опуская веки. «Нет!», хотел крикнуть эльф. – «Не надо! Я еще жив!». Но он не смог открыть рта. Рингрин всхлипнул. Маг шестого класса уже не нуждается в зрении для восприятия окружающего мира; а уж что волшебник седьмого класса, которым был Лайтонд – и тем более. Он увидел светящиеся, горячие капли, которые опускались ему на лицо, раньше, чем слезы Рингрина действительно на него упали.

Принц плакал, как мальчишка.

Недвижимый, бездыханный друг лежал перед ним.

Лайтонд дернулся изо всех сил и тут же рухнул обратно на топчан. От слабости гудела голова, перед глазами плавали черные точки. Дренадан сидел на краю койки Эназерела. Обеими руками он держал руку воспитуемого, плотно прижав его запястье к своим губам. Глаза Дренадана были открыты. Заметив, что Лайтонд пришел в себя, жрец подмигнул ему. Эльф обессиленно растянулся на топчане. Дренадан отнял запястье Эназерела ото рта, положил руку воспитуемого на кровать и поднялся. Эназерел, на свое счастье, так и не пришел в себя. Жрец провел по лицу широким рукавом, стирая с него капли крови, облизнулся и поднялся. Подойдя к Лайтонду, он взял его подмышки и ловко поставил на ноги.

– Он теперь поспит, да и тебе это не помешает, – сказал Дренадан и положил руку Лайтонда себе на плечи. Эльф недобро посмотрел на него. Жрец засмеялся и сказал:

– Я помогу тебе добраться до койки. Я поцеловал тебя строго по медицинской необходимости, никакого удовольствия мне это не доставило.

– Мне тоже… Но ты же заразил его, – пробормотал Лайтонд.

С трудом переставляя ноги и опираясь на жреца, он двинулся к выходу из комнаты. Дренадан распахнул дверь, и они уже были в сенях.

– У моей слюны антисептические свойства, – сухо сказал главный волхв. – Полость рта я перед переливанием продезинфицировал. Кстати, о слюне. Помимо прочего, она обладает некоторым магическим действием. Она иногда усиливает провидческие способности, иногда улучшает способности ко втягиванию Чи – но ненадолго. Ты видел что-нибудь?

– Да, – неохотно ответил эльф.

– Я говорил с провицами на эту тему, – сообщил Дренадан. – Одни считают, что полностью ложных видений не бывает. Будущее многовариантно. Другие думают, что все дело в правильном толковании видения. Имей это в виду.

Лайтонд задумчиво кивнул:

– Благодарю тебя.

Эльф толкнул дверь в комнату, где ему предстояло провести ночь, и произнес, с усилием выталкивая слова:

– Эназерел же теперь, когда умрет, станет… превратится…

Непонятно почему, Лайтонд вдруг смутился. Дренадан хмыкнул.

– Я бы на твоем месте не верил так сильно старым сказкам, – сказал жрец. – Для того, чтобы стать ходячей фабрикой по производству крови, одного контакта с… такой же фабрикой недостаточно, поверь мне.

Над притолокой загорелся зеленый огонек.

– О, санки прибыли, – сказал Моркобинин.

Выход стационарного телепорта находился в подвале Дома, глубоко под землей. Каждый раз, когда там что-то появлялось, над всеми внутренними дверями Дома вспыхивала зеленая звездочка.

– Иди, помоги разобрать их, – разрешил Тиндекет.

Маха сказала, чтобы он взял кого-нибудь себе в помощники, так дело пойдет быстрее. Но Тиндекет не любил участия непосвященных в таинстве приготовления борща, и с удовольствием отослал Моркобинина. Тот положил нож рядом с доской, на которой рубил капусту, и вышел из кухни. Тиндекет взялся за нож, чтобы закончить дело, и вздохнул.

– Ну кто так рубит капусту? Так рубят только дрова, – пробурчал он себе под нос.

Умиротворяющее побулькивание борща на плите было ему ответом. Нож дробно застучал по доске. Охота в этот раз оказалась неудачной; звери, напуганные морозом, не показывали носа из своих нор. В качестве заправки для борща предстояло использовать тушенку, которую эльфы взяли в последнем разграбленном обозе. Реммевагара, смеясь, называл круглые банки с нарисованной на них коровой «гуманитарной помощью от Армии Мандры голодающим партизанам». Вся душа Тиндекета восставала против подобного варварства – в борще обязательно должна быть сладкая мозговая косточка, а не приготовленные с помощью темной магии куски мяса неизвестного животного. Но ни костей, ни настоящего мяса партизаны Махи не видели уже недели две.

Тиндекет родился в Келенборносте, и его бабушка была с другого берега Шеноры. Старая поланка приучила всех своих многочисленных детей к наваристому супу из свёклы и капусты, который показался эльфам с севера Железного Леса в диковинку. Впрочем, партизаны быстро привыкли к нему. Все, кроме Хелькара. Он сейчас как раз устроился в углу кухни на мягком пушистом диванчике и бесцельно смотрел в потолок.

Тиндекет высыпал капусту в суп и покосился на товарища. Обычно Хелькар только ел вместе с партизанами, а все остальное время проводил в своей комнате. Чем он там занимается, можно было догадаться по картинам удивительной, но странной красоты, которые Хелькар иногда приносил и вешал в общих помещениях Дома. На стене кухни он разместил изображение черной то ли башни, то горы, над верхушкой которой горел алым огромный глаз.

Хелькар не был ни с кем особенно дружен, кроме Махи и Глиргвай, конечно. Но, если так можно было выразиться, с Тиндекетом он был особенно недружен.

Когда Мандра напала на Железный Лес, Тиндекет долго не знал, что делать. Многие его родственники уехали в Полу – переждать это странное и ужасное время. Он же решил остаться. Наблюдая за ходом войны, эльф понял, что ему нужно. Ему было необходимо самое совершенное, самое лучшее в мире оружие и отряд, к которому можно было бы примкнуть. К кому идти за оружием, Тиндекет знал.

У Мораны он встретился с Махой. Она пришла за тем же.

А потом появился Хелькар.

И пулеметы.

Увидев их, Хелькар засмеялся. Тогда речь доставляла ему чисто физические затруднения – словно он забыл, как произносить слова.

– Да и не пулеметы это вовсе, – неожиданно четко и чисто произнес он. – Я бы назвал это многозарядным дисковым кремневым ружьем… интересно, откуда Морана выкопала эту рухлядь? Неужели существовали и стимпанковские ареалы?

Тиндекет не понял и половины слов, но смысл произнесенного уловил весьма четко. Его никогда не надо было просить дважды, чтобы дать кому-нибудь в глаз. Они сцепились с Хелькаром, и тут оказалось, что руки и ноги слушаются светловолосого эльфа еще хуже, чем язык. Тиндекет навалял ему так, что Хелькар еще долго не мог ходить. Троице пришлось задержаться в таверне Мораны. Отношения, начатые столь своеобразно, не смогли

превратиться в дружбу даже тогда, когда Тиндекет увидел лук Хелькара и понял причину его презрения к пулеметам.

Тиндекет принялся открывать тушенку.

– Я помню то время, когда Дом был маленьким грибочком, который сестра Че посадила в этой пещере, – кряхтя, сказал он. – Тогда мы все спали под одним одеялом, на голой земле….

Тиндекет взломал крышку, бросил ее в стоявшее в углу ведро и закончил:

– Но я до сих пор не знаю, ни что такое Дом, ни что такое ты, Хелькар.

– Уймись, ради Мелькора, – вполне дружелюбно отвечал тот. Эльф уже знал, к чему клонит собеседник. – Я не буду есть твой борщ. Трава – не пища для орлов.

– Трава? – вскинулся оскорбленный в лучших чувствах Тиндекет. – Ты называешь это чудо, этот дар богов *травой* ?

Борщ решил принять участие в дискуссии – возмущенно шипя и пузырясь, он побежал из кастрюли.

– Аааа, козни Илу! – выругался Тиндекет.

С ловкостью фокусника он схватился за торчащий сбоку от плиты рычажок и перевел его в положение «минимум». Эльф мелко накрошил волокна тушенки, поставил рядом с кастрюлей небольшую сковородочку и высыпал тушенку на нее. Жир, растопляясь, зашипел. Тиндекет нагнулся, извлек из ларя пару луковиц, морковку, уселся на табурет рядом с мусорным ведром и принялся чистить лук.

В кухню заглянула Квендихен. В руках у нее была книжка в яркой обложке. «Приключения Анавенды при дворе короля Ирида», прочел Хелькар.

– Ууу, какие запахи! – воскликнула девушка. – Признайся, Тиндекет, ты бог? Бог кулинарии?

– Поверженный, – проворчал эльф. – Мои последователи изменили мне, теперь жрут всякое непотребство вроде картофельного пюре и вареной кукурузы…

Последнее слово Тиндекет выплюнул с нескрываемым отвращением. Квендихен чмокнула его в щечку.

– Мы никогда не изменим тебе, – заверила она эльфа, протягивая ему жестяную коробку с нарисованной на ней трубкой. Этот сорт табака растили только в Железном Лесу, и Тиндекет считал его лучшим. – Вот, я тебе курятину принесла. Мы с Морко разбирали, что там Ремме добыл. А это тебе, – она положила на стол перед Хелькаром краски.

– Спасибо… Скажи, Квенди, а Анавенда – это девушка или мужчина? – спросил Хелькар.

– Я пока сама не знаю! – засмеялась эльфка. – Пойду, помогу Махе накрывать на стол.

– Рано еще, – проворчал Тиндекет, но девушка уже убежала.

Эльф принялся резать лук. Разделив каждую луковицу на четыре части, он положил их в деревянную глубокую миску и стал рубить специальной полукруглой сечкой. Добавив нашинкованный лук в тушенку, Тиндекет взялся за морковку. Хелькар тем временем открыл коробку с красками и внимательно осмотрел их. Затем эльф поправил заколку у себя в волосах и сказал:

– Набить тебе трубку? Закончишь с супом и покуришь.

– Ты сегодня прям сам на себя не похож, – хмыкнул Тиндекет. – Но я буду дураком, если не воспользуюсь этим. Набей, сделай милость.

– Это все северный ветер, – сказал Хелькар и добавил каким-то странным голосом: – Буря идет…

– Буря так буря, пересидим, не впервой, – пожал плечами Тиндекет.

– В этот раз отсидеться не удастся, – сказал Хелькар. – Это будет огненная буря.

– Поговори с Че, – посоветовал Тиндекет. – Она тебя поймет лучше, чем я. Может, подскажет что. Например, сменить сорт табака.

Хелькар промолчал. Он сделал жест рукой, и коробка с табаком подплыла к нему. Второй жест – и трубка Тиндекета, лежавшая на полочке, плавно спланировала на стол перед

эльфом. Он открыл коробку, разорвал бумажную пачку и принялся набивать трубку. Тиндекет почистил морковку и стал тереть ее на терке.

– Помнишь, мы говорили о пулеметах… ну, когда только познакомились? – спросил Хелькар.

Эльф кивнул, усмехнулся:

– Хочешь продолжить беседу?

Он отложил терку и деловито подтянул штаны. Хелькар отрицательно покачал головой.

– Ты стал умнее, – одобрительно заметил Тиндекет и снова взялся за морковку.

– Я хочу извиниться за то, что тогда сказал, – произнес Хелькар. – Морана дала вам самое совершенное оружие, какое могла. Существовали и другие механизмы для убийства, но к ним потребовались бы запчасти, которые негде взять.

– Существовали? – переспросил заинтересованный Тиндекет. – Когда? Где?

Над дверью снова зажегся огонек, на этот раз желтый. Голос Дома, лишенный каких бы то ни было интонаций, сообщил:

– Реммевагара вошел.

– Наконец-то, – сказал Хелькар. – Я уже начал за него беспокоиться.

Он встал, положил набитую трубку Тиндекета на стол и вышел из кухни.

– Как раз вовремя, – пробормотал эльф, провожая его взглядом. – Осталось только помидоры порезать, и будем есть.

Он высыпал морковку на сковородку к тушенке и луку.

Реммевагара и Каоледан играли на ковре.

Игрушками для маленького эльфа обычно служили сломанные ложки, пустые жестяные пудреницы Квендихен, куколки из ивовых веток, которые плела сестра Че, и смешные мягкие зверюшки из обрезков меха, которые иногда шила Маха. Счастье мальчика при виде деревянного солдатика в мундире из настоящей кожи, шелковом плаще и железной крохотной алебардой было неописуемым.

После ужина в общем зале собрался весь отряд. Даже Хелькар, которого редко можно было увидеть вместе со всеми, кроме как в бою, сидел в кресле и смотрел на огонь в камине. Точнее, это был не совсем огонь и не совсем кресло, так же как и ковер не был ковром. Насколько уразумел Реммевагара из объяснений сестры Че, все, чего они касались внутри Дома, было видоизменившимся телом гриба, который она посадила здесь двадцать пять лет назад. Гриб вырос, заполнил соседние пещеры, но внутри остался пустым, и в этой полости они и жили. Здесь нельзя было зажигать огонь, так же, как и нельзя было передвинуть мебель – она росла прямо из пола. Обстановку и планировку комнат партизаны придумали сами в тот день, когда гриб был посажен. Камин, находившийся у стены, очень походил на настоящий, так же как и пламя, пылавшее в нем. Иногда дрова в камине даже потрескивали. Нельзя было и забивать гвозди в стены – но из них в нужных местах вырастали крючки. На одном из таких крючков висела лютня Квендихен.

Сама Квендихен сидела на диване и вышивала шарф. В другом конце дивана устроился Тиндекет с Тиурику на руках. Эльф развлекал малыша новой погремушкой. Моркобинин растянулся на полу перед диваном. Можно было подумать, что он спит, но Квендихен время от времени взвизгивала и сердито пинала его в бок – эльф щекотал ее под коленкой. Глиргвай, закинув ноги на подлокотник кресла, читала исторический трактат про Воинов Льда. Сестра Че и Маха сидели на ковре перед камином и что-то обсуждали вполголоса.

Бессчетное число вечеров было проведено отрядом Махи именно так. Ежи редко разговаривали – за столько лет уже обо всем было переговорено. Но Реммевагара знал, что этому вечеру предстоит стать последним в череде, казавшейся бесконечной, и он не смел нарушить очарование и уют, вдруг оказавшийся таким хрупким.

Каоледан уронил саблю из руки солдатика и теперь искал его в толстом ворсе, таком гладком и чистом, словно ковер мыли только вчера. Реммевагара улыбнулся.

– Посмотрим, посмотрим…. А что у нас здесь? – спросил эльф и извлек сабельку из-за

уха мальчика.

– Как ты это сделал? Ты же не пользовался Чи! – воскликнул Каоледан. – Я бы почувствовал!

– Магия, Чи, – с чувством невыразимого превосходства сказал Реммевагара. – Ловкость рук и никакого мошенничества!

Он отдал саблю мальчику.

– Кстати, что нового? – спросила Маха, оборачиваясь к нему. – Не слышал на рынке ничего интересного?

Реммевагара вздрогнул. Именно этого вопроса он ждал и боялся.

– Не идут ли мандреченские обозы по Старому Тракту? – добавил Тиндекет и подмигнул Реммевагаре.

Полуэльф чуть улыбнулся. Отличить его от мандречена было практически невозможно. Единственное, что его выдавало, это очень уж невысокий рост, но далеко не все мандречены были такими богатырями, как можно было подумать, наслушавшись их песен. Трюк «раненный солдат, отбившийся от своих» разыгрывался Реммевагарой уже раз двадцать – и с неизменным успехом. Обоз, подобравший страдальца, в пункт назначения не приходил.

– Не собирается ли прибыть на постой в Жемчужную Каплю отряд Серых Колготок? – мечтательно добавил Моркобинин и торопливо добавил, покосившись на подругу: – А то засиделись мы без дела.

– Серые Колготки – это хорошо, – не поднимая глаз от вышивания, сказала Квендихен. – Я в тот раз не сообразила и папаху взять, модные у них папахи, и теплые….

Хелькар смущенно хмыкнул.

Две зимы назад Серые Колготки прибыли в Жемчужную Каплю – собраться с силами перед рейдом в ущелье, из которого собирались выкурить зловредных Ежей. Одна из них познакомилась в местном трактире с высоким светловолосым эльфом. Он тоже оказался из синдарин, и эльфка пригласила его к себе в казарму, под которую отвели дом деревенского старшины.

Утром всех лучниц нашли мертвыми и голыми, в таких позах, что местный художник старательно перерисовал их в тетрадку. Олеографии с тех рисунков, получивших название «Оргия Мертвых Девственниц», до сих пор можно было приобрести на рынке по сходной цене. Хелькар утверждал, что в одном художник соврал. Девственницы там не было ни одной. Квендихен, помогавшая ему на заключительном этапе операции, ничего не могла сказать по этому вопросу.

Отряд Махи был слишком малочисленным, чтобы проводить масштабные акции, но фантазии и дерзости у восьми эльфов хватало на дивизию.

– Так что там? – переспросила Маха.

Она перестала участвовать в вылазках месяца за два до рождения сына, и сейчас Реммевагара видел в ее глазах опасный, голодный блеск человека, надолго оторванного от любимого дела.

– Да, я совсем забыл, – неохотно сказал он и достал из кармана туго набитый кошелек из алого бархата с вышитым золотом вензелем.

– Гм… Это не то… – пробормотал Реммевагара, но кошелек уже перекочевал к Махе.

– Отрубят тебе когда-нибудь руки, – пророчески сказала эльфка, и кошелек исчез в складках ее домашнего платья. – Ну зачем тебе это, Ремме? Разве тебе чего-нибудь не хватает?

– Да как-то… Само собой получилось. Вот оно, – произнес полуэльф и извлек из кармана листовку, напечатанную на грубой серой бумаге.

– Ты же не умеешь читать, – сказал заинтригованный Тиндекет.

– А там еще вслух объявляли, – ответил Реммевагара, поморщился и добавил: – Каждые полчаса глашатай надрывался, я наизусть выучить успел…

Маха взяла из его рук бумажку, скользнула по ней взглядом.

– Ну-ка, давай проверим твою память, – сказала эльфка.

Реммевагара вздохнул и начал.

Кэльминдон так и не выучился читать на авари. Фонетический алфавит оказался слишком сложен для серого эльфа, привыкшего к строгому изяществу рун. Для крепкого хозяина, чей дом – полная чаша, это не было недостатком, так, легкой неприятной мелочью, которая даже не стоит упоминания. Кэльминдон, как жена читает ему листовку, и рассеянно крутил бахрому на скатерти. В красном углу горницы Рутлом устроила святилище Мелькора. Она повесила небольшую изящную кадильницу, которую исправно наполняла маслом, а на полочке поставила терракотовую статуэтку, изображавшую могучего воина с книгой в одной руке и мечом в другой. Кэльминдон был воспитан в других понятиях, но он считал, что религия не может быть предметом ссоры в семье. Да и скатерть жена вышила его любимым растительным мотивом – листьями платана, клена и дуба. Трехпалые, пятипалые и шестипалые листья, соединенные черенками, несли сакральный смысл. Рутлом не спрашивала, какой, а Кэльминдон не мешал ей возносить молитвы Врагу.

– Ну да, так на рынке и кричали, – сказал Кэльминдон, когда жена прочла листовку целиком. – Я хотел увериться, что за тело каждого Ежа заплатят именно пятьдесят далеров.

– Да, именно так. Скупердяи, – буркнула Рутлом. – Все знают, что голова Черной Стрелы в двести пятьдесят далеров оценена.

– Но ты попробуй ее добудь, – трезво сказал муж. – Кошмара и ее отребье не сдадутся, это факт. Они побегут на север, в Мир Минас. Как крысы из горящего дома.

– Так и есть, – сказала Рутлом. – Крысы они, а никакие не Ежи.

– По Старому Тракту они не пойдут – там будет слишком опасно, – задумчиво продолжал Кэльминдон. – Они пойдут через Фаммигвартхен… Где-то через недельку. Как только эти чудные драконы покажутся в небе, как их…

– Гросайдечи, – вставила жена.

– Да, гросидечи. Так и порскнут бандиты прочь из леса, как кузнечики из травы.

Кэльминдон поднялся и надел домашнюю куртку, в которой ходил кормить скотину или достать из подвала банку маринованных груздей. Когда-то бывшая очень модной, теперь темно-коричневая куртка пошла заломами и протерлась на рукавах. Разноцветный бисер, украшавший воротник, местами осыпался. Рутлом поставила на локти заплаты, но ходить в таком виде перед соседями не стоило. Все знали, что в этом году Кэльминдон продал своего льна больше, чем староста их деревушки. Темные эльфы называли ее Грюн Фольбарт, а серые – Фаммирен. Впрочем, темных эльфов в деревне почти не осталось. Только Рутлом да старуха Танабигой, жившая на самой окраине в покосившемся от времени домике.

– Я проверю лыжи, – сказал Кэльминдон. – А ты свяжись с Анхен, я с ее Воарром ближе к Мидинваэрну на рыбалку обещался сходить. Так ты скажи, что я приболел и не пойду.

Рутлом ласково улыбнулась и достала магический шар из ящика стола.

Кэльминдон был чистокровным серым эльфом, но никогда не любил пышных речей, песен и стихов.

Он предпочитал действовать, молча и стремительно, как та огромная змея, что, по рассказам, водится в реках юга, в честь которой и был назван.

«О Мелькор», думала Маха, глядя на застывшие, опрокинутые лица партизан. – «Да, я хотела большого дела… И дождалась».

– Мы не можем уйти за Гламрант, – сказала она в звенящей, колкой тишине. – Потому что тпосле этого нам придется бежать всю жизнь. И она будет очень недолгой. И она будет наполнена позором, стыдом и отвращением к себе. Мы не можем сдаться, как того просит Моруско. Когда мы сдадимся и нас казнят, жестоко и публично, Железный Лес все равно будет уничтожен. Ведь тогда он лишится своих последних защитников. Мы останемся и будем драться – или погибнем вместе со всеми.

Реммевагара смотрел на командиршу, открыв от изумления рот.

– Что я хочу сказать еще, – добавила Маха. – С Энедикой я связалась днем. Они готовы помочь воинами, магией, деньгами – всем, что мы попросим. Морул Кер сказал, что лес будет подожжен с четырех концов, и все сначала подумали, что он приведет троих своих братьев.

– Я тоже так подумал, – буркнул Моркобинин.

– Если бы это было так, то мы ничего не смогли бы сделать. Но Энедика выяснила, что гросайдечи, о которых говорится в листовке – это не настоящие драконы.

– Я вот так и не понял, кто это такие? – спросил Тиндекет.

– Это такие маленькие дракончики. Их вывели в Боремии, чтобы защититься от настоящих чудовищ. Гросайдечей будет девять, трое полетят на юг, а шестеро полетят через Мир Минас и Эммин-ну-Фуин. Морул Кер не тронет серых эльфов, признавших его власть; да и рудники гномов он сохранит.

– То есть нам… нам ничего не угрожает! – выдохнул Моркобинин.

– Да, – очень серьезно сказала Маха. – На самом деле, Энедика просила одолжить ей пулеметы, если мы не собираемся драться. Но я сказала нет. Мы будем драться. Возможно, нам не удастся убить всех. Но тогда Энедике и ее Ежам будет уже легче.

– Так ты знала! – воскликнул Реммевагара. – Знала и молчала!

– Ну, я тоже знал, – сказал Хелькар.

«Так вот что это были за намеки на огненную бурю», подумал Тиндекет. – «Вот почему Хелькар передо мной извинился! Он думает, что все мы погибнем, и хотел помириться перед смертью». Тиндекет ощутил укол ревности, столь же болезненный, сколь и неожиданный – ему Маха не рассказала об ультиматуме Черного Кровопийцы.

– Мне не хотелось портить вечер всем, – пробурчала эльфка, мрачно глядя на Тиндекета. – Завтра с утра, думаю…. На свежую голову…

– Мне тоже, – ответил Ремме.

– А что Ваниэль? – спросил Тиндекет. – Даже если мы остановим драконов… ну то есть гросайдечей здесь, на юге будут еще три огнедышащие твари. Этого хватит, чтобы сжечь лес.

Маха помолчала.

– Ваниэль и ее отряд решили покинуть Железный Лес, так сказала Энедика, – неохотно ответила она. – Скорее всего, вся южная часть леса между старой тропой и Мен-и-Наугрим сгорит.

– Сука! Полукровка! – яростно крикнул Тиндекет.

– Но-но, аккуратнее со словами, – сказал Реммевагара.

– А что «но-но»? – передразнил его Тиндекет. – Пусть твой отец был человеком, но он был воином – видно же по тебе! А отец этой сучки? Под юбкой своей бабы спрятаться хотел!

– Ну, я свого отца не помню, – сказал Реммевагара и неожиданно улыбнулся. – Он, может, вообще ювелиром был – то-то я всякие блестящие камушки так люблю….

Маха поморщилась.

– Ребята, перестаньте, – сказала она. – Таково ее решение, и мы ничего не можем изменить. Отряд Черной Стрелы самый большой; может быть, они вернутся… потом. Чтобы мстить, – неуверенно закончила она.

Хелькар криво усмехнулся.

– За что я тебя всегда любил, Маха, – сказал он. – За твою веру в эльфов. Но тот, кто раз повернулся спиной к врагу, будет бежать… бежать до самой смерти.

Глиргвай и Квендихен молчали – они были еще слишком молоды, чтобы позволять себе высказываться по таким вопросам, но по их лицам было заметно, что обе девушки сильно напуганы. Глиргвай недавно поняла, что ее выслушают, если она захочет что-то предложить – но она еще слишком хорошо помнила время, когда играла на ковре вместе с Ремме, как сейчас Каоледан, а взрослые обсуждали свои малопонятные дела, не обращая внимания на маленькую темноволосую девочку.

– Драться… Но как? – сказал Реммевагара.

– Если бы только знать, где они полетят… и когда… – сказал Моркобинин. – Можно было бы снять их из пулеметов.

– Да, но это мы никак не сможем узнать, – вздохнула Квендихен.

Маха покосилась на Хелькара.

– Они пойдут через Дункелайс, и скорее всего ночью, – сказал тот.

– Почему? – с большим интересом спросил Тиндекет.

– Потому, – грубо отрезал Хелькар. – А пулеметы… Ну, если они полетят очень низко, тогда может получиться.

– Тучи! – воскликнула сестра Че, и добавила, сузив глаза: – О, они полетят очень низко… брюхом за скалы будут цеплять!

Каоледан, напуганный резко изменившимся лицом и тоном матери, заплакал.

– Пойдем спать, заинька, – сказала сестра Че.

Мальчик подбежал к ней и уткнулся лицом в живот. Эльфка обняла его.

– Ладно, мы пойдем, – сказала сестра Че. – Я посмотрю книгу заклинаний, может быть, найду что-нибудь еще.

Они с Каоледаном покинули зал.

– Я вижу, надо все хорошенько обдумать, – заметила Маха. – Давайте этим и займемся. Успокоимся и подумаем. Идея сбить гросайдечей из пулеметов хороша… но уж больно необычна. Может быть, есть другой выход? Более простой и надежный. А мы не видим его потому, что сильно испугались?

Некоторое время партизаны сидели в тишине, только смеялся Тиурику, которого Тиндекет в задумчивости подбрасывал на руках.

– А мне их жалко, – сказала Квендихен тихо.

Моркобинин приподнялся на локте.

– Кого?

– Этих людей, наездников… и дракончиков.

– Да, это странно, – сказала Маха. – Между нами и Боремией нет войны. И никогда не было, у нас даже общей границы нет. Почему они летят на нас?

– Мы в войне с Мандрой, а Боремия – имперская провинция, – сказал Хелькар.

– Нашла, кого жалеть, – фыркнул Моркобинин. – Лучше нас пожалей.

– Лучше спой нам, Квенди, – попросил Реммевагара. – Под хорошую песню и думается лучше.

– Дай мне лютню, Морко, – попросила девушка.

Эльф выполнил ее просьбу. Квендихен провела рукой по струнам, немного подстроила инструмент, набрала воздуху в грудь… и вдруг заплакала.

– Простите меня, я не смогу, – пробормотала она сквозь слезы и выбежала из зала.

Моркобинин ушел вслед за ней. Реммевагара откашлялся.

– Тогда я спою, – сказал он. – Никто не возражает?

– Ну, попробуй, – ответила Маха.

Полуэльф подошел к дивану, взял лютню, и уселся на полу.

– Песня Короля-Призрака, – сообщил он.

Тиндекет заметил, как Маха и Хелькар снова обменялись взглядами – быстрыми, почти незаметными, но блеснувшими словно острия пик в лунном свете.

Мне никогда не забыть ни о чем. В храме погасло древнее пламя.

Черное знамя под светлым мечом пало и втоптано в грязь сапогами.

Мертвые струны не зазвенят, лишь над пожарищем каркает ворон.

Что ж вы стоите? Убейте меня. Или боитесь, псы Нуменора?

У Реммевагары был приятный голос, а песню, судя по размеру и плавным, пышным поэтическим оборотам, сочинил кто-то из Народа Звезд. Но Тиндекета заинтересовало другое. При слове «Нуменор» по лицу Хелькара прошла тень – слишком мимолетная, чтобы считать ее гримасой ненависти или презрения, однако слишком отчетливая, чтобы ее не заметить.

Назгул! И страх словно ветер. Я ведь один! Так что вы же встали?
Верно, я назгул и все же смертен – ваши мечи из заклятой же стали.
Сдвинуться с места никто не посмел, горькие мысли хлещут, как плети,
Ранят больнее мечей и стрел. Мой Властелин, молю я о смерти…

Знаю, ты скажешь: «Не вышел твой срок». Память каленым железом не стынет.
Я не прощу, стал я ныне жесток! Ненависть – мне имя отныне.
Мордорский воин, крылатая смерть, меч Саурона, гнев Саурона.
Всадник отчаянья. Имя мне – Месть. Память мне стала стальною короной [3].

Реммевагара провел рукой по струнам в последний раз.

– Никогда не слышал обо всех этих назгулах, Сауронах, Мордоре и прочем, – заметил Тиндекет, со странным любопытством наблюдая за лицом Хелькара. У того не дрогнула ни одна ресница.

– Но что это за крылатая смерть? – спросила Глиргвай. – У назгула были крылья?

– Нет, – сказал Реммевагара. – Он летал на каком-то крылатом чудовище, созданном темной магией.

– Нам бы сейчас этого назгула, – вздохнул Тиндекет. – Вместе с чудовищем!

– Он же был злым, как я поняла, – заметила Глиргвай. – Вряд ли бы он помог нам.

Маха поднялась с ковра.

– Пойдем покурим, Хелькар, – сказала она.

– Может, ты покормишь сначала? – заметил Тиндекет.

– Он не хочет есть, – ответила недовольная Маха.

Тиурику, тонко почувствовав момент, протянул ручки к матери и тоненько заплакал. Маха хотела рассердиться, но передумала и рассмеялась.

– Он всегда играет на твоей стороне, – сказала эльфка, взяла ребенка и покинула зал.

Тиндекет подошел к камину, оперся на украшенную причудливыми фигурку полку.

– Ну что же, – сказал он, глядя на Хелькара в упор. – Нам называть тебя «ваше величество»?

– Не понял?

– Брось, – сказал Тиндекет. – Ты сразу сказал, где они полетят – потому что сам летал здесь. Но это все твои личные дела, назгул, меч Нуменора…

– Меч Саурона, – глухо поправил его Хелькар.

Глиргвай тихо ахнула. Тиндекет беспечно махнул рукой:

– Теперь ты Махин меч, Морана отдала тебя ей! Ты можешь призвать эту… летучую тварь?

---

[3] автор песни *imaginaryhawk*

Хелькар поправил заколку. Блики волшебного пламени из камина отразились от впаянных в эмаль крохотных изумрудов, пронеслись по стене россыпью зеленых световых зайчиков.

– Мы… мы нехорошо расстались, – сказал он угрюмо. – Она услышит, если я позову, но не знаю, придет ли.

– А Маха знает, что у тебя есть…тварь? – спросил Реммевагара.

Хелькар кивнул.

– Вот почему ты не сказал о ней сразу, – сообразил Тиндекет. – Я сразу удивился, что ты в кои-то веки решил положиться на пулеметы. Но ты попробуй, позови.

Глаза у Хелькара были цвета ночного неба – серые, чернеющие в глубину. В этот момент они стали черными.

– Ну пожалуйста, – тихо сказала Глиргвай.

– Мы вас все очень просим, ваше величество, раз уж Маха не попросила, – добавил Реммевагара самым почтительным голосом, на который был способен. – Давайте все забудем о старых размолвках….

– Я потерял свое королевство, и я больше не король, – ответил Хелькар. – Но вот что мне интересно – где ты, Реммевагара, услышал эту песню.

– Это колыбельная, мне мать пела, – признался полуэльф. – Там еще много куплетов, я уже не все помню. Я просто запомнил, как того короля звали. Редкое имя. И про кольца там…

Глаза Хелькара снова начали чернеть, и Реммевагара замолчал.

– Совершенно невозможно предотвратить утечку информации, – пробормотал Король-Призрак. – Даже если погибнут все, кто имел к ней доступ по долгу службы. Даже если переписать все летописи, которые расходятся с новой версией истории. Все равно – семьсот лет спустя матери будут петь своим детям колыбельные на стихи, сложенные доморощенным поэтом по мотивам материалов секретности уровня А! Вот почему так?

– Не знаю, – сказал Реммевагара с сочувствием. – Говорят же – «песню не задушишь, не убьешь».

– А где оно находилось, твое королевство? – спросил Тиндекет.

– Здесь, – ответил Хелькар. – Я могу появляться и летать только над теми землями, которые принадлежали мне.

– А как оно называлось? – осторожно поинтересовалась Глиргвай.

– Ангмар.

– Ты, значит, Хелькар Ангмарский, – сказал Тиндекет миролюбиво. – Ну ты уж попробуй договориться с той тварью… Хочешь, я с тобой пойду? Она, кстати, огня не выдыхает?

– Может, она давно тебя простила, да только стесняется подойти, – добавила Глиргвай.

Хелькар встал.

– У меня от вас уже голова кругом, – сказал он. – Огня она не выдыхает… по крайней мере, не выдыхала, когда я был с ней знаком. И я буду звать ее сам, один.

Эльф хмыкнул и добавил, глядя на Тиндекета:

– Она, когда не в духе, обычно разрывает на куски… А теперь каждый боец будет на счету. Спокойной ночи всем.

Ваниэль встала и прошлась по землянке взад-вперед. В одном из подземных убежищ партизаны сделали кухню, и брат и сестра встретились здесь – кухня находилась как раз на полпути.

В неверном свете алого магического шара, завешенного под потолком, фигурка сестры казалась черной. Ошарашенный принц молчал, не зная, что сказать. Все услышанное им напоминало какую-то нелепую и жестокую сказку. Рингрин вырос в мире, где драконы правят империями, и выдыхают огонь только на парадах в свою честь. Эльф бездумно вертел в руках кинжал – наследное оружие Унэнгвадолов, подаренное королем сыну на день

совершеннолетия. На рукоятке был вытиснен герб рода, напоминающий по форме снежный вихрь или умбон.

– Мы уходим за Шенору, – сказала Ваниэль. – Завтра же. Энедике я уже сказала, чтобы не рассчитывали на нас.

– А они собираются… воевать с драконами? – спросил Рингрин.

– Да, они хотят одолжить у Махи пулеметы, – ответила эльфка.

– Пулеметы? Что это?

– Не знаю, я никогда их не видела, – призналась Ваниэль. – Наверное, какие-то особенно мощные катапульты. Это волшебное оружие, Морана дала его одному из эльфов Махиного отряда. Но у нас нет волшебных катапульт, и мы уходим. Когда позицию нельзя удержать, ее сдают.

Рингрин задумчиво провел кинжалом по поверхности стола.

– Нет, – сказал принц.

– Что? – тихо переспросила Ваниэль.

– Уходи, если хочешь, – повторил Рингрин. – Я со своими ребятами останусь.

Эльфка заплакала.

– Ты не понимаешь! Ты не представляешь, что здесь будет! Ты не видел Большого Пожара, а я…

– Да, не видел, – сказал Рингрин. – А ты не думаешь, что детский ужас лишает тебя разума?

– Но мы же ничего не можем сделать! Мать обещала меня одному из богов, ты знаешь, – добавила принцесса, успокоившись. – Я должна сохранить себя для того, чтобы сбылось предначертанное.

– Если ты нужна Ящеру, он в любом случае спасет тебя, – хладнокровно возразил брат. – Я скажу, что мы должны сделать. Мы не умеем биться с драконами, и волшебных катапульт у нас нет. Но мы, слава Мелькору, не испытываем недостатка в деньгах. Мы должны найти профессионала. Человека или эльфа, без разницы. Того, кто знает повадки гросайдечей. Химмельриттера, которого выгнали из Цитадели за пьянство, к примеру. Мы наймем его, дадим столько денег, сколько он попросит. Даже если мне придется заложить гномам свою корону! А потом нам останется только следовать его советам.

– Идея хороша, – помолчав, сказала Ваниэль. – Но у нас есть всего три недели. Где ты найдешь этого пьяницу-химмельриттера?

Рингрин в затруднении почесал ухо кинжалом.

– Я знаю такого профессионала, – вдруг раздался голос из темноты.

Брат и сестра обернулись на звук и увидели рыжую шевелюру, торчащую из-под лежавшей в углу медвежьей дохи.

– Кулумит! – выдохнула Ваниэль. – Что ты здесь делаешь?

Если бы Кулумит был темным эльфом, его звали бы Лисенком. Но его родители были из ледяных эльфов, осевших в Лихом Лесу после бунта Разрушителей. Имя Кулумита означало южный плод, у которого, по утверждению эльфа, шкурка была точь-в-точь такого же цвета, что и его волосы.

– Где искать повара, если не на кухне, – смущенно улыбнувшись, ответил рыжий эльф. – Я тесто поставил, хлеба на утро хотел напечь, да и задремал….

– Ты сказал, что знаешь того, кто нам нужен, – напомнил Рингрин.

– Это все бесполезно, – нервно перебила Ваниэль. – Если бы кто-нибудь из темных эльфов умел бы обращаться с гросайдечами, мы бы давно знали об этом. Он не смог бы промолчать, давно похвастался бы. Тот, кого знает Кулумит, может быть где угодно! Мандра велика!

Кулумит снова улыбнулся.

– Я даже знаю, как его найти, – сказал эльф.

Он исчез под дохой, а когда выбрался из-под нее, в руках у Кулумита был меч.

– Он подарил его мне, – сказал рыжий эльф. – На прощание. Металлы долго хранят

отпечаток ауры бывшего хозяина.

Рингрин только хмыкнул.

– Что тебе нужно для поискового ритуала? – спросил он сестру.

Принц был не очень сильным магом, как и большинство темных эльфов. Отцом Ваниэль же был серый эльф, и принцесса умела и любила колдовать.

– Да пожалуй, больше ничего, – сказала Ваниэль. – Кроме имени.

– Его зовут Марфор, – ответил Кулумит. – Он сын хозяина той крепости, где сейчас живут химмельриттеры. Потом его мать ушла к Разрушителю Игнату, который и создал гросайдечей. Марфор знает о них все, и даже немного больше.

– Разрушитель проявил мудрость и терпимость, какую не часто встретишь и среди эльфов, – сказала Ваниэль задумчиво. – Игнат любил ребенка просто за то, что это сын его возлюбленной…

– Но и Моруско хорошо относится к тебе, – возразил Рингрин.

– Да, но твой отец такой один, – возразила сестра. – Мать ведь долго не могла выйти замуж второй раз. А ведь мой отец не мандречен, а тоже эльф.

Она встряхнула головой.

– Давай меч, – сказала Ваниэль. – Посмотрим, где он теперь, этот Марфор. Тот, кто знает о гросайдечах все и даже немного больше.

Северный ветер беспрепятственно гулял по смотровой площадке башни Золотых Кос. Заглядывал под припорошенные снегом каменные скамьи, целовал холодные, почерневшие от времени и мороза носы лошадок из серого глосссдольского мрамора, поставленных здесь еще Каранурумом Феанорингом.

Гюнтеру впервые в жизни хотелось плакать. Он никогда не знал своей матери, и теперь провожал идущего на смерть отца. Шатт вообще улетел из Цитадели, чтобы не прощаться с Вольфом.

Вряд ли бы темным эльфам удалось уничтожить гросайдечей, с которыми им раньше никогда не приходилось иметь дела. Но девятерым химмельриттерам предстояло возвращаться назад над бушующим океаном огня, и особенно малы были шансы на благополучное возращение у тройки Вольфа. Им предстояло поджечь Железный Лес от залива Полумесяца, с самого восточного его края. Их обратный путь над пламенем был самым длинным.

– Но почему же он послал самых лучших, – вырвалось у Гюнтера.

Вольф стоял у бронзовых перил террасы. Он часто бывал здесь, наблюдал сверху за повседневной жизнью Цитадели. Вольфу нравилась площадка, и Гюнтер знал, почему. Из прутьев были любовно сплетены силуэты огромных рысей. Бронзовое ограждение было, пожалуй, единственным, что уцелело от основателей замка – фон Татцельбергов, оборотней из клана лесных кошек. А металлы очень долго сохраняют в себе отпечаток ауры своих хозяев. Между кланами вервольфов и татцелей никогда не было большой дружбы, но теперь дыхание давно ушедших оборотней казалось Вольфу чем-то родным и ободряло.

– Главный Химмельриттер отобрал тех, кто ему мешает, от кого он давно хотел избавиться, – рассеянно ответил Вольф. – Сын Игната слишком авторитетен, он у Эдмунда как бельмо в глазу. Ну, про мою репутацию не будем говорить… А Брунгильде надо было спать с Эдмундом, а не со мной.

Фон Штернхерц добавил тихо:

– И это единственное, о чем я жалею.

Он повернулся к сыну.

– Но больше я не жалею ни о чем. Я всю жизнь мечтал летать, и я сделал это. Никогда не предавай свою мечту, Гюнтер. Делай то, что хочется. Когда я отказался от мечты, моя душа покинула меня, а в меня вошел сам Локи, и если бы не Рейнарт…

Гюнтер собрался с духом. Это был шанс поговорить с отцом о том, что волновало его больше всего – и возможно, это был его последний шанс получить родительское

благословение.

– Папа, – сказал он. – Я хочу быть врачом.

Он замер, затаив дыхание, не сводя глаз с иссеченного морщинами лица Вольфа.

– Врачом? – повторил единственный в мире оборотень-полиморф и добродушно усмехнулся. – Ну а что, ведь на эмблеме лекарей изображают гросайдечь, пьющую вино из чаши. Твои предки славно послужили Водану; почему бы тебе не заделаться жрецом Фрейи?

Вольф обнял сына.

– Передавай Шатту мое благословение, – сказал он. – И пусть бросает эту садистичную дуру, пока не поздно. В Цитадели полно наездниц, умных, ласковых и верных.

– Хорошо, – ответил Гюнтер.

Вольф стал спускаться к взлетной площадке, на которую неуклюже выползали девять летающих ящериц. На земле эти чудесные создания выглядели смешно, но и не для земли они были созданы.

В сторону Инкубатора и обвивающего его черного тела старший химмельриттер Вольф даже не глянул.

Ветер свистел в огромных кожистых крыльях. Под ногами Марфора проносились выжженные, черные земли. Химмельриттер облетал самый восточный край Драконьей Пустоши, прижимаясь к горам. Эльф с наслаждением вдыхал холодный воздух с горьким привкусом пепла и чего-то неуловимого. Этот странный аромат появляется в воздухе только весной, и будоражит кровь, и зовет к неведомым свершениям и подвигам.

Ни одну драконихи не удалось приручить даже самому Разрушителю Игнату. Ящеров для воздушных наездников выводили из обычных драконьих яиц, магически разделенных на четыре части. Дракончики, которым химмельриттеры дали имя grosse Eidechse – «большие ящерицы», получались меньше по размерам и не такие прожорливые. На способности гросайдечей выдыхать неугасимый магический огонь мутация не сказалась никак. Однако ящерицы-близняшки не обладали способностью к размножению, и химмельриттерам время от времени приходилось делать вылазки за яйцами драконов.

Наиболее удачным для этого временем традиционно считался конец весны каждого високосного года. Марфор тогда скрывался в Цитадели после очередного удачного заказа, увеличившего число его смертельных врагов. Химмельриттеры попросили принять участие в общей охоте, и он решил не отказываться. Марфору захотелось размять косточки и вспомнить детство, когда он еще не был самым высокооплачиваемым наемным убийцей от Гламранта до Нудая, а восторженным романтиком, влюбленным в небо и летающих ящериц. То время, когда жизнь, люди, эльфы и оборотни казались такими же чистыми и прозрачными, как высокое, пронзительно-голубое весеннее небо.

Со временем внутреннее небо Марфора стало мутным, насытилось горькой серой пылью – пеплом юношеских мечтаний и верований, перемешанным с кровью убитых. Очистить небо души Марфора от Цин многочисленных жертв мог только жрец мандреченского бога Ящера, но они принципиально не помогали эльфам. Однако небо, чистое весеннее небо было прямо здесь, и нежно курлыкали гросайдечи – самые старые из них еще помнили Марфора, и любая охотно позволила бы ему сесть на свою спину.

И одновременно с этим эльф понимал, что все, что он видит – это сон, сон-воспоминание. Он знал, что сейчас под его ногами мелькнет крохотная фигурка эльфа с рыжими, словно пламя волосами. Знал, что пошлет свою гросайдечь вниз по крутой глиссаде и вступит в бой с разозленной драконихой. Она приняла эльфа, невесть как очутившегося на Драконьей Пустоши, за химмельриттера – охотника за ее яйцами. Спасенного звали Кулумитом, и дорогу из владений огнедышащих ящеров он проделал лежа поперек седла и глядя на чешуйчатый бок. Время от времени гросайдечь косилась на необычную ношу своим золотистым глазом, и Кулумит обливался холодным потом. Но Марфор не позволил своей гросайдечи закусить эльфом. Не позволил даже попробовать на зуб.

Марфор взял нить сна в свои руки и сильно, но резко потянул, заставляя сон

убыстриться. Эльф видел его третий раз за последнюю неделю. Хотя он любил гросайдечей, сейчас Марфор предпочел бы, чтобы его сон навестила грудастая, большеглазая эльфка, терпеливая и понимающая. Мелькнули огромные когти дракона, рыжие кудри, лукавый глаз гросайдечи, синее, бездонное небо и мягкие, словно пух, облака, плывущие в вышине.

Затем вокруг Марфора сгустилась мгла, заклубилась серым туманом, обвила скользкими щупальцами, сжала и выплюнула. Эльф очутился на своей кровати в дешевом номере. Но перед тем, как окончательно вернуться в реальность, Марфор увидел девушку.

Темноволосую, темноглазую – а он любил совсем не таких. Невысокую и очень, очень печальную.

Марфор открыл глаза.

«Так вот кто меня ищет», подумал он спокойно и лениво. Поисковый ритуал не стоило проводить слишком часто, любой эльф знал, что означают часто повторяющиеся сны. – «Эх, Кулумит… Зачем я нужен твоей новой подружке?».

Марфор поднялся. Он решил дойти до ближайшего борделя, перебить простыми чувственными ощущениями приторно-горькую тоску, которую в нем всколыхнул этот сон. «Я не химмельриттер и никогда им не был», размышлял Марфор, надевая щегольскую куртку из желтой замши. Длинная бахрома по шву рукавов, спине и талии напоминала гребень на хребте дракона. «Я всего лишь сын Тинголорна Феаноринга, последнего владельца крепости Татцельберг», думал эльф. Он спустился по скрипучей лестнице и оказался на промозглой, сырой улице. – «И убийца, да будет проклят прах Мелькора, убийца, жиголо и снова убийца».

Марфор любил Старгород-на-Тириссе – ему здесь всегда везло.

На крупные заказы.

Как всем известно, Звенислав Тирисский вышел навстречу Воинам Льда со своей верной дружиной. Его братья были слишком заняты междоусобицами. Великий князь Мандры Денис Змей еще не успел, наверно, спуститься по ступеням в Чертоги Ящера, а его многочисленные отпрыски уже сошлись в смертной схватке за право сидеть на столе в Куле. Никто из родственников не поддержал Звенислава. Тэлери и эльдар, злые как пчелы, выгнанные из улья – боремские оборотни отгрызли от их армии самые сладкие куски и даже не поперхнулись – вырезали дружину князя подчистую. Пока Звездные Рыцари и Воины Льда двигались к Старгороду-на-Тириссе, обсуждая, в какой позиции каждый из них возьмет овдовевшую княгиню и остальных женщин города, жена Звенислава исполнила погребальный плач с крепостной стены и прыгнула с нее же.

И с тех пор в Старгороде-на-Тириссе в ноябре и декабре всегда идет дождь, туман окутывает город своим влажным покрывалом. Ярославна продолжает оплакивать мужа. Эльфы объясняют это тем, что осенью с юга приходит циклон. Теплое дыхание моря, что согревает Рабин и Кулу, превращается в холодные сопли тумана, пройдя над Великим Междуречьем.

Но кто их слушает, этих эльфов?

Рингрин, уже больше часа торчавший в подворотне рядом с корчмой «Под обкуренной горгульей», шмыгнул носом. Когда поисковый ритуал показал, что нужный им эльф находится так близко, принц обрадовался. Марфор мог оказаться и в Старгороде-на-Нудае, до которого выходило на двести верст больше. Силами всего отряда Ежи смогли бы открыть телепорт и в столь удаленную точку, но в Старгороде-на Нудае жили только мандречены. Темных эльфов, скорее всего, арестовали бы сразу же, едва они оказались на улицах города. На улицах же тирисского Старгорода встречались представители всех разумных рас. И у каждой была своя версия насчет такой причуды климата, но все, включая теперь даже темных эльфов, были единодушны в одном – это была очень неприятная причуда.

Ваниэль, стоявшая у холодной стены рядом с принцем, размышляла о том, что все же стоило взять с собой Кулумита. Рингрин оставил его в лагере, сказав, что не собирается никого уговаривать. Брат вырос террористом, и эльфка поняла это только сейчас. Она бы

предложила Марфору денег. Но принц, отойдя от первого шока, словно позабыл о том, что собирался заложить свою корону гномам. «Пара прямых в печень и мешок на голову» – таков оказался в итоге рецепт Рингрина по найму нужного профессионала.

Влага медленно и верно забиралась в сапоги принцессы, пропитывала их. Ноги заледенели, и тоскливый, медленный озноб пополз по коже Ваниэль под теплым полушубком, тоже отсыревшим, противным, тяжелым. Эльфка переступила с ноги на ногу. В луже слева от нее две крысы неторопливо грызли полуразложившийся труп кошки. За то время, что партизаны провели здесь в ожидании Марфора, зверьки успели обглодать череп и перешли к разворошенному брюху. Движение Ваниэль насторожило крыс – они оторвались от трапезы. Но не напугало. Зверьки не тронулись с места, лишь наблюдали за эльфкой темно-коричневыми бусинами глаз. «Город, где крысы едят кошек», подумала Ваниэль. – «Должен быть проклятым городом». Вдруг эльфка ощутила импульс – живой, горячий, сильный.

«Он идет. Всем приготовиться», телепатировала Ваниэль остальным партизанам.

Ворота постоялого двора открылись – нехотя, на одну треть тяжелой створки. Из-за нее выскользнула высокая фигура в желто-серой куртке. Фонарь, повешенный над входом, на миг осветил лицо идущего. У эльфки захватило дух. Столь совершенной, резкой мужской красоты она еще не встречала. Марфор, хлюпая сапогами по лужам, двинулся через подворотню. Ваниэль подняла руки, чтобы набросить на ничего не подозревающего эльфа магическую сеть. Он не мог видеть в темноте и не знал, что двое партизан уже сошлись за его спиной, преграждая путь к отступлению. Стук капели скрыл их шаги. Иргибит замахнулся, намереваясь оглушить Марфора легкой палицей.

Ослепительная вспышка резанула по глазам Ваниэль. Эльфка ощутила, как пальцы ее рук свело судорогой, как они скрючиваются подобно сухим веткам, и закричала от боли. Разноголосый хор, в котором Ваниэль услышала и голос брата, поддержал ее.

Подворотню снова окутал мрак. Когда глаза эльфки привыкли к темноте, она увидела согнувшегося в три погибели Рингрина. Он держался за стену и неразборчиво ругался. На грязной, разбитой мостовой лежали два тела, но ни одно из них не было телом Марфора. Эльфка просканировала распадающиеся ауры мертвецов. Это оказались два лучших бойца отряда Рингрина – Иргибит и Денке. Это они подходили к эльфу сзади.

«Что с тобой?», спросила Ваниэль у брата.

– Печень… – прохрипел Рингрин. – Он ударил меня по печени…

– А у меня рука вывихнута, – мрачно ответила эльфка.

Марфор безошибочно почувствовал самого сильного мага среди нападавших и лишил Ваниэль возможности плести заклинания. Эльфка посмотрела на темные груды тряпья, в которые превратились Иргибит и Денке. У Денке была свернута шея. Из пробитой головы Иргибита уже натекла большая темная лужа. У нее сидели две крысы и пили. Их длинные хвосты подрагивали от жадности и наслаждения.

У крыс сегодня определенно был удачный день.

Вечером следующего дня Ваниэль и Рингрин сидели в корчме «Под обкуренной горгульей». Они выбрали стол в углу общего зала. Остальные Ежи заняли позиции на галерее, куда выходили двери номеров. Марфор и тут удивил своих преследователей. Спустившись в общий зал, эльф купил кувшин грога и подсел к ним за стол.

– Как ваша ручка? – приветливо спросил Марфор ошеломленную Ваниэль и наполнил ее кружку.

– Вам не предлагаю, – добавил он, обращаясь к угрюмому Рингрину. – У вас и так должна сильно болеть печень.

Ваниэль засмеялась. В этот момент музыканты, чья отвратительная музыка с самого начала испортила эльфке аппетит, заиграли медленный танец. Классическую мелодию не смогло испортить даже чудовищное исполнение.

– Потанцуем? – спросил Марфор.

– Нет, – сказал Рингрин.

– Да, – сказала Ваниэль и встала.

Они присоединились к медленно топчущимся под музыку парам. Марфор развернул Ваниэль, выполняя фигуру танца, прижал спиной к себе. Одной рукой эльф обнял ее за талию, а вторую она ощутила на своей груди. Ваниэль поперхнулась.

– Я и сейчас могу уйти, – прошептал Марфор ей в ухо и нежно сжал сосок сквозь ткань. Одновременно эльфка ощутила короткий укол в живот и мысленно застонала от отчаяния. «Дура», в смятении и возбуждении думала Ваниэль. – «Дура набитая!». В рукаве у Марфора был кинжал. Прикрываясь девушкой, он совершенно беспрепятственно прошел бы через зал. Ежи не стали бы стрелять по принцессе.

– Двести золотых, – сказала Ваниэль.

– Это совсем другой разговор, – хмыкнул эльф.

– Пойдем к тебе, – сказала Ваниэль.

Марфор спрятал кинжал обратно в рукав и отпустил ее.

– Нет, – ответил он. – Мы пойдем к тебе. Хозяин терпел три дня, а потом сказал, что более наглого эльфа еще не встречал, и выставил меня вон. На последнюю монету я купил тебе вина, моя принцесса.

Ваниэль вздрогнула:

– Как ты меня узнал?

Марфор улыбнулся, галантно пропустил эльфку вперед по скрипучей лестнице. Увидев, куда идут Марфор и сестра, Рингрин тоже начал подниматься из-за стола. Ваниэль жестом остановила его. Брата перекосило, но он плюхнулся на свое место и налил себе грога. Марфор опять засмеялся и показал на свою печень. Рингрин состроил ему рожу и мрачно отхлебнул.

– Логика и еще раз логика, – ответил Марфор. – У твоих спутников черные волосы и зеленые глаза, малый рост с лихвой искупается смелостью – вы темные эльфы. А у тебя на пальцах правой руки характерная мозоль от тетивы. Вы Ежи. Кстати, давно хочу спросить, да все некого было. Почему вы так себя называете?

– У мандречен есть такая поговорка: «Ищи ветра в поле», – ответила Ваниэль. – А у нас в таких случаях говорят: «Ищи ежа в лесу».

Эльф усмехнулся.

– Понятно. Оставалось вычислить, какой отряд партизан так заинтересовался моей скромной особой. Командуешь ватагой ты, это я еще вчера заметил. В официальных сводках мандречены упоминают трех женщин-атаманш: Кошмару, Энедику и Черную Стрелу, ненаследную принцессу-полукровку. Первые две – чистокровные темные эльфки. А ты шатенка, на полголовы выше любого в банде, и зрачки у тебя круглые, а не вертикальные.

Ваниэль покачала головой:

– Хорошо, что ты не работаешь в жандармерии.

Когда Ваниэль рассказала Марфору, услугу какого рода Ежи готовы так дорого оплатить, улыбка сползла с его лица. Закончив, она выжидающе посмотрела на эльфа. Сердце стучало, как бешеное. От ответа Марфора зависело слишком многое. Для того, чтобы сжечь Железный Лес, хватило бы и одного дракона, одной гросайдечи, как называл их Марфор. Даже если отряду Кошмары удастся снять химмельриттеров над Мрачными горами, в Келенборност прибудут еще три огнедышащих чудовища.

– Расстегни блузку, – сказал эльф.

Ваниэль закусила губу.

– О, не льсти себе, – холодно сказал Марфор. – Я знаю, какая должна быть татуировка у настоящей принцессы темных эльфов. Я должен быть уверен, что ты та, за кого себя выдаешь. Мало ли полукровок в Железном Лесу…

Ежи делали себе татуировки, как правило – пиктограмму имени, чтобы в случае гибели можно было опознать тело. Мужчины размещали символ над левым соском, женщины – под грудью. Ваниэль с трудом справилась с пуговицами. Руки принцессы дрожали от ярости и

унижения. Марфор подошел к ней. Эльфка с преувеличенным вниманием стала разглядывать обшарпанный комод, стоявший в противоположном углу номера.

Марфор опустился на одно колено. Ваниэль ощутила его горячую руку, и комод поплыл у нее перед глазами. Эльф чуть приподнял грудь принцессы и увидел татуировку – змея, свернувшегося в кольцо и кусающего собственный хвост.

– Ответ отрицательный, – сказал он, поднимаясь.

Ваниэль словно обухом по голове ударили.

– Но почему? – воскликнула она. – Ведь я – это я! А что татуировка у меня не похожа на имя, так это потому…

– Я знаю, почему, – холодно перебил ее Марфор. – Да, ты Черная Стрела. Дело в другом. Убийство гросайдечей ничего не решит и ничего не изменит. Это не моя война. Мой отчим говорил мне: «Никогда не лезь в политику». А Разрушитель Игнат кое-что знал об этом. Да и к тому же, если взглянуть политически, вы ведь выдали Разрушителям всех ледяных эльфов, которые пытались укрыться в ваших лесах. Почему теперь я, ледяной эльф, должен помогать темным? Я с большим удовольствием посмотрю, как вы сгорите…

– Если бы мы не выдали твоих родичей, Разрушители начали бы войну и с нами, – возразила Ваниэль. – Возможно, претензии людей к ледяным эльфам имели под собой почву. Возможно, нет. Нас это не интересует. Мы живем ради нашего леса и нашим лесом, а Разрушители стерли бы его с лица земли. Темные эльфы никогда не вмешиваются в мировую политику.

– А сейчас чем вы занимаетесь? – с деланным недоумением спросил Марфор.

– Теперь политика вмешалась в нашу жизнь, – ответила эльфка. – После того, как Морул Кер проглотит нас, следующими на очереди окажетесь вы.

– Вам не повезло, – вздохнул Марфор. – Но я намерен уклоняться от подобных игр до тех пор, пока смогу.

Ваниэль молча и решительно сняла блузку. Эльфка смотрела, как мягчеют черты лица Марфора. Он с усилием отвел взгляд.

– За то, чтобы я вас взял, принцесса, вам придется доплатить еще пятьдесят золотых, – цинично сказал он.

– Пусть, – сказала Ваниэль тихо. – Если ты не пойдешь с нами, Железный Лес сгорит.

– Какой замечательный оксюморон, – хмыкнул Марфор.

Ваниэль продолжала, не обращая на него внимания:

– Но я твердо обещаю, что это зрелище твою душу уже не согреет. А в Подземном мире и вообще очень холодно…

Марфор вздохнул.

– Похоже, это не то предложение, от которого можно отказаться. Одевайся, – сказал он. Увидев обрадованное лицо Ваниэль, он поднял руку, словно защищаясь, и добавил: – Но цена останется прежней – двести пятьдесят далеров, и ни монетой меньше…

Бревно зависло над ямой.

– Давай! – крикнул Марфор.

Ствол медленно пошел вниз. Блеснула на солнце окованная железом заостренная верхушка, на миг ослепив Ваниэль. В яме тяжело ухнуло. Огромный кол встал в приготовленную для него лунку. Рингрин вытер пот со лба. Принц темных эльфов устанавливал бревна вместе с сестрой. Тринадцать огромных кольев, по одному на каждую сажень длины ямы. По четыре на каждую гросайдечь и один «на всякий случай», как выразился Марфор. Рингрин и Ваниэль вымотались донельзя. Телекинез не был их основной специальностью; и теперь ненаследная принцесса темных эльфов поняла, почему маги-телекинетики так дорого берут за свои услуги.

Веревка, уходившая в яму, задергалась – Марфор выбирался на поверхность. Ледяной эльф прибыл в Железный Лес только вчера, но за сутки успел очень многое. Медиумы Энедики разузнали, что химмельриттеры подожгут лес с Горба Синкляра. Холм находился

чуть в стороне от старинной эльфийской дороги, ведущей от Келенборноста вглубь Железного Леса. К Горбу Синкляра отходила широкая тропа без развилок, на которой Марфор выбрал место для ловушки. Он показал Ежам, как взрезать и поднять целиком пласт дерна. Им предстояло прикрыть огромную яму после того, как ловушка будет готова. Для того, чтобы удержать пласт в пятнадцати локтях над землей и не дать земляному ковру разрушиться, потребовалась магическая энергия пятерых Ежей. Марфор обучил партизан заклинанию, позволявшему вынимать мерзлую землю огромными кубами. Если бы не это, Ежи не успели бы выкопать яму такого размера к сроку. Отвал нельзя было оставлять около дороги, и трое партизан занимались тем, что перебрасывали извлеченный грунт в глухие уголки Железного Леса. Марфор выбрал березку, срубил ее, обрубил сучья, заострил верхушку и оковал железом в походной кузнице Ежей. Остальные колья партизаны изготовили по этому образцу.

Его усердие имело под собой вескую причину, хотя и совершенно отличную от мотивов, которые двигали партизанами. Марфор взял деньги вперед. И большую их часть он уже отработал.

Сначала Ваниэль увидела руку. Потом показались светлые кудри эльфа. Марфор схватился за край, подтянулся и выскочил из ямы. Под распахнутым полушубком была видна шерстяная рубаха эльфа. На сером фоне красовалась черная руна удачи.

Черная стрела.

Имя, которое взяла себе ненаследная принцесса темных эльфов, когда возглавила отряд Ежей. Ваниэль в который раз подумала, что случайных встреч не бывает. Их судьбы были до странности созвучны. Пасынок Разрушителя Игната и падчерица короля Железного Леса…

Марфор подмигнул эльфке. Глаза у него были серые, цвета пепла. Ваниэль в ответ чуть высунула кончик языка. Эльф улыбнулся, повернулся к партизанам, мастерившим настил, и махнул рукой. Вильварин и его напарник только этого и ждали. Вильварин сделал сложный жест. Ствол тоненькой березки поднялся из кучи срубленных деревьев, лежавших на краю ямы. Затрещали ветки. Вильварин перекинул березку через яму. Его напарник закрепил верхушку на своей стороне.

– Чем дальше, тем более тонкие деревья ты пускаешь на настил, – заметил Рингрин.

– Дальняя сторона должна выдержать вес трех гросайдечей, – сказал Марфор. – А эта – только одного.

– Перекурим, – сказал принц хрипло.

Эльфы сошли с дороги. Кулумит хлопотал около костра. Рыжий чуб повара выбился из-под шапки. В котелке над огнем что-то аппетитно булькало. Ваниэль принюхалась. «Бобы с мясом», определила эльфка.

– Я думал, что партизаны не разводят огня, – сказал Марфор озадаченно.

– В этот лес никто не сунется, – ответила Ваниэль.

– А зверей дым только отпугивает, – добавил Рингрин.

Увидев друзей, повар заулыбался.

– Чай как раз вскипел, – сказал Кулумит. – Садитесь.

Ваниэль с братом устроились на раскладных стульчиках, Марфор прислонился к дереву. Кулумит налил всем чаю, поставил кружки на пенек рядом с партизанами. Рингрин вытащил из-за пояса фляжку с водкой, открутил пробку и плехнул себе в кружку.

– Натощак, – процедила Ваниэль сквозь зубы. – Тебе ведь еще работать…

– Я чуть-чуть, – сказал Рингрин. – Только чтобы согреться.

– Я бы тоже не отказался, – сказал Марфор.

Рингрин налил водки и ему и протянул Марфору кружку. Кулумит отрезал им грудинки.

– Закусите. Сейчас и бобы поспеют, – сказал повар и обратился к Марфору: – Я соуса добавил, кисло-сладкого, как ты любишь.

– Смотри, – сказал Марфор. – Каждое пятое доброе дело наказывается уже в этой жизни.

Кулумит смутился и покраснел. Если бы Марфор, увидев с высоты раненного сородича, проявил больше эгоизма, он бы сейчас не оказался впутан в самую опасную авантюру в своей жизни. Рингрин в два глотка осушил кружку, достал трубку и кисет, набил ее табаком и закурил. Колечки дыма поплыли в воздухе. Марфор пил медленно, смакуя.

– А ты бы лучше запахнулся, чем водку хлестать, – сказала Ваниэль Марфору. – И шапку одел бы…

Кулумит, самый высокий из Ежей, дал Марфору свой полушубок вместо щегольской кожаной куртки, в которой тот прибыл в лагерь партизан. Но даже этот полушубок оказался узок Марфору в плечах. Эльф его не застегивал.

– Я ведь ледяной эльф, Черная Стрела, – усмехнулся Марфор в ответ. – Или ты забыла?

Ваниэль отвела взгляд.

– Вильварин говорит, что они закончили, – сказал Рингрин.

– Пойдем, положим дерн на место, – сказал Марфор.

– А бобы? – спохватился Кулумит.

Рингрин махнул рукой.

– Там немного осталось доделать, – сказал эльф. – Закончим и поедим все вместе.

Когда ловушка была готова, партизаны перекусили. Кисло-сладкий соус оказался выше всяких похвал. Кулумит был весьма посредственным следопытом – только темные эльфы чувствуют себя уверенно в Железном Лесу – и неплохим стрелком, но кулинара лучше него было не сыскать от Келенборноста до Мир Минаса. Марфор приказал Ежам разбиться на тройки. Эльф еще утром объяснил партизанам, что перед тем, как гросайдечи провалятся в яму, нужно будет ослепить тварей и разрушить их огнедышащие железы. И, разумеется, прикончить всадников. Долгое время единственным оружием химмельриттеров были сам летающие ящерицы, но с появлением в небе боевых ведьм всадников стали вооружать мечами и луками. Живые химмельриттеры, разъяренные смертью гросайдечей, могли причинить партизанам не меньше неприятностей, чем сами драконы. Марфор сделал на дороге метки. Алые показывали, где будут находиться головы гросайдечей в момент начала стрельбы, желтые – положение всадников. Эльф потребовал, чтобы Ежи нашли себе места на деревьях вдоль дороги. Секреты следовало разместить примерно на высоте десяти локтей. Один из тройки стрелков должен был лишить дракона глаза, второй – разнести огнедышащую железу, расположенную в шее ящера там, где у человека находится зоб, а на долю третьего приходился всадник. Только те, кому предстояло пристрелить химмельриттеров, остались при своих луках. Всем остальным Марфор велел вооружиться арбалетами, которые для этой цели закупил на деньги Рингрина еще в Старгороде-на Тириссе.

Ежи разбрелись вдоль дороги, присматривая себе места для секретов напротив меток. Марфор пошел вместе с Ваниэль. Принцессе и двум Ежам достался последний дракон в цепочке.

– Посмотри, Черная Стрела, – окликнул ее бородатый партизан. – Это дерево подойдет?

Ваниэль окинула оценивающим взглядом толстую березу, на которую он указывал.

– Вполне, Тэлион, – сказала эльфка.

Ежи стали забираться на дерево.

– Подсади меня на березу, будь любезен, – сказала Ваниэль.

Марфор обхватил ее за талию и поднял. Перед его лицом проплыла аккуратная круглая шапочка принцессы, непослушная черная чёлка. В тот миг, когда эльф смотрел в темные насмешливые глаза, он ощутил ее губы на своих – осторожное, дразнящее касание. Эльф ответил так, что у Ваниэль закружилась голова. Своей спиной Марфор закрывал их обоих от любопытных взглядов, а Ежам сверху и подавно ничего не было видно сквозь сплетение ветвей.

– Хватит, хватит, – пробормотала принцесса. – У меня ведь руки дрожать будут…

Марфор подсадил Ваниэль на ветку и обернулся. Партизаны уже разобрались на позиции. Марфор прислонился спиной к березе, глубоко вздохнул. Эльф сощурился, что-то

негромко проговорил нараспев, делая пассы руками.

Рингрин смотрел, как над дорогой встают на четкие контуры ящеров. Драконы выглядели совершенно живыми, хотя и были всего лишь оптической иллюзией, созданной Марфором. Холодная капля медленно поползла по позвоночнику Рингрина. Принц темных эльфов был против тренировки. Ваниэль сказала Марфору, что в Железный Лес никто не сунется, но это было бравадой. Разъезды Армии Мандры обычно старались не покидать главную дорогу, однако вполне могли проверить путь к Горбу Синкляра накануне прибытия драконов. Но сейчас Рингрин понял, что Марфор поступил правильно. Темные эльфы, столкнувшись с живыми летающими ящерами впервые в жизни, от ужаса растеряли бы свою хваленую меткость. Самому Рингрину достался всадник на замыкающей процессию гросайдечи. Хотя эта мишень была крупнее глаза ящера, в который должен был попасть сидевший рядом с ним Вильварин, принц сомневался в себе.

Но завтра каждый выстрел должен был лечь точно в цель.

– А мы не пристрелим друг друга? – спросил Тэлион. И болты, и стрелы не потеряли бы своей убойной силы, пройдя сквозь искаженный изображением воздух. Партизаны сидели практически друг напротив друга, так что опасения Тэлиона были вполне обоснованны.

– Разговорчики! – рявкнул Марфор. – Стрелять, когда голова вашей цели окажется над меткой!

Мимо Рингрина проплыла огромная голова с горящим глазом. Вильварин приподнял арбалет, взвел механизм. Рингрин протянул руку к колчану.

Дракон замер.

– Какой ублюдок схватился за арбалет? – заорал Марфор.

– Я примериться хотел, – пробормотал Вильварин.

– Я зачем трачу свою магическую энергию на эти игрушки, интересно? Арбалет – это не лук! Его надо было взвести заранее! И сидеть смирно, пока не появится твоя мишень! Разве это твоя мишень? Лучники, кстати, то же самое! Браться за оружие только когда появиться ваша цель! Не соседская, а ваша! Так, все готовы? Еще раз!

Дракон попятился, отошел сажени на две и снова двинулся вперед. Рингрин скосился на багрового от обиды товарища.

«Смени имя на Снегирь», посоветовал Рингрин Вильварину.

«Заткнись», хмуро ответил тот.

Процессия опять остановилась.

– Так! – крикнул Марфор. – Я кому сейчас тут объяснял? Этим березам, что ли? Молчание! И телепатическое тоже! Химмельриттеры чувствительны к магии, а гросайдечи – тем более! А ваши бесценные замечания вызывают колебания эфира!

Иллюзия снова отошла от края ловушки, замерла на несколько мгновений и двинулась вперед. В этот раз Рингрин дождался, когда пройдут все три гросайдечи. Затем наложил стрелу на тетиву. «Его» всадник чуть качнулся в седле. Рингрин отпустил тетиву. Над его ухом лязгнул выпущенный Вильварином болт. Стрела вошла под пятое ребро химмельриттера и застряла в иллюзии, словно в настоящем теле. Болт тоже завис в воздухе и засветился красным.

Марфор прошел вдоль застывших фигур, осматривая результаты пробного залпа.

– Стрелки по первой мишени, левая сторона – молодцы, – сказал эльф. – Правая сторона, стрелок по огнедышащей железе – не надо стрелять навесом, не надо! Бей по прямой. Так, вторая мишень… Претензий нет. Хотя, подождите. Кто стрелял по всаднику? Кто это «я»? Перестань показывать, Халлен, что ты здесь самый крутой. Зачем ты стрелял ему в глаз? А если бы он наклонился? Твоя цель – его сердце, но отнюдь не в романтическом смысле. Третья мишень… Правая сторона – очень хорошо, прекрасно. Когда отвоюете свою независимость и останетесь без работы, можете приходить в Цитадель Воздушных Ящериц наниматься. В воздушном бою меткость тоже важна… Левая сторона, стрелок по глазу – бери выше. Со всадником все в порядке.

Силуэты трех драконов исчезли. Стрелы и болты, лишившись опоры, посыпались на

дорогу.

– Повторим еще раз! – сказал Марфор.

И они повторили. Еще и еще раз. Когда Марфор счел возможным завершить тренировку, зимний день был уже на исходе. В лагерь Ежам предстояло возвращаться в темноте. Партизаны спустились с деревьев. Марфор смотрел, как эльфы собирают разбросанные по дороге стрелы и болты.

– Как ты это делаешь? – спросил Кулумит.

Он единственный не вызвал у Марфора никаких нареканий за всю тренировку. «Возможно», думала Ваниэль. – «Дело не в меткости. А в умении подчиняться приказам, чего мы, закоренелые индивидуалисты, начисто лишены…»

– Что – это? – вяло переспросил Марфор.

– Чтобы болты не падали? Застревали в изображениях?

– Обыкновенно, – пожал плечами Марфор. – Одно заклинание оттуда, другое отсюда, немного импровизации.

– То есть ты сам это все создал? – спросил потрясенный Кулумит. – Какого-то общего правила, придуманного другими волшебниками раньше, не существует?

– Никому из волшебников не приходилось учить темных эльфов стрелять по гросайдечам, – пожал плечами Марфор.

– Да ты просто, как говорят люди: «И швец, и жнец, и на дуде игрец», – покачал головой рыжий эльф.

– Слушай, Кулумит, в твоей палатке найдется место для меня?

– В землянке, – поправил Кулумит друга. – Конечно, да.

– Ты ночуешь с нами, – сказал Рингрин.

Они с сестрой собрали боеприпасы и стояли с другой стороны дерева во время разговора друзей. Марфор удивленно приподнял брови и иронично произнес:

– Чем я заслужил такую честь?

– Плевать я хотел на честь, – хмуро ответил Рингрин. – Я хочу быть уверен, что ты не смажешь от нас лыжи до утра.

Отряд двинулся к Горбу Синкляра. Тропинка, ведущая в лагерь, начиналась сразу за холмом. Принц с сестрой и Марфор замыкали группу.

– Если что-то пойдет не по плану, – сказал Марфор Рингрину. – Если кто-нибудь все-таки промахнется, я спрыгну в яму. Закончу работу. Не лезьте за мной. Вашей родине не нужны мертвые герои, вам нужны живые борцы.

– А ты? – спросила Ваниэль. – Что нужно тебе? Ведь мертвому деньги не нужны.

Отвечать на этот сложный вопрос Марфору не пришлось. Его выручил Халлен. Эльф остановился на обочине, пропуская отряд, и ожидал именно ледяного эльфа. Еж был мрачен, как туча. Он единственный из отряда был с Марфором почти одного роста и, видимо, на этом основании полагал, что может поспорить с чужаком по вопросу, живо волновавшему всех партизан.

– Кстати, насчет промахнетесь, – сказал Халлен. – К чему нам эти железяки? Я из своего лука…

Темные эльфы не любили арбалеты. Оружие было слишком тяжелым, болт терял свою пробивную силу на гораздо более коротком расстоянии, чем стрела. Большая по сравнению с луком точность стрельбы не имела значения для Ежей. Каждый из них и так попадал в глаз гигантского паука со ста шагов. Но Марфор настоял на отказе от привычного оружия.

– Не пробью прозрачную мигательную перепонку, третье веко гросайдечи, – холодно перебил его Марфор. – Что уже многие глупые гордецы, как я, доказали своей смертью…

Халлен побагровел, но проглотил оскорбление. Наклонив голову, партизан ушел.

– Утром должен пойти снег, – обратился Марфор к Ваниэль. – Крупный, мокрыми хлопьями. Чтобы гросайдечи не смогли подняться в воздух.

– Не беспокойся, – сказала эльфка. – Пойдет.

Сумерки все сгущались, а тропинка все сужалась. Марфор взял Ваниэль за хлястик.

Темные эльфы в сумерках видели ничуть не хуже, чем днем, а для тэлери все окружающее уже превратилось в бесформенное серое пятно, из которого внезапно появлялись острые сучья и ветки. И эльф вовсе не хотел остаться в этой темноте один. Марфор вдруг понял, что весь отряд куда-то разошелся, и они бредут по сугробам втроем.

– Ну, вот мы и дома, – сказал Рингрин, останавливаясь посреди особенно колючего кустарника.

– Я представлял себе лагерь Ежей несколько иначе, – заметил Марфор.

Ваниэль хмыкнула, ее глаза полыхнули зеленым светом, как у кошки.

– Дай руку, – сказала она.

Марфор почувствовал, как Рингрин и Ваниэль одновременно взяли его за руки с двух сторон. В следующий миг по глазам эльфа полоснула зеленая вспышка. Когда зрение вернулось к Марфору, он обнаружил себя около грубо сколоченного стола. Брат и сестра телепортировали его в землянку. Рингрин разводил огонь в печке. Ваниэль, присев на корточки, что-то искала в ларе у стены. Марфор с любопытством огляделся.

Подземное убежище Ежей оказалось просторной комнатой квадратной формы. Всю длину одной из стен занимали нары, на которых лежал тюфяк. В дырочки истертой ткани выглядывала солома. На тюфяке стояла горбом смятая медвежья шкура. Стены подземного убежища светились ровным, неярким светом. Все четыре стены были глухими. Однако воздух в подземном убежище был на удивление свежим. Откуда-то даже тянуло небольшим сквознячком. На столе, стоявшем посредине комнаты, лежала механическая игрушка в виде паука. Гномы Эммин-ну-Фуин были большие мастера по части таких вещей. Спинка паука была любовно обтянута черной замшей, и вышит крест белым стеклярусом. Эльф задумчиво посмотрел на игрушку.

– Так вот как, значит, живет принцесса Железного Леса, – произнес Марфор.

В глазах Ваниэль метнулась лукавая искорка.

– Это моя землянка, – мрачно ответил Рингрин.

– Отсюда нет выхода на поверхность? – спросил гость.

– Это ни к чему, – ответила эльфка, выпрямляясь. В руках она держала три жестяные банки с яркими этикетками, на которых были нарисованы коровьи головы и блюдо с аппетитно подрумяненной картошкой. Марфор понял, что Ежи недавно разграбили продовольственный обоз.

– А как же дым от печки? – поинтересовался он. – Вентиляция, наконец?

Ваниэль ткнула пальцем в потолок. Гость присмотрелся и различил несколько черных отверстий, в которые не пролезла бы даже крыса. Эльфка вскрыла банки ножом, оторвала этикетки, смяла и бросила в огонь. Марфор увидел на стене картину. Ему захотелось рассмотреть ее поближе. Он поднялся, ударился головой о потолок. Посыпались обломки корешков и какая-то труха.

– Осторожнее, – проворчал Рингрин.

Принц поставил открытые банки на угли. Пригнувшись, Марфор добрался до стены. На холсте была изображена башня, на верхушке которой располагалась фигура конного воина.

– Что это? – спросил эльф.

– Это вид на главную площадь Бьонгарда, – ответила Ваниэль. – На башню Светлого Всадника.

– Да, – помолчав, сказал Марфор. – Видно, что вы воюете не первый год.

Он вернулся на свое место, взял паучка со стола.

– Смотри, – сказал он принцу и небрежным касанием переломал игрушке ноги.

Глаза Рингрина расширились. Ваниэль передернуло от сухого, почти беззвучного треска, с которым ломались деревянные палочки. Марфор положил паука на стол, повернул ключ в спинке – по солнышку, чтобы завести внутренний механизм. Паук, заскрежетав обломками лап по столу, медленно пополз вперед. Рингрин и Ваниэль смотрели на изуродованную игрушку, как зачарованные. Марфор с удовлетворением заметил, что Рингрин болезненно хмурится, пытаясь понять смысл затеи гостя – неудачная шутка?

Бездумное разрушение от усталости после тяжелого дня? Или же что-то иное?

Паук дополз до края стола и упал бы, но Марфор поймал его.

– Смотри внимательно, – повторил ледяной эльф. Взявшись за ключ в спинке, он с силой провернул его против солнца. Внутри игрушки что-то хрустнуло, с нервным теньканьем сорвалась пружина. Переломанные лапки паука обвисли. Марфор положил игрушку на стол. Паук завалился набок и не двигался.

– Понимаешь? – осведомился он у Рингрина.

– Понимаю, – хмуро ответил тот. – Пять далеров троллю в карман. Я знаю, что это смешно, я уже не ребенок, но меня это успокаивало. Я глядел, как он ходит по столу, переваливается с боку на бок… Иногда бывает сложно расслабиться.

Ваниэль ничего не сказала. При виде того, как эльф обошелся с паучком, она испытала необъяснимый, животный ужас, и не хотела в этом признаваться. Марфор хмыкнул.

– Прости, что сломал игрушку, – сказал он. – Можешь удержать с меня… Я хотел показать вам кое-что, да, видимо, это зрелище не для тех глаз. Как люди делают консервы? – спросил он, чтобы сменить тему. – Что это за чары?

Рингрин пожал плечами. Ваниэль сказала:

– Никаких чар там нет. Вообще. Только тушеное мясо и картошка… Но почему-то не портится, очень долго. Я думаю, может быть, дело в том, что в запаянную банку не попадает влага.

– Мандречены и сами не знают, в чем причина, – ответил принц презрительно. – Кто-то прижал кастрюлю слишком плотной крышкой, кто-то заметил, что щи не киснут. Вот и все.

– Да, но никто из нас не заметил этого, – произнес Марфор задумчиво.

Рингрин пожал плечами, произнес заклинание, чтобы не обжечь руку, и вытащил свою банку из огня. Поставив ее на стол, принц стал есть. Ваниэль достала уже разогревшиеся банки для них обоих. Марфор кивком поблагодарил ее.

Закончив трапезу, принц сказал:

– Марфор, твое место у стены. Я пойду проверю, как там наши.

Рингрин телепортировался из землянки. Марфор почувствовал, что за время трапезы брат и сестра обменялись несколькими весьма энергичными телепатеммами, и уход принца его не удивил. Ледяной эльф свернул полушубок, пристроил его вместо подушки и улегся у стены. Ваниэль доела, положила пустые банки в печь и плотно прикрыла дверцу. Затем пробормотала себе под нос заклинание, и сияние стен погасло. Марфор услышал шаги, потом зашуршал тюфяк. Эльфка тоже забралась на нары. Ширина походного ложа позволяла обоим лежать на спине, и между ними еще оставалось сантиметров шестьдесят, как раз для Рингрина.

В печке потрескивали угли. На земляном полу лежал алый блик из-под дверцы.

– Ты не спишь? – сказал Марфор.

– Нет.

– Ты меня хочешь?

Ваниэль чуть замялась, но все же ответила:

– Да.

– Давай уже завтра, Черная Стрела, – сказал Марфор. – Когда мы победим, принцесса отблагодарит победителя дракона, как заведено…

– Когда **ты** победишь, – сказала Ваниэль. – Теперь я понимаю, откуда пошла поговорка: «гордый, как ледяной эльф». Как скажешь, Марфор. Но позволь, я поделюсь с тобой еще одной пословицей. Нашей, партизанской. «Завтра не всегда наступает».

Эльф усмехнулся и повернулся к Ваниэль.

Она боялась назвать его другим именем, но неожиданно поняла, что успела забыть одну простую вещь – несмотря на одинаковость выполняемых движений, каждый делает их по-своему. Это и есть характер. Сутью же Марфора, как можно было заметить еще во время стрельбы по иллюзиям, была неторопливая изощренность. Став с нею единым целым, он все равно умудрился остаться один, и эта отстраненность, из-под которой в конце огненным

фонтаном прорывается боль, напомнила Ваниэль совсем другого эльфа, не того, кто делил с ней эти тесные нары так долго, и которого две недели назад принесли из леса с мандреченской стрелой в глазу.

В итоге, она все же произнесла имя, и это имя не было именем Марфора.

– А Шенвэль не придет бить мне морду?

– Нет. Он теперь в воспитательном лагере, если еще жив. Прости, что я тебя так назвала, просто…

– Да все понятно. Пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Завтра, чтобы ни случилось, ты не пойдешь за мной в яму. А то знаю я вас, женщин. Ночь – это ночь, а день – это день.

– Видишь ли, мы, темные эльфы, ценим ночи больше дней.

– Почему же?

– По ночам мандречены не воюют.

Тиндекет и Глиргвай устанавливали пулемет на скальном козырьке. Второй пулемет и Глиргвай были последним грузом, который Хелькар привез на своей твари. Тиндекет с завистью посмотрел на лук Ангмарца, висевший за спиной девушки. Длинный, из матово-коричневого дерева, которое эльф так и не смог распознать, хотя отличал клен от дуба на ощупь, по рисунку коры. Однажды Тиндекет попытался взять лука. Он успел ощутить лишь невыносимый холод, из руки брызнула кровь – тетива пропорола ему ладонь до кости.

– Защита от вора, – сухо сказал Хелькар, пока сестра Че забинтовывала руку матерящемуся эльфу. – Лук можно только подарить.

И видимо, он подарил лук Глиргвай, вместе с колчаном. Из него торчало черное оперение стрел, имевших странный пятиугольный наконечник. Увидев его впервые, Тиндекет рассмеялся и сказал:

– Я знаю, эти стрелы смертельны. Когда они пролетают рядом, врага просто разрывает от смеха.

Но тем не менее, эти стелы убивали, именно своими смешными наконечниками, которые, как выяснилось, в теле жертвы распадались на пять частей и двигались внутри уже самостоятельно. Человек превращался в мешок, набитый кровавой кашей из перемешанных, разорванных внутренностей. Раны от стрел Хелькара не лечились.

Вечерело. Та часть ущелья, где находилась троица, уже была погружена в сумрак. Маха вздохнула, подумав о том, что солнце сейчас бьет в глаза Моркобинину, сидящему на противоположном конце ущелья. Впрочем, к тому времени, когда химмельриттеры появятся, солнце уже скроется за острыми пиками гор. Она подтащила ящики с патронами поближе к Глиргвай и Тиндекету заклинанием Выползка, и теперь разминала руки, втягивая новую порцию Чи.

Ущелье Дункелайс имело форму буквы N и перечеркивало горы Эммин-ну-Фуин в их самой узкой, северной части. Можно было облететь горы и идти над Гламрантом, но тогда химмельриттерам пришлось бы забрать слишком далеко к северу, и на выправление курса у них ушло бы дня два. Хелькар полагал, что они пожелают сократить свое пребывание во враждебной стране по максимуму.

И он оказался прав.

До Мидинваэрна оставалось четыре дня, когда медиумы Энедики сообщили, что химмельриттеры пересекли Димтор южнее урочища Плакун, где и разделились – трое полетели на юг, шестеро – на северо-запад. Отряд Махи выступил налегке. Хелькар пообещал отнести пулеметы, патроны и прочие припасы в ущелье на своей твари. Ежи осмотрели ущелье и выбрали позиции для будущего боя. Моркобинина, Квендихен, Глиргвай и сестру Че Маха поставила в нижней точке, в которой заканчивалась наклонная палочка буквы. Самое главным командирше Ежей казалось, чтобы химмельриттеры не

прорвались назад, к равнине. Сами они с Тиндекетом разместились в верхней точке наклонного отрезка, там, где ущелье резко сворачивало на юг. Хелькару предстояло доставить Глиргвай к группе Моркобинина и занять свою позицию в облаках, медленно сгущавшихся над ущельем.

Сейчас Хелькар ждал, пока Тиндекет и Глиргвай разберутся с пулеметом. Им предстояло связать заклинаниями его тонкие длинные ноги и выбоины в почве. Хелькар привалился к теплому боку своей твари. Та свернулась кольцом на краю обрыва – скальной козырек был не так уже велик.

– Ну, вроде все, – сказал Тиндекет.

Глиргвай направилась к Хелькару. Тот откашлялся, извлек из-под полушубка и кольчуги тонкую цепочку, которую всегда носил на шее. На цепочке висели два кольца, украшенные старинными рунами.

– На время битвы мне придется сменить облик, чтобы стать неуязвимым, – сказал Хелькар. – И я хочу показать его вам заранее. Чтобы вы знали, что это я.

– Валяй, – сказала Маха и засунула руки в карманы полушубка.

Эльф неторопливо расстегнул цепочку, снял то кольцо, что было чуть больше в диаметре, застегнул цепочку и надел кольцо на средний палец правой руки.

Тиндекет шумно выдохнул, осел прямо в снег и судорожно вцепился в затвор пулемета. Если бы оружие не было бы заговорено и жестко нацелено в небо, сейчас он бы развернул его, и стрелял бы, пока опустошенный диск сухо не защелкал. Глиргвай застыла на месте. «Биться в мокрых штанах будет очень неудобно», меланхолично подумала она. – «Они же сейчас застынут, будут как деревянные».

– Ух ты, – восхищенно сказала Маха. – Да, вы с тварью теперь очень подходите друг другу.

Эльфка прищурилась и посоветовала:

– Только сдвинь корону набок, вид будет побоевитей.

– Я не могу, – прогрохотал из шлема назгул. – Она приварена.

Глиргвай засмеялась и с облегчением поняла, что ей все же придется сражаться в сухих штанах.

– Так, ну давайте. Уже пора. Садись к нему, Глира, – сказала Маха.

Эльфки крепко обнялись на прощанье.

– Не дрейфь, – сказала Маха. – Мы тебе из кожи гросайдечи к Белльтайну платье справим… Первая девка на деревне будешь.

– Лучше штаны, – мрачно сказала Глиргвай.

– Или так, – согласилась Маха. – Штаны из драконьей кожи, ха! Им же сносу не будет.

– Штаны, платья, – заметил прислушивающийся к разговору Тиндекет. – Плащи надо всем пошить, они ж непромокаемые получатся. Самое то осенью по лесу шастать.

– Там посмотрим, – сказала Маха. – С шести гросайдечей кожи на все должно хватить. Остальное некромантам продадим, я уже договорилась.

Хелькар сел на спину твари, прикрытую попоной. Он не нуждался ни в уздечке, ни в шпорах для того, чтобы управлять чудовищем, ни в седле, чтобы удержаться на спине во время пируэтов – в полете назгул и его тварь становились единым целым. Но про Глиргвай этого сказать было нельзя. Она села перед Хелькаром, и он крепко обнял эльфку за талию. Когда они улетали из Дома, Глиргвай решила сесть сзади и держаться за эльфа. Но ощущать, что поднимаешься на огромную высоту, и видеть перед собой только спину в толстом стеганом жилете, который Хелькар носил поверх кольчуги – это оказалось слишком для девушки. Они поменялись местами, и вид леса под ногами успокоил и очаровал эльфку.

Тиндекет проводил небесных всадников глазами, а потом наклонился к Махе и прошептал ей что-то на ухо. Эльфка хмыкнула.

– Я понимаю, милый, – сказала она почти нежно. – Что тебе очень хочется, чтобы я бросила курить, и ты бескорыстно предлагаешь себя в замену курительной трубки. Но ты

упустил вот какой момент. Ты в детстве никогда не лизал железо на морозе?

– Ну, было, – буркнул Тиндекет, еще не понимая, к чему она клонит.

– А если я к тебе примерзну? Кто тебе патронные диски менять будет?

Тиндекет расхохотался.

– Да ну тебя с шуточками твоими, – сказал эльф.

– И вообще, сколько можно суррогатами всякими питаться? – тихо сказала Маха, прижимаясь к нему.

– Эээээ… Ну…. Мы тебе ничего не повредим там? – с сомнением спросил Тиндекет.

– Это я сейчас поврежу кого-нибудь, – мрачно отвечала эльфка и жалобно добавила: – Ну Тин, а если мы умрем сегодня?

Тиндекет вздохнул, отстранился и сел на ящик с патронами – лицом к выходу из ущелья, откуда должны были появиться гросайдечи. Эльф расстегнул полушубок и ремень на штанах, приглашающе похлопал себя по коленке.

– Ура! – воскликнула Маха. – Господин назначил меня любимой женой!

– Да ладно тебе, – проворчал Тиндекет.

Потом он уже ничего не говорил.

В ущелье пришла ночь. Ели на склонах казались дочерьми каменных троллей, наряженными в кольчуги и длинные платья, с островерхими шлемами на головах. В руках они сжимали зубастые гизармы ясеней, давно потерявших последнюю листву. На высоте было холодно, ветер забирался под полушубок, кусал щеки.

– Почему ты меня подобрал? – спросила Глиргвай и высморкалась. – Тогда, когда моя деревня горела? Ты знал моих родителей?

– Нет, я там никого не знал, – ответил Хелькар. – Морана сказала мне, чтобы я был милосерден. Это спасет ее когда-нибудь.

– Ясно, – пробормотала эльфка и уставилась на руку в тяжелой латной перчатке, лежавшую на ее животе.

Второй рукой Хелькар что-то делал за ее спиной. Эльф довольно сильно ворочался, но Глиргвай уже привыкла. Теперь эльфку не обваривало потом от ужаса каждый раз, когда они съезжали с хребта животного то в одну, то в другую сторону. Тварь летела медленно, очень ровно. Глиргвай в который раз подумала о том, что, судя по размеру нижней челюсти, мозгов у летающего ящера чуть больше, чем у белки.

Из-за ее спины появилась рука Хелькара. На раскрытой ладони лежало кольцо. По черневшим на нем рунам Глиргвай узнала второе кольцо из тех, что эльф всегда носил на шее.

– Обручиться хочешь, что ли? – пробурчала озадаченная Глиргвай.

Назгул засмеялся. Из-под шлема это звучало так, словно в кастрюле булькал борщ.

– Нет, – сказал он. – Я уже другой обещался. Возьми, спрячь и послушай меня внимательно.

– Дай мне цепочку тогда, – подумав, сказала Глиргвай. – Из кармана может выпасть.

– Дело говоришь, – согласился Хелькар.

Глиргвай надела кольцо с цепочкой на шею – кожу обожгло замерзшей сталью. Остаток пути над ущельем назгул говорил, а эльфка слушала.

Молча, не перебивая и очень внимательно.

Тиндекет открыл глаза. Кусочек неба, открывшийся ему, был ограничен шеей, плечом Махи и кромкой нависающего над партизанами скального карниза. В этой рамке, в темно-серой глубине неба, двигались шесть черных силуэтов. Для летучих мышей они были слишком велики, да и летели они не безумными зигзагами, а четко выверенным порядком – одна гросайдеч впереди, четыре ромбом, и последняя, шестая – замыкающая.

«Надо будет попросить Хелькара, пусть картину нарисует», подумал Тиндекет и прошептал в ухо Махе:

– Вставай, медвежонок. Они прилетели.

Эльфка спрыгнула легко, словно и не посапывала только что у него на плече. Пока Тиндекет закреплял свою руку в специальном держателе, Маха крепила к затворному механизму первый патронный диск. Эльф был живым прицелом пулемета – он должен был смотреть на мишень, смотреть неотрывно. Пулемет крутился на поворотном кругу сам. Стрелял он тоже сам, второй пулеметчик только должен был поднести фитиль в момент первого выстрела, а потом вовремя менять диски.

«Какие они… красивые», думал Тиндекет, глядя на первую гросайдеч. Она была намного красивее твари, на которой летал Хелькар. Тиндекет смотрел на изящно посаженную голову, на длинную, почти лебединую шею. Но тварь назгула несомненно была мощнее, тут же отметил эльф про себя. И шея у нее была короче и значит, крепче держалась на плечах.

А сейчас только это и было важно.

«Чего он ждет?», подумал Тиндекет. Начать атаку должен был Хелькар. – «Они уже почти над нами».

Тихонько потрескивал фитиль в руках у Махи.

Глиргвай смотрела в ночное небо. Эльфка не могла отвести глаз от гросайдечей, залетевших в Дункелайс для того, чтобы найти здесь свою смерть. Из-за чар сестры Че небо было полно всеми оттенками серого. Гора слева казалась курганом на месте погребения знатного вождя. В высоте виднелись жемчужные облака, из-за которых гросайдечи не могли уйти из зоны поражения пулеметов. Где-то в них прятался невидимый отсюда Хелькар.

Глиргвай покосилась на сестру Че. Та, укутанная в песцовую шубу и прикрытая сверху тяжелым одеялом, лежала рядом с эльфкой на санках. Друидка находилась в тяжелом беспамятстве магического транса.

Создать зимой грозовые облака и наполнить ими ущелье, словно подушку пухом – задачка не из легких.

II

Дренадан нежно, осторожно провел веником по барельефу, сметая снег, и отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. Из всех обязанностей главного волхва содержание идола в порядке и благолепии было самой приятной и необременительной. Здесь не надо было думать, прикидывать и что-то решать; нужно было только взять в руки веничек из лучшего сорго и выйти в капище. Зимой надо было еще накинуть полушубок, но Дренадан часто забывал это сделать.

Вот уже много лет он не чувствовал ни жары, ни холода.

Идол представлял собой трехгранную стелу из серого гранита высотой в два человеческих роста. Все три грани были украшены искусными барельефами. На северной стороне стелы был вырезан ящер – не дракон и не линдворм, как однажды предположил Лайтонд, а именно Ящер. Священный лик бога. Того, кто появился задолго до всех этих линдвормов и сидхов, того, кто будет и после, когда исчезнет все живое. На юг со стелы свирепо смотрел грозный старик с кнутом и книгой в руках, путь на запад охранял огромный медведь. Дренадан закончил сметать снег с его каменной шкуры и собирался переходить к изображению человека, когда услышал шаги.

– Привет, Лайтонд, – сказал волхв, не оборачиваясь. – Подожди немного, я сейчас закончу.

Снег снова заскрипел под ногами – эльф отходил от стелы, чтобы не смотреть на почерневший от крови и пепла жертвенник с бурыми от старости крепежными петлями, которые колыхал легкий ветерок. Лайтонд прислонился к частоколу, и некоторое время они молчали. Главный волхв Ящера приводил идола в порядок и придавал ему благолепие. Эльф отдыхал, подставив лицо негреющему зимнему солнцу и чувствуя, как утихает боль в

исколотых пальцах. Его перевели на легкие работы, и теперь Верховный маг Фейре вместе с Эназерелом, бывшим командиром отряда наемников, шили рабочие рукавицы. Норма составляла пять пар в день, но Лайтонду ни разу еще не удалось сшить больше трех.

Рукавиц, а не пар.

Их отношения с того самого дня, как Дренадан швырнул эльфа на жертвенник и получил в ответ удар направленным пучком Цин, мало походили на отношения воспитуемого и жреца-воспитателя. Они стали учеником и учителем. Эльф нашел друга там, где ожидал столкнуться с непримиримым врагом. Незадолго до этого Лайтонду довелось обнаружить врага на месте верного и преданного соратника, и таким образом эльф на собственной шкуре прочувствовал закон вселенского равновесия.

– Сыграй мне пока, – сказал Дренадан, отчистив изображение Ящера и переходя к последней грани стелы.

Эльф вытащил из кармана ватника замызганную дудочку и заиграл. Серебряная флейта, с которой он вел Танцоров Смерти на замок Черного Пламени, где-то там и осталась. Лайтонд даже не помнил, где и когда он оставил ее и сменил на меч… или флейту выбили у него из руки? Эльф и не пытался это вспомнить – он не хотел всколыхнуть вал остальных образов, связанных со штурмом замка, один больнее другого. Да и Дренадан любил повторять: «Инструмент – фигня. Все фигня, кроме Музыки».

Над частоколом задрожала и полезла вверх, словно тесто из кастрюли, черная, изрезанная сверкающими зигзагами пелена. Лайтонд, единственный оставшийся в живых Музыкант Смерти, наполнял пространство мертвой силой. Если бы ее не сдерживала мощь бога-источника этой силы, если бы эльф и волхв не находились на освященной земле капища, от мира вокруг них в радиусе метров пятидесяти уже ничего не осталось бы, кроме сухой серой пыли. Когда края пелены сомкнулись над капищем подобно куполу, затемнив солнечный свет и превратив окружающий мир в черно-серую картинку, Дренадан отложил веник и махнул рукой – хватит, мол.

Теперь никто не мог ни видеть, ни слышать их.

– Тебе не кажется, – сказал Лайтонд, убирая флейту. – Что двоих для ритуального жертвоприношения будет мало? Сколько я помню, вы всегда отбирали эльфов пятьдесят – сорок…

– В этом году жертвоприношения, похоже, не будет, – ответил волхв.

Эльф вопросительно посмотрел на него.

– Черное Пламя окончательно сошел с ума под действием Эрустима, – сообщил Дренадан. – Ему уже мало ежедневных казней, превратил цветущий город в вонючий погост, скотина… Он решил сжечь Лихой Лес.

Лайтонд коротко, словно его ударили или он хотел кого-то ударить, выдохнул, но не произнес ни слова.

– Дракон нанял химмельриттеров. Сейчас они уже, насколько я знаю, уже заходят на цель, – продолжал волхв. – Ящер должен получить в дар определенное количество жизней, и в этом году оно будет перекрыто с лихвой. Все темные эльфы, все животные Лихолесья, а, там же еще гномы…

Волхв внимательно посмотрел на эльфа, но прочесть по его лицу что-нибудь было невозможно.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Дренадан.

– Насколько я знаю, дракон начал войну с темными эльфами из-за предсказания, – ответил Лайтонд. – Кто-то напророчил ему, что он падет от руки эльфа, зачатого на правом берегу Димтора. Когда Железный Лес сгорит, то окажется, что предсказатель ошибся, вот и все… И еще одно видение, казавшееся пророческим, является просто бредом одурманенного рассудка, – добавил он как бы про себя.

– Все дело в точном толковании видения, как я тебе уже говорил, – заметил Дренадан задумчиво. – Вот тебя где зачали?

– Теоретически, да, – сказал Лайтонд, подумав. – Мать и отец сошлись, когда

Разрушители стояли лагерем в Трандуиловых Чертогах.

– Я хотел поговорить о другом, – произнес Дренадан. – Переливание помогло Эназерелу? Вы же с ним все время вместе, ты должен заметить.

– Скорее нет, чем да. Его лихорадит, трясет, и на скулах у него все время нездоровый румянец. Эназерела рвало сегодня два раза, после обеда сразу и чуть попозже, а губы синие, как у покойника.

По лицу главного волхва Ящера прошла тень.

– Продолжай, – сказал он.

Лайтонд пожал плечами.

– Не стоило переливать цельную кровь. Видимо, в моей крови содержатся иммуноглобулины или антигены плазменных белков, чуждых Эназерелу. Они могли вызвать такую реакцию.

– Я ввел ему только твои красные кровяники.

– Красные кровяники? – изумленно повторил эльф, и тут до него дошло. – Вот уже не думал, что вы знаете об эритроцитах! Но как ты разделил…

Лайтонд осекся, вспомнил фразу о «ходячей фабрике крови».

– Кто мы есть – слепой инструмент в руках судьбы или мастер, который направляет резец, – произнес Дренадан задумчиво. – Вот предмет споров многих мудрецов, как среди мандречен, так и среди эльфов. Но мало кому приходит в голову, что на этот вопрос, который кажется многим отвлеченно-философским, есть вполне материальный ответ. Который соединяет в себе оба этих ответа. Представь себе инструмент, созданный для вполне определенной цели. Например, для переливания, консервации, сепарирования крови. Снабженный для этого всеми необходимыми знаниями и сенсорами…

– Как, например, узнавать группу крови на вкус… – пробормотал эльф.

– Да. Для удобства, или из отвращения к механизмам, которые испытывали творцы этого устройства, ему был придан внешний вид, схожий с человеческим. А потом творцы исчезли, а инструмент обрел свою собственную волю и судьбу…

– Так и рождаются сказки, – заметил Шенвэль. – Но ты же говорил, что был человеком… княжичем… Последним из Тайнеридов.

– В основу этого устройства должно было быть положено настоящее, живое человеческое тело, – ответил Дренадан. – И после того, как устройство… было установлено, в моем тела не осталось места ни для кого больше.

– Так вот как ты освободился, – сообразил эльф.

Дренадан кивнул. Глаза его потухли.

– Он вернулся, – сказал жрец почти шепотом.

– В тебя? – спросил Лайтонд быстро.

– Нет. Он нашел кого-то… кто не смог ему противостоять. И избавился от всего в жизни своей марионетки, что могло помешать ему, – волхв тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли. – Дай-ка я тебя осмотрю.

Эльф приблизился. Ватник на нем был расстегнут в виду теплого дня. Дренадан ловко оттянул ворот серого форменного свитера воспитуемого. Лайтонд поморщился.

– Синячина у меня там, – сказал он и чуть отступил, не давая сухим холодным пальцам коснуться своей шеи. – Хреновый ты медбрат.

Дренадан странно посмотрел на него, затем все же потрогал основание шеи эльфа.

«Выскочка», в бешенстве подумал он. – «Не могла она не заметить моей отметины, дрянь болотная…»

– А ты сам-то как себя чувствуешь? – осведомился волхв.

– Да как любой воспитуемый, – ответил Лайтонд. – Между «х» и очень «х», но не от слова хорошо….

– Это понятно, но в последнее время ты стал больше есть и меньше работать. Нет ощущения пропасти, зияющей за спиной? Сны неприятные не снятся?

Лайтонд прикрыл глаза веками, но Дренадан был слишком опытен, чтобы не заметить

проскочившую в них искру.

– Дает себя знать отсутствие женщин? – произнес он понимающе. – Тебя посещает по ночам красавица-эльфка? Мы все-таки слишком хорошо вас содержим, воспитуемый должен забыть о чувственных наслаждениях!

– Нет. Мне снилось другое.

Лайтонд не помнил, каким образом у него в руках вместо флейты оказались мечи. Танцору Смерти их полагалось два – широченная сюркистанская джамбия, и гюрза – очень сильно изогнутая экенская сабля. Музыканту Смерти, в общем-то, холодное оружие было не очень нужно; но Лайтонд в совершенстве умел обращаться с обоими клинками. На всякий случай, гномы Драконьих гор аккуратно приделали к джамбии витиеватую гарду, в рюшечках которой пряталась от нескромного взора одна удивительная деталь.

Лайтонд заметил худого, юркого мужчину с пепельными волосами и яркой зеленью глаз. Эльф бросился за ним, несмотря на то, что мужчина был одет в простой серый кафтан с зеленой вышивкой без знаков различия и драгоценных украшений.

Этот необычный, ярко-зеленый цвет Лайтонд запомнил надолго.

На щеке у мужчины была россыпь алых капель, но судя по тому, как шустро он двигался, кровь была не его – так, обрызгало где-то. В тот день кровь во дворце императора Мандры лилась ручейками, реками и фонтанами.

Верные Абдула и Рахман прикрывали спину Лайтонду, и они втроем прошли длинную анфиладу. Эльф извивался в широких, рубящих ударах, экены добивали раненных. Но в ту неприметную дверь Лайтонд нырнул один. Эльф оказался в огромном зале, заваленном трупами, с черным выжженным пятном – тенью Двери – по центру.

Он увидел перед собой пепельный затылок и рубанул саблей, от плеча, коротко и резко.

Тенквисс вывернулся буквально из-под лезвия, упал на пол и откатился в сторону. Лайтонд оказался рядом с ним прежде, чем император Мандры успел встать. Тенквисс выгнулся так, словно хотел сделать «березку», непременный элемент акробатических упражнений мандречен, и ударил обеими ногами по клинку гюрзы. Меч вылетел из руки эльфа. Император хлестко ударил его ногой по кисти. Полуослепленный болью Лайтонд отступил назад, тряся рукой, а император поднялся на ноги. Лезвие меча чуть подрагивало в его руках, как жало змеи. Это был обычный мандреченский клинок, который превосходил джамбию по длине почти вдвое.

Лайтонд, пританцовывая, сделал резкий выпад вперед, словно надеялся проскользнуть под рукой противника в ничем не защищенную подмышку. Тенквисс увернулся, замахнулся, чтобы ударить в ответ, и в этот момент пальцы эльфа сомкнулись на его кисти.

Длинные, тонкие, белые пальцы Музыканта, на вид привычные лишь к флейте. Однако император ощутил их силу и взвыл от боли. Эльф выломил его кисть так, что Тенквисс выронил меч. Он громко лязгнул, упав на каменные плиты пола. Лайтонд улыбнулся и нежно, словно в танце, потянул императора к себе – чтобы вогнать джамбию между ребрами. Зеленые нити на кафтане складывались в типично эльфийский узор из листьев, веточек и виноградных гроздьев; Лайтондуу предстояло срезать виноградную кисть с отягощенной лозы. Император схватил его за руки. Несколько очень долгих минут они испытывали силу друг друга, приплясывая от напряжения. Тенквисс оказался ничуть не слабее эльфа, и не давал ему приблизить руку с кинжалом к своей груди. Лайтонду это надоело. Как и все эльфы, он обычно избегал рукопашного боя из отвращения к близкому контакту. Он чуть дернул рукой, выворачивая джамбию клинком к себе. Прежде чем сбитый с толку противник сообразил, зачем это может быть нужно, эльф нащупал под гардой спускатель и нажал его. Раздался грохот, глаза защипало от порохового дыма. Ошеломленный Тенквисс выпустил руки эльфа и шарахнулся назад. Лайтонд ударил его ногой по голени, и император Мандры упал на колени. Кафтан на плече Тенквисса покраснел от крови. Крохотный пистоль в рукоятке джамбии был весьма неудобен в чистке и замене патронов, но работал безотказно, и в бою это изобретение экенских гномов оправдывало себя на все сто. Эльфы – да и не они

одни – считали это оружие подлым и не соответствующим благородному духу рыцарской битвы, но не брезговали воспользоваться в трудный момент.

Лайтонд замахнулся, намереваясь прикончить Тенквисса.

Удар страшной силы обрушился на эльфа сзади, как будто его горели бочонком, полным золотых монет. Лайтонд упал на колени, выронив клинок. Он ударил назад своей Цин, вслепую, не видя, но уже чувствуя, как его оплетает магическая сеть. Эта сеть была из чистейшей, словно прямиком из Подземного мира, мертвой силы. Лайтонд и не знал, что в свите Тенквисса есть некроманты. Эльф ощутил, что сеть слишком мощна, чтобы он мог ее разорвать, и подсадил на нее Черного Комара. Тот напился, разбух и с треском лопнул у него на глазах.

Лайтонд согнулся в три погибели в коконе из мертвой силы. Он попытался вывернуться, чтобы увидеть, кто его скрутил.

И он увидел.

Высокая осанистая женщина в сером кардигане появилась, видимо, из той же двери, через которую они оба попали в зал. На широкую кайму у горловины и на подоле черного платья пошел алый бархат. В руках женщина держала Эрустим. Лайтонд понял, что она ударила его силой жезла, и удивился тому, что еще жив. В следующий миг эльф узнал женщину, и в глазах у него потемнело.

– Спасибо, Кертель, – сказал Тенквисс.

Женщина издала какой-то сдавленный звук и стиснула Эрустим двумя руками так, что у нее побелели пальцы. Лицо ее исказила гримаса отвращения. Она тряхнула жезлом, и эльфу показалось, что она хотела бросить его, но артефакт словно прилип к ее ладоням. Лайтонд отвернулся – все было ясно – и столкнулся взглядом с императором.

– Я слишком хорошо к тебе отношусь, – сказал Черное Пламя. – Несмотря ни на что.

Лайтонд тихо, но отчетливо, выругался по-эльфийски, оскорбив императора и его родственников до седьмого колена. Тенквисс усмехнулся.

– Ты ничего не понимаешь, – сказал он с горечью. – Дело в том…

– Хватит! – яростно закричала Кертель. – Возьми меч и прикончи его!

Голос ее, отразившись от высоких стен зала, пошел гулять по нему многослойным эхом. Лайтонд покачнулся. У него зашумело в голове. Дальнейший разговор он слышал словно сквозь шлем – слова двоились, ломались пополам, гулко отдавались в затылке.

– Нет, – сказал Тенквисс. – Это было бы неразумно. Да и он Музыкант; в момент его смерти откроется Дверь, куда утянет и нас с тобой. Я бы не возражал, но в дыру затащит половину Рабина, а то и весь. Я должен заботиться о людях, во главе которых оказался.

– Я закрою эту Дверь! – крикнула Кертель. – Убей его!

– Нет, – сказал император. – Если кто и может освободить нас из этого кошмара, то только он. Я отправлю его в воспитательный лагерь.

Кертель топнула ногой.

– Только смерть! – выдохнула она. – И только четвертование!

Лайтонд тупо рассматривал зеленые завитушки на подоле кафтана императора, но в тот момент неведомая сила заставила его поднять глаза. Черное Пламя смотрел на него с сочувствием.

– Ну, раз ты так хочешь, любимая, – произнес он.

Император чуть заметно развел руками в знак сожаления.

– Но как же ты очутился здесь?

– Мой брат попросил за меня и отдал дракону свою руку.

– Странные сны приносит северный ветер, нехорошие и тревожные, – подытожил Дренадан. – Ты слишком много думаешь о прошлом.

– Я слишком долго хотел убежать от него, – ответил эльф. – Я бежал, не оглядываясь назад, не глядя по сторонам, в самую глушь.

Глаза Дренадана приобрели стальной блеск при этих словах Лайтонда. Волхв слушал,

не перебивая.

– Я смог убедить себя… обмануть. Я забыл, что это все произошло со мной. Я смирился с поражением, я не настолько горд. Я понял, в чем ошибался, и как надо было организовать процесс. Но… Давай лучше поговорим о будущем, – перебил эльф сам себя. – Если жертвоприношения не будет, отпусти нас с Эназерелом. Разреши нам вернуться в лагерь и приступить к работе вместе со всеми. Это успокоит воспитуемых, смягчит ожесточенные сердца.

– Вряд ли, если эльфы узнают причину, по которой вы избежали знакомства с ритуальным ножом, – возразил волхв. – А больше ты ничего не попросишь?

– Я хотел бы уйти и умереть вместе с моими друзьями из Железного Леса, – ответил Лайтонд. – Я вырос там, и если бы я только мог выбирать смерть, я бы хотел умереть вместе с Рингрином и Ваниэль. Но даже этого мне не дано выбрать.

– Даже этого! – усмехнулся Дренадан. – У тебя губа не дура! Для того, чтобы выбрать собственную смерть, нужно очень сильно прийтись по нраву Ящеру. Это – дар, которым награждают лишь редких избранных.

– Возможно, – сказал эльф. – Ты не отпустишь нас к остальным?

– Не сейчас, – ответил волхв. – Эназерел подцепил на болотах заразу, я боюсь, что она уже перекинулась и на тебя. Если я выпущу вас в лагерь, начнется эпидемия.

– И что ты будешь делать?

– Лечить буду, обоих…

Отзвучали последние аккорды песни. Старой, странной песни, радикально расходившейся с летописями Звездных Эльфов.

– И назгул погиб? – спросил Каоледан.

– Да, – сказал Реммевагара. – Даже кольцо не спасло его от проклятия.

– Ну, сейчас девочки не воюют, – ответил Каоледан. – Хелькар справится.

– Как знать, как знать, – пробормотал полуэльф. – У мандречен есть боевые ведьмы, они летают на метлах… почему не быть и наездницам гросайдечей?

Он спохватился:

– Спи. Зря я спел тебе такую страшную песню. Лучше бы я тебе о Продавце Смеха рассказал! Утром мы пойдем кататься на лыжах.

– Угу, – сказал Каоледан. – Если мама не вернется до утра, то мы пойдем к ней. Так она сказала.

Реммевагара поправил ему одеяло, заглянул в люльку к Тиурику – тот безмятежно спал. Полуэльфу это показалось хорошим знаком. Обычно говорят, что материнское сердце – вещун, что матери чувствуют все плохое, что происходит с их детьми. Но ведь связь не должна быть односторонней, вдруг подумал партизан. Если бы с Махой что-нибудь случилось, Тиурику тоже почувствовал бы.

Успокоив себя такими рассуждениями, Реммевагара прошел в кухню Дома. Полуэльф тщательно протер каменную столешницу, где обычно разделывали мясо, и положил на нее семь пучков волос. Семь коротких прядей, шесть темных, одну светлую. Сестра Че срезала их у каждого из Ежей перед тем, как они покинули Дом. Друидка перевязала их нитями разного цвета. Никакой магической нагрузки это не несло. Друидка сделала это для того, чтобы Реммевагаре было легче. Поскольку Реммевагара единственный из отряда Махи не видел в темноте, вопроса о том, кто останется с детьми, даже не возникло.

– Синяя – это Махина, – сказала сестра Че. – Желтая – Тиндекета. Прядь, перевязанная зеленой нитью – это Морко. Лиловая – Глиргвай. Красная – Квендихен. Оранжевая – моя, ну, а волосы Хелькара ты ни с чьими не перепутаешь.

– Хорошо, – с трудом ответил полуэльф.

– Помни, они могут загореться. Не клади их в деревянную миску.

– Я понял, – кивнул Реммевагара.

Полуэльф вымыл посуду, оставшуюся с ужина – две тарелки и бутылочка Тиурику.

Реммевагара набил трубку, закурил, и сел рядом с разделочным столом. В Доме всегда было очень тихо по ночам. Не скрипели полы, потому что в них не было досок. Не скреблись мыши, потому что мышей в Доме тоже не было.

Но первый раз в жизни тишина Дома показалась Реммевагаре зловещей.

Он пускал колечки дыма, иногда поглядывал на картину, нарисованную Хелькаром. Алый глаз, казалось, тоже устремлен на шесть прядок волос, лежащих на каменной столешнице.

Когда вспыхнула первая прядка, Реммевагара испытал почти что облегчение.

Вольфу очень не хотелось лезть в ущелье, которое носило такое красивое и удивительно понятное название. Фон Штернхерц слышал о том, что предки неречи пришли на землю оборотней с севера. Но возможно, старые легенды ошибались. Возможно, предками неречи были темные эльфы, ушедшие с неплодородных земель Железного Леса. Но даже если это было так, сейчас дальние родичи химмельриттеров встречали их без всякого проблеска радости на лицах.

Слишком ущелье походило на ловушку. Гросайдечи были неуязвимы в воздухе. Однако, как показал опыт войны с бланкблютерами, летающие ящерицы были совершенно беззащитны перед мортирой, установленной на замковой стене. Но другого выхода не было. Да и откуда в Железном Лесу могли взяться мортиры, совершенно бесполезные для партизан в виду своего веса? Даже если бы гномы склепали Ежам подобие пушек, у партизан не было главного – опытных стрелков. И все же Вольфу не хотелось бы лететь под градом ядер, осыпающихся на них со стен ущелья. Брунгильда предложила лететь ночью, чтобы их не увидели с земли. Вольф согласился.

Они летели с Брунгильдой бок о бок. К вечеру надуло откуда-то тучу, и гросайдечи шли очень низко. Вольф радовался, что почти ничего не видит. Он не любил, когда верхушки домов или деревьев находились так близко, что их, казалось, можно было задеть ногами. А как подозревал старший химмельриттер, в эту ночь они летели именно на такой высоте.

Ущелье делало три поворота, словно собака, гоняющаяся за своим хвостом. Гросайдечи благополучно миновали первый поворот и подлетали ко второму. Напряжение, державшее Вольфа с момента взлета, начало отпускать. Последняя часть ущелья была очень короткой, и миновав ее, можно было бы считать себя в безопасности.

Оборотень почувствовал движение у себя над головой. Крупное тело падало вниз, приближаясь к нему сзади. Вольф, скорее озадаченный, чем напуганный, обернулся.

В Железном Лесу не водились ни драконы, ни гросайдечи.

Но водились летучие твари, порождение черной магии и болезненно извращенного рассудка. Брунгильда истошно завопила, увидев летучую тварь и всадника на ней. С земли эхом откликнулись мортиры – очень маленькие, судя по звуку выстрела. «Они все же сделали это!», в ужасе и ярости подумала Брунгильда. – «Они нашли стрелков и пушки!». Наездница увидела, как головы двух гросайдечей обвисли, и летающие ящерицы рухнули в крутое пике.

Их химмельриттеры, походивший на гнома невысокий Гуннар и весельчак Лодур, любимец женщин, были еще живы. Брунгильда слышала невероятные богохульства, которые изрыгал раненный Гуннар, и свист тетивы – Лодур, очевидно, пытался стрелять в темноту, наугад, на звук стрелявшей мортиры.

Гросайдеч Брунгильды, Гильдис, ловко увернулась странной твари. Но и не Гильдис была целью первого удара назгула. Брунгильда увидела, как Вольф оборачивается… и закричала снова, понимая, что Вольф двигается слишком медленно. Что старший химмельриттер уже не успевает ни парировать, ни уклониться от удара огромного, совершенного нереального меча в руке нападающего.

Меч Хелькара разорвал тело Вольфа почти пополам, чуть выше талии. Нижняя его часть, привязанная к седлу, осталась на гросайдечи. Кровь из тела Вольфа ударила вверх,

гросайдеч Вольфа зарычала в безумной ярости. Верхняя часть тела тоже подлетела ввысь. Тварь нападавшего ловко вывернулась и клацнула челюстями, поймав торс уже мертвого Вольфа. Затем летучая тварь развернулась быстрее, чем мог уследить глаз. Это нелепое создание было по-своему грациозно. Оно ленивым жестом вспороло брюхо гросайдечи Вольфа и перекусило ей шею.

Видя бесспорное превосходство противника, Гильдис собиралась бежать. Своя шкура ближе к телу, а в конце концов, прошлой ночью и многими долгими ночами ранее старший химмельриттер Вольф умело и нежно ласкал совсем не тело гросайдечи, покрытое жесткой шкурой. Гросайдечь мчалась к выходу из ущелья прямо под выстрелы мортиры. Понятие «разнос ствола» никогда не смогло бы поместиться в мозгу Гильдис, но гросайдечь смутно думала именно об этом и надеялась проскочить.

Брунгильда закричала в третий раз и ударила Гильдис шпорами, и гросайдечь послушалась приказа своей обезумевшей хозяйки. Гильдис пошла на сближение с тварью назгула – а та, разумеется, только об этом и мечтала. Гросайдеч плюнулась огнем прямо в отвратительную морду. Но пламя, неугасимое дыхание истинного дракона, от которого мел вскипал, а гранит плавился, не оказало на чудовище никакого воздействия. Тварь проворно схватила гросайдечь обеими лапами. Гильдис ударила в бронированную грудь соперника – только искры посыпались из-под когтей.

Всадники на сцепившихся ящерах оказались очень близко друг к другу. Брунгильда увидела, что нога врага плотно зажата между телами Гильдис и летающей твари. Ее противник начал замахиваться, поднимая меч к своему плечу. Он явно намеревался разрубить Брунгильду пополам, как Вольфа, только не поперек, а вдоль. Небесная наездница ухватила меч, как копье, и что было сил метнула его, целясь в узкую порезь для глаз в шлеме.

Меч Брунгильды вошел в нее почти по рукоять. Он пробил шлем и вышел со стороны затылка. Назгул покачнулся. Уже падая на спину своей твари, Хелькар разрубил всадницу гросайдечи.

От плеча до талии, вдоль, как он и хотел.

– Кто-то вырвался! – заорал Моркобинин. – Он уже слишком близко, из пулемета мне его не достать! Стреляй, Глира!

Эльфка даже не шевельнулась.

– Не сходи с ума, – холодно сказала она. – Это Хелькар, ты что, совсем ослеп от дыма?

– А, козни Илу, и правда Хелькар, – сообразил Моркобинин.

– Не отвлекайся, милый, – сказала Квендихен и защелкнула замки на патронном диске.

Моркобинин перевел взгляд на гросайдечей. Одну из них, замыкавшую воздушную процессию, им удалось снять сразу. Сейчас она уже покоилась на дне ущелья. Вторую тоже крепко зацепило. Моркобинин видел многочисленные огромные дыры в кожистом крыле. Гросайдечь теряла высоту, но все еще пыталась выскользнуть мимо пулеметчиков обратно, в первую треть Дункелайс.

А этого допустить было нельзя.

Глиргвай пристально вгляделась в летающую тварь, несущую Хелькара. Всадник, если он все еще был на ней, не сидел, а лежал. Эльфка повернулась к друидке, осторожно коснулась ее лба.

– Сестра, – негромко окликнула она ее. – Вернись к нам. У нас раненный.

Тиндекет всадил прямо в брюхо приближавшейся к ним гросайдечи два диска патронов, нашпиговав ее, как хорошая хозяйка набивает выпотрошенную индейку черносливом. Но гросайдечь все равно летела прямо на них.

– Диск, Маха! – крикнул Тиндекет. – Вставь новый диск!

Не получив ответа, он обернулся. Эльфка сидела у затвора пулемета на корточках и держалась за живот. В первый момент он испугался, что они все же слишком поторопились с

занятиями любовью. А потом Тиндекет ощутил то же, что и Маха.

– Я всегда беру вперед, – сказала Морана, и глаза ее холодно мерцали. – Сначала ты даришь мне половину своей Чи, а потом мы идем в Ильмост. С нами пойдет еще одна эльфка, у нее ко мне такое же дело. Посмотрим, что я сумею вам наковырять…

– Хорошо, – буркнул Тиндекет.

Он покосился на постель. Широкое ложе было накрыто серым покрывалом. Неизвестная мастерица щедро разбросала жемчуг и золотые цветы по шелку. «Не ободрать бы спину об этот жемчуг», подумал эльф. Морана рассмеялась – негромко и очень нежно, словно Тиндекет своей мыслью потряс хрустальный колокольчик.

– Я не просто суккуб, – сказала Морана, отсмеявшись. – Я высший суккуб. Тот метод, о котором ты подумал, он… весьма старомоден и неэффективен, так скажем.

– Но очень приятен, – сказал Тиндекет, краснея.

– Да, – кивнула Морана. – Но я им давно уже не пользуюсь. Мы сделаем по-другому. Дай мне правую руку.

Эльф протянул ей руку, и Морана взяла его кисть в свои маленькие ладошки. По ним было видно, что их обладательница никогда не доила корову, не трепала лен и уж конечно не окучивала картошку.

– Сейчас ты не почувствуешь потери, – сказала суккуб, поглаживая его кисть. Тиндекет ощутил приятное, чуть покалывающее тепло, которое стало распространяться по руке от кончиков пальцев. – Вообще никогда ничего не почувствуешь. Но однажды ты ощутишь холод в груди, как будто у тебя вынули сердце.

Сладкая истома наполняла тело эльфа, и он уже почти ничего не слышал.

– Это придет внезапно, – донесся из влажной темноты голос Мораны. – И почти сразу после этого ты умрешь, а оружие, которое я тебе дам, разрушится.

Лодур сам не знал, как ему удалось заставить умирающую гросайдечь дотянуть до обрыва, с которого их расстреливали – медленно, верно и методично. В свете луны химмельриттер отлично видел двух партизан и жуткое оружие, к которому был прикован один из Ежей.

У гросайдечи уже не было сил, чтобы зацепиться за край уступа. Летающая ящерица скользнула вниз, на трезубцы ясеней, что сжимали хмурые воительницы-ели в белых снежных шлемах. Они уже пронзили брюхо ее сестры, сломали Гуннара, даже не заметив крохотной фигурки, и теперь ждали следующую жертву. Химмельриттер успел спрыгнуть, и приземлился рядом с прикованным к орудию партизаном. В своем толстом полушубке он больше походил на гнома, чем на эльфа. Лодур ощутил волну жара от мортиры даже сквозь меховую куртку. Он схватил партизана за шею, готовый драться, кусать и рвать его в последней, смертельной схватке. Но тело врага безвольно подалось под его руками. Только тут химмельриттер сообразил, что мортира молчит. Лодур заглянул в глаза эльфа – они были пусты. Партизан был мертв.

– Что за… – пробормотал химмельриттер, отпустил Ежа и попятился.

Труп осел на снег, только нелепо торчала вверх его рука, навеки зажатая в тиски на боку мортиры. Лодур увидел второго партизана – тот сидел на корточках за орудием. Химмельриттер вытащил меч, но эльф не шелохнулся. Лодур понял, что второй стрелок тоже мертв.

Он огляделся в поисках других противников.

И в этот момент пулемет взорвался.

Раскаленные железные обломки разорвали два мертвых тела и одно живое, превратив их в фарш, начиненный стальной стружкой. Лодур не успел даже крикнуть. Если бы теперь кто-нибудь захотел бы похоронить партизан, он не смог бы отделить эльфов от химмельриттера.

Глиргвай рыдала, как пятилетний ребенок.

– Хватит сопли распускать, – сказал Хелькар и выдернул меч из головы. – Это всего лишь тупая поделка из дрянного железа.

Эльф бросил окровавленный меч и откинулся назад, прижимаясь к теплому боку своей твари. Хелькару уже стало трудно самостоятельно держать голову, но он не хотел, чтобы Глиргвай и сестра Че поняли это. Меч воткнулся в снег почти вертикально, уйдя в сугроб по самую крестовину. Глиргвай вытерла слезы и последний раз всхлипнула.

– Я думаю, шлем лучше не снимать, – предположила сестра Че. – В мозгу нервных окончаний нет, и боль ты вряд ли чувствуешь. Но если ты хочешь, я могу наложить обезболивающие чары.

– Да, чему там болеть, там же кость. Побереги силы, сестра, – сказал назгул. – Со мной все кончено, а вот битва – нет.

Широкая черная полоса медленно сползала по шлему из прорези для глаз. В крови были отчетливо заметны осколки костей. Один, особенно крупный, был с прядью намокших, слипшихся волос. Из светлых они стали темными.

– Ты же сказал, что станешь неуязвим! – с детской обидой в голосе крикнула Глиргвай.

– Да, я неуязвим для всего… кроме оружия в женской руке. Кукла проклятой Вайры! Я всегда был против эмансипации, – ответил Хелькар.

– Тебе страшно? – спросила сестра Че.

– Нет, – ответил назгул. – Я четвертый раз развоплощаюсь, чего тут бояться.

Громко, захлебываясь, застучал пулемет. Глиргвай машинально отметила короткое повизгивание поворотного механизма. «Он уже разогрелся», подумала эльфка. – «Квенди обожжет руки, когда будет ставить следующий диск».

– Да, – произнесла друидка. – Конец – это всегда начало. Ты снова вернешься в этот мир. Ну, а пока отдохни, ты славно поработал… Поспи.

– Да плевать я хотел на сон и в особенности на ха, работу, – ответил Хелькар.

Как только сестра Че перестала удерживать облака, они разошлись. Ущелье было залито стальным светом Ифиль, и вся передняя часть шлема уже мерзко блестела от крови.

– Чего мне на самом деле жаль, это что мы больше никогда не встретимся, – эльф начал говорить медленнее, паузы между словами делались все длиннее.

Тварь, изогнув шею назад, облизала окровавленный шлем и вдруг дико, ужасно заскулила. Ее мозг уступал размерами не только мозгу белки, но даже и хорька. Однако некоторые вещи тварь понимала. Назгул ласково похлопал ее по боку.

– В каких богов ты веришь, Хелькар? – спросила друидка. – Все гросайдечи, которых мы убили, станут поминальной жертвой тебе. Скажи лишь, какому богу послать их, и я произнесу формулу.

– Чи гросайдечей уже пожрано Эрустимом, это все из-за него… Я многих знал, но с немногими разделил счастье боевой дружбы, – продолжал назгул. – Со временем уходят те, кого любишь, а искать новые привязанности не хочется – сердце устает от потерь.

Глиргвай не выдержала и всхлипнула снова.

– Если будешь скучать по мне, приходи, – сказал Хелькар.

По его голосу эльфка поняла, что он улыбается – там, под шлемом, под крошевом раздробленного лба, холодные губы с трудом складываются в улыбке.

– Я буду появляться здесь, – произнес назгул. – Поговорить мы не сможем, это будет как голо… как картинка. Но я увижу тебя, если ты придешь.

– Я приду, – сказала Глиргвай.

– Обнимите меня, – сказал Хелькар.

Тело его оказалось холодным и твердым, как дерево. Возможно, тут все дело было в толстых, жуткого вида доспехах, которые появились на эльфе, когда он надел кольцо.

Тварь взвыла последний раз, и в тот же миг они исчезли – последний раб кольца и чудовище, созданное больной фантазией давно забытого властелина тьмы. Глиргвай и сестра Че оказались в объятиях друг друга.

От Хелькара Ангмарского остались только черные пятна крови на снегу и меч, косо воткнутый в снег.

День не задался с самого утра. Точнее, с ночи.

В самый глухой час задергалось и зажужжало магическое блюдце. Змееслав проснулся в ужасе, не понимая, где он находится и что его разбудило. Бирюзовое яблоко горело голубым светом, бешено катаясь по плоской тарелке телепатической связи. Змееслав коснулся яблока рукой, устанавливая контакт. С магической тарелки на старшего химмельриттера глянул Искандер, помощник дракона. На время своего отсутствия Черное Пламя поручил курировать операцию ему. Начальник императорской гвардии должен был оказывать химмельриттерам всяческую помощь и содействие. Для того, чтобы можно было связаться с Искандером, каждому старшему в тройке Черное Пламя выдал по магическому шару.

– Где вы находитесь? – истерично завопил Искандер. – Почему так долго не отвечали?

– Потому что в Келенборносте сейчас ночь, – хмуро сказал Змееслав. – Я спал.

– Где ваши подчиненные, Шмидт и фон Татцельберг? – так же нервно спросил начальник гвардии.

Змееслав пожал плечами.

– Ганс и Зигфрид спят в своих покоях, надо полагать, – ответил старший химмельриттер.

– Вы уверены, что они еще живы? – спросил Искандер.

После этого вопроса Змееслав проснулся окончательно.

– Гросайдечи опутали наши покои магической сетью, – сказал он спокойно. – Никто не сможет проникнуть внутрь до их возвращения.

Змееслав умолчал, что каждый, кто попытается это сделать, через три часа покроется кровоточащими язвами жуткого вида. Старшему химмельриттеру это показалось шуткой очень дурного тона, но отговорить Дитриха, своего дракона, он не смог. Дитрих заверил Змееслава, что язвы совершенно не опасны для здоровья и через неделю пройдут, не оставив и следов.

– А где сами гросайдечи? – спросил Искандер уже более спокойно.

– Посадник предлагал им разместиться на центральной площади, – сказал Змееслав. – Но гросайдечам там не понравилось. Они улетели куда-то.

– Куда?

Змееслав пожал плечами. Он пытался выяснить это у Дитриха. Но дракон не смог объяснить старшему химмельриттеру, где находится место, в котором гросайдечи собирались ночевать. Змееслав понял две вещи: связаться со всадником телепатически дракон оттуда не сможет, и там совершенно безопасно. Когда химмельриттеры обсуждали загадочное заявление гросайдечей, Ганс предположил, что гросайдечи перемещаются в какой-то другой мир. Фон Татцельберг сказал мрачно:

– Лишь бы не в Подземный.

– Зиги, да хоть бы и в Подземный, – возразил Змееслав. – Лишь бы они смогли вернуться оттуда.

Тем временем Искандер продолжал, несколько успокоившись:

– Не покидайте Келенборност до прибытия армейского конвоя. Батальон Черных Скорпионов уже на марше, они прибудут к вам завтра к вечеру. На Горб Синкляра выдвинетесь под прикрытием, ясно?

– Я подчиняюсь приказам только Первого Химмельриттера, – сказал Змееслав. – Да и мы с гросайдечами сами себе конвой.

Он крутанул бирюзовое яблоко в противоположную сторону, разрывая контакт. Затем положил яблоко в верхний ящик тумбочки, а тарелку забросил под кровать, чтобы Искандер не смог вызвать его снова. Старший химмельриттер откинулся на подушки и закрыл глаза. Но сон не шел. Змееслав долго ворочался, поминая Искандера недобрым словом.

Проснувшись утром с тяжелой головой, Змееслав не обнаружил на тумбочке перстня, подарка отца. Игнат передал своему сыну страшное оружие Разрушителей – Палец Судьбы. Магический артефакт представлял собой иглу из черного хрусталя длиной около трех дюймов, оправленную в свинец. Разрушители призывали через Пальцы Судьбы мертвую силу. Змееслав долго отказывался носить артефакт. Способности Игната к управлению мертвой силой его сыну не передались, и воспользоваться Пальцем Судьбы он все равно не смог бы. Однако брат Змееслава по матери, который был мастером на все руки, изменил оправу артефакта, прикрепив к ней два кольца. Разрушители носили артефакты на шее, но теперь Палец Судьбы надо было носить на левой руке. Магическая энергия Змееслава, пройдя через созданный Марфором преобразователь, становилась мертвой силой. Старший химмельриттер называл измененный артефакт перстнем-кастетом и очень дорожил.

Изрыгая ругательства, Змееслав перевернул покои вверх дном. Перстень-кастет нашелся под кроватью, рядом с магической тарелкой. Очевидно, старший химмельриттер сам смахнул его на пол ночью.

Змееслав оделся и спустился на крыльцо. С неба сыпался снег. Старший химмельриттер с крайне неприятным чувством смотрел на неторопливый танец тяжелых, крупных хлопьев. Вдруг он услышал голоса. Собеседников отделяла от Змееслава только тонкая стена крылечка.

– Всех шестерых? – с жадностью спросил посадник.

«Так он уже встал», удивился Змееслав. Оинисим разместил гостей в своем доме. Вчера на праздничном ужине в честь прибытия химмельриттеров грузный, неторопливый посадник не показался старшему химмельриттеру ранней пташкой.

– Да, – горячим шепотом отвечал второй голос. Змееслав узнал воеводу Хандагора. – Сбили из катапулей, только чешуя брызнула. Ночью сегодня… Они, вишь, думали, что в темноте их в небе не увидит никто, хотели проскочить, ан нет, не вышло!

У Змееслава потемнело в глазах. Он пошатнулся, оперся рукой о стену. «Так вот почему Искандер кипятком ссал», мелькнуло у старшего химмельриттера.

Оинисим неприятно рассмеялся:

– Мы видим ночью лучше, чем днем. Уж это-то могли бы выяснить, прежде чем соваться в наш лес.

Змееслав задыхался. Перед его внутренним взором мелькали лица шестерых химмельриттеров, полетевших на север.

Малыш Гуннар…

Весельчак Лодур…

Молчаливый Вольфганг…

Неотразимая Брунгильда…

Симон и Петер, новички, которых он почти не знал…

– Но как они могут, – сказал Хандагор. – Неужели они не понимают? Один-то из них человек, им только дай что-нибудь поджечь, но у второго и глаза наши.

– Нет, он не темный эльф, – перебил посадника Оинисим. – Я весь вечер его ауру пытался прочесть. Он не человек, не эльф, а вообще неизвестно что.

– Но старший-то над ними точно эльф, – не сдавался Хандагор.

– Да какой он эльф, – сказал Оинисим презрительно. – Ты цацку у него на руке видел? Полукровка он, Разрушитель проклятый. Они еще когда к нашему лесу подбирались. Насилу королева Ниматэ уговорила их, даже собственного мужа выдала, лишь бы лес спасти… Я этому Смиславу денег ведь предложил. Что ему стоило сказать, что у драконов какой-нибудь насморк открылся? От нашего снега? Нет, отказался. Сидел, глазами мыргал, и все в свою дуду – я, дескать, подчиняюсь приказам только Первого Химмельриттера. Я ему – и твоего первого золотом осыплю, только уйдите, ради всех богов. А он только засмеялся в ответ.

– Сволочь…

– Не то слово, – согласился голова. – Пойдем в дом, гонца с такой приятной вестью от души попотчевать надобно. Старое миасское открою.

Заскрипел снег. Оинисим и Хандагор взошли на крыльцо. Змееслав онемел, увидев, что их лица испещрены черными язвами. Воевода и посадник тоже не были готовы к этой встрече. На их лицах, сменяя друг друга как картинки в волшебном фонаре, промелькнули страх, ненависть и фальшивое благодушие.

Что Змееслав мог сказать этим эльфам? Что Разрушитель Игнат создал гросайдечей вовсе не для того, чтобы уничтожить их родину, а для воздушного патрулирования границ Драконьей Пустоши? Что Черное Пламя сейчас сидит перед входом в Инкубатор, храмом химмельриттеров? Что император Мандры время от времени постукивает хвостом по крыше, отчего храм трещит по швам, и играючи царапает стены? Разрушитель Игнат создал Инкубатор и насытил здание своей магией, и там – и только там – из обычного драконьего яйца вылуплялись четыре гросайдечи. Отец Змееслава давно покинул Цитадель Воздушных Ящериц, и в случае разрушения Инкубатора некому было бы восстановить храм. А на настоящих драконах химмельритеры ездить не смогли бы. Боремия снова превратилась бы в выжженную, безлюдную местность.

Оинисим опомнился первым.

– Какое-то поветрие привезли вы к нам, господин химмельриттер, – сказал посадник и коснулся рукой щеки. – Вон, как меня обсыпало… А я рядом с вами сидел. Вы, может, какое средство знаете от этой заразы?

– Чешется невыносимо, – подхватил Хандагор. – И с начальником гарнизона такая же беда. И с главой купеческой гильдии, и с дочкой его…

– Я думаю, что с главарем городской гильдии убийц то же самое, – холодно прервал его Змееслав. Хандагор осекся. – И с сыном его… А средство простое – тот, кто проводит ночи в своей постели, а не шляется неизвестно где, этой хворью не заразится.

– Вы на что это намекаете? – спросил посадник. Ему было не привыкать плести интриги, и он быстрее справился с собой, чем старый вояка.

Змееслав пожал плечами:

– Ни на что, просто к слову пришлось. Я искал вас, Оинисим.

– Слушаю вас, господин старший химмельриттер.

– Мы не сможем вылететь в такую погоду, – сказал Змееслав.

– Вы погостите у нас до окончания метели? – осведомился посадник, сдерживая радость.

– Нам бы этого не хотелось, – сказал Змееслав. – К Горбу Синкляра нет дороги?

Черное Пламя велел пощадить Келенборност, и Змееслав знал, почему. В городе находился храм Красной Змеи. В нем, по слухам, могли оживить даже мертвого – была бы цела голова. Треть выпускников храма шли служить в армию Мандры. Гросайдечи не могли опуститься так низко, чтобы их дыхание достало до деревьев, а потом безопасно улететь. Но и подняться в воздух с ровной поверхности гросайдечам было сложно, а горящий лес предстояло покинуть очень быстро. Для выполнения миссии была выбран высокий холм. Горб Синкляра, что немаловажно, находился по другую сторону старой эльфийской дороги, чем Келенборност. Пламя не могло преодолеть просеку такой ширины.

– Есть, – неохотно сказал Оинисим. – Там раньше добывали медь, и дорога к рудникам осталась. Не знаю, правда, в каком она сейчас состоянии… Пять верст по большой дороге, налево, и еще версты две – вот вам и будет Горб Синкляра.

– Дайте нам проводника, и мы дойдем пешком, – сказал Змееслав.

– Извините меня, господин старший химмельриттер, – тихо сказал Оинисим. – Но с вами никто не пойдет.

Змееслав вспомнил, как вчера гросайдечи затеяли возиться на площади. Химмельриттеры подзадоривали их. Случайно обернувшись, Змееслав увидел, что эльфы стоят на улицах, выходящих на площадь, и тоже смотрят на игры драконов. В глазах горожан горела бессильная ненависть. Идти в лес без конвоя было рискованно, но оставаться в городе было еще опаснее.

– Я не смогу заставить моих эльфов, – тихо закончил Оинисим.

– Сами дойдете, – мрачно сказал Хандагор. – Здесь всего одна дорога. На первой развилке налево…

– Это я уже слышал, – перебил его Змееслав. – Что ж, спасибо и на этом.

Он резко повернулся и ушел в дом.

Гросайдечи не боялись мороза, чего нельзя было сказать о всадниках. Драконы двигались медленно. Снегопад не прекращался, и уже на второй версте пути химмельриттеры стали походить на снеговиков. Ганс Шмидт начал хлюпать носом еще во время вчерашнего перелета. Узнав, что вместо небольшой воздушной прогулки предстоит утомительный переход, Ганс перекинул через луку седла полотнище в желто-синих цветочках. По расцветке ткани Змееслав узнал простыню из дома городского головы. Химмельриттер то и дело прикладывался к ней и мощно сморкался.

Дитрих качнул шеей, скосил на всадника золотисто-алый глаз.

«Чего ты загрустил?» спросил дракон телепатически. Змееслав как раз мрачно думал: «Вернемся – нажрусь, как свинья».

«Твои сестры и братья погибли, тебя это не печалит?», спросил в свою очередь Змееслав.

«Сегодня мы отомстим за них», сказал Дитрих спокойно. – «Но ты думаешь о чем-то другом».

Старший химмельриттер вздохнул.

«Мне не по себе», признался Змееслав. – «Темные эльфы не сделали нам ничего плохого. Этот лес – старейший в Мандре, а мы должны погубить его по прихоти сумасшедшего чудовища. Говорил мой отец – никогда не вмешивайся в политику, а я…».

«Лес не погибнет, если тебя заботит только это», отвечал Дитрих сухо. – «Сумасшедшее чудовище недаром хотело поджечь его с четырех концов. Наш огонь потушить нельзя, но можно от него отгородиться. Достаточно просеки шириной с эту дорогу. Если бы пламя шло со всех сторон, темные эльфы ничего не успели бы сделать. Но сейчас загорится только один край. А они очень сообразительны и умеют действовать быстро, судя по их выходке с катапультами… И ты можешь больше не терзать себя».

Змееслав покачал головой.

«Так не бывает, чтобы и волки были сыты, и овцы целы», – сказал он.

Ганс, ехавший первым, крикнул:

– Вижу поворот налево!

– Стоять! – крикнул старший химмельриттер. Марлен уткнулась мордой в хвост послушно остановившемуся Роло и недовольно фыркнула. – Ганс, вы с Ролло в разведку. Далеко не заходите, холм должно быть видно почти с дороги…

– И сморкайся потише, а то сюда сбегутся все Ежи Лихого Леса, – добавил Зигфрид.

– Очень смешно, – сердито сказал Ганс и высморкался.

Ролло вытянул шею, принюхиваясь, затем осторожно двинулся по боковой дороге. Змееслав и Зигфрид не сводили с него глаз. Гросайдечь шел медленно, эта дорога была намного уже. Ветки деревьев то и дело задевали за бока Ролло. Снег с ветвей сыпался на Ролло, и дракон неприязненно фыркал. Но вот гросайдечь остановился. Ганс повернулся к товарищам и помахал рукой.

– Все в порядке! – крикнул химмельриттер. – Вижу холм! Если это даже не тот, что мы ищем, то вполне подходящий!

Второй на дорогу к Горбу Синкляра ступила Марлен, гросайдечь Зигфрида. Драконочка презрительно пыхтела, мотала головой и упиралась. Ей не нравился узкий коридор, по которому предстояло пройти, но всаднику удалось уговорить ее. Дитрих со Змееславом замыкали процессию.

Так они прошли версты полторы. Березы в коротких снежных платьицах стояли по сторонам дороги, словно школьницы, сбежавшие с уроков посмотреть на прибытие заезжего цирка, игриво стреляли глазками из-под белых шапок и дразнили стройными ножками в

черно-белых чулочках. У Змееслава защемило сердце. «Ну почему именно я должен уничтожить этот прекрасный лес?» подумал он почти с яростью. До Горба Синкляра уже оставалось рукой подать. Зигфрид передал старшему химмельриттеру:

«Не нравится мне это. Здесь слишком тихо. И как будто кто-то смотрит все время… поверх оперения стрелы. Черной».

«Чего же ты хочешь, лес, зима…», заметил Ганс.

Но Змееслав был склонен доверять сверхчувственному восприятию оборотня. Старший химмельриттер пристально взглянул на деревья, мимо которых они проезжали.

Марфор смотрел на золотисто-алые глаза, на могучие крылья и чешуйчатые бока гросайдечей. В горле эльфа стоял комок. «Но почему именно я должен уничтожить эту красоту?», подумал Марфор. Больше всего на свете эльфу сейчас хотелось закричать, предупредить химмельриттеров о западне.

Но он не мог.

Причина сидела на ветке над головой Марфора и, высунув от старания кончик языка, целилась в огнедышащую железу гросайдечи из арбалета.

Последний всадник в процессии оказался напротив них. Тэлион, сидевший на ветке рядом с Марфором, наложил стрелу на тетиву, прицелился. Марфор вздрогнул, увидев лицо химмельриттера. Он толкнул Тэлиона так сильно, что Еж едва не свалился с дерева.

«Да нет, ты ошиб…», начал передавать Змееслав Зигфриду. Раздался громкий треск. Ганс качнулся в седле. Змееслав увидел, как первый дракон нырнул вниз, и в первый миг подумал, что Ролло запнулся и упал на колени. Но тут Ролло рывком провалился сразу на пол-корпуса. Дракон заревел, пытаясь расправить крылья. Огромные когти царапнули по краю ямы. «*Назад, Дитрих!* », мысленно закричал Змееслав. Гросайдечь попятился, и тут земля под его ногами разошлась. Тускло блеснули заостренные колья на дне огромной ямы. Змееслав схватился за луку седла, чтобы не свалиться со спины дракона при падении. Огромные колья вонзились в живот Дитриху. Дракон закричал, тонко, словно маленький ребенок. Дитрих рванулся, но бревна, вкопанные в землю на две трети длины, удержали свою добычу. Кровь ударила в голову старшему химмельриттеру. Но он не дал гневу ослепить себя.

– Перекидывайся, Зигфрид! Беги! – закричал Змееслав.

Воздух вокруг наполнился пронзительным визгом, словно в лесу резали сразу десяток поросят. Змееславу был знаком этот звук. Он пригнулся к седлу.

Это визжали арбалетные болты. Стрелы пели гораздо тише, но и им нашлось место в общем хоре.

Из шеи Ролло с двух сторон черными струями хлынула кровь. Дракон заревел. Змееслав понял, что партизаны стреляли не наудачу. Кто-то открыл им слабые места гросайдечей и научил, куда надо бить. Ролло, тело которого раздирали колья, обезумел от боли, завыл, взмахнул хвостом и задел Марлен. Гросайдеч в ярости вцепилась в него зубами. Змееслав видел, как окровавленный конец кола вышел из левой лопатки гросайдечи. Пасть Марлен разжалась, шея драконочки мотнулась, как веревка. Голова гросайдечи нырнула вниз, под ноги Ролло. Марлен повезло больше всех. Кол пробил ее сердце, и драконочка умерла сразу. Ее братьям предстояло медленно и мучительно подыхать в тесной яме.

Стрела сбила со Змееслава шапку. Гансу повезло меньше. Химмельриттер упал лицом вперед. Из спины его торчали две стрелы. Они вошли в тело химмельриттера на всю длину, снаружи осталось только оперение. Выглядело это так, словно у Ганса проклюнулись крылья.

И крылья эти были черными.

Еще не успел стихнуть вопль химмельриттера, которого Рингрин должен был застрелить, как в седле среднего дракона уже сидела огромная рысь. Принц увидел зверя и

позабыл спустить тетиву. В Железном Лесу оборотни не водились. От обычной рыси оборотень отличался длинным, тонким, как у леопарда, хвостом. Стрелы прошли в пяти дюймах над головой оборотня. Одна из них попала в крыло дракона, другая вонзилась в ствол березы напротив. Но рысь и не думала бежать.

Зигфрид засек местоположение Ежей, которые должны были прикончить Дитриха, когда Тэлион промахнулся по Змееславу. Арбалетчиков же так ошеломило появление рыси, что они еще не стреляли. Зигфрид дал Дитриху последний шанс. Гросайдечь еще видел одним глазом, и все еще мог выдыхать огонь. Рысь прыгнула на дерево.

Туда, где сидела в засаде Ваниэль.

Рингрин выстрелил в рысь.

И промахнулся.

Принц совершенно позабыл про свою цель, про химмельриттера с третьей гросайдечи. Но Вильварин и его напарник уже отстрелялись – на месте правого глаза дракона алела рана, из шеи хлестала кровь. Химмельриттер заметил, откуда летели болты. Он вскинул руку. Мелькнуло серое и черное. Из кисти небесного наездника вырвался черный зигзаг, хлестнул по березе, срывая ветки. Вильварин с тихим стоном обмяк. Рингрин едва успел подхватить его. На виске товарища синела зубчатая звездочка, как от удара молнией. Лицо стало белым, как снег.

Второго арбалетчика принц удержать не мог. Еж рухнул вниз и скатился в яму. Мечущийся в агонии дракон прижал его к стене огромным боком. Рингрин закрыл глаза.

Боль пронзила ногу Змееслава чуть выше колена. Он оглушил себя заклинанием раньше, чем разобрал, в чем причина. Химмельриттер протянул руку, чтобы обломать стрелу. Он увидел торчащее из ноги окровавленное острие размером с наконечник копья. Но это было не копье. Огромный кол пробил тело Дитриха и вышел наружу, пригвоздив всадника к седлу, как бабочку в коллекции божественного этномолога.

Змееслав прошептал заклинание и вытащил меч.

Тэлион воспринял промах как личное оскорбление. Ёж схватился за кинжал и повернулся к Марфору. Тэлион зарезал бы его, потому что Марфор совсем не ожидал такого поворота событий. Но тут ветка, на которой они находились, затрещала и просела под весом еще одного тела. Голова Ежа исчезла. Кровь из разорванной аорты ударила вверх. Марфор моргнул. Обезглавленное тело рухнуло вниз.

На ветке перед Марфором сидела огромная рысь. «Откуда ты взялся, зверь?» изумленно подумал Марфор. Рысь хлестнула себя длинным хвостом. Эльф, холодея, понял, что перед ним оборотень – татцель-кошак. На соседнюю ветку спрыгнул Еж. Партизан выстрелил почти в упор. Рысь поймала болт зубами, как муху, лениво клацнула челюстями и выплюнула. Еж побледнел и попятился. Оборотень с оттяжкой ударил его лапой по бедру. Партизан покачнулся и свалился с ветки.

Наверху оставалась одна Ваниэль.

Марфор знал, что против татцеля меч бесполезен. Эльф прыгнул вперед и схватил рысь за горло.

Рингрин не смог привести Вильварина в чувство. Эльф кое-как прикрепил товарища чарами к стволу, чтобы тот не упал вниз. Рингрин опомнился и перевел взгляд на третьего дракона, но вместо химмельриттера обнаружил лишь пустое седло. Рядом с ним на боку дракона лежала нога всадника, отрубленная почти по самое бедро. Вокруг обрубка не было ни единого пятнышка крови. Чуть выше колена из ноги торчала окровавленная верхушка кола. У Рингрина пошла голова кругом. После химмельриттера-оборотня принц не удивился химмельриттеру, отбрасывающему поврежденные конечности подобно ящерице.

Затрещали ветки. Рингрин посмотрел на деревья напротив. Сначала в воздухе просвистела голова. На мертвом лице застыла ярость. Почти одновременно, словно

огромные переспелые плоды, с березы упали два эльфа. А затем на землю полетели два тела, сплетенные в клубок. Мелькнула пятнистая шкура и белый песцовый полушубок. Рингрин вытащил стрелу из колчана, наложил на тетиву, но стрелять не решился. Марфор и оборотень в обнимку катались по краю ямы. Рингрин подумал безнадежно, что сейчас они оба свалятся. Но вот движение прекратилось. Марфор, пошатываясь, поднялся на ноги. Рысь неподвижно раскинулась на корнях березы. На клыках застывала желтая, словно янтарная слюна. Тэлери вышел из схватки без царапины. Ярость оборотня принял на себя полушубок. С плеч Марфора свисали длинные полосы меха – все, что осталось от подарка Кулумита. Рубаха эльфа была разорвана на животе, в просвете белела кожа. Рингрин облегченно вздохнул.

Он боялся увидеть в дыре кровь и желтые внутренности Марфора.

Голова дракона оказалась прямо перед Марфором. Он нагнулся, разжал пальцы трупа и взял арбалет. Дитрих понял, что хочет сделать эльф. Гросай дечь качнул головой, пытаясь дотянуться до своего убийцы. Огромные зубы клацнули в полуметре от руки Марфора. Эльф взвел механизм и выстрелил прямо в горящий болью и яростью глаз. Волна горячей слизи брызнула во все стороны. Из пасти гросайдечи вылетел сноп искр.

Ослепший, издыхающий дракон хотел только одного. Его огнедышащая железа работала лишь наполовину, и вряд ли бы ему удалось поджечь лес. Но поджарить того, кто убивал его, гросайдечи еще хватило бы сил. Огнедышащая железа дракона находилась под челюстью, и пробить толстую кость сверху эльф не смог бы даже из арбалета.

Марфор прыгнул вниз, вытаскивая меч.

Он упал на затылок дракона, проскользнулся, скатился на шею и там остановился, вцепившись в огромный шип. Гросайдечь взревел и затряс шеей, пытаясь стряхнуть эльфа. Из пасти его вырвался язык пламени, но до деревьев огонь не долетел. Марфор повис на руке. Его мотало из стороны в сторону. Перед глазами эльфа мелькнули осклизлые от крови края ямы, могучее плечо, обтянутое чешуей, выпуклость под челюстью дракона, похожая на птичий зоб. Марфор коротко, без замаха, ударил в зоб мечом. Клинок ушел по самую рукоять. Меч вырвало из руки эльфа – гросайдечь снова качнул головой. Марфор проворно прополз по шее. Эльф оказался у основания мощных крыльев, на огромной лопатке дракона.

Тут он увидел, что Змееслава в седле нет, и остановился. Скорее всего, брат свалился, когда дракон садился на колья. Тело его уже превратилось в кровавую лепешку между боком гросайдечи и стеной ямы.

За спиной эльфа зашуршало. Марфор обернулся.

Змееслав замахнулся. В последний миг он узнал создателя перстня-кастета, и дернул рукой в сторону. Черная молния промелькнула перед глазами Марфора.

– Как ты… – прохрипел химмельриттер, глядя на алый зигзаг, перечеркнувший лицо брата. – Как ты мог?

– Все в жизни имеет свою цену, – сказал Марфор.

Боли он еще не чувствовал и подумал, что брат успел отвести удар. Эльф увидел, что правой ноги у Змееслава нет по самое бедро. Марфор понял, что брат отрубил ногу и остановил кровоток заклинанием. Однако Змееслав не смог бы поддерживать чары долго.

– Но я не думал, что она будет так велика, – закончил эльф.

Тут в рот Марфору хлынуло соленое и горячее. Рана разошлась, когда он зашевелил губами. Эльф выплюнул кровь. Ему свело челюсти. Скулы и щеки закололо, как от сильного мороза. Марфор перестал чувствовать лицо ниже глаз. Холод потек по его шее и груди. Эльф знал, что это. Мертвая сила, подобно яду, вливалась в его тело. Змееслав не смог отдернуть руку достаточно далеко. Единственное, чего добился химмельриттер – удар пришелся в скулу эльфа вместо лба.

За плечом Змееслава мелькнула Ваниэль. Эльфка спрыгнула на шею гросайдечи. В руках у нее был лук. Ваниэль позаимствовала у мертвого Тэлиона свое привычное оружие. Марфор видел ее прищуренный глаз. Эльфка целилась точно под левую лопатку

химмельриттеру. Ваниэль так и не выстрелила по своей цели – огнедышащей железе гросайдечи, и теперь хотела исправить свою ошибку, из-за которой Марфор и оказался в яме.

Эльф сильно толкнул брата в грудь, но не успел. Коротко свистнула стрела, и алый от крови наконечник проклюнулся из груди химмельриттера подобно алому цветку и куснул ладонь Марфора. Эльфка стреляла в упор, и стрела прошла бы навылет, если бы не толстый полушубок Змееслава. Химмельриттер упал лицом вниз. Из спины его торчал черный хвостик стрелы.

«*Спаси его* », – передал Марфор Ваниэль. Говорить он уже не мог.

«*Его?* », переспросила эльфка. – «*Химмельриттера? Но* …»

СПАСИ ЕГО , повторил Марфор. И добавил еще: «*Осторожно, сзади…».*

Небо завертелось перед эльфом. Холодная тьма обступила Марфора.

Гросайдечь повернула голову на крик Ваниэль. Эльфка вытащила кинжал. Принцесса намеревалась биться до конца.

Рингрин наложил стрелу. С самого детства его раздражали разговоры об особом предназначении сестры, но сейчас он видел, что Ваниэль совершенно забыла о том, что живет милостью Ящера.

А лучше бы она об этом вспомнила перед тем, как лезть в яму за любовником.

Где у бронированного чудовища уязвимые места, принц не знал. Помочь Рингрину мог только один эльф. Тот, которого сейчас расплатался по спине гросайдечи. Опыт охотника подсказал Рингрину, что стрелять в раскрытую пасть бесполезно. У такого большого зверя мозг должен находиться далеко от зубов. Единственное, что оставалось, это стрелять в уже пробитый глаз гросайдечи. Шансы, что стрела пройдет до самого мозга, были хорошие.

Да только фигура Ваниэль почти полностью закрывала сочащийся кровью огромный глаз.

Что-то мягко пощекотало щеку Ваниэль. Что это было, эльфка поняла, когда черное оперение стрелы уже торчало из глаза гросайдечи. Голова дракона ударилась о край ямы, и сияние золотистых очей погасло.

– Спускайся, Рингрин! – закричала Ваниэль. – Помоги мне вытащить их отсюда!

– Я не могу слезть, – глухо донесся до нее с высоты голос брата.

– Ты ранен? – быстро спросила эльфка.

Рингрин молчал так долго, что перед внутренним взором Ваниэль успела пройти целая череда картин, одна жутче другой.

– Нет, – отвечал принц наконец. – У меня руки дрожат, мне не ухватиться за ветки…

После того, три звена небесных наездников покинули Цитадель, в крепости не велись занятия для новичков, и никто не вылетал на патрулирование границ. Гросайдечи не показывались из своих нор. Химмельриттеры сидели по комнатам и пили. Пили горькую, как мандречены, хотя национальный состав воздушного воинства был весьма пестрым. Трезвых в то хмурое утро, которое никак не могло родить из себя полдень, в Цитадели было только двое. Они встретились на открытой всем ветрам площадке, сделанной еще кем-то из Феанорингов на башне Золотых Кос для того, чтобы любоваться видом на долину.

Гюнтер поднялся на террасу. Ему начало казаться, что стены комнаты, в которой он просидел все эти дни над медицинскими справочниками, готовясь к поступлению в Зойберкунстшуле, сдвигаются, грозя раздавить его, и вышел подышать свежим воздухом. Гюнтер оперся на бронзовые перила и услышал звон у себя спиной. Он обернулся. Это оказался Шатт. Брат сбивал сосульки с морд мраморных лошадок. Некоторые из химмельриттеров говорили, что странная оттепель в середине зимы вызвана пришедшим с юга антициклоном. Другие считали, что крепость прогрелась от огромного тела дракона.

– Привет, – сказал Гюнтер. – Что это ты делаешь?

– Слезы коняшкам вытираю, – лаконично ответил Шатт, обошел изваяние и сбил

сосульку, свисавшую с другого глаза. Она упала на террасу и с грохотом и звоном разлетелась на куски. Гюнтер поморщился.

– Перестань, ради Бальдра, – сказал он. – И так башка трещит…

В этот миг раздался шум со стороны Инкубатора. Гюнтер повернулся туда.

Огромное черное тело, казавшееся частью сооружения, вдруг пришло в движение. Дракон судорожно извивался. Он хватался лапами за стены Инкубатора, и сжимал его, как страстный любовник партнершу – так, что трещали ребра.

– Да что же он делает, сволочь! – выдохнул Шатт. Он уже стоял рядом с братом. – Сейчас же рухнет все!

Словно услышав его, дракон сделал мощное движение бедрами и силой ударил нижней частью туловища по Инкубатору. Длинный его хвост протащился по посадочной площадке гросайдечей, оставив длинную борозду. Черное Пламя повторил движение, выглядевшее омерзительной пародией на совокупление. Здание покачнулось, но не рухнуло. Шатт вскрикнул.

Инкубатор устоял; но что-то в душе химмельриттера сломалось.

Он видел темно-красные точки на галереях общежития – остальные химмельриттеры тоже почувствовали что-то неладное, и все, кто мог, высыпали посмотреть. Воздух над конвульсивно мотающейся головой дракона дрожал.

И Шатт видел по разноцветному дрожанию в аурах химмельриттеров, что они сейчас ощущают тоже, что и он.

Есть вещи, которые трудно сломать. К ним относятся сталь, выкованная сюркистанскими гномами, и привычка подчиняться и уважать командира у воинов в двенадцатом поколении, к которым относились и химмельриттеры. Некоторым казалось странным, что страной людей правит дракон; но в конце концов, Боремией очень долго управляли оборотни.

Гномий меч можно сломать о шкуру дракона; и вера в правителя, и воинская честь, которая в том, чтобы умереть за императора, сегодня сломалась об нее же.

Об идущую складками шкуру дракона, исступленно трахающего самое святое, что у было химмельриттеров.

– Что ему еще нужно? Чего он хочет? – пробормотал Шатт.

Гюнтер ментально просканировал место и вдруг крепко, до боли, сжал руку брата.

– Просканируй его ауру, – прохрипел он. – Быстрее!

Шатт оторвал от дракона взгляд, полный ненависти и отвращения, и настроился на ментальное сканирование.

Аура дракона переливалась красным и черным. Она разбухала, как ватный тампон в ране, росла и насыщалась – сияние становилось таким ярким, что было больно смотреть. Если бы такое происходило с аурой человека, Шатт решил бы, что он втягивает Чи.

Драконы не берут волшебную энергию из окружающей среды, потому что они сами и есть **волшебство.** Шатт, наполовину дракон, отлично это знал. Но в ауру Черного Пламени мощным потомком вливалась магическая энергия. Шатт поискал глазами ее источник, и увидел огромную воронку, дрожащую над головой дракона. Она была наполнена крупными красными икринками, вроде тех, что извлекают из брюха осетров нудайские рыбаки. Проходя через узкую горловину воронки, икринки смешивались в одну струю Чи, которая вливалась в канал воли дракона. Химмельриттер удивился, потому что никогда не видел подобной магической конструкции. Он присмотрелся к икринкам повнимательнее и чуть не взвыл, но успел заткнуть рот рукой. Не прикрыть, а именно заткнуть – Шатт укусил себя за кисть, но не почувствовал этого.

Строение ауры каждого человека сугубо индивидуально и легко узнаваемо для опытного мага. А уж ауру человека, с которым общаешься каждый день, узнает любой. Поэты обычно сравнивают ауру с плащом синего, красного, коричневого или голубого цвета – по окраске Чи стихии, из которых маг черпает энергию. На самом деле аура человека похожа на плотный многослойный кокон или на любимую игрушку сюрков – шар-в шаре-в

шарике.

Воронку заполняли разноцветные коконы Чи, которые поначалу и показались Шатту икринками. И не узнать резьбу на этих шариках он не мог.

Черное Пламя всасывал Чи Брунгильды, Гильдис, Лодура, Вольфганга…промелькнуло несколько аур, которые Шатт видел впервые, но воронка все не пустела, у верхнего края Шатт видел новые икринки – это были ауры Ролло, Марлен, Дитриха…

– Если ему так хотелось убить их, – прошептал Шатт. – Почему он сделал этого сразу, здесь? И как, милостивый Тор, он это делает?

Обычно в момент убийства аура разрушается. Мертвая сила перетекает в ауру убийцы, а жизненная сила возвращается к той стихии, к которой принадлежал маг. Черное пламя же снял ауру с химмельриттеров целиком, словно умелый скорняк – шкуру с белки. В этот момент Шатт понял, почему Черное Пламя так исступленно извивался – при насыщении ауры сначала заполнялся тот канал, через который происходило подключение, а затем остальные. Канал страсти находится рядом с каналом воли, а тот уже был забит Чи до отказа.

– В них во всех Крюк Шайенна, – ничего не выражающим голосом сказал Гюнтер. Теперь и Шатт заметил темную полосу, перечеркивающую каждую икринку. Крюк Шайенна можно было увидеть в ауре любого бойца в момент битвы. Так называлась энергетическая спираль, создаваемая ненавистью, болью, решимостью драться и страхом.

– Они страдали перед смертью. Боялись… Но и сражались… Дракону было нужно, чтобы они ненавидели, боролись… а не только боялись.

– Но зачем?

– Иначе ему, видимо, невкусно жрать.

– Но… как? Он мог обвязать наших чарами, но ты же видишь – он не только наших жрет!

– Есть какой-то артефакт… ретранслятор и преобразователь. Должен быть. Я читал… У некромантов есть похожий ритуал, они называют это «проглотить душу».

– Он не выйдет отсюда, – пробормотал Шатт. – Все же видят…

– Вряд ли. Мы с тобой видим это потому, что наполовину драконы. Остальные максимум что замечают – крутящуюся воронку у него над головой.

Аура Черного Пламени насытилась до предела. Дракон казался черной мухой, замурованной в прозрачном рубине.

Император Мандры последний раз сильно ударил бедрами по Инкубатору, вскинул голову и выпустил в небо длинный язык пламени. На этот раз оно действительно было черным. Но он изверг из себя не только пламя.

– Кусок свинского дерьма! – заорал Шатт. – Эта скотина обкончала Инкубатор!

Когда мужчина кончает, он сбрасывает энергию, и его каналы энергии пустеют. Дракон освободился от лишней Чи, которая разрывала его ауру. На магическом уровне это можно было сравнить с отрыжкой. Густая полупрозрачная слизь медленно стекала по стене, заполняя собой дворик вокруг здания. С террасы можно было предположить, что глубина лужи примерно по колено. Тело дракона обвисло на Инкубаторе огромной выжатой тряпкой.

Шатт заплакал от невыносимого унижения. Над Цитаделью висела мертвая тишина. И одна мысль, четкая и ясная мысль Первого Химмельриттера, которую слышали все и каждый:

ЕСЛИ НАЙДЕТСЯ ВТОРОЙ ЛАЙТОНД, Я НЕ БУДУ БИТЬСЯ С НИМ, КОГДА ОН ПОВЕДЕТ СВОИХ ТАНЦОРОВ. МЫ ОТВЕЗЕМ ИХ В РАБИН НА СПИНАХ СВОИХ ГРОСАЙДЕЧЕЙ.

– Хорошо, что отец не дожил и не увидел этого, – сказал Гюнтер.

Раздался короткий свист, и стрела вонзилась в трещину рядом с глазом дракона. Гюнтер обернулся, ища стрелка.

Антракса, растрепанная, как ведьма, с лицом, посиневшим от многодневного пьянства, стояла на верхней галерее на одном колене. В руках ее был лук, и она уже накладывала следующую стрелу. Руки ее не дрожали – она вся была как натянутая струна ненависти.

Воздушная наездница улыбалась. Гюнтер увидел, как колыхнулась высокая грудь в пройме несвежей, покрытой подозрительными пятнами ночной сорочки, когда небесная наездница спустила тетиву во второй раз. Этот выстрел был удачнее – стрела вонзилась в веко Черного Пламени.

– Теперь я понял, почему ты с ней, – медленно произнес Гюнтер.

– Ну наконец-то, – сказал Шатт.

Дракон открыл глаз, а стрелы уже сыпались на него безостановочно, как град. Это было бесполезно – пробить шкуру дракона можно разве что прямым попаданием из мортиры. В Цитадели были и мортиры, да только никто и никогда не развернул бы их в сторону Инкубатора.

Черное Пламя расправил крылья. На террасе потемнело.

Дракон с трудом взмыл в воздух, развернулся, закладывая вираж. Перед химмельриттерами проплыло толстое, обвисшее брюхо. Последняя стрела, пущенная Антраксой, угодила в блестящий от слизи, толстый, как оглобля, член императора Мандры.

– Хотел бы я знать, – сказал Шатт задумчиво. – Где сейчас Лайтонд?

– Так его же четвертовали после того, как бунт Танцоров Смерти был подавлен, – сказал Гюнтер.

– А я слышал, что нет, – ответил брат. – И я очень надеюсь, что он жив. И на свободе.

Снег поскрипывал под лыжами. Угольно-черные тени деревьев косо лежали на склоне, закутанном в искрящуюся на солнце белоснежную шаль. Впереди, но не очень далеко, мелькала фигурка Каоледана. Его зеленый шерстяной шарф развевался от бега. Тиурику оказался тяжелее, чем думалось Реммевагаре. Малыш тихо сидел в переносном мешке из шкуры лося, который Маха сшила специально для дальних прогулок. Наверное, спал. Реммевагара накормил его перед тем, как отправиться в путь. Маха сцедилась перед уходом, и Тиурику с удовольствием высосал всю бутылочку. Эльф смотрел, как ребенок ест, и старался не думать о том, что малыш пьет молоко мертвой матери. Самоморозящий ларь, откуда Реммевагара достал молоко для Тиурику, а так же сыр, масло и хлеб для них с Каоледаном, остался почти единственным местом в Доме, которого не коснулись жуткие изменения, произошедшие ночью.

Стены в комнатах оплыли. Исчезли диваны, кресла, столы, в общем зале – даже камин. Теперь казалось, что они покрыты подрагивающим желе, похожим на брусничное, которое иногда варила Маха, только зеленоватым. Если Реммевагара до сих пор и сомневался, что сестра Че мертва, теперь все его надежды оказались рассеяны, как утренний туман. Ночью уцелели только две пряди волос – те, что принадлежали Квендихен и Глиргвай. Их опалило пламенем, когда вспыхнула прядка сестры Че, но сами они не горели, только обуглились. Реммевагара вызывал девушек телепатически, и сразу ночью, и утром, надеясь на то, что эльфки только ранены, а теперь пришли в себя.

Но отклика не получил.

Тогда партизан собрал вещи Каоледана и Тиурику и накормил детей завтраком.

Прогулка, предстоявшая им на этот раз, была очень долгой.

Маха, единственная из отряда, училась в Филькебире – магической школе, находившейся в Фейре. Она как-то объясняла, почему нельзя было устроить стационарный телепорт в долине, где находился Дом. Эльфка рассказывала про конфигурацию горных хребтов, особо напирала на то, что эта часть Эммин-ну-Фуин сложена из сланцев, бывших когда-то дном моря. Так или иначе, тайный стационарный телепорт находился в пяти километрах к северо-востоку от убежища Ежей, сразу за долиной с теплыми источниками. Она называлась Фаммигвартхен. Телепорт пробивал до Бьонгарда на западе и Ливрасста на севере, но Реммевагара не собирался так далеко. Он хотел попасть в Мир Минас, пограничный город Фейре. Там они были бы в безопасности, да с голоду не пропали бы. Торговая площадь Мир Минаса, где сюркистанские шелка и фарфор лежали рядом с тергалем и копченым лососем, была самой большой в обитаемом мире. Логично было

предположить, что с нее кормится самая большая воровская гильдия.

И что еще три рта не разорят ни гильдию, ни купцов.

С такими мыслями Реммевагара вступил в Фаммигвартхен. Полуэльф и Каоледан хотели пройти по косогору в восточной части долины, где снег не таял никогда. Полуэльф не сразу понял, что тупая, ноющая боль в голове – это не следствие шума воды. А когда понял, было уже поздно.

Руки и ноги партизана двигались все медленнее. Во рту пересохло. Реммевагара дернулся последний раз, изо всех сил, и застыл, словно памятник самому себе, рядом с серым валуном. Мельчайшие капельки воды усеивали огромный камень подобно испарине. Из верхушки валуна торчала корявая береза – хищно раскрытая ладонь, пытающаяся ухватиться за ватное покрывало близкого неба. Ее корни раскололи валун, покрыли его сеткой длинных и узких трещин, и теперь валун казался лицом злого воина с хвостиком на голове.

Из-за валуна, усмехаясь, вышел мужчина. Ростом он превосходил Реммевагару на две головы. Его длинные светлые волосы по моде серых эльфов были заплетены в две косички на висках. Реммевагара попытался шевельнуться, но не смог. Магическая сеть держала его, как паутина – муху.

– А ты не торопился, – сказал эльф вместо приветствия. – Я чуть не уснул, тут тепло, как в сауне…

Реммевагара промолчал. Успел ли охотник за головами заметить Каоледана, или мальчик проскользнул незамеченным в тумане? Или Каоледан уже лежит впереди без сознания, опутанный чарами?

Серый эльф неторопливо обошел Реммевагару кругом, осматривая добычу. Тиурику он, хвала Мелькору, не заметил в складках мешка.

– Ну что, – сказал охотник. – Пойдем. Можно было бы отрезать тебе башку прямо здесь, но думается мне, что за целого больше дадут.

Он засмеялся, довольный своей шуткой, и поднял руку, чтобы бросить заклинание, полностью покоряющее волю жертвы. Реммевагара услышал тоненький свист. Серый эльф вздрогнул. Вместо того, чтобы сложить пальцы в сложном жесте, он схватился за шею. Кровь брызнула между пальцами. Россыпь крупных алых клякс украсила валун, безобразно яркая на серо-зеленом фоне. Охотник захрипел, упал на колени. Магическая сеть ослабла, хотя еще не исчезла совсем. Реммевагара не стал ждать. Он выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его в широкую спину под темно-коричневой курткой. Серый эльф повалился набок, придавив лыжи Реммевагары. Зацокали, сорвавшись от рукавов, разноцветные бусины. Судорожно раскинутые руки заскребли по камню. В одной из рук был нож – умирая, охотник успел вытащить его. Серый эльф последний раз мучительно плюнул кровью и затих.

Реммевагара поднял взгляд.

– Каоледан? – произнес он хрипло, и туман тут же сожрал его голос.

Но мальчик услышал его. Каоледан появился из-за спины полуэльфа. Он выехал из серого колышущегося облака неслышно, как тень, как дух. Темные волосы растрепались. Шарф развязался и висел почти до колена. Мальчик остановился рядом с Реммевагарой. Его короткие лыжи уперлись в бок мертвеца, и Каоледан отъехал чуть назад.

Реммевагара, кряхтя, вытащил свои лыжи из-под трупа.

– А где твоя шапка? – спросил полуэльф у мальчика.

Тот рассеянно пожал плечами. Реммевагара обмотал ему голову шарфом. Полуэльф мельком подумал, что заколка Хелькара сейчас пришлась бы очень кстати – скрепить концы шерстяного полотнища. Затем развязал крепления, сошел с лыж и вытащил из тела два кинжала. Свой, узкий и длинный, как коготь дракона, из спины, и короткий, детский – из горла. Обтерев их о куртку убитого, полуэльф вернул оружие Каоледану. Увидев, что в глазах мальчика блестят слезы, Реммевагара улыбнулся и сказал:

– Ты молодец. Мама гордилась бы тобой.

– Да, – с трудом разлепив губы, ответил мальчик. Лицо его посветлело. – Она будет

гордиться! И Хелькар, и Тиндекет… Мы всем расскажем, правда?

Реммевагара отвел взгляд.

– Правда, – сказал полуэльф.

Он встал на свои лыжи.

– Пойдем, – произнес Реммевагара. – Мама ждет.

Тиурику на всем их пути до телепорта так и не проснулся. Он заплакал уже в Мир Минасе, на мосту Радуги. Малыша напугал звон колокольчика под дугой проезжавших мимо мандреченских саней – ничего подобного он раньше в жизни не слышал.

Там, откуда пришли предки Лакгаэра, море зимой замерзало. Точнее будет сказать, что оно очень редко освобождалось от своего ледяного панциря. Залив Вздыбленного Льда, через который шли Финголфин и Феанор, последний раз сковало во время шторма лет триста назад. В Рабине тоже зимой бушевали бури. Но никогда на памяти главы Нолдокора температура еще не опускалась так низко, чтобы свирепые, с седыми гривами морские волны превратились в ледяные статуи – памятники самим себе.

Зима 113 года правления Черного Пламени, которого эльфы называли Морул Кером, выдалась особенно неспокойной. Лакгаэру надо было купить кое-какие реактивы для магических опытов в аптеке на другом берегу залива. Старому эльфу не хотелось идти пешком по берегу, и он думал переправиться через залив на лодке. На третий день непрекращающегося волнения Лакгаэр понял, что придется либо идти пешком, либо телепортироваться. Он решил поразмяться и в половине одиннадцатого вышел из дома. Из-под плаща, подбитого мехом нерпы, торчали ножны тяжелого меча. Люди живут быстро и недолго. Никто уже не смог бы узнать этот меч, иначе Лакгаэр не рискнул бы выйти с ним из дому.

Лавка принадлежала мандречену Борису. Он был уже стар, и делами не занимался. В лавке вел прием его сын Владислав, выучившийся на хирурга. За прилавком стоял молоденький парнишка Тим. Подобно сыну хозяина, он хотел поступить в медицинское училище, а пока набирался опыта. А поучиться было чему – Борис был мастером своего дела, его реактивы были чище, эффективнее и дешевле тех, что продавались в эльфийских аптеках.

Когда Лакгаэр разговаривал с Тимом, сверху, из комнаты, где вел прием Владислав, спустились двое мандречен. Одним из них был сам врач, другого эльф видел впервые.

На вид мужчине было около сорока. Узкие глаза, плоское лицо и слишком смуглая кожа говорили о том, что среди его предков были не только мандречены, но и сюрки. На нем был форменный кафтан императорской гвардии. Судя по массивным знакам различия на рукаве, рядом с эльфом стоял один из высших офицеров.

– Извините, ради Парваты, – улыбнулся Владислав Лакгаэру. – Этот господин очень торопится, разрешите, Тим обслужит его первым?

– Конечно, я еще выбираю, – сказал старый эльф.

Гвардейцы Черного Пламени славились своей необузданностью, рожденной, несомненно, от безнаказанности. Лакгаэр не собирался вступать в конфликт с офицером из-за места в очереди, а тем более спорить с человеком, чья аура пылала темным огнем недавних убийств. И что-то еще было неправильное в его ауре, неуловимое, но жуткое.

– Тим, два флакона «Ласкового мака», – сказал Владислав.

Лакгаэр даже ухом не повел, словно мандречены всегда, вот при каждом визите старого эльфа в аптеку покупали сильнодействующие эликсиры на основе морфия. Но Тим меньше умел владеть лицом. На нем промелькнули ужас и отвращение, паренек на минуту замешкался. Гвардеец рядом с Лакгаэром глубоко и часто задышал.

– Быстрее, Тим, – сказал Владислав нетерпеливо.

Лакгаэр смотрел на спину парнишки, мелькающую между высоких стеллажей. Затем взял в руки жестяную коробочку, лежавшую на прилавке, и стал рассматривать. Сейчас он не смог бы сказать, держит ли он коробочку с табаком или с монпасье, хотя на ней была яркая

этикетка с подписью. Он чувствовал на себе недобрый, тяжелый взгляд офицера, но оборачиваться не хотел.

– Сидх, – стеклянным голосом произнес гвардеец, очевидно, только сейчас заметив его присутствие. – Очень старый сидх…

Мандречен, пьяный в стельку до наступления полудня – не такая уж редкость. Гвардеец на пике прихода явление более удивительное, но не настолько, чтобы быть исключением. Странно, обычно морфинисты не агрессивны.

– Искандер, не надо, – пробормотал Владислав, но офицер не унимался:

– Как же тебя Разрушители пропустили, а? Из тебя уже тогда песок сыпался, верно? Самое место тебе было в Гниловране!

Лакгаэр медленно повернулся. Он действительно был очень стар, но кровь его еще не остыла.

– А я был там, – сказал он, глядя в темные, масляные глаза Искандера. – Знаешь за что? Я разрушил три капища Ящера.

Владислав побледнел, это было видно даже в уютном полумраке аптеки. Лакгаэр опустил руку так, чтобы следующим движением вытащить меч из ножен. Офицер вдруг рассмеялся.

– А живого ящера тебе бы не хотелось убить? – спросил Искандер. – Ты же знаешь, войти в его замок с оружием можно только вместе. Сидхи и мандречены должны заявиться одной бандой и действовать сообща.

Ошарашенный эльф молчал.

– Ваше лекарство, господин начальник охраны, – сказал вернувшийся Тим.

Искандер подхватил флаконы с прилавка одним движением руки и двинулся к дверям. Лакгаэр отметил про себя, что офицер не расплатился, но Владислав и не думал требовать денег.

У самой двери Искандер остановился и покосился на эльфа. Почти дружелюбно.

– Ну так что? – спросил он. – Прогуляемся? Здесь недалеко. Меч, я гляжу, при тебе.

В аптеке повисла тишина, липкая, как мёд – и такая же тягуче-противная на вкус. Эльф, аптекарь и офицер смотрели на замок дракона. Вид на него занимал почти все окно. Тим, не понимающий, в чем дело, переводил взгляд с одного на другого.

– В следующий раз, – сказал Лакгаэр.

Вдруг он понял, что было неправильно в ауре мандречена. Лакгаэру так давно не приходилось видеть ничего подобного, что сразу эту аномалию в сплетении каналов он и не узнал.

– Смотри, – ответил Искандер. – Когда найдешь кого-нибудь посмелее и покрепче, передай ему, что я всегда готов.

– Хорошо, – сказал эльф. – Позволь мне дать тебе совет.

Гвардеец, уже взявшийся за ручку двери, снисходительно кивнул.

– Сходи в бордель, – произнес Лакгаэр.

Ни один мускул не дрогнул в лице Искандера, но глаза офицера стали пустыми и мёртвыми. Тим тихонько вскрикнул, а Владислав железной рукой взял старого эльфа под локоть.

– Вы забываетесь, – сказал аптекарь. – Извини его, Искандер…

Начальник личной охраны Черного Пламени мотнул головой.

– Я не обиделся, – сказал он таким тоном, что у Лакгаэра прошел холодок по спине.

Искандер посмотрел на эльфа в упор, и у него оборвалось сердце, словно он случайно заглянул за край парапета, стоя на очень высоком здании.

– Я последую твоему совету, сидх, – сказал Искандер. – Господа! – он кивнул Владиславу и вышел.

Дверь захлопнулась за ним, мелодично тренькнул колокольчик. Мандреченам нравилось вешать побрякивающие, позванивающие украшения на дверях вместо звонков, которые обычно делали эльфы в своих домах. По звуку сразу становилось ясно, что кто-то

вошел или покинул помещение. А Лакгаэр каждый раз, когда видел нечто подобное, думал только об одном.

«Вот так мы и завоевали эту беспечную нацию…когда легионы Рыцарей Льда вломились в ваш дом, колокольчик тихонько звякнул… и это вас ничему не научило».

– Тим, сходи пообедай, – произнес Владислав. – Я сам обслужу.

Парнишка поспешно скрылся в недрах аптеки.

– Более верного офицера, чем Искандер Гургенид, не найти, – срывающимся голосом произнес Владислав. – Но месяц назад наш император потребовал, чтобы Искандер поднял наши легионы и двинул их на Лихой Лес.

– Искандер отказался, – задумчиво пробормотал Лакгаэр. – И тогда Морул Кер полетел шантажировать химмельриттеров.

– Да, – колким голосом ответил аптекарь. – Черное Пламя убил и съел его жену и детей. У Искандера сейчас депрессия, и я продаю ему лекарства от нее.

– Я думал, что традиционное средство от депрессии у мандречен немного другое, – заметил Лакгаэр, и добавил, охваченный новой мыслью: – Почему император его не уволил?

– Искандер – лучший полководец, которого только знал мир. Все земли, присоединенные к Мандре последние пять лет – его заслуга. Он не знает поражений, и уволить его нельзя. Тогда Армия Мандры уйдет вместе с ним. Ко всему прочему, Искандер наполовину сюрк, – ответил Владислав. – Его печень устроена таким образом, что ему нельзя принимать наше… лекарство от депрессии в необходимых дозах. Искандер тогда просто сопьется. А сейчас говорите, что вам нужно, и уходите. Я попрошу вас больше никогда не приходить сюда. Вы Искандера не знаете; а я знаю, и удивляюсь, почему он вас не убил. Но мне не нужны трупы в моей аптеке.

«Да, я Искандера не знаю», подумал Лакгаэр. – «Но что я знаю точно, так это то, что своих родственников он убил сам. Это их Цин кружится в его ауре. Морул Кер здесь ни при чем. Дракон покрыл своего военачальника и не выдал его жрецам правосудия.

И тем не менее, Искандер действительно хочет его убить. Двум драконам тесно в одном логове…».

– А если я найду кого покрепче и посмелее? Ведь тогда мне нужно будет переговорить с Искандером.

Владислав долго молчал.

– Тогда приходите, Лакгаэр, – сказал он. – В любое время, хоть ночью, хоть днем.

Эльф усмехнулся.

– Для сына аптекаря ты слишком смел. Но это и хорошо. Другие времена, другие люди…

Солнце гордо восседало в прогибе горного хребта. «То есть, оно уже успело добраться до своего зимнего зенита и теперь собиралось двигаться только вниз», поняла Глиргвай. Эльфка вздрогнула и огляделась. Скальную площадку покрывал толстый слой жирной черной копоти, в которой выделялось два светлых овала. В одном из них и находилась Глиргвай, лук Хелькара и оба меча – меч назгула и тот, что он принес в своей голове. В другом, судя по всему, провела ночь Квендихен. Это она растрясла подругу.

– Проснулась, – хмыкнула Квенди. – Вставай. Нужно идти. Нас же теперь с собаками ищут, наверняка.

– А что… – начала Глиргвай и осеклась.

Она вспомнила. Ощутила руки сестры Че у себя на плечах.

Черно-серый ковш неба над их головами с прилипшей ко дну серебряной монетой – луной опрокинулся, превратился в блестящую сеть чешуек на брюхе зависшей над утесом гросайдечи. Летающая ящерица глубоко вздохнула, из ее пасти вырывался язык пламени… В этот момент эльфку чем-то крепко ударило по затылку.

– Сестра Че спасла нас от пламени дракона, – сказала Квенди. – Закрыла магическим щитом. На себя и Моркобинина у нее уже не хватило сил.

– А где дракон?

Квендихен махнула рукой в сторону обрыва. Глиргвай поднялась, подошла и посмотрела вниз. Шесть огромных тел, изуродованные, измятые, лишенные всей своей грации и красоты, цепочкой лежали на дне ущелья. Кровь, застывшая на распоротых елями животах гросайдечей, казалась антрацитово-черной в лучах алого солнца.

– А где…

– Я звала их, – отвечала Квендихен. – Маху, Тиндекета, Реммевагару – никто не отвечает.

– Значит, они все мертвы, – произнесла Глиргвай.

Это была лишь сухая констатация факта. Эльфка не хотела и не могла сейчас вдумываться в то, что *означают* для них эти слова.

– Нам нужно в Фаммигвартхен, – сказала Квендихен. – Мы не сможем сами телепортироваться. А отсюда надо убираться, чем дальше тем лучше.

Подруга была права. Партизанки умели вязать розы одноразовых порталов из собственной Чи, но сейчас обе были слишком слабы для этого.

– Активируем телепорт и перенесемся в Бьонгард, – закончила Квендихен.

Глиргвай покачала головой:

– А ты не думаешь, что в столице сейчас все мандреченами кишеть будет?

– Конечно. Но им и в голову не придет, что мы сидим у них под самым носом. Там есть один верный эльф, кузнец Тирбен. У него лавка прямо напротив башни Светлого Всадника. Он нас спрячет, пока все не утихнет, а потом посмотрим.

– Что ж, – сказала Глиргвай задумчиво. – Хоть какое-то подобие плана для начала.

Ущелье Фаммигвартхен находилось между ними и Домом, милях в пяти, если по прямой. Девушки вполне успевали добраться до телепорта раньше, чем наступит ночь. Глиргвай забрала меч Хелькара, и эльфки направились к спуску – узкой тропке.

– Ты иди первая, – сказала Глиргвай. – Ты тяжелее меня.

Тут она заметила черные пятна на кистях Квендихен.

– А что у тебя с руками?

– А, ничего, – беспечно произнесла подруга.

Глиргвай осторожно коснулась ее запястья.

– Немного не повезло, – сказала Квендихен, улыбаясь одними губами. В глазах ее застыли ужас и боль. – Я успела и обжечь руки об пулемет, и обморозить, пока мы спали.

Глиргвай понимала, что значит для певицы, зарабатывающей на жизнь игрой на лютне, потеря пальцев. Она наложила на руки Квендихен два заклинания – обезболивающее и восстанавливающее кровообращение. Потом оторвала подол от длинной рубахи подруги и соорудила нечто вроде повязок, поскольку рукавицы подруги сгорели.

– Не вынимай руки из карманов, – сказала Глиргвай.

Но Квендихен пришлось пренебречь ее советом. Спуск был крутым, и эльфкам приходилось цепляться за камни и корни, чтобы не скатиться вниз. Лук становился с каждым метром все тяжелее, бил по затылку, сползал. Меч путался в ногах, горели обмороженные щеки. Руки сводило судорогой от мороза и усталости. От голода жутко болела голова. Желудок уже не противно ныл, а рычал, как безумный зверь.

Но самое неприятное было не в этом.

Самый жуткий зверь пока прятался на задворках сознания, но его острые зубы уже блестели в темноте. С них капала кровь – кровь Махи, Тиндекета, Хелькара, сестры Че…

Кровь детства, умершего в огненном дыхании гросайдечи.

Девушки оказались на опушке леса.

– Веди, – сказала Глиргвай.

Она раньше не бывала в Дункелайс, а в этот раз прилетела вместе с Хелькаром. Квендихен с сомнением осмотрела деревья.

– Я не помню дороги, – сказала она. – Ну, знаешь, как это бывает. Я же шла вместе с Моркобинином, и по сторонам особо не смотрела.

– Прекрасно, – только и смогла сказать Глиргвай. – Что ж, пойдем по солнцу.

Они пошли – и с блеском опровергли поговорку о том, что темный эльф никогда не заблудится в Железном Лесу. Некоторым оправданием могло послужить то, что девушки пробирались не через лес, а через предгорья. Квендихен напевала себе под нос какие-то песенки, спрашивала Глиргвай, какое платье она бы одела на Мидинваэрн.

– Мы же будем в столице, – говорила Квендихен. – Тут важно не ударить в грязь лицом.

Глиргвай сначала подумала, что подруга сошла с ума. Потом удивилась ее легкомыслию и черствости. Хотя, в конце концов, Ежи Махи не вырастили ее. Но потом она вдруг поняла, что Квендихен делает это для нее – тормошит и отвлекает от горьких мыслей.

И если бы подруга не журчала всю дорогу как ручеек, Глиргвай пожалуй уже повесилась бы на ближайшем суку.

Кто-то должен был быть виноват в смерти всех Ежей Махи. Несмотря на всю свою ненависть и боль, Глиргвай поняла, что это не химмельриттеры из далекой, незнакомой Боремии.

«У нас нет с ними войны», сказала Маха.

«Я убью Морул Кера», думала Глиргвай. – «Я поеду в Рабин и застрелю его, когда он выйдет из своего замка. Он не может сидеть там вечно… Я никогда не промахиваюсь. Я всажу ему стрелу из лука Хелькара прямо в глаз. А потом пусть делают что хотят, мне уже все равно».

Когда подруги, опираясь друг на друга, вышли на прогалину, уже темнело. Глиргвай увидела гору Шлосс. В ней по прихоти небесного скульптора было вытиснено гигантское подобие замочной скважины.

– Весь день тролли проиграли, ключ от дома потеряли, – пробормотала Квендихен, тоже заметившая Шлосс.

Долина Фаммигвартхен находилась с другой стороны, между горами Шлосс и Фамми. Партизанки забрали слишком сильно к востоку. Идти по ночному лесу было опасно. Но Глиргвай боялась, что если они остановятся на ночевку, то утром уже не проснутся. Эльфки слишком ослабели во время перехода.

– Принюхайся, – вдруг сказала Квендихен. – Пахнет дымом. Здесь недалеко есть жилье.

Глиргвай ментально просканировала местность. Деревушка обнаружилась совсем недалеко – примерно в километре от них к западу.

– Да, есть, – сказала Глиргвай. – Ну, а если в ней уже стоит полк мандречен? И даже если нет, то здесь скорее всего нет темных эльфов. А Маха всегда говорила – не входить в дома к серым эльфам.

– А мы подойдем тихонечко и посмотрим, – просительно сказала Квендихен. – Если нет, найдем какое-нибудь дупло и переночуем там.

Подруга неохотно согласилась.

Хозяйка дома поставила перед Квендихен тарелку с дымящимся супом.

– Спасибо, – сказала эльфка.

С трудом удерживая ложку в распухших, почерневших пальцах, Квендихен принялась за еду. Они постучали в первые ворота, на которых мерцал в ночи серебром знак Паутины, оберег темных эльфов. Двигаться ближе к центру деревушки по единственной улице девушки не рискнули. И партизанки не прогадали. Хозяйка дома оказалась невысокой, темноволосой и темноглазой – истинной темной эльфкой. Она назвалась Рутлом, но имен гостей не спросила. Вместо этого она усадила девушек за стол и вытащила из печи горшок с супом.

– А вы? – обратилась хозяйка к Глиргвай.

– Что-то не хочется, – пробормотала девушка. – Я вот хлебушка кусочек съем.

Она взяла полукруглый ломоть из плетеной корзинки, стоявшей в центре стола. Глиргвай принялась отщипывать кусочки хлеба и отправлять их в рот. Девушка бездумно

глядела на скатерть с богатой вышивкой. На белом полотне сплелись в причудливом узоре разноцветные листья платана, дуба и клёна. Глиргвай увидела, что хозяйка с опаской рассматривает меч, лежавший на скамье рядом с гостьей.

– Давайте я вам булочек принесу, только сегодня напекла, – сказала Рутлом. – Это вчерашний.

Только тут Глиргвай сопоставила непривычную форму буханки с крохотным мешочком крупы, висевшим над домашним святилищем Мелькора. Девушка поняла, что ест поминальные хлебцы.

– Простите, – сказала Глиргвай и отложила хлебец.

– Ничего, – сказала Рутлом и вышла.

Девушка устала до такой степени, что есть уже не хотелось. Все вокруг плыло, как в тумане. Глиргвай чувствовала, как ее глаза слипаются – они с Квендихен не стали снимать полушубки, только расстегнули их. И теперь, пригревшись, эльфка провалилась в дрему прямо за столом.

Кэльминдон был до горла закрыт погребальным зеленым покрывалом. Бисер на нем складывался в руны Прощания, Прощения и Ухода. Лисы успели порядком испортить тело, прежде чем Воарр и Рутлом нашли Кэльминдона по импульсу поискового амулета. Но лицо Кэльминдона уцелело. Рутлом коснулась губами холодного виска и вытащила из ларя магический шар. Эльфка коснулась его рукой, и по стенам горницы скользнули отблески розоватого света.

Кэльминдон так и не выучился читать, а староста Фаммирен – принимать телепатические импульсы, поэтому Рутлом связалась с ним посредством магического шара.

Глиргвай услышала шаги в сенях. Эльфка вздрогнула и открыла глаза. «Квенди права», подумала она. – «Надо остаться здесь ночевать… Мы не дойдем до Дома». Дверь приоткрылась, и Глиргвай увидела за ней малыша лет пяти. Неприятный холодок пополз по спине эльфки, хотя она сначала не поняла, почему – ребенок был очень красив и опрятно одет.

Волосы и глаза малыша были светлыми.

Глиргвай увидела скатерть в синдаринских знаках Триединства и Вечности. Эльфка поняла, что съеденные ею хлебцы были поминальной жертвой по тому, кто захотел поместить эти знаки на самое видное место в доме. Девушка вскочила со скамьи и ткнула спящую за столом Квендихен в бок.

– Уходим! Квенди, проснись! Засада!

Малыш заплакал и убежал. Глиргвай уже слышала топот многочисленных ног по двору, грубые голоса. Она оглянулась, и сильным импульсом Чи высадила окно вместе со ставнями. Зазвенело разбитое стекло.

– Быстрее! Что копаетесь! – рявкнул кто-то уже в сенях.

Глиргвай в отчаянии потрясла подругу.

– Да проснись же, Квенди!

Голова подруги безвольно мотнулась на скрещенных руках. Глиргвай присмотрелась к ее ауре и грязно выругалась. Рутлом перед уходом успела не только оплести Квендихен чарами. Хозяйка всыпала в суп лошадиную дозу лислора. Об этом говорил неестественный цвет энергетической спирали систем пищеварения и грубо закрученные каналы воли и разума. Квендихен не смогла бы проснуться, даже если очень сильно захотела этого.

В дверях появилась мужская фигура. Глиргвай схватила со стола горшок с супом и метнула в нападающего. Он сложился пополам и исчез.

И в этот момент пришла телепатемма, такая тихая и слабая, словно пославший ее находился в Мир Минасе:

Беги, Глиргвай. Мне не уйти, обе погибнем…

Эльфка покосилась на Квендихен. У подруги не дрогнула ни одна ресница, она дышала

ровно, словно в глубоком сне. Но часть ее разума не поддалась ни чарам, ни действию наркотика.

Беги, Глиргвай, повторила Квендихен.

Глиргвай сорвала с шеи цепочку. Девушка поспешно надела кольцо на палец и выпрыгнула в окно, прихватив лежавший на скамье меч.

Глиргвай попыталась прочесть руны на кольце, но не смогла. Не хватало света то ли, то ли знаний. Руны складывались в неприятно звучащую бессмыслицу.

– Если ты оденешь его на палец, то станешь невидима, – сказал назгул. – Для всех, кроме некромантов. Но и они будут видеть лишь темное пятно, а не линии твоей ауры. Ты сможешь двигаться над водой или через преграды, но не через все. Ты сама увидишь. Надев кольцо, ты переместишься в иной мир, близкий нашему, но иной. Водоемов там нет, но некоторые здания и другие крупные объекты, например горы, там тоже существуют. Ты будешь двигаться по Нити Ринера, а да ладно, не буду морочить тебе голову.

– Здорово, – сказала Глиргвай. – Спасибо, Хелькар. Это кольцо тоже надо будет приручить, как лук?

– Нет, – ответил Хелькар каким-то странным тоном. – Наоборот, смотри, чтобы оно не приручило тебя…

– Как это?

– Лук преобразует твою Чи в момент выстрела, и не обладает никакой собственной энергией, кроме твоей остаточной. А кольцо… как тебе объяснить… оно имеет собственный энергетический заряд и будет влиять на твою ауру, как только ты активируешь его.

Назгул гулко откашлялся и закончил:

– И совсем не в лучшую сторону. Кольцо усиливает дикие, необузданные стороны характера. Агрессивность, честолюбие, мстительность… Видишь ли, оно способно питаться не только энергией хозяина, но и Чи других эльфов, и оно предпочитает…хм… определенные эмоции.

– Ненависть, гнев, зависть?

– Да. Оно усиливает так же и интеллект, но оно не дает мудрости, а лишь изворотливость и коварство. И оно дает наслаждение. Пока ты его носишь, ты будешь чувствовать спокойствие и счастье – чтобы ты ни делала.

– В общем, оно превращает эльфа в злодея, – заключила Глиргвай. – Первый раз вижу такой артефакт.

– В вашем мире есть только один артефакт схожего действия, это Эрустим.

Эльфка задумалась, и неуверенно уточнила:

– Жезл Власти, который принадлежит Морул Керу?

– Да. Но Эрустим еще хуже. Он был задуман для другого, но случилось так, что артефакт был испорчен. В кольцах был смысл, – ответил Хелькар. – Тот, кто создал их, хотел объединить мир. Те, кто носил кольца, старались не для себя… А в Эрустиме нет никакого смысла, он просто разрушает все, к чему прикасается – разум своего владельца и ваш мир.

Назгул замолчал, и Глиргвай не решилась лезть с вопросами, хотя спросить ей хотелось многое. Она уже догадалась, как звали того, кто хотел объединить мир – Саурон. Это имя было в песне. Глиргвай думала даже, что знает, где существовал мир, где Хелькар был королем Ангмара – в далеком прошлом их собственного мира. Эльфка поняла, что Саурон проиграл в борьбе за мировое владычество, и ей хотелось знать, почему.

Ветер свистел в крыльях летучей твари, дальний край ущелья все приближался. Глиргвай уже видела уступ, на котором копошились черные фигурки друзей.

– Единственное, что меня радует, – сказал Хелькар. – Что полностью стать рабыней кольца ты не успеешь в любом случае.

– Почему?

– Видишь ли, существование кольца, кроме Чи обладателя, поддерживается некой силой… и когда я умру, эта сила исчезнет. Ну, точнее не исчезнет, а лишится проводника,

через который она поступает в наш мир. Кольцо потеряет все свои магические свойства и физически исчезнет дней через десять после моего развоплощения.

– Понятно.

– Десять дней, Глиргвай, это очень много. Можно успеть сломать жизнь себе и многим другим… Будь осторожна.

– Буду, Хелькар.

Кожистые крылья твари мерно вздымались и опускались с тихим, приятным шелестом. Летучая тварь закладывала вираж, снижаясь над уступом. Моркобинин уже приветственно махал с него новоприбывшим.

Глиргвай была уже у забора, когда из дома донесся дикий, радостный вой. Рука эльфки легла на перекладину – Глиргвай хотела перемахнуть через забор. Но кисть эльфки прошла сквозь доски, не встретив никакого сопротивления.

– Черная Стрела! – кричали в доме. – Это сама Черная Стрела!

Глиргвай развернулась, стягивая с плеча лук. Эльфка выстрелила в светящийся квадрат окна наугад. Крик, раздавшийся в ответ, был уже совсем другой тональности. Он был совершенно немузыкален, этот крик боли и ужаса, но прозвучал для Глиргвай лучше самых нежных песен Квендихен. Лук под ее руками потеплел – Хелькар говорил, что так и будет, едва стрела найдет добычу.

– Ежи! – орали в доме. – Ежи атакуют!

Глиргвай успела выпустить еще пять стрел. Их можно было не беречь. Эльфка переживала, что не сможет достать таких же чудных стрел, когда расстреляет весь запас. Но назгул объяснил ей, что все стрелы, попавшие в цель, вернутся в колчан сами примерно через час после битвы. Раз в месяц колчан становится полным в любом случае. Первые три стрелы ушли обычно, с небольшим разлетом. Эльфка приноравливалась к новому оружию, непривычно большому, необычно легкому, к его силе и гибкости. А на четвертой стреле она почувствовала то, о чем говорил Хелькар. Лук словно ожил в ее руках, шевельнулся. «Словно большая кошка», подумалось Глиргвай. Что-то мягко, но ощутимо передвинуло стрелу, чуть приподняло ей локоть. Стрела вылетела как будто сама по себе, лишь дождавшись мысленного приказа лучницы. Следующая стрела словно сама скользнула в руку из колчана.

Больше всего на свете Глиргвай хотелось сейчас попасть в Квендихен. Украсть ее от мук, на которые ее обрекут палачи, подарить ей достойную смерть. Но желанию партизанки не суждено было сбыться.

Из дома выскочил высокий эльф с рогатиной в руках. Вместо щита он прикрывался медным подносом, на котором не так давно стояла корзиночка с погребальными хлебцами. Он бросился к Глиргвай. Эльфка сообразила, что в упоении боем допустила ошибку. «Кольцо предпочитает гнев и ненависть», вспомнились ей слова Хелькара. Нападающий не мог ее видеть, но заметил, откуда летят стрелы. Если бы ему удалось втянуть ее в поединок, остальные успели бы обежать вокруг забора, и ловушка бы захлопнулась.

Глиргвай закинула лук за спину, прошла сквозь забор и со всех ног кинулась по узкой улочке к лесу. В домах горел свет. Нна улицу выбегали вооруженные чем попало эльфы с факелами в руках. Партизанка испытала все недостатки и преимущества невидимости. Одного из эльфов Глиргвай чуть не сбила с ног – он отлетел в сторону с выражением крайнего изумления на лице. Зато другой чуть не затоптал ее саму, даже не заметив.

«Лыжи», вдруг совершенно спокойно подумала Глиргвай. – «Мне нужны лыжи, без них мне не дойти до Фаммигвартхен. Надо зайти в любой дом и взять их, пока все мечутся…».

И тут она поняла, что это не ее мысль. Назгул хорошо изучил свойства кольца и ничуть их не преувеличил. Эльфка двинулась к ближайшим распахнутым воротам. Они были украшены причудливой резьбой в виде двух резвящихся огромных рыб.

Кто-то схватил ее за руку.

Надо было плыть к островку. За камышами угадывались очертания чего-то большого, но неподвижного. Марфору часто приходилось видеть такие островки в Фюхсвальде. Лисы ушли, а места, где оборотни поклонялись богам, остались. Вода была вязкой, как масло, и очень теплой. Плыть не хотелось, не хотелось шевелиться вообще. Марфор чувствовал себя очень слабым. «Зачем это все?», подумал эльф.

И тихий, но ужасно знакомый голос ответил:

– Я хочу, чтобы ты жил. Я только что обрел тебя, и не хочу терять снова.

– Кайт? – удивился Марфор.

Кайт содержал Марфора года три, когда был главным врачом городского госпиталя в Старгороде-на-Тириссе. Потом Марфору в связи с одним щекотливым поручением пришлось надолго покинуть город. Когда эльф вернулся, Кайта уже не было, и никто не знал, куда он уехал.

Ответа не последовало. Эльф кое-как поплыл к островку, и вскоре ощутил под ногами дно. Марфор медленно побрел к земле. Вокруг начало темнеть. Вскинув голову, он увидел крупные, редкие звезды. Созвездия оказались незнакомыми. Раздвинув камыши, эльф выбрался на полянку. Он ожидал увидеть статую лисы, но там оказался изуродованный труп гросайдечи, а рядом с ним…

Марфор закричал и открыл глаза.

– Тихо, тихо, – сказал Кайт.

Невысокий, плотный, темноволосый врач сидел у его койки. Эльф огляделся. Он находился в небольшой комнате со стенами, покрашенными зеленой краской. Кое-где краска облупилась. За окном была темнота, в которой мерцали редкие огоньки.

И еще ощущалось чье-то присутствие… ненавязчивое, как будто кто-то стоял в тени у стены или лежал на соседней койке. Дыхание чужой жизни, не больше. Но у стены никто не стоял, и койка здесь была только одна. Говорить Марфор не мог, да и не хотел. Он не чувствовал лица ниже глаз, и радовался этому. Марфор пришел в себя в редкий момент, когда чары и лекарства подарили ему отсутствие чувствительности. «Где Змееслав?», спросил эльф мысленно. Брат Марфора и любовник были знакомы – Змееслав захаживал в гости пару раз. Кайт протянул руку к тумбочке, на которой лежал наполненный шприц.

– Сейчас все будет хорошо, – сказал Кайт.

Марфор схватил его за руку, глубоко вздохнул, собираясь с силами.

«Послушай, я не брежу», передал он. Мысленная речь отнимала не меньше сил, чем звуковая. – «Хорошо, давай начнем сначала. Я рад, что встретил тебя».

Кайт дернул щекой.

– Перестань, – сказал он сухо. – Ночью будет кризис, и ты это знаешь. Я буду дежурить рядом с тобой, делать инъекции, если потребуется… вот и все.

«Это не лагерь Ежей? Где я?»

– Ну наконец-то, – сказал Кайт. – В больнице при храме Красной Змеи.

«Здесь всегда так тихо?», осведомился Марфор.

– Мы с тобой дальнем, заброшенном крыле. Мандречены сейчас ищут эльфов со свежими ранами, знаешь ли. Особенно интересуются ожогами, колотыми, рублеными и резанами ранами. Но и такая, как у тебя – дырка, наполненная мертвой силой – им тоже очень понравится. Есть хочешь?

Марфор кивнул. Кайт поднялся, извлек из одного из ящиков стоявшего у дальней стены стола высокий кувшин, вставил в него соломинку и подошел к эльфу.

– Это бульон, – сказал врач, поставив кувшин на тумбочку рядом с кроватью. – Пей. Нам предстоит весьма разнообразная ночь, тебе надо набраться сил.

Кайт вернулся за стол, а Марфор осторожно вставил трубочку в рот. Это было странное ощущение – он послал в мышцы импульс, но не чувствовал, как они сокращаются. Однако вскоре что-то теплое пошло по пищеводу. Узнать вкус бульона эльфу было не суждено. Но Марфор особенно и не расстроился – качество больничной пищи он себе хорошо

представлял.

Напившись бульона, Марфор почувствовал себя бодрее.

– Тебе сейчас лучше поспать, собраться с силами, – сказал Кайт, заметив, что Марфор оставил кувшин.

«И давно ты помогаешь партизанам?», поинтересовался эльф.

– Мы здесь занимаемся не только этим, – неохотно ответил врач. – Ежи притащили тебя слишком поздно. Они зашили рану, не догадавшись, что тебя ударили Цин. Они поняли, что что-то идет не так, только когда чужая Цин заполнила почти все твои каналы, и ты начал умирать прямо у них там. Тогда Ежи бросились в госпиталь. Отдохни, прошу тебя. На телепатические импульсы уходит много Чи.

«Вряд ли они оставили Змееслава в лагере… С его ранами…», подумал Марфор. У него закружилась голова.

«Нас со Змееславом должны были притащить сюда обоих», настойчиво повторил он Кайту. – «Он был среди химмельриттеров, понимаешь?»

И снова – легкий шелест, подобный шепоту листьев под ветром. На этот раз Марфор успел просканировать импульс. «Кулумит, ты опять следишь за мной?» телепатировал он.

«Нет, Марфор», тихо отозвался эльф. – «Я…»

– Да, вас было двое, – ответил Кайт, усаживаясь за столом у стены и придвигая к себе толстый журнал для записей. – Но второй – не твой брат. Очень странный пациент… – добавил врач себе под нос.

Эльф растянулся на койке, которая была ему коротковата. Он ощутил странный зуд в кистях рук, словно по ним ползли маленькие, очень злые муравьи. Тихо скрипело писало в руках врача.

«Кулумит, где химмельриттер, которого я просил спасти?»

«Ваниэль не поняла, кого из химмельриттеров ты имел в виду. Мы пытались спасти обоих», ответил партизан. – «Рысь и того парня, который отрубил себе ногу. Марфор, мы смогли помочь только оборотню, он сейчас в больнице, вместе с тобой».

«А что со вторым химмельриттером?»

«У него открылось кровотечение из отрубленной ноги, и…»

Муравьи добрались уже до локтей.

– Ты что-то побледнел, – сказал Кайт. – Давай я все-таки сделаю тебе укол, ты поспишь…

Марфор отрицательно покачал головой.

«Что вы сделали с телами?», осведомился он.

«Они все еще в яме», – сообщил Кулумит. – «Ночью придут некроманты. Ваниэль договорилась продать тела гросайдечей».

«Убери труп Змееслава, чтобы некроманты его не трогали», передал Марфор. Странно, ему почти не приходилось прикладывать усилий при формировании телепатического импульса. А ведь Кулумит находился минимум километрах в двадцати.

«На нем очень сильный артефакт, очень опасный, понимаешь?», продолжал Марфор. – «Нельзя, чтобы он достался некромантам. Я завтра…»

Перед внутренним взором эльфа поднялось зарево погребального костра.

«Ты хочешь похоронить химмельриттера без ноги?», уточнил Кулумит.

«Да уж обоих, игры Локи!», ответил Марфор, вспомнив про химмельриттера, который ехал первым. – «И перестань следить за мной».

«Я не слежу», ответил Кулумит. – «У нас с тобой теперь одна аура на двоих».

«Как так?», изумился Марфор.

Однако это было похоже на правду – и отсутствие усилия при создании телепатеммы этим вполне можно было объяснить.

«Когда ты… стал умирать… Мы понимали, что это какое-то колдовство», пояснил Кулумит. «Что у тебя что-то с каналами жизненной силы, но не могли понять, что именно. В нашем отряде есть некромант, и он сказал, что если соединить твою ауру с чьей-нибудь еще,

жизненная сила партнера сможет поддержать тебя некоторое время. Я согласился, и он наложил заклятие – Поцелуй Синергистов…»

«Но зачем ты…», изумился эльф и почувствовал, что Кулумит смущенно улыбается.

«Я подумал, что каждое пятое доброе дело наказывается уже на земле», ответил партизан. – «Это временное заклинание, но очень опасное. С каналами Чи играть нельзя. Нам надо попасть в Храм Синергистов, под Бьонгардом, в течение двух недель. Либо снять временные чары, либо закрепить».

«Бьонгард далеко», ответил Марфор задумчиво. – «А я ранен… Мы можем не успеть».

«У нас в лагере есть телепорт».

«Хорошо, тогда не будем тянуть время», передал Марфор и добавил, поколебавшись: – «Приходи завтра к яме, где мы убили гросайдечей. К полудню. Я похороню Змееслава, и двинем».

«Ты так хорошо себя чувствуешь?», переспросил Кулумит.

«Я не хочу, чтобы ты рисковал собой слишком долго».

«Ты знаешь, мы сейчас в другом лагере, мне к Горбу Синкляра далеко идти», ответил Кулумит. Марфор понял, что партизан уловил его желание побыть у ямы одному. – «Давай я завтра после обеда приду к тебе в больницу».

«Договорились», с облегчением согласился эльф.

Марфор некоторое время лежал неподвижно. Обмен телепатеммами действительно утомил его.

Затем у него задергало глаз, под которым начиналась рана. Горячая боль потекла вниз по щеке, выламывая кости. Скользнула по челюсти, словно ребенок, разгоняющийся на санках, прошмыгнула под носом и ударила в висок с другой стороны. А следующая обжигающая капля уже разгонялась вслед за второй. Марфор плохо помнил, что с ним происходило. Он принимал лекарства, которые давал ему Кайт, и засыпал – хотя, скорее, забывался. Приходил в себя от боли – пылало уже все лицо, челюсти сводило судорогой. Эльф ничего не видел правым глазом, кроме мельтешащих черных точек. Марфора начинало трясти. Кайт вливал в него бульон, затем снова лекарства, бормотал заклинания. Но боль уходила не сразу. Марфор плакал, кажется, говорил что-то.

Он видел глазницы гросайдечи, полные кровавой слизи. Черную, в тусклой серой оправе, иглу Разрушителя на руке брата, его белое, словно из бумаги, лицо. Обрубок ноги, пришпиленный колом к боку гросайдечи. Красный от крови наконечник стрелы, вынырнувший из груди Змееслава и укусивший ладонь Марфора.

И много еще такого, чего он не хотел бы видеть никогда.

Партизанка настолько удивилась, что даже не пыталась вырваться. Рука у нее оказалась маленькая, твердая и теплая. На среднем пальце она носила массивное кольцо. Танабигой подумала уже, что девушка замужем, но узнала пару выбитых на кольце рун.

– Пойдем, доченька, – тихо сказала Танабигой и потащила девушку за собой.

Они оказались в крохотном переулке в три дома, за последним из которых чернел лес.

– Вы меня видите? – произнесла партизанка. Голос у нее был приятный, молодой и мелодичный – как голос самой Танабигой лет триста тому назад.

– Куда уж мне, пять лет как ослепла я, доченька, – ответила старая эльфка. – Но ауры пока что различаю…

– Вы некромантка? – спросила девушка, скорее с любопытством, чем с отвращением.

Танабигой хмыкнула:

– А ты нет? Думаешь, никто те руны, что ты носишь, читать не умеет?

Рука партизанки напряглась.

– Воды! – завопили на главной улице несколько голосов, в которых подобно колоколу гудел мандреченский акцент. – Воды!

Танабигой удивилась. Запах дыма был привычным, но не сильным. Горьковатая струя в холодном воздухе. Значит, пожара не было. Что же солдаты Армии Мандры, пришедшие в

Фаммирен сегодня днем, собирались тушить?

– Не уйти тебе. Пока Воарр с дружками вас в доме ловили, староста деревню магической сетью оплел, – сказала старая эльфка. – Но я могу тебе телепорт открыть, скажи только, куда…

Девушка засопела – она явно колебалась.

– Бьонгард, лавка кузнеца на площади Светлого Всадника, – сказала она наконец.

Танабигой выпустила ее руку и привычным жестом раскрыла в воздухе око телепорта. Партизанка глубоко вздохнула, увидев то, о чем уже догадалась. Роза энергетических полей портала была черной, с серебристыми проблесками. Танабигой, сама того не заметив, гордо выпрямилась во весь свой небольшой рост. Она улыбалась – той же улыбкой, что двести пятьдесят лет назад, когда она стояла за околицей Фаммирен перед страшными, огромными всадниками в черных плащах.

– Иди, доченька, – сказала старая эльфка. – Иди.

Танабигой ощутила, как сработали структуры порта, как схлопнулся, опустев, его жадный рот. Старая эльфка снова ссутулилась и заплетающимися шагами двинулась к своей избушке – последней из трех домиков, стоявших в проулке. Она услышала топот двух пар ног позади. Набойки на солдатских каблуках звонко цокали по льду, поскрипывали кожаные галоши на валенках.

– Эй, старуха! – закричал солдат. – Стой!

Танабигой обернулась, собрав лицо в гримасу ярости, и подняла руки для заклинания.

– Не надо так, господин офицер, – произнес тот, что носил валенки. Танабигой узнала Воарра. – Силой вы здесь ничего не добьетесь. Эта колдунья остановила Разрушителей, когда они пытались взять Фаммирен.

– Да я вижу! Она колдовала и сейчас, здесь такие вибрации Цин были! – ответил мандречен.

«Не солдат», поняла Танабигой. – «Армейский маг. Чувствительный к мертвой силе».

Плохо, очень плохо.

«И еще говорят, некроманты редко рождаются», подумала Танабигой. – «Нас здесь трое собралось».

– Что ты делала, Танабигой? – спросил Воарр. – Какие чары накладывала? Зачем?

– Вы здесь не видели сепаратистку? – добавил мандречен. – Их было двое, одной удалось бежать. Может, она этим переулком проскользнула к лесу?

Воарр кашлянул и сказал:

– Госпожа Танабигой слепа.

– Она могла почуять, – возразил маг. – Тому, кто смог остановить Разрушителей, глаза не очень-то нужны.

– Нет, – сказала старая эльфка.

«Осторожнее, Тана, осторожнее, он сканирует твою ауру и ждет хоть словечка лжи. Какой сильный маг. Наверняка полукровка».

– Я не заметила никого, кто бежал бы к лесу. А что насчет чар…

Танабигой извлекла из кармана старого, ношеного, но еще целого волчьего полушубка гладкий тяжелый шар.

– Многие бежали *от* леса. Я упала, меня кто-то толкнул, – пояснила она. – Мой магический шар выбросил порцию Цин, когда ударился о мостовую.

– Извините нас, – сказал Воарр. – Пойдемте, господин офицер.

Его заперли в подвале. Судя по всему, это был не карцер, а погреб, в котором хранились припасы. Здесь было сухо, прохладно, и пахло копченостями, тимьяном и вином. Поверх этого призрачного эха прошлого, намертво пропитавшего собой камни кладки и глиняный пол, кое-где потрескавшийся, в подвале присутствовал и другой запах. Неприятный, мертвый. Зигфрид не смог определить, что это, но настроения этот аромат совсем не повышал. Как выяснилось, эльфы, которые мастерили клетки для диких зверей, и

эльфы, которые копали погреба, никогда друг с другом не встречались. В окно под потолком, на которое он мог запрыгнуть даже не разбегаясь, свободно пролез бы вервольф, не то что татцель. Выбить решетку на окне было по силам даже молодой лисице.

Оборотень хорошо представлял себе, что ждет того, кто пытался уничтожить Железный Лес. До Мидинваэрна оставалось два дня. Зигфрид не сомневался, что ему на празднике отведена особая роль. Насыщенная, яркая и короткая, но требующая от исполнителя всех его жизненных сил. Но Зигфрид не стал прыгать на окно. Причина была не в трех болевших ребрах и не в до сих пор саднившем горле. И ребра, и горло, и звон в голове, которой эльф колотил оборотня о железную от мороза землю, прошли к вечеру первого дня.

Можно было бежать. Зигфрид не сомневался, что доберется до Цитадели, хотя между бывшим химмельриттером и крепостью пролегло не меньше двух тысяч верст. К весне он достиг бы цели, измученный, отощавший, но живой. Но что дальше? Сочувственные – и презрительные – взгляды товарищей, неизбежный допрос у Эдмунда, Первого Химмельриттера. Зигфрид не был первым химельриттером, пережившим свою гросайдечь. Такое уже случалось и раньше, хотя такие случаи за всю историю существования Цитадели можно было перечесть по пальцам одной руки. Но Зигфрид был единственным, кто уцелел в этом самоубийственном походе на Железный Лес. Эдмунд не смог бы признать виноватым в гибели своих лучших наездников императора Мандры, и виноватым назначили бы Зигфрида. Стоило ли менять сухой и достаточно уютный погреб на камеру, строители которой знали, что может остановить оборотня, а смерть на жертвенном костре Мидинваэрна – на виселицу в Цитадели?

Ночью Зигфриду приснилось, что он борется со змеем. Оборотень был в своей звериной ипостаси, и с наслаждением рвал, грыз и кусал чешуйчатое тело. Когда кольца чудовища расслабились, и труп раскинулся перед ним во всей красе, Зигфрид увидел, что он убил Черное Пламя. Оборотень хорошо запомнил его внешность, пока дракон сидел на Инкубаторе, и не мог ошибиться. Восторг захлестнул его. Татцель уперся лапами в разорванную грудь поверженного врага и завыл, исполняя победную песнь.

На этом месте сон Зигфрида прервали. Кто-то открывал дверь в погреб, и несмазанные петли яростно заскрипели.

– Успокойся, ради Мелькора, – произнес из темноты чей-то испуганный голос.

Громыхнула жестяная миска, Зигрфид ощутил запах сырого мяса и воды.

– А вот и твоя еда, не надо было так шуметь. Ты же все понимаешь, – продолжил голос. – Перестань, ведь мандречены ищут и тебя тоже. Тебя казнят за то, что ты не выполнил задание. Поешь и спи.

Спросонья оборотню показалось, что говоривший использует почти забытый диалект, на котором говорили в глухих деревушках к югу от Фишервега. Но Зигфрид понял, что говоривший использует свой родной язык, по странному совпадению так похожий на неречь.

Дверь закрылась. Оборотень подошел к миске и напился. Есть он не стал – не хотелось. Он устроился в углу камеры, положил голову на лапы и заснул, на этот раз без сновидений. Остроконечные уши расслабились. Только кисточки на них чуть подрагивали в такт дыханию Зигфрида фон Татцельберга, брата последнего графа Боремии, в чьих жилах текла нечеловеческая кровь.

Полоса лунного света из окна требища медленно ползла по полу вслед за катящейся в черной высоте луной. Дотянувшись до изножья кровати, на которой в беспокойном сне метался Эназерел, свет зацепился за складки одеяла, загустел, приобрел очертания размытой фигуры. Существо провело прозрачной рукой по волосам эльфа, слипшимся от пота. Эназерел улыбнулся во сне. Силуэт медленно склонился над воспитуемым номер шестьсот восемь. Ночной посетитель был слишком занят, чтобы оглядываться по сторонам. Иначе он заметил бы, как из-под соседней кровати медленно вытекает лужица черного, непроглядного мрака. Тьма скопилась перед тумбочкой. Резко, хлестко, как лук, когда стрелок спускает тетиву, распрямилась.

Серебристое существо тоненько взвыло и бросилось к окну. Темный страж протянул длинную, тонкую руку, чтобы схватить его за волосы, но не успел. Гость был уже на полпути к свободе и спасению. Вдруг он тихонько пискнул и рухнул на пол студенистым сгустком. Тьма неторопливо подползла к нему и накрыла собой.

– Дренадан? – раздался неуверенный голос эльфа.

Волхв обернулся. Лайтонд стоял рядом с ним. Дренадан заметил, что эльф держит руки так, чтобы в любой момент можно было метнуть заклинание.

Лайтонду казалось, что он уже привык к своеобразию, с которым Дренадан выполнял любые свои обещания. Но в очередной раз выяснилось, что предсказать действия жреца Смерти невозможно. Вечером, когда Дренадан отказался отпустить эльфов в лагерь ко всем остальным под предлогом того, что они чем-то больны, жрец заставил обоих выпить какой-то невыносимо горький отвар. Лайтонд не смог заснуть всю ночь. Судя по тому, как кряхтел и беспокойно ворочался Эназерел, на него отвар произвел такой же эффект. Утро застало воспитуемых за старинной эльфийской игрой в рифмы. Лайтонд, как выпускник Линдалмара, уверенно побеждал, Эназерел беззлобно огрызался. Норму по шитью рукавиц они после этого не выполнили оба, за что получили каждый по пять плетей.

А вечером Дренадан опять влил в каждого по кубку отвара. У Эназерела нервная система оказалась крепче – эльф забылся тревожным сном.

– Да, это я, – сказал волхв. – Спасибо. Если бы не ты, она бы улизнула. Я и забыл, какие они шустрые…

Эльф расслабил кисти, подошел поближе и заглянул через плечо волхва.

– Чем ты это ее так? – осведомился Дренадан.

– Некроманты называют это заклятье Булавой Гнева, – ответил Лайтонд рассеянно. – Что это за тварь?

– Это и есть та зараза, которую Эназерел подцепил на болотах, – сказал волхв. – Это прятка-безоглядка.

– Кто? – переспросил эльф, рассматривая распростертую на полу хрупкую фигурку.

Ее длинные спутанные волосы цвета серебра светились в лунном свете. Теперь было заметно, что чудовище размером не превосходит пятилетнего ребенка. Безобразные клешни, которыми кончались тонкие руки, заставили Лайтонда вспомнить гигантских пауков Железного Леса. Он присел на корточки и отбросил волосы с лица. У болотной твари оказался расплющенный нос и множество тонких, как иглы, длинных зубов. Они торчали из оскаленной в предсмертном рыке пасти. Эльф присмотрелся. Зубы внутри были полые, как тростинки.

Глаз у прятки-безоглядки не было.

– Да есть такие… Плод союза одичавших фабрик крови и крабомаров, – сообщил Дренадан. – Когда человек входит в лес, прятка-безоглядка начинает следовать за ним, словно тень. Увидеть ее нельзя. Как бы быстро жертва не оборачивалась, прятка-безоглядка всегда успевает оказаться за ее спиной. А когда человек забывает о ее присутствии, прятка-безоглядка немедленно набрасывается ему на шею и пьет кровь. Я сразу удивился, как это Эназерелу удалось вернуться на дорогу к лагерю. Чары там такие, что даже тебе не пробить… Это она помогла ему. Когда вы с пряткой-безоглядкой нажали на барьер с двух сторон, он лопнул. Ей нужно было попасть в лагерь, где много вкусной еды.

Лайтонд покачал головой:

– Жаболюдей видел, виторов видел – и даже слышал, с лосетаврами встречался… Но о прятках-безоглядках слышу впервые.

– После того, как я сделал переливание, на тебе и Эназереле было мое… – волхв запнулся.

– Клеймо, – закончил Лайтонд спокойно. – Ты надеялся отпугнуть ее?

– Тогда я еще не знал, что она его охомутала, – мрачно сказал Дренадан. – Но в иерархии слуг Смерти прятки-безоглядки стоят гораздо ниже вампиров. Она должна была оставить его в покое.

– А кстати, – сказал Лайтонд и добавил погромче: – Эназерел?

Они разговаривали в голос, и эльф должен был уже проснуться. Ответа Лайтонд не дождался. Дренадан подошел к спящему, тронул его за плечо. Отступил. Лайтонд тоже приблизился к Эназерелу. Лицо у него оказалось белое, матово-прозрачное, как лунный камень.

– Ааа, колесо Хорса вдребезги пополам, – пробормотал Дренадан. – Надо было ее брать сразу…

– Что же ты не взял?

– Боялся спугнуть, – буркнул волхв. – Они, когда наедятся, тяжелее становятся, неповоротливее. Кто ж знал, что…

Лайтонд помолчал.

– Он мертв? – спросил эльф.

– Ну, не то что бы, – сказал Дренадан неохотно. – Но я разберусь. Дай-ка твою робу.

Лайтонд снял хлопковую куртку. Полосочки на ней казались лилово-черными в лунном свете. Эльф вопросительно посмотрел на волхва.

– Я похороню его под твоим номером, – сказал Дренадан. – В нем есть твоя кровь, и когда придут проверять, может получиться так, что они поверят. Но я бы на твоем месте на это сильно не рассчитывал. Годовой отчет о смертности я уже отослал. Следующий раз подводить баланс мы будем ко дню Кащея Чернобоговича.

– Когда? – спросил Лайтонд.

– По вашему, это двадцать девятое февраля.

Эльф покачал головой.

– Тогда у меня были мои Танцоры, – сказал он. – А теперь я один. Я не успею, Дренадан. Я не смогу.

– Попробуй обратиться к своим друзьям, – произнес Дренадан. – К эльфам Лихолесья.

– О Илуватар, – прошептал Лайтонд. – Они победили… Они выжили! Но темные эльфы не вмешиваются в мировую политику, таково их правило.

– Я знаю, – сказал волхв. – Но теперь, когда осквернённое тело их принцессы выставлено на всеобщее обозрение, ее брат может изменить свое мнение.

– До Келенбороноста тысяча километров, – ответил эльф.

Дренадан хмыкнул:

– Полторы, не меньше. Это если по прямой.. Но это наименьшая из проблем, с которыми тебе придется столкнуться. При капище есть телепорт, я тебя переброшу.

– А я и не знал, – ответил Лайтонд. – Когда?

– Да прямо сейчас. Надень что-нибудь, у них гораздо холоднее, чем у нас. Ты не помнишь каких-нибудь координат, лагеря или верного человека?

– Помню, – сказал эльф.

Сняв полушубок Эназерела с крючка на стене, Лайтонд надел его.

– Когда все закончится, – сказал эльф, пристально разглядывая половицу у себя под ногами. – Нам надо будет где-то пересидеть, укрыться… А Железный Лес далеко.

– Да, Кула ближе к Рабину, – хмыкнул Дренадан.

Он порылся в карманах своей хламиды и вытащил браслет из необычного черного нефрита.

– Того, кто покажет этот браслет, и его спутников, – сказал волхв, вручая безделушку Лайтонду. – Примут в Капище Всех Богов, не задавая никаких вопросов.

– Благодарю тебя, – ответил эльф, и они вместе с Дренаданом вышли из спальни.

Больше всего Марфор опасался, что ему придется идти по снежной целине. Старой эльфийской тропой зимой не пользовались. Последними по ней прошли гросайдечи, но вряд ли бы это сильно облегчило путь лыжнику. Наоборот – приходилось бы избегать следов от огромных ног, чтобы не провалиться в них. Однако эльф ошибся. Дорога была истоптана вдоль и поперек. Множество людских ног и саней перемешали со снегом коричневые

яблоки, оставленные лошадьми. Местами и снег был истоптан так, что проступала черная, гладкая основа дороги. Теперь Марфор боялся другого – попасться на глаза мандреченскому патрулю. Эльф был слишком слаб, чтобы драться. Но его опасения оказались напрасны. Там, где от старой тропы отходила дорожка к Горбу Синкляра, снег потемнел не только от конского помета. Марфор не был особенно опытным следопытом, но для того, чтобы прочесть эти следы, не надо было провести в лесу полжизни. Резкая, четкая строчка говорила об отряде, ехавшем рысью. Размытые, нервные зигзаги, которыми разбрызгалась кровь людей и лошадей – о том, что их сняли не из луков и не арбалетов даже, а просто размазали по снегу при помощи магии. А неприятный вкус воздуха, который ему придала примененная магия, говорил о том, что учителя в Зойберкунстшуле свое дело знали и драли будущих некромантов на совесть. Армии Мандры не удалось даже забрать трупы, чему Марфор был только рад, несмотря на свое отвращение к некромантам.

Впрочем, скоро он забыл про некромантов и Армию Мандры, ушедшую из Железного Леса ни с чем. Он ехал по дороге, смотрел на березки по обеим ее сторонам, и чувствовал, как у него сжимается горло. Эти кокетливые деревца были последним, что увидел Змееслав перед смертью. Кайт стянул голову Марфора капиструмом [4], и заставил одеть так же и вязаную маску, чтобы не застудить рану, и эльф мог плакать, не страшась мороза.

Но Марфор не плакал.

Не плакал, подъезжая к черной ране ямы в земле. Не плакал, сняв лыжи и поднимаясь на Горб Синкляра. Кулумит здесь уже все подготовил для погребения. Не плакал, увидев почерневший от мороза трупы неизвестного химмельриттера и Змееслава, и аккуратно положенную рядом с телом брата ногу.

Эльф заплакал, когда понял, что вытащенные из настила березки его Синергист сложил почти правильной погребальной «ладьей», в которой всегда хоронили химмельриттеров. Кулумит заметил этот образ в его мозгу и воспользовался им, не особо задумываясь над тем, что он значит. Рыжий эльф лишь желал соблюсти чужие похоронные обычаи. Химмельриттеры пали в бою, и темные эльфы отнеслись к павшим врагам с уважением. Марфор взял руку Змееслава, мягкую, неестественно послушную. Игла в перстне-кастете сверкнула черной каплей в лучах низкого зимнего солнца. Разогнуть пальцы Марфор не смог, и ему пришлось их отрезать. Эльф отпустил руку брата. Она стукнулась о настил с совершенно деревянным звуком. Марфор завернул перстень и пальцы Змееслава в носовой платок. Эльф убрал сверток в карман полушубка. Марфор сложил пальцы в привычном жесте и ударил по телам погибших длинной лентой синего магического пламени. Березки затрещали, занимаясь – они отсырели и промерзли. Совсем не такими должны быть дрова для погребального костра, но магическому пламени ничто не может сопротивляться. Да и выбирать не приходилось.

Марфор засунул руки в карманы полушубка и стоял, глядя на разгорающийся костер. Эльф щурился от дыма, однако не двигался. Солнце било ему в глаза, но невысокую фигурку, появившуюся с другой стороны пламени, Марфор заметил сразу.

«Выходит, ваш новый лагерь не так уж далеко отсюда?», телепатировал эльф.

– Кулумит не хотел мешать тебе, – ответила Ваниэль и подошла к нему.

– А ты, значит, мародерствуешь, – продолжала она. – Я заметила этот странный перстень, когда мы пытались помочь химмельриттеру… Вот почему ты просил сохранить его тело? И сколько стоит это украшение?

Эльф долго не отвечал. Ваниэль с любопытством смотрела на него своими темными глазами. Румяная от мороза, подтянутая и изящная в своей дубленке с разноцветной вышивкой и стразами. Часть украшений оторвалась, часть затерлась и потеряла свой блеск, но одежда все еще оставалась одеждой принцессы.

«Перстень стоит достаточно», ответил Марфор наконец. – «А сколько и чем нужно

---

[4] каписструм – повязка, охватывающая голову и поддерживающая нижнюю челюсть

заплатить тебе, чтобы ты уехала из Леса Великого Страха?».

Ваниэль в первый миг подумала, что ошиблась при чтении телепатеммы. Такое иногда случалось, если реципиент неточно настраивался на мысленную волну.

– Что? – переспросила принцесса.

«Я хочу, чтобы оставила войну, покинула лес», повторил эльф. – «Что ты хочешь за это?»

– Но, Марфор… – пробормотала изумленная Ваниэль. – Я не могу этого сделать. Я не могу покинуть свой народ в беде. Я не имею прав на престол, но я принцесса. Да, я не из тех принцесс, что сидят в высоких башнях и ждут своего принца. Я буду биться за мой народ, до победы или до смерти. Я не могу уйти. Я не могу даже подумать об этом.

«А Рингрин говорит, что можешь», передал Марфор. – «Что ты предлагала бежать, когда узнала, кто летит на вас».

– Каждый имеет право на слабость! – вспылив, закричала Ваниэль. – Ты не знаешь, что это такое – лесной пожар! И Рингрин не знал, и это нас всех и спасло, – добавила она уже более спокойным тоном.

«Я знаю, что женщине не место на войне», ответил Марфор.

– О да! Босая, беременная и на кухне – вот где место женщины! Вы, тэлери, известны своим шовинизмом… Да и кто ты такой, чтобы требовать подобного от меня? – возразила эльфка. – Что ты такого сделал? Любовник – еще не возлюбленный, у нас так говорят.

Марфор на это промолчал, а Ваниэль продолжала, сердясь все сильнее:

– На севере мандреченам попалась девушка, мой двойник. Они искали отряд Кошмары, тех, кто уничтожил гросайдечей над горами. Та партизанка носила такую же татуировку, как я, многие так делают… Знаешь, как с ней обошлись? Люди изнасиловали ее всем отрядом, потом отрезали грудь. А затем выгнали на мороз – обнаженную – и залили водой. Они сделали из нее ледяную статую… В день Мидинваэрна они выставят ее на всеобщее обозрение в Бьонгарде! Ты представляешь? В день возвращения солнца заставить всех темных эльфов смотреть на обезображенный труп своей принцессы! И ты хочешь, чтобы я оставила мою родину в руках этих зверей? Никогда, Марфор. Я останусь и буду драться.

«Хорошо», ответил он. – «Давай съездим в Бьонгард. У нас с Кулумитом там дела… Я знаю, у вас есть телепорт, мы еще успеем на праздник. Придем на площадь и послушаем мысли этих жутких зверей. Послушаем мысли мандречен. И если хоть один из них подумает – „так ей и надо, эльфийской стерве“, или просто обрадуется смерти твоего двойника и всему происходящему – то мы забудем об этом разговоре навсегда».

– А если нет? – задумчиво спросила Ваниэль.

«Ты уедешь отсюда. Я дам тебе денег, чтобы ты могла устроиться в любом городе, который тебе понравится. Если захочешь, я поеду с тобой. Если тебе надоели мои ласки, ты меня после Бьонгарда больше никогда не увидишь. Но ты вернешься в Лес Великого Страха только тогда, когда война закончится».

– Вот как, – пробормотала эльфка. – Ну, гм… Ладно! Хоть матери весточку передам, она ведь думает, что я правда погибла. Вокруг Бьонгарда кокон непроницаемый кем-то поставлен, мне телепатически не пробиться.

«Твои отношения с матерью – это твое личное дело», ответил Марфор. – «Ты принимаешь условия пари?»

Ваниэль потерла нос мохнатой варежкой.

– Ааа, Илу с тобой. Принимаю! – решительно сказала принцесса. – Ты ошибаешься, и ты сам увидишь это. Пойдем в лагерь, пообедаем и телепортируемся.

«У меня в госпитале еще… процедуры», – передал эльф. – «Я должен вернуться. Приходите за мной вместе с Кулумитом, часа в три, после обеда».

– Или так, – согласилась Ваниэль. – Жди нас.

Он смотрел, как гибкая фигурка спускается с холма и исчезает в лесу. Затем Марфор перевел взгляд на костер. Он почти прогорел, пока эльф разговаривал с принцессой. Тела химмельриттеров сдались огненным ласкам, обратившись в серый пепел.

Рингрин повозил ложкой в супе. Над тарелкой причудливым облачком заколыхался пар. Принц с детства ненавидел фасолевый суп. Белые тельца фасолинок казались ему личинками червяков. И даже теперь, когда Рингрин знал, как сильно то и другое различается на вкус, он не в силах был преодолеть детскую предубежденность. Сестра сидела напротив и уплетала за обе щеки.

– Скажи что-нибудь, ты же мой брат и принц, в конце концов, – произнесла Ваниэль с набитым ртом. – Огласи свое монаршее решение…

– Ну, – сказал Рингрин. – Ответ положительный.

– То есть?

– Феаноринги тоже королевский род, – произнес принц медленно.

Сестра прыснула:

– Ты меня благословляешь? Благословляешь, да?

– Ну да. А больше же некому, – ответил брат сердито. – Тинкарабан мертв, с Моруско мы не общаемся. Я проверил, все правда. Его отец – Тинголорн Феаноринг, последний из боремских Феанорингов. Крепость, где живут химмельриттеры, принадлежала отцу Марфора.

Принцесса хихикнула.

– Химмельриттеры и теперь, как выяснилось, платят ему аренду, так что он не нищий. И хватит ржать! Я согласен с Марфором, если хочешь знать. Ты великая воительница, Ваниэль, я многому у тебя научился, я же в лес мальчишкой ушел… Но ты же, извини, отливаешь при нас, как и остальные девушки отряда, а это все-таки… ну… не к лицу женщине.

Ваниэль отерла ладошкой выступившие на глазах слезы и поцеловала Рингрина.

– Спасибо, братец, – сказала она. – Не сердись, это я от нервов. Твоя точка зрения ясна и особого сопротивления не вызывает. Принцесса должна мочиться в одиночестве, в золотую или хотя бы фаянсовую ночную вазу с бордюром из самоцветов, а не под кустом. Я согласна! Но что будешь делать ты? Ты справишься?

– А что мне еще остается, – философски ответил принц и поморщился. – Отряд-то я удержу, но вот…

Рингрин взмахнул ложкой, подыскивая слова. Капли слетели с нее и попали на лицо Ваниэль, но принцесса даже не шелохнулась. Она внимательно смотрела на брата.

– Нужно что-то делать, – произнес Рингрин, стирая капли с ее щеки. – Морул Кер не успокоится, не отстанет. Один раз мы остановили драконов, но какой ценой? Север больше никто не прикрывает. Что будет дальше? Мне кажется, я понял, что хотел сказать Марфор, когда сломал моего паучка… – добавил он тихо.

– Нужно устранить источник проблем, – кивнула Ваниэль. – Не ломать лапки паучку – это бессмысленно, отрастут новые. А сломать пружину, которая приводит в движение весь механизм.

– Да, – ответил принц и сердито добавил: – Мог бы и прямо сказать, зачем портить вещь?

– Марфор же тэлери, они слова в простоте не скажут, – заметила сестра. – Он хотел, чтобы ты сам решил, я полагаю.

– О Мелькор, я бы убил дракона, – произнес принц тихо, но очень энергично. – Чихал я на то, что он император. Но я никогда не был в Рабине, я никогда из Железного Леса не выезжал. Если бы нашелся кто-нибудь… кто повел бы нас за собой… Я бы пошел. Мы все бы пошли.

– Возможно, Марфор проиграет пари и останется с нами, – задумчиво сказала Ваниэль. – Можно было бы рискнуть… Но нам нужен не он.

– Я тоже подумал о Лайтонде, – согласился брат. – Вот кто мог бы повести нас. Он уже бывал в Рабине, и в замке Морул Кера – тоже. Все говорят, что тогда дракон остался жив благодаря Королеве Без Имени. Но вот уже лет пятьдесят, как она уехала из Рабина.

– А Лайтонд – в лагере, и неизвестно, жив ли вообще, – заключила Ваниэль.

Магический шар принца, лежавший на столе, засветился. Рингрин коснулся его рукой, и брат с сестрой увидели лицо Халлена.

– Тут к нам гости пожаловали через телепорт, – сообщил партизан.

– Веди сюда, – сказал Рингрин и отставил тарелку. Халлен разорвал связь.

– Потом расскажешь, кого принесло. Ладно, я пойду собираться, – сказала Ваниэль.

Сестра телепортировалась. Принц поднялся, прошелся по землянке. Рассеянно глянул на картину с башней Светлого Всадника, и поправил ее – Рингрину показалось, что она висит немного криво.

До половины башня была сложена из целиковых, необработанных серых валунов. Дальше начиналась кирпичная кладка. Сочетание серого и алого резко выделялось на фоне оштукатуренных, аккуратненьких стен крепости. На самой верхушке башни стояла плохо различимая отсюда, снизу, статуя всадника. Он словно сиял в мрачности небес, но никакой магии в этом не было. Уж Марфору-то не надо было объяснять про свойства глосссдольского мрамора. Эльф заметил, что весь вид находится в рамке, словно картина. Эту роль выполнял дверной проем, через который бывший владелец Иглы смотрел на площадь. Взгляд сместился – тот, в чье тело Марфора забросил поисковый ритуал, вышел из двери и повернулся. Мелькнула мускулистая рука с замком в ней, темное дерево двери – дуб, не иначе – и массивные петли в виде черепов, украшенных венками из узких листочков ивы.

У эльфа потемнело в глазах. Почти теряя сознание, он выдернул из своего запястья Иглу. Руку Марфора прострелила боль. Эльф откинулся на подушку, жадно хватая воздух раскрытым ртом.

В отличие от Ваниэль, владевшей только самой простой механикой поискового ритуала, Марфору были известны и другие методики. И в госпиталь он вернулся не только за тем, чтобы ему промыли рану и обработали заживляющей мазью. Во время перевязки эльф стащил в процедурной скальпель и пинцет, и сумел при помощи этих нехитрых инструментов извлечь артефакт из перстня-кастета. Остальное было делом техники, которую Марфор совсем не хотел демонстрировать темным эльфам. Во-первых, тэлери боялся, что тот, кого он ищет, уже мертв. Ящер продлевал дни тех, кто верно служил ему. Но Разрушителю Игнату уже должно исполниться лет двести пятьдесят, а он не был чистокровным эльфом. Таким образом, последовав за душой отца Змееслава, Марфор мог умереть во время ритуала. Он знал, что рискует не только своей жизнью, но это не остановило эльфа. Марфор должен был узнать, где находится Игнат.

И ответ оказался неожиданным.

«Бьонгард… Как удачно. Все одно туда дорожка выходит», подумал эльф. Если бы не картина, что висела на стене партизанской землянки, Марфор не узнал бы местность.

Эльф с трудом сел на кровати. Осторожно закрепив Иглу в перстне-кастете, он прошептал несколько заклинаний над пальцами брата, чтобы замедлить процесс разложения. Затем увязал их обратно в платок и спрятал в карман, а перстень-кастет надел на руку. Марфор глянул на висевшие на стене часы в корпусе из орехового дерева. Когда-то роскошные, любовно покрытые лаком, теперь они рассохлись. Глубокие царапины уродовали темно-красную поверхность. Вместо одного из противовесов на цепи висел копьеобразный перфоратор, у которого была отломана ручка.

Пора было пойти пообедать – партизаны должны были явиться за Марфором уже минут через сорок.

На обед в столовой подавали щи из кислой капусты. Марфор с некоторым удивлением обнаружил в них золотистые корочки обжаренных шкварок. На второе была гречневая каша с куриной ножкой, обжаренной в чесноке. Эльф ожидал увидеть пустые щи и пару краюшек хлеба. Вот хлеба как раз не оказалось – он был в Железном Лесу дороже мяса. Но в основном обед оказался сносным. Марфор принялся осторожно есть. К нижней половине лица

чувствительность еще не совсем вернулась, эльф боялся зажевать губу и не заметить этого. Он пришел к концу обеденного часа и был в столовой почти совсем один. Повар, обслужив его, ушел вглубь помещения, на отгороженную дощатой переборкой кухню, и принялся там греметь кастрюлями. Видимо, расчищал поле битвы для создания ужина. За высокими, узкими окнами сверкал на солнце снег, отбрасывая на пол столовой длинные, словно драконьи языки, полосы света. Когда Марфор уже почти разобрался со щами, из пустоты рядом с ним раздался негромкий голос:

– У меня к тебе дело.

Эльф покосился на лавку рядом с собой, но там было пусто. Раздался довольный тихий смешок.

– Не надо пялиться в пустоту с идиотским видом, – продолжал голос.

Марфор поднял руку, вгрызся в куриную ногу. Игла Моргота на перстне-кастете сверкнула чернотой.

«Проявись», лениво телепатировал эльф, не прекращая жевать. – «Я вовсе не хочу выглядеть идиотом, разговаривая с пустым местом. Или я сам тебя проявлю…»

Над лавкой сгустилась тьма. Бесшумно вспыхнули и опали черные зигзаги молний. Собеседник Марфора оказался высоким худым эльфом. Поношенный полушубок болтался на нем, как на вешалке. Волосы его были светлыми. Против обычаев северных эльфов они не были не заплетены в две косички на висках, а неровно острижены под горшок.

Марфор узнал гостя, хотя их пути пересеклись впервые в жизни.

Не так уж много эльфов умели управляться с мертвой силой. А уже форменный полушубок воспитуемого из них мог носить только один.

«Приветствую тебя, Верховный маг Фейре», спокойно передал Марфор. – «Надо же, я думал, что из воспитательных лагерей эльфов только выносят… Зачем ты нашел меня? В каком качестве я тебе нужен? Я ведь, как говорят на родине твоей матери, и швец, и жнец, и на дуде игрец».

– Ты мне нужен в качестве лучшего убийцы драконов в обитаемом мире, – ответил Лайтонд. – Ты знаешь, за чьей головой мы пойдем. И ты знаешь, что пол его сокровищницы по колено усыпан золотом и драгоценностями.

Марфор покачал головой.

«Для меня эта война закончена», сообщил он. Эльф ожидал, что Лайтонд удивится, но на лице Верховного мага не дрогнул ни один мускул.

«Могу дать только несколько советов, бесплатно», продолжал Марфор. – «Могу порекомендовать эльфа, который способен выстрелить в дракона, даже если между ним и чудовищем стоит его сестра – и попасть в цель. Так же могу познакомить с бывшим химмельриттером, который знает драконов как облупленных, прошу прощения за каламбур. Гросайдечи у него теперь нет, и он охотно пойдет с тобой».

– У Рингрина я уже был. Это он порекомендовал мне тебя, – ответил Лайтонд. – С химмельриттером мы тоже поговорим. Но давай сейчас поговорим насчет тебя. Я вижу, что ты убил своего брата… соболезную.

«А иди ты со своим соболезнованием», ответил эльф.

– Разве ты не хочешь отомстить? – вкрадчиво спросил Лайтонд.

Марфор на миг закрыл глаза.

«Я могу отомстить, только прыгнув с моста», телепатировал он. Лайтонд сделал вид, что не заметил бестактности. Его отец покончил с собой таким же способом, и вся Мандра знала, что сыну Балеорна пришлось присутствовать при этом.

«Или убив себя как-то иначе, но все остальные методы еще менее надежны. И я, возможно, сделаю это… чуть позже. Сейчас в своем прыжке я увлек бы за собой еще одного эльфа, вся вина которого в том, что он слишком добр и имеет дар оказываться не в том месте и не в то время».

– Ты считаешь виноватым себя? – осведомился Лайтонд.

Марфор отметил, что голос его, несмотря на пятьдесят лет, проведенные в

воспитательном лагере, остался звучным и властным, голосом командира и повелителя. Тэлери понял, что ему хочется сделать с того самого момента, как он услышал Лайтонда. Ему хотелось встать и отдать честь.

– Ты ошибаешься, – продолжал тем временем Верховный маг. – Морул Кер и его безумие – вот причина того, что произошло. Пойдем с нами, Лилталум Феаноринг, сын Тинголорна Феаноринга. Отомстишь за Змееслава…

Марфор посмотрел в его глаза, синие и холодные, как ледники Фейре. Такие же безразличные и вечные. Он медленно, с усилием, отрицательно покачал головой.

– Ну что же, – произнес Лайтонд медленно. – Я много чего делал в жизни, но никогда опускался до того, чтобы принуждать воина к служению. Тебе пора. Твои друзья ждут тебя в приемном покое, и вам предстоит неблизкий путь. Пойдем, я провожу тебя.

Марфор бросил обгрызенную кость в тарелку, вымыл руки и вытер их висевшим на стене полотенцем. Лайтонд ждал его у выхода из столовой. Длинными больничными коридорами они шли в молчании. Марфор был сбит с толку, даже разочарован. Лайтонд толкнул тяжелую створку. Марфор сразу увидел партизан. Рингрин, Кулумит и Ваниэль стояли в дальнем углу зала, почти у выхода. Рядом с ними стоял взъерошенный, сердитый Кайт. В своих темных полушубках и валенках Ежи казались смешными и напоминали нахохленных воробушков. Ваниэль в ее кокетливой дубленке смотрелась ярким снегирем, случайно затесавшимся в компанию. Заметив Марфора, эльфка улыбнулась. Он покосился на Лайтонда. На лице Верховного мага Фейре гасла улыбка – улыбка того, кто понял, что радовались не ему.

– Мандречены милосерднее, чем кажутся, – произнес Верховный маг Фейре негромко. – Уж я-то знаю. Ты выиграешь спор.

«Посмотрим, Шенвэль», ответил Марфор.

Верховный маг глянул на него в упор – коротко, гневно и страшно. И тут же пригасил свой взгляд. Все было ясно. «А ведь можно было догадаться», подумал Марфор. – «Балеорн же отстроил Бьонгард после бунта Разрушителей, и королевский дворец в первую очередь». Эльфы довольно часто давали своим детям не по одному имени, одно из которых знали все, а второе было интимным прозвищем, которым могли пользоваться только друзья.

Или любовники.

Два эльфа, тэлери и эльдар, двинулись навстречу тем, кто когда-то их предал, а теперь являлся единственной надеждой в предстоящей схватке.

Он так и не стал есть мясо, которое служитель утром заменил на свежее. По его белому халату Зигфрид догадался, что находится не в тюрьме, а в госпитале. Оборотень распознал наконец и запах, который так тревожил. Пахло лекарствами, не одним каким-то средством, а многими препаратами сразу, долго пролежавшими вместе. Время шло. Солнце поднялось до своего зенита и заглянуло за витиеватую решетку в окне. Пол погреба усеяли причудливые желтые пятна и придали ему сходство со шкурой снежного барса. Татцель грелся на солнышке и размеренно урчал, когда услышал легкий шорох. Зелено-желтые глаза приоткрылись.

Крыса, выбежав из угла, остановилась на середине погреба. Зверек бесстрашно рассматривал кучу черно-желтого меха, лежащую на привычном пути к дыре в противоположной стене.

Зигфрид прыгнул – не думая, бесшумно, внезапно. Крыса не успела даже пискнуть.

А когда он расправился с ней, дверь погреба снова открылась. На этот раз его посетителями оказались два эльфа. Один – невысокий, темноволосый, с таким же, как у Зигфрида, вертикальными зрачками. Оборотень уже знал, что так выглядят темные эльфы, хозяева Железного Леса. Второй был похож на того, кто чуть не прикончил Зигфрида – такой же высокий и светловолосый. Татцель зарычал, встопырив усы на окровавленной морде. Темноволосый эльф усмехнулся.

– Видишь, Лайтонд, какой он, – сказал партизан. – Мы его сюда везли в ремнях,

перетянули всего, как колбасу. Так он три успел изгрызть, пока добрались. Чуть не удрал, зверюга.

Услышав имя высокого эльфа, Зигфрид замер. А тот смотрел на оборотня. Спокойно, холодно, но, пожалуй, с интересом. Глаза у него были очень усталые. «Старые», как вдруг понял Зигфрид. Хотя выглядел эльф молодо.

– Пойдем с нами, зверь, – сказал Лайтонд.

«Куда?», осведомился оборотень мрачно. – «И меня зовут Зигфрид, а не зверь. Зигфрид фон Татцельберг».

Лайтонд прикрыл глаза веками. Татцелю показалось – чтобы скрыть улыбку. Он и сам понял, насколько неуместно здесь было это его представление в духе светского салона. Шерсть на его хребте встала дыбом, он нервно хлестнул себя хвостом по бокам. Темный эльф побледнел, но с места не двинулся.

– Ты больше не пленник, Зигфрид фон Татцельберг, – ответил Лайтонд. – Но оставаться в городе, по крайней мере в таком виде, тебе нельзя. Мы с Рингрином выведем тебя из госпиталя и проводим до леса, чтобы кто-нибудь не убил тебя от испуга. Хоть Келенбороност и стоит в лесном краю, ни медведи, ни рыси здесь обычно по улицам не разгуливают. Это все сказки, которыми пугают путников.

Оборотень в задумчивости пошевелил ушами. Потом подошел к эльфам и встал между ними. Темный эльф, которого Лайтонд назвал Рингрином, восхищенно присвистнул.

– Ну, пойдем, – сказал Верховный маг Фейре.

И они пошли. Вверх, по лестнице, через длинные больничные коридоры, где люди и эльфы в пижамах и белых халатах расступались, пропуская их. Когда они выбрались во двор, Зигфрид сощурился от солнца. Это явно был не парадный вход в госпиталь. Снег на дворе был нетронут и сиял ослепительной белизной. Лес начинался сразу за забором, так, по крайней мере, показалось Зигфриду. Но потом он почуял запах печных труб и заметил открытую калитку в дальнем конце двора, а так же улочку, на которую выводила калитка. Вдоль улицы выстроились аккуратные избушки с кокетливыми резными наличниками. Деревянное кружево было раскрашено в яркие цвета – красный, желтый, зеленый – которые резко контрастировали с черными стенами домов. В целом, смотрелось неплохо, и даже почему-то казалось знакомым и вызывало ностальгию. Зигфрид понял, что это ему напоминает. Старый Двор Татцельбергов в Хассфурте, столице Боремии, где младший брат графа родился и вырос. Зигфрид покинул родной дом в юности и больше туда не возвращался. Он удивился – те эльфы, с которыми он был знаком, предпочитали нежные оттенки и мягкие сочетания. «А ведь здесь тоже полгода зима», вдруг понял оборотень. – «Черно и пусто… Они раскрашивают дома так ярко, чтобы не сойти с ума. Как мы».

«Ты – тот самый Лайтонд, что как-то повел Танцоров Смерти на Черное Пламя?», телепатически обратился он к эльфу. – «Тот, с кем Эдмунд, Первый Химмельриттер, при Пориссе бился в кровь, и тебе пришлось идти на Мандру через дальний перевал?»

Тот кивнул: «Да, это я».

Татцель переступил на месте, фыркнул.

«Говорили, что ты погиб… Что ты будешь делать сейчас?»

– Я убью дракона, – ответил Лайтонд негромко.

Зигфрид хлестнул себя хвостом по бокам.

«Я пойду с тобой», сообщил он.

– Это большая честь для меня, иметь в моем отряде воина из самих Татцельбергов, – тихо, но очень серьезно ответил Верховный маг Фейре.

III

Горгулья устроилась на санках поудобнее, прижала крылья и сильно толкнулась хвостом. Ребятишки восторженно завопили, когда санки покатились вниз по склону. Чешуя горгульи – ее звали Газдрубалой – сверкала на солнце. Сейчас в горгулье не было ничего от

птицы. Она казалась змеей, юным дракончиком, предающимся вполне детским забавам. За санками летел вихрь снежной крошки. Высоко задранный хвост, усеянный ядовитыми шипами, со свистом рассекал воздух. Конец длинного красного шарфа, повязанного Газдрубале заботливой матерью, бился на ветру подобно боевому стягу. Матерью Газдрубалы была Морана, богиня Смерти и Зимы у темных эльфов. По совместительству – хозяйка таверны на развилке дорог, где от Старого Тракта отходил путь на Бьонгард. Санки подлетели на изгибе горки. Горгулья победно закурлыкала и вернула их в колею чуть позже, чем они должны были бы.

Аласситрон покосился на пацана, укутанного так, что он казался квадратным. Маленький эльф оказался перед ним в очереди на спуск. Горка была такой крутой, что и смотреть вниз было страшно. Склон уходил из-под ног почти вертикально. Но Аласситрон давно понял – в детстве видишь мир под другим углом. Там, где он сейчас видел крутой обрыв, ребятишки видели лишь неисчерпаемый источник веселья. Дети набежали покататься с окрестных деревень, спрятавшихся в лесу. И количество маленьких эльфов опровергало заявления имперской пропаганды о том, что Железный Лес обескровлен, что большинство деревень темных эльфов заброшены и вымерли. Да Аласситрон и раньше знал, что ничто так не способствует демографическому взрыву, как война, каким бы парадоксальным не казалось подобное утверждение на первый взгляд. Он сам был тому живым доказательством. Аласситрон и пятеро его братьев родились после бунта Разрушителей, во время которого погибло больше половины всех эльдар и тэлери. Уже в старости отец признался – если бы они с матерью не были так напуганы войной, после второго ребенка они бы скорее всего остановились бы. Так что Аласситрон был обязан жизнью безумным и жестоким Разрушителям – он родился шестым.

Маленькие эльфы, что суетились вокруг, были все как на подбор темноглазые, в волчьих, лисьих и песцовых полушубках, в валенках, подбитых кожей. На поясе у многих висели кинжалы, у ребят постарше – самострелы. Но сейчас они не были воинами и охотниками, плотью от плоти многих поколений воинов и охотников. Сейчас перед Аласситроном были просто веселящиеся дети. У себя дома они могли найти все – добрую охоту, сказку, вкусный суп. Но чудесная горка, крутая, как нрав богини, которой она принадлежала, была в окрестностях Бьонгарда одна.

А вот девушка, стоявшая за Аласситроном и нетерпеливо постукивавшая палкой по пеньку, явно была не из деревенских. Ее дубленку, отделанную разноцветной вышивкой и усыпанную стразами из драгоценных, хотя и потемневших от небрежного обращения камней, наметанный глаз купца оценил далеров в пятьдесят – столько, наверное, стоили бы все игравшие на склоне маленькие эльфы, если продать их в рабство. Аласситрон даже догадывался, отчего потемнели самоцветы. Ничто не убивает блеск драгоценностей вернее, чем дым походного костра. Аласситрон заметил девушку в общем зале во время обеда. Тогда она сидела за одним столом с тремя мужчинами. Двое из них и пахли по-партизански – дымом и лесом. Лицо третьего, необычайно высокого для темного эльфа, и вовсе скрывала повязка, аккуратная, чистая. Но что было под ней? Ожог файерболом? Рубленая рана? Купец еще тогда подумал, что затея Морул Кера с выставлением трупа принцессы Железного Леса, легендарной предводительницы партизан Черной Стрелы – весьма неразумна и опасна. Слишком многие захотят проститься с принцессой. И сможет ли мандреченский гарнизон сдержать народную скорбь или будет смыт потоком кровавых слез – одному Илуватару известно. Проверять свои предположения Аласситрон не хотел, и перебрался из Бьонгарда в таверну «На Старой Дороге». Купец и его караван не могли тронуться в путь, пока доверенный эльф не доставит письменное разрешение принца Рингрина на вывоз груза. Однако подождать гонца можно было и в таверне, где за соседними столами совершенно безбоязненно сидели партизаны, мандреченские солдаты и странствующие менестрели. Слово Мораны, соблюдавший нейтралитет, было свято, а кувалда гоблина Магнуса, помогавшего ей содержать таверну – крепка.

Санки все набирали скорость, а вот управлять ими, как заметил Аласситрон, у

Газдрубалы не очень получалось. Горгулья неотвратимо надвигалась на могучий дуб.

– Левее! Правее! – кричали ребятишки.

Малыш, возившийся с завязками своих войлочных сапог, наконец-то оторвался от своего занятия и тоже глянул вниз. Мгновенно оценив ситуацию, он завопил неожиданно густым басом:

– Тормози!!!

От его крика девушка, ожидавшая своей очереди на спуск вместе с Аласситроном, вздрогнула и пробормотала что-то нелестное в адрес родителей горлопана. Эльф уже не удивился – привык.

Привык, что в Железном Лесу красивые девушки ругаются матом, боги живут вместе с эльфами, а дети богов катаются на санках вместе с деревенской ребятней. Конечно, ничего подобного нельзя было встретить в родном Рабине – но в столице Мандры последнее время и дела было совершенно невозможно вести. Если раньше чиновник, которому Аласситрон платил взятки за возможность спокойно вести торговлю, менялся раз в десять лет, то за последние десять лет у купца сменилось уже двенадцать кураторов. Все они кончили на плахе, и, видимо, знали о своем будущем, потому что такса возрастала в астрономической прогрессии – их семьям как-то предстояло перебиваться самостоятельно после гибели кормильцев. Многие друзья Аласситрона уехали из Мандры, кто в Фейре, кто в Полу, кто в Сюркистан. Купцу посоветовал покинуть столицу его последний куратор, который был, в общем, неплохим человеком. Один из последних указов Морул Кера гласил, что теперь взяточники будут восходить на эшафот вместе с взяткодателями.

– Если бы дуб мог, он бы, наверное, бежал со всех ног, – задумчиво проговорил Аласситрон.

Девушка хихикнула. После обеда ее спутники покинули таверну вместе с Мораной, из чего купец заключил, что перед ним более важные лица, чем он предполагал. Не рядовые Ежи, а командиры подразделений как минимум.

Горгулья приняла единственно верное решение. Когда до дуба оставалось не больше трех метров, она взмахнула крыльями и взмыла в воздух. Санки с треском ударились о дерево. Дуб вздрогнул, но устоял. Щепа и обломки полозьев брызнули во все стороны. Газдрубала сделала круг почета над местом гибели санок, и с важным видом полетела к таверне. У нее было человеческое, очень даже миловидное лицо. Его немного портил огромный птичий клюв, блестящий словно стальной. Аласситрон не знал, какой бог был отцом Газдрубалы, но был уверен – война входила в число его обязанностей.

Девушка проводила горгулью взглядом.

– Может, и мы пойдем? – предложил Аласситрон. – Выпьем грога, а то вы замерзли, как я погляжу…

Ради того, чтобы сказать эту фразу, он, собственно говоря, и полез на горку. Аласситрон был потомком Звездных Воинов. Но он родился под теплым южным солнцем, на берегу ласкового моря, и лыжи сегодня надел первый раз в жизни. Аласситрону повезло, как всегда. Он успел осуществить задуманное до того, как ему пришлось хоть раз использовать лыжи по назначению, после чего мнение красавицы о купце изменилось бы самым роковым образом.

В Келенбороносте действовали десять государственных телепортов и больше тридцати частных. Мандречены потребовали вести журналы прибытия-убытия на всех без исключения порталах, и поэтому Ваниэль, Кулумиту и Марфору предстояло идти через партизанский телепорт, спрятанный в старом дубе неподалеку от города. У самого дуба они встретили Вильварина. Оказалось, что ему тоже надо в Бьонгард, точнее не в Бьонгард, а в таверну Мораны. Рингрин дал ему какое-то поручение, о котором эльф распространяться не захотел, да и друзья не стали расспрашивать. Решили телепортироваться в таверну все вместе. Кулумит не знал, где находится Храм Синергистов, и собирался поспрашивать в Бьонгарде, но Морана-то точно была в курсе. Ваниэль вытащила из тайника свиток пергамента, на

котором были указаны координаты всех наиболее часто посещаемых мест. Пока темные эльфы выставляли широту и долготу при помощи тяжелых, старинных рычагов, Марфор молча наблюдал за ними. Ваниэль была благодарна ему за это молчание. Портал был сооружен друидами еще до того, как темным эльфам стали известны разработки Лакгаэра. Но принцесса, как и все партизаны, привыкла к оборудованию телепорта, как к чему-то неизменному, тому, что всегда было и всегда будет. Теперь, посмотрев на него глазами возлюбленного, Ваниэль вдруг поняла, что оборудование – старое, громоздкое и унизительно слабомощное. После них четверых никто не смог воспользоваться порталом до завтрашнего вечера.

Морана согласилась отвести Кулумита и Марфора в Храм Синергистов, а Вилли увязался с ними – ему захотелось посмотреть на обряд. Ваниэль знала, что клятва Синергистов ни разрывается, ни дается быстро, и что она до самого вечера, а то и до утра теперь предоставлена самой себе. Для начала она решила погулять по холму, на котором стояла таверна. Выйдя за забор, принцесса обнаружила маленькое озеро, очевидно промерзшее насквозь, и небольшой домик, в котором Ваниэль не без труда узнала мандреченскую баню. Внутри таверна была поделена на эльфийскую и человеческую половины. На эльфийской все номера включали в себя такую прелесть цивилизации, как душ. А вот на человеческой половине таких удобств не было, как догадалась Ваниэль. И не потому, что к людям в таверне относились хуже, чем к эльфам. Люди не стали бы пользоваться непонятной комнатой с корытом. А вот баню, такую милую и родную, Магнус для них поставил. За баней находился луг, сейчас засыпанный снегом. Холм обрывался косогором, по которому с визгом и хохотом катались ребятишки. Сидеть в номере ей показалось скучно, и эльфка решила присоединиться к ним.

Принцессе нужно было обдумать слишком многое, а, как говорили друиды, без движения нет мысли. Ваниэль пыталась представить себе город, в котором они будут жить с Марфором. Он сказал ей, чтобы она выбрала, но эльфка никогда не покидала пределов Железного Леса, кроме последней вылазки в Старгород-на-Тириссе. Но Старгород ей определенно не понравился. Ваниэль случалось пару раз бывать в Мир Минасе, и крепость пришлась ей по душе, но жить в пограничном городе ей тоже не хотелось. Можно было двинуть на север, в Фейре, славящуюся своим суровым климатом. Марфор назвал ей несколько городов – Ливрасст, Глосссдол, Линдалмар, Таиреммен – но они все были для темной эльфки только названиями.

Но скорее всего, Ваниэль и не пришлось бы выбирать. Пари, которое предлагал Марфор, было слишком смешным, слишком идеалистическим, чтобы тэлери смог выиграть его. И ему пришлось бы поехать в Рабин вместе с принцессой, Рингрином и Лайтондом. Эльфку такая перспектива совместной борьбы радовала больше. Марфор был очень ценным бойцом в предстоящей схватке, и принцесса была уверена, что вместе с ним они точно одолеют Черное Пламя. Ваниэль опасалась, что Лайтонд, ее старый возлюбленный, будет задирать ее нового друга. Но Лайтонд, так внезапно и так вовремя появившийся, оказался умнее, чем она предполагала. «Да что там», поправила Ваниэль себя. – «Я просто забыла, что эльф может быть таким мудрым». Никаких намеков на их прошлые отношения Верховный маг Фейре себе не позволил.

В этих сладких мыслях, в предвкушении любви и битв, принцесса спустилась с обрыва два или три раза. Она рассеянно наблюдала, как горгулья Газдрубала, дочь Мораны, лихо катится вниз. «Санки слишком малы для ее веса», поняла Ваниэль, когда санки подскочили вверх на трамплине. – «Газдрубала дурачится, забавляет малышей, летит почти над самым склоном». В подтверждение ее догадки, горгулья разбила санки о дерево и, сделав прощальный круг, полетела к таверне.

В этот же миг эльфка почувствовала, что накаталась, и вот как раз наступила пора пойти к себе, принять душ и поваляться на кровати. Ваниэль еще не совсем поняла вкус Марфора. Предпочитает ли он, чтобы его встречала томная полуобнаженная красотка или пахнущая свежим потом после пробежки партизанка? Но в любом случае во второй ипостаси

любовник ее уже видел.

– Может, и мы пойдем? – услышала эльфка низкий, с хрипотцой, голос. – Выпьем грога, а то вы замерзли, как я погляжу…

Ваниэль глянула на обладателя голоса. Лицо ее неожиданного собеседника оказалось опалено солнцем юга, под которым темнеет даже всегда светлая кожа эльфов. «Купец», поняла эльфка. – «Странно, что он делает здесь зимой, когда все караваны уже ушли?».

Он был высоким и стройным. Его куртка была из желтой замши, как и та, что носил Марфор.

И Ваниэль согласилась.

Хотя обычно она не принимала предложения выпить от случайных знакомцев. Она не настолько любила грог. Да и денег у ненаследной принцессы, хвала Мелькору, хватало, чтобы в тех редких случаях, когда Ваниэль все же хотелось выпить грога, заплатить за себя самой.

От легкого морозца кружилась голова. Марфор слышал мысль Кулумита о том, что им не стоило идти на прогулку, и уж тем более ошиваться перед воротами на главную площадь Бьонгарда. Потому что мандречены ищут раненых эльфов. Потому что Марфор еще слишком слаб. Марфор в ответ молчал.

Он сам это выбрал – больше никогда не быть одному, и жаловаться теперь было не на что.

На площади перед воротами было довольно людно – и на удивление тихо.

Труп Черной Стрелы выставили на главной площади Бьонгарда. Власти обязали всех жителей после полудня придти туда и посмотреть на тело. Пока еще ворота были закрыты, но мандреченские патрули уже начали собирать и приводить эльфов с окраин города. Мандреченский воевода Анджей назвал это «мерами по обеспечению явки». День Мидинваэрна выдался пасмурным, почти предгрозовым, если бы грозы были возможны зимой. Погода была под стать царившему в городе настроению. Казалось, вот-вот из низких серых туч посыплется снежок. Легкая поземка сменится беспощадным бураном, после которого дома откапывают по торчащим из сугробов печным трубам.

Марфор двигался беспорядочными рывками. Эльф вдруг останавливался и смотрел на сияющую в небесах башню Светлого Всадника – над ней в тучах образовался просвет. Статуя из глосссдольского мрамора казалась пылающим в небесах факелом, подобным тем, что сами собой вспыхивают в местах выхода газа на болотах. Компания бешеными зигзагами летучей мыши третий раз обогнула площадь по периметру и остановилась у входа в изящный тупичок, упиравшийся в городскую стену у входа на рынок. Ваниэль терпеливо спросила:

– Ты что-то ищешь?

Тупичок был знаком принцессе – в нем находилась лавка известного на весь Железный Лес оружейника Тирбена. Эльфка притопнула ножкой в сафьяновом голубом сапожке, стряхивая снег. От мороза Ваниэль разрумянилась, ее темные глаза блестели.

– Скажи нам, мы тебе поможем, – добавила она ласково.

Ваниэль уже немного научилась разбираться в настроении своего любовника, и заметила, что сегодня с утра Марфор мрачен как никогда за время их короткого знакомства. Она видела, что эльф готов ломать и крушить, и разговаривала с ним очень осторожно и мягко, как с заболевшим ребенком. Настроение принцессы перекликалось с чувствами возлюбленного. Ее душу тоже посещали картины яркого, очистительного пламени, пляшущего вокруг башни Светлого Всадника. Но принцесса пока еще сдерживалась.

Марфор заколебался. Он мог ретранслировать картинку, видение, посетившее его во время поискового ритуала. Вид на башню с определенной точки площади, которую он почти уже нашел. Но слишком долго они шатались здесь, пора было это прекращать. Марфор в затруднении взглянул на башню и вздрогнул.

Эльф резко обернулся. Несколько секунд он, как зачарованный, смотрел на

потемневшую от времени дубовую дверь, которую держали петли в форме черепов. На голых лбах были вытиснены венки из ивовых листьев.

Он нашел.

«Что здесь находится?», спросил Марфор.

– Там лавка кузнеца, – сказал Кулумит.

Они пришли в Бьонгард втроем. Вильварин сказал, что не хочет участвовать в фарсе и глумлении над телом. Он остался в таверне Мораны с тем, чтобы телепортироваться домой.

– Оружейника, он один из лучших, – добавила Ваниэль. – Ты хочешь зайти?

Марфор кивнул.

– Давайте зайдем, – согласилась принцесса.

– Кстати, и каленых спиц надо прикупить, – заметил Кулумит.

Они двинулись к лавке, меся ногами начавший таять снег.

Глиргвай сразу понравилось в лавке. С утра посетители почти не заглядывали – так, пришла расфуфыренная мандреченка за заказанной золотой цепочкой, да помощник мясника купил пару точильных камней. В лавке оружейника было тихо и уютно. На развешанном по стенам оружии играли размытые блики от магических светильников, и это успокаивало.

А в кузнице Тирбена за стеной глухо ухали молоты, шумело водяное колесо, при помощи которого качали меха, бегали чумазые подмастерья. На одного из них Глиргвай и вывалилась вчера из телепорта, сбив с ног и изрядно напугав – не каждый день на подмастерье обрушивалась нечто невидимое, но очень тяжелое и ругающееся мандреченской площадной бранью. Эльфка успела снять кольцо-подарок Хелькара прежде, чем самые шустрые из работников догадались начать стрелять по пустоте из самострелов. Глиргвай показала кузнецу печатку с головой волка в ошейнике из трех водяных лотосов. Этот опознавательный знак был у всех партизан из отряда Махи. Предводительница говорила, что это герб древнего рода Морриганов. Маха часто отмечала, что, подарив каждому партизану по печатке, она тем самым приняла их в свою семью. Глиргвай как-то пыталась узнать, что стало с кровными родственниками Махи. Тиндекет сказал, что они все погибли на войне. Хелькар ответил, что от их некогда могущественного и многочисленного клана остались только три сестры. Младшая, Морана, теперь держала трактир недалеко от Бьонгарда. Самая старшая, Рован, жила где-то за Старым Трактом, неподалеку от зачарованного города Ильмост.

Тирбен ни о чем не спросил нежданную гостью. Он сам ковал печатки по заказу Махи, да и пароль Глиргвай назвала верный. Кузнец провел ее в дом, усадил за длинный стол в огромной столовой. Хозяин поставил перед Глиргвай котелок с гречневой кашей, в которой попадались кусочки мяса и маринованные огурчики. Ложка у Глиргвай всегда была с собой, за голенищем сапога. Так же на столе появился кувшин с пивом и кружка. Сам Тирбен, пока гостья насыщалась, устроился рядом у камина и раскурил трубочку. Кузнец с интересом рассматривал оружие эльфки – лук и меч, с которыми она не рассталась и здесь.

Когда Глиргвай последний раз поскребла ложкой по дну котелка, Тирбен сказал:

– Жить можешь сколько хочешь. Завтракаем мы рано, но кухарь всегда найдет что-нибудь вкусное для такой красивой девушки, как ты.

– Спасибо, – сказала Глиргвай.

Тирбен задумчиво поскреб покрытый жесткой рыжей щетиной подбородок.

– Куда же тебя положить… Разве что в дальней комнате. Пойдем.

Он поднялся и взял со стола магический светильник в виде прозрачной колбы с горящим в ней клинком. Теперь Глиргвай смогла толком разглядеть кузнеца. При встрече ей бросился в глаза только его большой рост. После случившегося в Фаммирен эльфке очень хотелось встретить сородича, но Тирбен оказался из северных эльфов. Даже, судя по широким мандреченским скулам и неуловимой хитринке в разрезе глаз, полукровкой.

Однако выбора у нее не было.

Глиргвай последовала за хозяином дома. Когда он, показав ей комнату, уже собирался

уходить, эльфка окликнула его. Тирбен остановился на пороге. Он полуобернулся через плечо, и девушка увидела длинные, глубокие борозды морщин на его жилистой шее. «Сколько же ему лет?», мелькнуло у гостьи.

– Вы не могли бы сделать кое-что для меня, – начала Глиргвай, смущаясь.

Все-таки кузнец был слишком большим, ну просто как медведь.

– Пара бомб у меня есть, – сказал Тирбен. – Порох там дешевый, правда. Если принесешь селитру, я сделаю для тебя еще.

– Нет, вы не так поняли, – сказала эльфка. – Вы делали для нас печатки… А вы не могли бы сделать для меня копию кольца?

Ей хотелось сохранить память о Хелькаре.

– Я должен увидеть это кольцо, – сказал Тирбен. – Я все же не ювелир.

Глиргвай достала кольцо из кармана, протянула ему. Изящное колечко совершенно потерялось на огромной ладони кузнеца. Несколько мгновений Тирбен молча рассматривал его.

– Так значит, Ангмарец мертв, – сказал кузнец. – Жаль, знатный был воин.

Сердце Глиргвай ухнуло и забилось горячими толчками.

– Вы его знали? – спросила она быстро.

Тирбен хмыкнул.

– Я с ним воевал, – ответил кузнец. – Я сделаю копию, это нетрудно. Ковка здесь примитивная. Но вряд ли я смогу придать ему такую же магическую силу, которой обладает оригинал. Я нанесу руны и зачарую кольцо в огне, то есть какими-то магическими свойствами оно будет обладать. Но какими, этого я не могу даже представить. Или тебе нужна просто красивая безделушка? Тогда я советую тебе просто купить другое. Здесь… хм… такие руны, что не стоит разгуливать с таким кольцом по городу.

– Нет, нет, пожалуйста, сделайте копию и насытьте чарами, – сказала Глиргвай. – Только денег у меня сейчас нет, – грустно добавила она.

Тирбен поскреб щетину.

– Тогда давай так, – сказал кузнец. – Ты мне отработаешь.

– Как? – хмуро спросила Глиргвай.

Перед ее взором снова встали могучие меха, отблески пламени…

– Ты в оружии разбираешься, как я вижу. У меня есть лавка при кузнице. У меня была там продавщица, хорошая, опытная. Но она сейчас беременна, ей уже тяжело целыми днями стоять за прилавком. Я сделаю тебе кольцо, а ты отработаешь мне.

– Сколько?

– Ну… – Тирбен еще раз взглянул на кольцо. – С месяцок, я думаю.

– Хорошо, я согласна, – обрадовано кивнула Глиргвай.

И вот теперь она сидела за высоким прилавком, лениво разглядывая закрепленные на стенах алебарды, гизармы, двуручные мечи, топоры и моргенштерны. На прилавке лежал товар помельче – арбалеты, болты к ним, самострелы, кинжалы. В дальнем углу лавки находилась мирная продукция: котелки, кастрюли, изящные подносы с гравировкой, элегантные джезвы для варки кофе. Заметно было, что Тирбен не новичок в своем бизнесе, и дела у него идут хорошо.

К обеду покупатели начали заходить чаще. Серьезных покупок никто не делал, но если бы мандреченский воевода Анджей узнал, что скупали горожане в лавке оружейника перед началом прощания с телом Черной Стрелы, это ему не понравилось бы.

Потому что каждый второй эльф уносил с собой из лавки Тирбена самострел, а каждый первый – арбалет.

Флегматичная домохозяйка, решившая купить джезву и пару чудесных солонок, выглядела на фоне остальных покупателей белой вороной.

Кулумит и Ваниэль перебирали спицы для вязания кольчуг из слюны паука. Марфор растерянно рассматривал продавщицу – молоденькую темную эльфку. Девушка была так

миниатюрна и изящна, что, подумалось Марфору, при чувственном контакте она просто разлетится с легким стоном, как ёлочная игрушка. Ее темные волосы были коротко и неровно пострижены. Марфор уже знал, что это значит.

Волосы Ваниэль и Кулумита были обрезаны так же. Девушку звали Глиргвай – «песня ветра», но вместо арфы или лютни она часто брала в руки лук. А, возможно, даже и меч. Когда эльфка снимала с высокой полки тяжелый ящик со спицами, Марфор успел заметить, как перекатился на тонкой руке круглый шарик бицепса.

А ведь можно было догадаться, что кузнец сам за прилавком стоять не будет.

Что делать дальше, эльф не очень-то представлял, но решил попробовать старый, как мир, проверенный и надежный способ. Когда Кулумит и Глиргвай наконец сошлись в размере и цене на спицы, и об эбонитовую чашку звонко ударилось золото, Марфор кашлянул и телепатировал продавщице: «Я могу видеть хозяина дома?»

Девушка покосилась на него.

– Тирбен сейчас занят, – ответила она.

Марфор молча положил в чашку далер. Продавщица удивленно уставилась на монету, словно видела деньги впервые в жизни.

– Здесь нужно по-другому, Марфор, – сказала Ваниэль.

Эльфка расстегнула полушубок. Среди меха блеснул медальон в виде змея, вцепившегося в свой хвост.

– Эээ… Ну… Я попробую его позвать, – сказала Глиргвай и чуть зажмурилась, вызывая кузнеца телепатически.

Марфор забрал монету со стойки и сунул ее в карман.

«Да уж, в чужую Цитадель со своим уставом не ходят», подумал он мрачно.

«Скорее, попав в пруд, учишься квакать…», почти нежно ответила ему Ваниэль.

– Тирбен сейчас подойдет. Спицы вы взяли хорошие, – решила заполнить паузу разговором на профессиональные темы продавщица. – Говорят, сейчас из-за теплой погоды многие пауки пробуждаются, вылезают из своих нор и бродят по лесу. Так что может, еще до весны свежих нитей намотаете…

В проеме за спиной Глиргвай появилась высокая фигура в кожаном фартуке, закопченном и расцвеченном яркими пятнами от пролитых кислот. Кузнец недружелюбно глянул на эльфа, лицо которого скрывала повязка.

– Что надо? – спросил Тирбен, останавливаясь у прилавка.

«Не сильно-то он и изменился», подумал Марфор и извлек из кармана полушубка небольшой сверток. Эльф вложил его в руку кузнеца. Тирбен развернул ткань, коротко глянул на то, что она скрывала. Глаза его вспыхнули на миг и стали мертвыми.

– Проходи, – сказал он Марфору и поднял подвижную часть прилавка.

Они двинулись вглубь помещения. Ваниэль кашлянула, но Марфор успокоил ее: «Все в порядке. Найдемся».

– Глиргвай, закрывай здесь все и иди на площадь, – бросил Тирбен через плечо. – Уже пора.

Ваниэль улыбнулась и сказала дружелюбно:

– Я знаю здесь замечательную крышу, с которой все будет видно. Пойдешь с нами?

– Охотно, – откликнулась Глиргвай.

Аккуратная дверка, спрятанная в боку башни Светлого Всадника, даже не скрипнула, открываясь перед эльфами. Ваниэль опустила руку, которой только что выполнила жест, казавшийся сложным, а на самом деле не имевший никакой магической силы. Приемник, встроенный в дверь, реагировал только на Чи членов королевской семьи. Ваниэль просто бросила в него небольшой пучок своей жизненной энергии. Принцесса покосилась на Глиргвай – поняла ли партизанка, в чем тут фокус. В правящем клане сейчас было всего две женщины, Ниматэ и ее дочь; и младшая из них считалась мертвой. Ваниэль не хотелось раскрывать свое инкогнито. Это могло кончиться тем, что место двойника в ледяном кубе на

площади заняла бы настоящая принцесса. А Ваниэль хотелось еще пожить. Но, судя по безмятежному лицу Глиргвай, она ничего не поняла.

– Откуда ты родом? – спросила принцесса.

– Я из Жемчужной Капли, – неохотно ответила девушка.

В глазах принцессы мелькнул огонек. Она знала, где находился зимний лагерь отряда Махи. Глиргвай насупилась, и Ваниэль, заметив это, не стала продолжать расспросы.

Внутри никого не было. Башня когда-то имела военные функции. Но после сооружения новой крепостной стены которая охватила разросшийся город по периметру, потеряла их. Теперь в крепко закрытых подвалах хранились архивы королевской семьи, и посещал башню какой-нибудь архивариус раз в год по завету. Но дозорная площадка на самом верху, удобная, защищенная от снега и ветра, сохранилась. С нее открывался прекрасный вид не только на происходящее за стенами королевского замка, но и на внутреннюю площадь, где сейчас и собрались все эльфы и люди Бьонгарда. Наверх вела длинная кручёная лестница, и Кулумит и Глиргвай двинулись было к ней.

– Нет, – сказала принцесса. – Нам сюда.

Она подошла к двум дверям, украшенным причудливой резьбой. Ваниэль потянула торчавший из стены рядом рычаг в виде головы змея на длинной, удобно изогнутой шее. Откуда-то сверху донесся шум, и он все приближался.

– Что это? – спросила Глиргвай, нервно озираясь.

Эльфка явно жалела о том, что не прихватила из лавки Тирбена самого завалящего самострела. Кулумит тоже вопросительно посмотрел на принцессу. Партизан держался с безразличным видом, но было заметно, чего ему это стоит.

– Это лифт, – сказала Ваниэль. – Он поднимет нас наверх. Если мы будем подниматься пешком, то поспеем как раз к концу церемонии.

– Ааа, – небрежно, словно каждый день каталась на лифтах, сказала Глиргвай. – Ну да, конечно.

– А как же Марфор? – спросил Кулумит.

– Передай ему, чтобы он поторопился.

– Он уже здесь, но дверь что-то не открывается, – сообщил рыжий эльф.

Ваниэль сделала пасс в сторону внешней двери, и та открылась. За ней действительно стоял Марфор. Эльф подошел к друзьям. Раздался легкий звон колокольчика, свидетельствующий о том, что лифт прибыл.

– Кулумит, Глиргвай, откройте двери, – скомандовала Ваниэль. Эльфы взялись за ручки на узорных створках и потянули на себя. За ними обнаружилась небольшая комната, в которой они вчетвером с трудом поместились. По знаку принцессы партизаны закрыли резные двери. Ваниэль перевела индикатор на стене в крайне верхнее положение. Колокольчик снова звякнул, и комната поехала вверх. Глиргвай тихо ойкнула, вцепилась в полушубок Кулумита и спрятала лицо у него на груди.

– Перестань, ничего страшного здесь нет, – сказала Ваниэль.

Марфор задумчиво смотрел на проплывающие мимо перекрытия этажей, закрытые двери и стены шахты лифта. «Это нечто вроде большой корзины, которая то поднимается, то опускается на тросах?», осведомился он у Ваниэль мысленно.

– Да, – сказала принцесса. – А ты уже видел такие? Где?

Про себя она гордилась изобретением предков и была уверена, что лифт башни Светлого Всадника единственный в мире.

«В гномовских шахтах», сообщил Марфор. – «Там в таких корзинах поднимают руду».

– Великие умы везде мыслят одинаково, – стараясь не показать своего разочарования, вежливо сказала Ваниэль. – Ты поговорил с Тирбеном?

Марфор кивнул.

– Не думала, что у тебя есть друзья в Бьонгарде, – заметила принцесса. – Ты же говорил, что раньше не бывал в Железном Лесу?

«Да, я у вас впервые. Насчет друзей… Я и сам не знал», сообщил Марфор.

Лифт, достигнув заданного этажа, остановился. Тихо звякнул колокольчик.

– Прошу, – гостеприимно сказала Ваниэль и толчком распахнула двери.

Верхний этаж оказался совсем маленьким. Его большую часть занимала дозорная площадка. На нее эльфы и прошли под звуки доносящегося с площади королевского гимна.

Пространство перед королевским замком имело форму неправильного пятиугольника. К квадрату площади прилепилась треугольная воронка входа, где роль слива играла башня Светлого Всадника. Помост, на котором вскоре должна была расположиться венценосная семья со свитой, поставили прямо напротив башни, на нижней ступени широкой лестницы, ведущей во дворец короля темных эльфов. Сооружение задрапировали полосами бархата королевских цветов – фиолетового и зеленого. На серо-черном фоне обстановки украшенный помост выглядел болезненно ярко. Ледяной куб, в котором чернели жуткие останки, установили слева от помоста.

Федор старался не смотреть в ту сторону.

Ему было двадцать семь лет, большую половину которых он провел в Армии Мандры, сначала в чине боевого ротного мага, а затем волхва Ящера при сводном дивизионе. Таким образом, Федор знал толк в смерти. То, на что он не хотел смотреть сейчас, противоречило не только его воззрениям как священнослужителя, но и как воина. На подобную штуку решился бы и не всякий некромант, а некромантия была запрещена Кругом Волшебников Мандры. В официальном письме Черного Пламени сегодняшнее безобразие объяснялось стратегической необходимостью. Он, Федор, должен был освежить в памяти и проверить по сводным таблицам описание аур всех известных сепаратистов, и тщательно проверять ауры всех, кто будет проходить мимо тела ненаследной принцессы Железного Леса. В случае обнаружения сепаратиста его требовалось немедленно задержать. Император, видимо, в своем дворце совсем забыл, как выполняются настоящие стратегические операции. И Ежу было понятно, что большая часть пригнанных на площадь эльфов окутает свои ауры магическим коконом. Такие коконы искажали истинный рисунок силовых линий и скрывали подлинный уровень способности управлять Чи. Но даже если Федор узнал бы кого-нибудь, попыткой задержать сепаратиста жизнь волхва Ящера и закончилась бы – вместе с жизнями мандречен, солдат и мирных граждан, в этот роковой день оказавшихся в Бьонгарде.

«Он бродит с зажженной шутихой по сеновалу», мрачно подумал Федор об императоре Мандры. – «И скоро из этих искр разгорится пожар, в котором сгинет не только сарай, но и дом… Темные эльфы никогда не любили нас, но терпели. Своей выходкой с гросайдечами он озлил их до предела. И все равно продолжает тыкать в задницу разъяренного медведя пикой, смоченной в уксусе. Да, когти медведя слишком коротки, чтобы достать охотника; а судьба пики, которую взбешенный зверь разгрызет в щепу одним движением челюсти, никого не волнует…».

В такт своим мыслям, Федор глянул направо, где выстроились солдаты Анджея в красных мундирах и черных шапках. Лица солдат были серьезно-серенькими. Как и их духовный пастырь, они понимали, чем может кончиться сегодняшний день. Сегодня была самый короткий день в году, и до заката оставалось не больше трех часов. Но Федор опасался, что сегодня немногие в Бьонгарде увидят, как солнце ныряет за зубчатый край леса.

Федор смотрел, как солдаты открывают ворота, как серая брусчатка площади скрывается под ногами заполнивших площадь горожан. Вскоре площадь заполнилась живым варевом до предела. Люди и сидхи стояли плечом к плечу, и трудно было даже пошевелиться. Население Бьонгарда намного возросло с тех пор, как была сделана эта площадь, а Анджей выполнил приказ императора и собрал на ней всех, кто только мог ходить. Над толпой висел негромкий гул. «Словно пчелиный рой», подумал Федор. – «Разбуженный, выгнанный из улья, еще не построившийся для атаки, но смертельно опасный».

За его спиной раздались приятные, но мрачноватые звуки – герольд заиграл

королевский гимн в знак того, что их величества прибыли. Федор не обернулся, но склонился в официальном полупоклоне. Когда он выпрямился, рядом с ним уже стоял Анджей. Воевода явился точно вовремя, как того требовал светский протокол. Федор глянул ему в лицо и обмер. Он почувствовал, как сердце проваливается куда-то, проваливается… И хотя боевой маг был всего шесть аршин ростом, сердце его пролетело, как ему показалось, не меньше двух саженей, прежде чем достигло дна души.

Воевода Армии Мандры в Бьонгарде был по уши накачан лислором.

– Ты с ума сошел, – пробормотал Федор.

Герольд тем временем зачитывал со свитка церемониальное оповещение о целях сегодняшнего собрания. Как будто хоть кто-нибудь на площади не знал, зачем его пригнали сюда.

– Сошел, – согласился Анджей. – Мы все здесь сумасшедшие. Черное Пламя сейчас шурует Эрустимом в своей заднице, и ему вставляет не по-детски. Мне не нужна волшебная палка, чтобы словить кайф. Я сам мастак их кидать. Мне хватит и лислора…

Федор вздрогнул. Сказанное Анджеем соответствовало действительности. «Но что же это такое», мелькнуло у мага. – «Когда подобную правду о правителе, правду отвратительную и гнусную, знает каждый солдат? И не боится говорить об этом?»

– Ты не боишься? – спросил он вслух.

Анджей беззвучно засмеялся, обнажив кривые, как у гуля, зубы.

– А мне на все насрать. Можешь заложить меня. Меня не тронут.

– Почему ты так уверен? – спросил маг.

– А больше никто не поедет в этот гнилой край, – ответил мандреченский воевода.

– Это начало конца, – пробормотал Федор.

– Нет, волхв, – неприятно хихикая, сказал Анджей. – Это уже конец, смерть, распад и разложение. Понимаешь?

– Но зачем ты наширялся, как последняя шваль? – с тоской осведомился маг. – Решил умереть героем?

– Нет, – сказал Анджей. – Я отпущу их, если они захотят уйти. Но если я сегодня погибну, то там, куда мы попадем, лислора мне точно больше не дадут.

Он замолчал, положил руку на рукоять палаша и выпрямился, залихватски выпятив грудь и расправив плечи. Лислорер или нет, Анджей оставался опытным придворным. Воевода нюхом ощутив момент, когда королева расправила юбки и поднялась с места, чтобы произнести надгробную речь.

Создатели башни Светлого Всадника не исключали мысли, что часовой на дозорной площадке окажется в числе последних защитников королевского замка. В отличие от обычных открытым всем ветрам площадок эта напоминала собой перевернутый граненый стакан. На донышке его разместилась сама статуя, а в ребрах «стакана» находились длинные, узкие, от основания до самого верха площадки, бойницы. Таким образом, партизаны могли наблюдать за всем, что происходит на площади, не опасаясь быть замеченными. Ваниэль и Глиргвай встали по обеим сторонам одной из бойниц. Первым им бросился в глаза страшный ледяной куб и черно-синее тело в нем. Девушки смотрели на него в молчании. Кулумит задумчиво разглядывал наносы снега, тянущиеся от бойниц через всю площадку. Поэту они показались бы снежными змеями. Партизан подумал только о том, что зимой в Бьонгарде преобладают ветры с северо-востока. Затем Еж тоже перевел взгляд вниз, на площадь перед дворцом. Оттуда донесся гул вливающейся на нее толпы.

Марфор вовсе не торопился полюбоваться зрелищем. Ему доводилось участвовать в гражданских войнах, и эльф уже был сыт подобным по горло. Он изучал следы, оставшиеся в центре площадки от чего-то тяжелого. Судя по форме трещин, разбегавшихся от центра площадки лукавыми морщинками, здесь когда-то стояла мортира. Марфор перевел взгляд. Так и есть – бойница напротив была расширена и даже немного скруглена, чтобы можно было беспрепятственно вести огонь из пушки. Темные эльфы в дни своей независимости, как

и сейчас, не очень-то полагались на магию, предпочитая ей неизменность химических реакций.

Марфора захлестнул леденящий страх и омерзение, которые испытал его Синергист при взгляде на площадь. «Ты забыл, куда пришел?», осведомился Марфор телепатически. – «Что, никогда не видел такого раньше?». «Посмотри сам», лаконично ответил Кулумит. Марфор вздохнул, и подошел к бойнице.

«Что это?», спросил его Синергист.

Марфор помедлил с ответом. Он рассматривал огромное решето, зависшее над площадью. Решето перекрывало все свободное пространство, от стены до стены, но находилось чуть ниже дозорной площадки, и поэтому Марфор мог разглядеть его во всех подробностях. Магическая конструкция переливалась красным, синим, голубым. Марфор не мог видеть Чи Земли, но не сомневался, что при создании решета были использованы силы всех четырех стихий. И не только они. Там, где струны решета пересекались, вниз свисали длинные языки алой слизи. Подобно чудовищным щупальцам, они тянулись к эльфам и людям, находившимся на площади. Марфор видел, как лес щупалец чуть колыхается – казалось бы, под ветром. Но магические конструкции не подвержены воздействиям извне. Когда эльф понял, в чем причина такого, на первый взгляд хаотичного движения, ему стало совсем пакостно на душе.

Алые языки слизывали с посетителей их Чи, но не все и не любое. Решето, зависшее над площадью, пило страх, боль и гнев собравшихся на ней. Чи перекачивалось вверх, и струны решета разбухали; а над ним медленно, но все набирая силу, закручивалась воронка, узким концом обращенная к небесам.

«Что это?», повторил Кулумит. – «Ты это видишь?»

«Да», – ответил Марфор. – «Но вряд ли это замечает кто-нибудь, кроме нас. Я думаю, мы видим это только потому, что мы с тобой Синергисты. И потому, что мы находимся вне зоны охвата этого… решета»

– Ваниэль, ты ничего странного на площади не видишь? – спросил Кулумит вслух.

– Нет, – отвечала принцесса сквозь зубы. – Но того, что я вижу, постыдился бы голодный орк-людоед…

«Это не эльфийские чары, или я ничего не понимаю в магии», добавил Марфор, продолжая разглядывать магическую решетку.

«Почему?»

«Частично эта магическая конструкция сделана из мертвой силы… Видишь, вон тут должен был узел в решетке, а его нет, а конструкция держится».

«И?»

«Значит, он там есть, но узел сделан из Цин, раз мы его не видим. И это сделано мандреченами… Кто-то сосет жизненную энергию тех, кто сейчас на площади. Пьет их ужас и боль»

«Но зачем?», растерянно спросил Кулумит.

Марфор пожал плечами.

– Ее величество королева Ниматэ желает говорить со своими поданными! – прокричал герольд.

Снег перестал идти, и даже солнце выглянуло из-за туч. А лучше бы не выглядывало. В его лучах ледяной куб заискрился, заиграл разноцветными бликами, словно праздничная игрушка на елке. Лучше бы его припорошило снежком. Черное, изуродованное тело бы тогда скрылось за белой вуалью. Грудь Ниматэ сдавило так, что стало больно дышать. Но она поднялась со своего трона. Королева слышала, как тяжелый вздох покатился по толпе – ее увидели, несмотря на то, что Ниматэ, как и большинство темных эльфов, была невысокого роста. Королева заглянула в пергамент, который ей дал кто-то из придворных. Слезы застилали ей глаза, и королева ничего не смогла разобрать, хотя основные моменты речи знала. Но Ниматэ с детства помнила, что нет ничего более глупого и болезненного, чем

рыдать на морозе. Моруско просил мага мандречен, чтобы он разрешил королю читать написанную магом речь. Да и обычно на публичных церемониях выступал король. Но Федор сказал, что это требование самого императора, и королева должна произнести речь сама.

Ниматэ еще раз взглянула на свиток.

«*Дерзкие сепаратисты* », «*Ежиха, это чудовище в обличье полуразумного существа, нашла свой давно заслуженный конец* ».

Она смяла пергамент. Шум толпы стих, пора было начинать речь. Королева чувствовала на себе взгляд мандреченского мага. Если бы Ниматэ оказалась не в состоянии произнести речь, Федор должен был сделать это вместо нее.

Но сегодня на площади перед королевским дворцом должны были прозвучать совсем иные слова, чем написанные на смятом пергаменте.

– Приветствую вас, граждане Железного Леса, – начала королева звучно. – Сегодня, согласно ультиматуму императора Мандры, мы должны были выдать ему наших сестер и братьев, которые ведут свою отчаянную, но бесполезную борьбу. Сегодня Железный Лес сгорел бы.

Краем глаза она видела непроницаемое лицо воеводы Анджея, и слышала звенящую тишину, повисшую над площадью.

– Но этого не случилось. И я должна осудить вас, осудить тех, кто спас наш лес – ценою своей жизни.

Ниматэ слабо махнула рукой со свитком в сторону ледяного куба.

– Заклеймить позором тех, кто бился до последнего. Назвать их трусами, подлецами и преступниками.

Маг мандречен задумчиво кивал в такт словам королевы.

Пока то, что она говорила, практически не расходилось с согласованным текстом поминальной речи. Некоторые речевые выкрутасы вполне можно было списать на манеру эльфов выражаться.

Ваниэль судорожно стиснула кулаки.

– Она мне больше не… – прошипела принцесса.

Марфор, стоявший сзади, обнял ее – одной рукой прижал руки эльфки к бокам, а второй закрыл ей рот. Ваниэль была так поглощена происходящим на площади, что даже не стала вырываться. Кулумиту, смотревшему на парочку, миниатюрная принцесса в объятиях рослого тэлери показалась взлохмаченным воробушком, которого обвил собой уж.

«Не торопись», телепатировал Марфор принцессе.

– Но сегодня я, королева Ниматэ, скажу вам иное. Я говорю вам – боритесь до последнего! Все и каждый! Если Железному Лесу суждено сгореть, пусть мы все сгорим в нем!

Королева медленно опустилась на свое место. На лице мандреченского мага Федора застыло выражение лица человека, который проснулся от сладкого сна и обнаружил себя в одной берлоге с медведем. Мандреченский воевода не шелохнулся, но над верхней губой Анджея выступили капельки пота, несмотря на мороз. Королева слышала, как ахнула, загудела и подалась вперед толпа…

Но ей было уже все равно. Разорвут ли ее в жестокой драке, сгноят ли мандречены в тюрьме за попытку бунта, такую же бессмысленную и бесполезную, как и вся деятельность Ежей.

До самой последней минуты Ниматэ надеялась на ошибку. На то, что погиб кто-то из двойников дочери. Королева знала, что сейчас среди бесшабашной молодежи модно делать такие же наколки, как у партизанствующей принцессы.

Но Ваниэль не отзывалась на телепатеммы. Впрочем, как и Рингрин.

Анджей видел, как лицо Федора, раскрасневшееся от мороза, заливает черно-синяя

бледность. Воевода шагнул вперед и зычно, так, что его голос раскатился над всей площадью, ударился о стены и эхом отразился от них, крикнул:

– Так сказала Ниматэ, королева Железного Леса! Церемония прощания с телом принцессы начата! Отдадим дань скорби! Проходим по одному, не толпимся!

Он отдал еще пару-тройку команд. Солдаты создали коридор, по которому можно было подойти к ледяной гробнице, а затем покинуть площадь через ворота в ее дальней части, уже предусмотрительно открытые. И толпа, уже загудевшая, как осы, в чье гнездо ткнули палкой, закачавшаяся от стены к стене, как опара над кастрюлей, вдруг успокоилась. И тоненьким ручейком стала вливаться в воронку из красных мундиров, над которыми колыхались черные медвежьи шапки.

Федор перевел дух.

Лислорер или нет, Анджей свое дело знал.

– Сканируй, – пробормотал Анджей негромко, не меняя выражения лица. – Ты помнишь, что тебе поручили?

Федор горько усмехнулся.

– Темные эльфы не самые сильные маги, но дураков среди них нет, – ответил он так же тихо. – Половина из них в магических коконах, так что ауру мне не видно. Неужели ты будешь арестовывать кого-нибудь?

– Я не темный эльф, я поланин, но я тоже не идиот, – усмехнулся Анджей. – Я просто напомнил, тебе же еще отчет писать.

Как ни странно, мысль о скучной, никому не нужной рутине ободрила мага. Сейчас необходимость написания бюрократических бумажек вдруг оказалась символом стабильности, неизбежности – и, в конечном итоге, самой жизни.

Эльфы проходили по коридору из мандреченских солдат, опускались на колени перед жутким кубом, вставали и двигались дальше. Перед застывшей, как изваяние, королевой Ниматэ, многие снимали шапку и чуть кланялись, выражая уважение к горю матери. Федор заметил, что под шапками обнаруживаются не только черные, как уголь, шевелюры темных эльфов, но и светлые, соломенные и белые как снег волосы мандречен. Люди скорбели вместе с эльфами. Кто-то, конечно, поступал так чтобы не дразнить остроухих соседей, с которыми жил бок о бок, кто-то просто повиновался инстинкту стаи и действовал как все, но кто-то ведь и правда сочувствовал.

И скорбь по убитой принцессе была первым чувством, которое и мандречены, и темные эльфы разделили между собой – первым почти за полтораста лет.

«Вряд ли Черное Пламя добивался слияния душ, когда устраивал этот цирк», подумал Федор. Он ощутил неприятный озноб. Скорее всего, это было нервное. Маг тепло оделся перед тем, как идти на площадь.

Анджей наморщился.

– Ты чувствуешь запах или глючит меня? – спросил он.

Маг рассеянно втянул воздух носом.

Ваниэль не заметила, кто первый бросил на вершину ледяного куба алый цветок. Но уже через десять минут над площадью плыл стойкий, терпкий аромат тюльпанов – небольших, скромных цветочков, которым было так далеко до пышных роз и прямолинейных гладиолусов. Но принцесса любила именно их, и ее подданные об этом знали. Желтые, красные, фиолетовые и розовые тюльпаны скрыли изувеченное тело, залитое в лед.

– Какая качественная иллюзия, – пробормотал Кулумит.

Марфор покачал головой:

«Это не иллюзия. Это настоящие цветы. Трансформировать свою Чи в цветок не так уж сложно. Нужно только отдать не переработанную Чи стихий, а каплю своей собственной жизненной силы».

Ваниэль плакала. Тихонько, почти не всхлипывая. Марфор поэтому и заметил этого не

сразу. Эльф разжал объятия. Принцесса повернулась к нему лицом, стирая слезы варежкой.

«Сбылась мечта каждой женщины», передал он. – «Побывать на своих похоронах… Ты помнишь уговор? Ты слушаешь мысли?».

– Да, – сказала Ваниэль. – Потому и плачу. Да ты послушай сам.

Марфор настроился на свободное сканирование, когда словно растворяешься в океане импульсов, плещущем вокруг тебя. Мысли людей было сложно разобрать среди мыслей эльфов, которых все же было больше на площади. Но человеческий мозг придавал телепатическому импульсу характерную окраску, которую ни с чем нельзя было перепутать.

… ну зачем, зачем. Ну, убили – но зачем выставлять? …

…Праздник они им хотели испортить. А испортили нам. Слава Ярило, хоть лес не сожгли….

… Бедная девочка, за что же так…

*… Девка, конечно, дура. Неохота было во дворце сидеть, крестиком вышивать, все туда же, за мужиками. Романтики захотелось, партизанить. За любовником небось и увязалась. И что теперь? Нас всех порешат за одну тупую пи*ду…*

…Ноги мерзнут…

… Скорее бы уже, не простудился бы мой Даня. Выдернули вместе с ребенком, его уже чуть не задавили тут…

… Надо валить отсюда. Возвращаться в Волотовку. Они и так нас ненавидели, но теперь поднапрягутся и ТАААК возненавидят…

… Опара уйдет у меня…

… о Ярило, какой ужас. Над мертвой – зачем так издеваться? Да еще мать заставлять смотреть….

… надо было не убивать, а допросить. Или сменять на наших, мой Златомил-то у них уже три года…

… Велика доблесть – снасильничать девку всем отрядом. Им, небось, по ордену дали каждому. А когда мы из ущелья Шайтана вышли, нас спросили, почему мы остались в живых. Там должны были подохнуть…

…Какие красивые цветочки…

… Зря, ой зря. Раньше хоть в Бьонгарде можно было жить, а теперь ведь перережут всех…

«Ну что?», осведомился Марфор.

– Ты выиграл, – пробормотала принцесса. И спросила несколько смущенно: – Ты уедешь со мной?

Марфор кивнул.

Внизу вдруг что-то сверкнуло, раздался короткий треск. Толпа взвыла и отхлынула от башни Светлого Всадника к помосту, на котором сидели король с королевой. До сих пор думалось, что площадь перед дворцом забита до отказа. Тем более удивительной казалась легкость, с которой освободилось не меньше трети пространства, явив взорам мокрую брусчатку.

И на этой брусчатке галочкой мандреченской цифры «V» расходились два выжженных черных пятна. От них поднимался сладковатый, но жуткий запах.

– Что там такое? – пробормотала Глиргвай, вытягивая шею.

– Странно, – удивилась Ваниэль.

Марфор молчал.

Но что бы это ни было, разглядеть источник происходящего было невозможно. Очевидно, что он находится практически под ногами партизан, в арке башни.

Когда на площадь вошел кузнец Тирбен, около десятка эльфов уже покинули ее через дальние ворота. За что впоследствии неоднократно благодарили Мелькора в своих молитвах. Почти никто не обратил внимания на кузнеца – ну, опоздал, с кем не бывает, тем более что

на эту церемонию никто особенно не рвался. Разве что мандреченский патрульный, стоявший у ворот, хотел отругать за позднее появление, но увидел, что перед ним человек, и замолчал. Главным требованием сегодняшней директивы было обеспечить явку эльфов для прощания с телом их принцессы. Да и было в облике вошедшего нечто такое, что связываться с ним не хотелось.

Только Федор заметил высокую фигуру в черном суконном плаще, появившуюся в арке. Что-то зацепило его взгляд. Уже потом маг понял, что сработал профессиональный инстинкт, и у Разрушителя, и у него самого. Тирбен не захотел выходить на открытое пространство, хотя на стенах королевского дворца лучников уже двести лет как не было; а Федор заметил странный жест, который кузнец сделал левой рукой. Жест, который не мог быть ничем иным, кроме прелюдии к заклинанию. Такого заклинания Федор не знал, и именно это показалось ему странным. Маг увидел, как кузнец сильным движением бросил что-то перед собой – что-то очень небольшое, бело-розовое. И этих предметов было два. «Дохлые мыши, что ли?», еще успел подумать Федор. Трупы зверьков использовались при наложении проклятия Гендермеса. Но это было не проклятие Гендермеса, в чем боевой маг мандречен убедился в следующую секунду.

Из левой руки мужчины вырвалась черная молния. Рваный зигзаг соединился с белыми предметами еще в полете. Они безобразно разбухли, превратились в подобие великанских сосисок, и накрыли собой стоявших на площади людей и эльфов. Раздался короткий хлопок. Толпа шарахнулась в стороны.

Федор смотрел на два выжженных черных овала, размером с бочку, геометрически почти безукоризненных.

Это было все, что осталось от оказавшихся под «сосисками» эльфов и людей.

Боевой маг мандречен моргнул.

– Откуда он взялся? – пробормотал ошеломленный Федор.

– В Бьонгарде некросов много, – ответил Анджей.

Воевода не обладал способностью управлять Чи, но магия часто применялась в ходе военных действий. Не узнать некроманта по примененному им заклятью не смог бы разве что совсем зеленый новобранец.

Человек вышел из-под арки и двинулся вперед. Как Федор и ожидал, он выглядел мужчиной в годах – лицо его было изборождено морщинами, как морда крокодила. Но в то же время, двигался мужчина легко и уверенно.

– Он не некромант, – произнес маг.

– Да? – удивился Анджей. – А кто, солистка детского хора?

Услышав крики, королева посмотрела в сторону арки, откуда они доносились.

Мужчина двигался по опустевшей площади с непринужденной грацией гигантского паука. Ниматэ даже знала, зачем он, почти неуловимо для глаза, покачивается из стороны в сторону. Мандречены сняли секреты лучников, раньше стоявших на стенах крепости, и мужчине нечего было опасаться. Но привычка слишком глубоко въелась и слишком часто спасала жизнь человека, чтобы он мог вот так сразу от нее отказаться.

В отличие от Федора, королева Ниматэ сразу узнала его. Возможно, эльфке в этом помог запах – жуткий аромат даже не сгоревшего, а мгновенно истлевшего мяса, тянущийся от двух черных пятен на площади.

… Черный, сверкающий сталью, словно лапа гигантского паука, зигзаг вылетел из руки высокого мужчины. Ареанн не успел даже закричать. Зигзаг накрыл его вместе со свитой. Сын короля серых эльфов и его свита распались в прах. Мелкую черную пыль закрутил ветер. Ниматэ не смотрела на смерч, танцующий по двору замка. Как завороженная, эльфка смотрела на высокого мужчину в черной, доходящей почти до самой земли рубахе. Талию мужчины обхватывал ремень с массивной серебряной пряжкой, изображавшей ящерку с задранным вверх хвостом. Хвост этот, подобно скорпионьему, кончался непропорционально

огромным жалом.

Мужчина уже снова поднимал руку. Эльфка прижалась к стене, надеясь, что он ее не заметил. Ниматэ ощутила лопатками все неровности барельефа. Пучок Цин был готов сорваться с кисти Разрушителя. Ниматэ видела серо-черное сияние над кончиками его пальцев, словно он стряхивал с руки ртуть.

Эльфка услышала резкий голос и чужую речь. Мандречь была очень мелодична, что внушало еще больший ужас. Разрушитель обернулся на звук. Это оказался его брат по оружию в такой же черной рубахе. Второй Разрушитель что-то сердито говорил, показывая на Ниматэ.

– Как хочешь, Игнат, – сказал первый Разрушитель на тэлерине. По небрежной утонченности артикуляции чувствовалось, что это его родной язык.

У эльфки потемнело в глазах. Она прокляла тот миг, когда поддалась на уговоры старшей фрейлины и надела полупрозрачное платье из переливчатого тергаля. «Лучше бы он меня убил», подумала Ниматэ. О том, чем занимаются Разрушители с пленными – как с девушками, так и с юношами, – ходило много грязных и отвратительных историй.

Ее грубо схватили за руку. Эльфка открыла глаза. Покрой ее широкого рукава предусматривал удобный клапан для кинжала, который принцесса никогда не оставляла пустым. Разрушитель, которого назвали Игнатом, тащил Ниматэ через двор Трандуиловых Чертогов. Здесь мгновение – или вечность – назад в строгих церемониальных позах стояли послы темных эльфов и, в не менее строгих позах – принц эльфов серых, принимающий свадебный поезд. Теперь от них всех остался лишь черный ветер. Пепел лез в глаза и забивал нос и уши. Пах он почему-то жареной говядиной. Когда ладонь Ниматэ уже ощутила прохладную твердость рукоятки кинжала, Разрушитель остановился и показал на распахнутые ворота.

– Уходи, – сказал он на тэлерине. – Прочь! Понимаешь меня?

Ниматэ, не веря своим ушам, смотрела в лицо Разрушителю. На острые, эльфийские кончики ушей, торчащие из-под коротких волос. Разрушитель усмехнулся. Клыков у него тоже не было, зубы были ровными, как у эльфа.

– Слишком маленькая, – сказал Разрушитель. Акцента в его речи почти не чувствовалось, разве что звук «р» выходил у него слишком грубым. – Живи еще.

Она на всю жизнь запомнила этот миг, вырванный из ослепительно яркого летнего дня. Неумолчное журчание Димтора, черный пепел, жирными хлопьями висящий в воздухе.

И голубые, с прожилками, как два обломка мертвой бирюзы, глаза Разрушителя.

Он чувствовал, как люди и эльфы шарахаются в стороны, освобождая ему дорогу, но он почти не видел, куда идет, и почти не замечал, что делает. Использовать пальцы Змееслава в Черном Плевке перед тем, как выйти из арки, его заставил инстинкт воина, который заставляет боевую ведьму метнуть файербол на крышу заведомо брошенного дома.

Около помоста кузнец остановился. Он поднял глаза, увидел зеленые и фиолетовые ленты, бессильно поникшие без ветра, темного эльфа в костюме таких же цветов и эльфку в траурном черном наряде.

– Я тебя помню, – произнес он.

Над площадью висела такая тишина, что казалось – они здесь одни. И нет обезумевшей толпы, чье тело он распластал на две половинки.

– Я тоже помню тебя, Разрушитель, – сказала эльфка. – Игнат твое имя?

– Да, – ответил он. – Когда-то меня звали так.

– Лучше бы ты убил меня тогда, Игнат, – произнесла королева Ниматэ.

– Я не мог, – ответил Разрушитель.

– У тебя тоже горе, Игнат? – спросила Ниматэ осторожно.

Игнат растерянно глянул на свою руку, где темнел перстень-кастет.

– Да, – сказал он. – Я потерял сына. Он руководил той тройкой, что летела на юг Железного Леса. Он пал в засаде…

«Кем же еще может быть сын основателя Цитадели», сообразила Ниматэ. – «Конечно, химмельриттером…».

– А я, как ты знаешь, потеряла дочь, единственный плод моей любви, – стараясь, чтобы голос звучал ровно, произнесла она. – Но твой сын погиб с честью, а моя дочь…

Она замолчала. Не хватало только расплакаться на морозе. Моруско незаметно для других, ободряюще сжал ее ладонь. Ниматэ вцепилась в руку мужа. Так, словно ладья, на которой она плыла, разгрызли жадные волны, и ей после изнурительной борьбы со стихией наконец подвернулось под руку что-то твердое и плавучее. В этот момент даже не смотришь, что тебе послали боги – а просто хватаешься. В известном смысле, Моруско и был тем самым предметом, за который держишься, не глядя. И вот уже много лет он удерживал королеву на бурных волнах. Ниматэ начинала задумываться о том, что, возможно, пора и приглядеться к тому, что тебя держит.

Она украдкой глянула на мужа и улыбнулась ему. Это была не обычная, ослепительная улыбка королевы, которая по праву считалась самой красивой эльфкой в Железном Лесу. А улыбка убитой горем, измученной женщины. Моруско удивился – он еще никогда не видел, чтобы жена его так улыбалась. А затем, непонятно почему, у него потеплело в груди.

Ваниэль вздрогнула. Она была единственной на площади, кто понял, что бросил Разрушитель перед тем, как войти на площадь. Это были пальцы. Два пальца, отрубленных у трупа потому, что иначе никак не получалось снять с руки необычный – и очень дорогой, по словам мародера – перстень. Принцесса даже знала, где теперь это украшение. Увидеть его сверху она, конечно, не могла. Но стальной зигзаг, вырвавшийся из левой руки кузнеца, был точно таким же, как тот, что сбросил с березы одного из лучших лучников отряда Черной Стрелы.

– О Мелькор, – пробормотал Кулумит. – Кузнец Тирбен – один из Разрушителей, что воевали в нашем лесу…

– Ангмарец воевал на стороне Разрушителей? – осторожно спросила Глиргвай.

Кулумит смущенно пожал плечами.

– Нет, что ты, – рассеянно ответила за него принцесса. – Ангмарец – это чудовище-полубог, которого Морана призвала на защиту Железного Леса. Когда Разрушители заняли Трандуиловы Чертоги, Ангмарец встал на старой тропе и не пустил их к Бьонгарду. Он один противостоял сотне Разрушителей. Если бы нашелся кто-нибудь, чтобы перекрыть старую тропу у Келенбороноста, нам не пришлось бы выдать ледяных эльфов на смерть.

– А что с ним было потом?

– Ангмарец охранял Бьонгард, когда в него после войны приехала Разрушительница Пчела. Конечно, уже был мир… но кто их знает, этих Разрушителей. Я его помню, он летал над городом на ужасной такой твари.

Ваниэль сделала несколько скупых, но емких движений, долженствующих изображать ужасную тварь. Художественной выразительности жеста принцессы можно только позавидовать. Партизанка *узнала* тварь Хелькара по пантомиме Ваниэль.

– А когда Балеорн и Пчела уехали в Фейре, Ангмарец исчез, – заключила принцесса. – А ты откуда о нем знаешь?

– Я слышала одну старую песню, – пробормотала Глиргвай.

Ваниэль перевела взгляд на Марфора. Лицо эльфа было надежно спрятано под бинтами. Только светлые глаза чуть поблескивали в узких, как бойницы, прорезях маски. Так блестит на солнце ручей, текущий по снегу.

Теперь и ненаследная принцесса темных эльфов знала цену оригинального перстня, который впору было назвать кастетом. И не меньше половины долга лежало на Ваниэль. Морана, богиня темных эльфов, приучила своих детей ничего не брать в долг.

Но чем можно выплатить виру одному брату за другого?

Игнат смотрел на ледяную глыбу.

– Дракон пожрал наших детей, – произнес Разрушитель.

Он сказал это очень спокойно, негромко, словно бы просил передать за пиршественным столом хлеб – но в этот миг тюльпаны, скрывавшие собой залитое в лед тело принцессы, исчезли.

«Ну, вот и все», подумала Ниматэ. Как и многие эльфы, пережившие бунт Разрушителей, королева знала, что это значит. К услугам Игната всегда была мертвая сила Подземного мира. Но для того, чтобы начать Разрушать, ему требовалась преобразованная Чи. Игнат втянул всю свободную Чи, которая находилась поблизости – не задумываясь над этим, словно ныряльщик, который глубоко вдыхает перед тем, как прыгнуть в воду.

Но сначала Игнат хотел задать один вопрос. По ауре Игнат нашел среди присутствующих на помосте мага мандречен. Несколько невыразимо долгих мгновений Разрушитель смотрел на его теплый черный плащ до самой земли, на серебряный шеврон на его левом предплечье. На шевроне была изображена ящерица с задранным вверх, словно скорпионье жало, хвостом. Затем Игнат посмотрел боевому магу, по странному совпадению оказавшемуся волхвом Ящера, прямо в глаза.

– Надругательство над трупом – это же некромантия первой степени, или я ошибаюсь? Она же запрещена Кругом Волшебников Мандры, – сказал Игнат. – И ты молчишь, волхв?

– Нет, не молчу. Но что это решает? Ящер дал мне свой голос, но не дал своей силы, – ответил мандречен.

Игнат поморщился. Раздался громкий треск, и ледяной куб развалился на несколько частей, раскрылся, словно бутон неведомого цветка. Из него выпало черное семя – труп.

– Тело должно быть предано земле, – сказал Разрушитель. – Возьмите.

Над площадью пронеслась волна холода из расколовшегося льда. Ауры и людей, и эльфов заметно посветлели. Вместо подавленного гнева, страха и ярости на краткий миг все присутствующие испытали одно и то же чувство – одобрение. И облегчение.

Моруско уже был рядом со скрюченным, изуродованным телом. Не так долго он жил во дворце, чтобы разучиться двигаться бесшумно и быстро. Король снял плащ и завернул в него труп. От тела шел сладковатый тошнотворный запах. Но Моруско в своей жизни прошел рядом со слишком многими мертвецами, чтобы это всерьез помешало ему. Подняв тело на руки, король огляделся, решая, куда будет лучше всего положить его. К его удивлению, трое мандреченских солдат уже несли выбитую ими где-то дверь. Ниматэ сделала короткий жест рукой, указывая на промежуток между своим троном и троном короля, и вопросительно посмотрела на мужа. Моруско одобрительно кивнул. Мандречены положили дверь туда. Король, подойдя, бережно опустил тело на дверь. По захватанной латунной ручке, оказавшейся под боком падчерицы, Моруско узнал дверь с черного выхода кухни, через которую обычно выносили ополоски и помои. Люди торопились, и выломали ближайшую дверь, которая подвернулась им под руку. «Кто бы мог подумать», мелькнуло у короля. – «Что окажется посмертным ложем принцессы Железного Леса». Он вернулся на свой трон.

– Присядь со мной, Игнат, – сказала Ниматэ.

– Прости, но нет, – ответил он.

По его тону королева поняла, что безумие, охватившее Разрушителя при вести о смерти сына, отпустило Игната окончательно.

– К тебе пришли друзья, посочувствовать твоему горю, не хочу отпугивать их, – пояснил он.

– После того, что ты сделал, каждый почтет за честь поклониться тебе, – произнес Моруско.

Игнат пожал плечами, ухватился за край помоста и запрыгнул на него. В движении было столько силы и гибкости, словно за плечами Разрушителя было не двести лет, а всего двадцать. Игнат сел прямо на помосте слева от королевы, поджав под себя ноги, словно сюрк. И только тогда, когда Разрушитель устроился на возвышении поудобнее, толпа распрямила свое сплющенное тело, вновь заполнив собой всю площадь.

– Продолжим прощание с телом принцессы! – рявкнул мандречен в черной меховой шапке и алом мундире, стоявший рядом с волхвом Ящера. «Воевода», догадался Игнат. – «Парень очень тонко чувствует момент, надо отдать ему должное».

– Аура многих твоих подданных наполнена чужой мертвой силой, – сказал Разрушитель негромко. – Если хочешь, я уберу ее, когда они будут проходить мимо нас. Носить в себе чужую Цин вредно.

Ниматэ склонила голову в знак того, что оценила широту жеста. «Чужая» Цин в ауре партизан раньше принадлежала сородичам Игната, и они оба об этом знали. Королева сказала:

– Сделай милость.

– Тогда, может, ты будешь какой-нибудь отвлекающий жест, чтобы они не очень обращали внимание на изменения в своей ауре? Вытягивание чужой Цин безболезненно, но ощутимо.

– Хорошо, – согласилась королева. – Я буду благословлять моих подданных.

Она чуть приподняла руку и незаметно размяла кисть. Игнат, наоборот, застыл неподвижно.

Солдаты перестроились, изменив форму коридора. И люди, и эльфы Бьонгарда безголовой пестрой змеей двинулись вдоль помоста, на котором лежало завернутое в парадный плащ короля тело их принцессы. Напротив тела многие останавливались и кланялись погибшей принцессе и ее матери. Разрушитель молчал, высасывая из аур проходящих мимо чуждую мертвую силу. Молчала и королева, отработанным, привычным жестом благословляя каждого проходящего мимо горожанина. Когда площадь наполовину опустела, и локоть правой руки Ниматэ уже начал ныть, Игнат вдруг тихо сказал:

– Я же говорил им никогда не заниматься политикой! Как они посмели нарушить мой завет!

Королева грустно улыбнулась.

– Послушай, мы, темные эльфы, тоже никогда не занимались политикой. Но теперь политика занялась нами – и твоими детьми тоже. У них не было выбора, как и у нас.

– Мне кажется, я этого не переживу… – выдохнул Разрушитель.

К помосту приблизилась пара – высокий мужчина с наглухо забинтованным лицом и его подруга, чье лицо скрывал капюшон дубленки. «Могли бы уже и не прятаться», подумала Ниматэ. Мимо помоста уже не раз проходили эльфы без шапок, с характерными для Ежей рваными, неровными стрижками. Но мандречены не предприняли не единой попытки кого-нибудь задержать.

– Мне кажется, я тоже, – ответила королева и подняла руку для благословения.

Парочка поклонилась, мужчина только обозначил движение. Ниматэ и не ожидала настоящего поклона от того, кто был недавно ранен в голову.

– Он был твоим единственным сыном? – спросила королева у Разрушителя, делая благословляющий жест в сторону раненного партизана.

– Да, единственным моим ребенком, – кивнул Игнат. – Мы давно не общались, но я знал, что он жив и с ним все в порядке, и это давало мне силы.

– Но, говорят, был и мальчик, которого ты воспитал? – уточнила Ниматэ. – Сын твоей жены от ее первого мужа?

– Я никогда не любил не его, но никогда и не обижал, – сказал Игнат.

Ниматэ оценила это признание из уст того, кто был призван для массового уничтожения эльфов и первую половину жизни только этим и занимался. А ведь его пасынок был чистокровным эльфом.

– Я уважал в нем того великого воина, которым был его отец, – произнес Разрушитель.

Ниматэ, вздрогнув, покосилась на мужа. Слишком слова Разрушителя напомнили ей отношение Моруско к Ваниэль. Но король сидел достаточно далеко, чтобы не слышать их негромкого, вполголоса, разговора.

– Да и тогда, после войны, каждый ребенок был во благо, – продолжал Игнат. –

Марфора любил его дядя. И Змееслав очень любил брата.

Девушка, подруга раненного эльфа, тем временем почтительно опустилась перед королевой на одно колено, наплевав на то, что ее полы ее богато украшенной дубленки макнулись в грязь.

– Я слышала о том, что Марфор сделал для нас. Ты можешь им гордиться, – сказала Ниматэ, в который раз поднимая руку для благословения.

– Хвала богам, что хоть Марфор остался жив, – произнес Игнат. – Люди погибают тогда, когда умирают все, кто их знал.

Девушка в этот момент поймала руку Ниматэ. Королева с трудом сдержала брезгливую гримасу. Она ощутила в руке что-то холодное и круглое.

– Ты переживешь это, – глухо, так, что ее услышала только Ниматэ, произнесла девушка.

Поднявшись на ноги, она уступила место колоритной парочке – рыжему высоченному эльфу и его крохотной, словно куколка, подружке. Королева благословила их. Затем медленно поднесла руку к груди и раскрыла ладонь.

На ней лежал медальон в виде змея, кусающего себя за хвост.

Ниматэ подалась вперед, ища девушку взглядом, и успела увидеть ее. Эльфка уходила прочь, переговариваясь со своим товарищем, чье лицо скрывала не первой свежести повязка.

Королева крепко сжала медальон в ладони, словно боялась, что он растворится, исчезнет. Темные эльфы, как и все их сородичи, считали Ящера злым богом. Мандречены относились к богу Смерти со спокойным уважением. Но так или иначе, Ящер был богом, который держит свое слово, и Ниматэ в очередной раз убедилась в этом. «Какое счастье, что Ваниэль еще не успела выполнить то, ради чего предназначена», подумала королева. – «Ведь после этого он перестанет защищать ее».

– Игнат, – обратилась она к Разрушителю. – А ты можешь обратиться к своему богу и поблагодарить его? От меня?

Игнат в первый раз за все это время посмотрел ей в прямо в лицо. Ниматэ увидела, что его глаза не изменились. Они остались двумя обломками пронзительно голубой, мертвой бирюзы в темных прожилках.

– Мой бог слышит каждого, кто обращается к нему, – ответил Разрушитель мягко. – Ты можешь сделать это сама.

Королева подняла голову к небу, а потом, сообразив что-то, устремила взор в землю и что-то горячо прошептала.

Глиргвай разлила по кружкам подогретое с пряностями вино.

Когда компания вышла с площади, Глиргвай пригласила новых знакомцев зайти. Отдохнуть и собраться с силами перед возвращением в таверну Мораны. Застеснялся только Кулумит – ему не хватало духу войти в дом грозного Разрушителя. Но, увидев, что Ваниэль и Марфор не возражают, согласился и он. Многочисленные подмастерья и сам хозяин еще не вернулись.

В кухне, как и во всем доме, гости оказались одни, и это очень взбодрило рыжего эльфа. Выйдя с площади, Кулумит ощутил легкость и подъем сил, словно сбросил тяжкий груз, который нес так давно, что уже позабыл о нем. Судя по спокойным, просветленным лицам друзей, они испытывали схожие чувства.

Марфор сделал несколько глотков. Глинтвейн удался Глиргвай на славу, о чем он не преминул телепатировать эльфке.

– Спасибо, – буркнула та. – А можно спросить?

Марфор кивнул, с интересом глядя на нее.

– Зачем ты рассказал Тирбену… Игнату… о смерти твоего брата именно сейчас? – осведомилась Глиргвай. – Ты хотел, чтобы мы все погибли там, на площади?

Марфор хотел ответить, что артефакт жег ему руки, что Игнат имел право знать о смерти сына, и вдруг понял, что это все – пустые отговорки, которыми он загораживал сам

от себя реальность. «Я хотел, чтобы он убил меня», тяжело и ясно подумал Марфор. – «Что было бы с вами потом, мне было все равно». Тэлери задумчиво покосился на Кулумита. Тот с интересом рассматривал что-то на дне своей кружки. Синергист то ли не услышал его мысль, то ли деликатно сделал вид, что не услышал. Марфор хотел телепатировать ему, что Игнат сумел бы разорвать связывающую их клятву… но не стал.

Да и беседа с Разрушителем оказалась совсем иной, чем предполагал Марфор.

Игнат невозмутимо воспринял всю галерею образов, которую передал ему пасынок. Ночь, засада, огромные ямы, кровь и крики умирающих гросайдечей. Он поднял руку – Марфор следил за его жестом с облегчением, в котором тогда не признался самому себе.

– Мы умираем тогда, когда о нас уже никто не помнит, – сказал Разрушитель медленно и потер подбородок, заросший жесткой щетиной. – Друзья будут помнить Славу… Но не так, как ты. Он очень любил тебя, вы с ним много играли.

Марфор разглядывал половицу у себя под ногами. Сучок вывалился, и на эльфа смотрел черный глазок пустоты.

– Если я убью тебя, Змееслав погибнет быстрее, – сказал Игнат. – А Туимакирис…

Марфор вздрогнул. Он редко думал о матери – это делало его слабым, как он считал. Лишь иногда, в снах, которые эльф не мог контролировать, он видел ее улыбку и мягкие руки. И просыпался в слезах, за которые ненавидел себя.

– Я скоро умру, и некому будет помнить ее. Туима умрет окончательно, – печально закончил Игнат. – Но я этого не хочу.

Он сжал в руке перстень-кастет и отвернулся.

– Иди, – сказал Игнат.

Ваниэль, услышав вопрос Глиргвай, уронила на пол рукавицу и полезла за ней под стол.

– Кстати, как Игнат оказался в Бьонгарде? – заметил Кулумит.

Марфор пожал плечами.

– Ведь было ясно, что Разрушитель очень рассердится, а убивать эльфов он умеет и любит, – закончила Глиргвай.

Тэлери собрался с мыслями.

«Я должен был отдать ему артефакт», так, чтобы слышали все, ответил Марфор. – «Такой перстень с черным камнем, ты должна была видеть на руке у Игната. Это артефакт слишком сильный, слишком опасный, чтобы обычный эльф, как я, держал его при себе долго. А что Игнат пойдет на площадь, я не знал. Даже подумать не мог. Мы очень давно не общались, я уже позабыл его характер».

– Понятно, – пробормотала Глиргвай.

Ваниэль выпрямилась, положила рукавицу рядом с собой и тоже взялась за кружку. Они с Марфором чокнулись.

«Твой дядя правда любил тебя?», спросил его Кулумит.

Марфор понял, что не только они с Ваниэль слышали разговор Ниматэ и Разрушителя. Он сделал пару глотков, поставил кружку на стол. Марфор видел по ауре Кулумита основной смысл этого вопроса. Убежденность хорошего мальчика, который вырос правильным мужчиной, что детство – это пора беззаботности и счастья, и оно было таким у всех. А Марфору и в голову не приходило, что его Синергист переживает из-за того, о чем сам эльф давно и думать забыл.

О том, что Тинголорн Феаноринг погиб раньше, чем родился его сын.

И столько было силы в этой чистоте мыслей, что Марфор невольно позавидовал Кулумиту. Тэлери вздохнул – он не любил ломать картину мира тем, к кому хорошо относился. Но одним из эффектов Синергизма было то, что партнеры не могли врать друг другу.

«Да», ответил Марфор. – «Тогда я был намного красивее, чем теперь».

Нравы эльфов Железного Леса были гораздо скромнее, чем у их северных братьев, и вряд ли бы до темного эльфа дошел смысл его ответа. Но Кулумит все же был тэлери, как и

его Синергист, и он понял, что сказал Марфор. Лицо Кулумита изменилось, стало совершенно детским. Словно ребенку протянули конфетку в ярком фантике, под которым оказалась щепотка вонючего дерьма. И жалость, и боль, и сочувствие обрушились на Марфора.

«Ладно, ладно», передал он, пытаясь уклониться от этой горячей волны. – «Я ведь как-то это пережил…».

– Если бы только знать, кто предал Ежей… – нехорошо щурясь, говорила тем временем Ваниэль. – И как это случилось…

– Я знаю, – ответила Глиргвай совершенно деревянным голосом.

Принцесса наклонилась к ней, коснулась ее руки.

– Так расскажи нам, Глира, – сказала она.

Несколько мгновений в кухне висела тишина – юная партизанка собиралась с духом. Ваниэль ласково смотрела на нее. Было слышно, как шуршат за огромной, беленой на мандреченский манер печкой мыши.

– Когда я очнулась, – начала Глиргвай. – Оказалось, что нас осталось только двое. Квенди и я. И Квенди сказала…

Герольд прижал трубу к губам, и над опустевшей площадью второй раз за сегодняшний день раздались звуки королевского гимна. Король, королева и Разрушитель, которого они пригласили разделить поминальную трапезу, уходили с площади.

Последними.

Моруско нес на руках тело своей падчерицы, завернутое в плащ. Длинная отпавшая пола билась по ветру, обнажая меховую подбивку. «Теперь ей тепло», подумал Федор и нервно хихикнул. Маг, не веря себе, перевел взгляд на серую брусчатку, по которой ветер гнал разноцветный мусор, который всегда остается после толпы. Стылый воздух огласился отрывистыми приказами, которые Анджей давал свои солдатам. Построившись в колонну по четыре, мандречены двинулись в тот же узкий проход, через который уже покинули площадь все жители Бьонгарда.

– Меч Радагаста, мы сделали это, – пробормотал Федор. – Мы прошли по краю и остались в живых…

Анджей хмыкнул:

– В следующий раз так может и не повезти. Сегодня пришел Разрушитель, в следующий раз придет Ангмарец.

Маг тоже усмехнулся.

– Пойдем, пропустим по стаканчику, Анджей, – сказал он. – За упокой души принцессы. Или ты только по лислору?

– Вообще, да, – признался воевода. – Но в хорошей компании и уксус – что вино, как говорят в Поле. Пойдем.

Они спустились с помоста. Слуги убирали с него разноцветные полотнища королевских цветов, стряхивая с них грязь и скатывая, как хорошая хозяйка скатывает перед уборкой половички. И только увидев этот удивительно мирный, домашний жест, Федор понял – ему действительно удалось пережить сто тринадцатую Коляду от начала правления Черного Пламени.

Марфор устало потянулся и встал. Трое эльфов наблюдали за ним с тоской и надеждой, и он не мог выносить эти взгляды.

«Я уезжаю из Железного Леса», передал он всей честной компании. – «Я, хвала Илуватару, ничего не должен. Никому. Я думал, что царское слово крепче гороха, а оказывается… Впрочем, я знал, что нельзя верить двум вещам: лунному свету и слову женщины».

– Ты не понимаешь! – воскликнула Ваниэль. – Пойми, оставить подобное безнаказанным – нельзя! Это будет последний мой бой, – добавила она умоляюще.

Марфор отрицательно покачал головой. Принцесса молча встала перед ним на колени. Кулумит шумно вдохнул. Его Синергист подумал о том, что Ваниэль, перед тем как опуститься, все-таки поддернула свои подбитые ватой кожаные брюки – чтобы они не вытягивались на коленях.

«Но это же за Мрачными горами», передал он.

И тут подала голос Глиргвай.

– Недалеко от Фаммирен есть телепорт, – сказала девушка тихо, но очень твердо. – Он связан с порталом в кузнице Тирбена. И лыжи здесь есть…

Марфор обвел взглядом друзей. Усмехнулся. Посмотрел на отчаянное, запрокинутое лицо Ваниэль и погладил ее рукой по щеке.

«Но нас всего четверо. Я еще слаб, а двое из нас и вовсе девушки. А в деревне куча крепких мужиков», телепатировал он.

Глиргвай насупилась. Она не знала такого сложного слова, как «шовинист», но подумала именно это. Только опасение, что швы на лице разойдутся, заставило Марфора сдержать смех.

– А если, – произнес Кулумит. – Показать им не четверых партизан, а химмельриттера на гросайдечи и этого, как его…

– Назгула, – неохотно сказала Глиргвай.

– Мы даже не пойдем в деревню. Ты будешь колдовать, я буду присматривать за тобой. Как ты говоришь – одно заклинание отсюда, другое оттуда, – продолжал рыжий эльф, вопросительно глядя на Синергиста. – А внутри иллюзии будут двигаться Ваниэль и Глира, разбрасывая файерболы…

Марфор смотрел него удивленно, но с уважением.

«Я понемногу начинаю понимать, как делается партизанская война», передал он. – «Если так, то можно попробовать».

Ваниэль обняла его за ноги и прижалась лицом к животу.

– Благодарю тебя, – произнесла она с чувством.

«Ночью отблагодаришь», откликнулся Марфор.

Марфор остановился, стряхнул налипший снег с палок. Эльф наклонился – он хотел освободиться от лыж. Кровь ударила ему в лицо, шрам налился болью, голова закружилась. Марфор поборол желание скривиться, уже зная по опыту, что так будет еще больнее. Он осторожно присел на корточки и обхватил голову руками, ожидая, когда горячий звон в голове утихнет.

– Марфор? – услышал он сочувствующий голос Ваниэль.

«Сейчас все пройдет», ответил эльф. – «Осмотритесь пока. Выберите позицию».

Они стояли на западном краю деревни – четыре темных силуэта в сгущающихся сумерках.

Кулумит внимательно оглядел единственную улицу, делившую селение на две почти равные полукруглые дольки. В мозгу Марфора появилось изображение домов, спешащих по улице сельчан и крепких заборов. Чем дальше, тем сильнее эльф понимал, почему клятва Синергистов пользуется такой популярностью среди воинов, несмотря на опасность, которую она таила в себе. Если погибал один Синергист, погибал и второй. Но до тех пор, пока они оба были живы, они значили гораздо больше, чем два воина.

«Как называется деревня?», осведомился Марфор.

– Грюн Фольбарт, – ответила Глиргвай.

Эльфка разогрелась от бега на лыжах. Расстояние от телепорта в Фаммигвартхен до деревни они прошли за час. Она сняла варежки, и теперь нервно потирала колечко на пальце. Тирбен, узнав, куда собирается его новая продавщица, закончил работу над артефактом минут за двадцать. Ничего такого уж сложного не оказалось и в нанесении рун. Они вместе с Ваниэль оплели кольцо чарами. Теперь при активации артефакта он должен был извергать длинную ленту пламени.

«Здесь есть кто-нибудь, кого бы ты хотела оставить в живых?», осведомился Марфор, обращаясь к Глиргвай.

Эльфка кивнула.

Марфор поднялся и передал: «Мы должны сходить туда».

– Но это опасно, – сказала Ваниэль с сомнением в голосе.

– Она все равно живет на окраине, – ответила Глиргвай.

– Ну, хорошо, – согласилась принцесса.

Они завалили лыжи ветками и присыпали снегом. Ваниэль поставила на тайнике магический знак, заметный только им четверым. Эльфы двинулись вдоль околицы деревни. В воздухе пахло сладким дымом сожженного можжевельника. В Грюн Фольбарт сегодня тоже праздновали Мидинваэрн.

Но праздник уже закончился, и сельчанам очень скоро предстояло это узнать.

Глиргвай свернула влево, и эльфы оказались в узком переулке. Здесь тоже пахло дымом, но другим. Горьким дымом разоренного дома.

– Он должен быть здесь, – сказала девушка растерянно, указывая на торчащую над кругом обломков печную трубу. – Но…

Она ойкнула и прижала руку к губам. Ваниэль сочувственно обняла ее за плечи.

– Там вроде написано что-то, – сказал Кулумит, щурясь.

Действительно, на трубе покачивалась криво прикрепленная табличка. Ваниэль вгляделась.

– Я не умею читать на мандречи, – призналась принцесса.

– Я тоже, – сказал Кулумит, краснея.

Марфор понял, что эльф вообще не умеет читать.

– И я, – пробормотала Глиргвай.

Марфор прошелся по выжженному кругу. Под ногами его хрустели головешки и осколки утвари.

«Тут написано: „Здесь жила пособница сепаратистов“, сообщил он.

Глаза Глиргвай вспыхнули зеленью. В фосфоресцирующем сиянии черты ее лица стали резче. Нос заострился, угловатые скулы словно вздернулись.

«Покажи мне назгула», попросил Марфор.

Глиргвай глубоко вдохнула и передала эльфу мысленную картинку.

В вечер Мидинваэрна Воарр засиделся в корчме дольше обычного. В конце концов, он имел такое право – праздник! Но эльф очень хорошо знал черту, за которую не стоит переводить отношения с женой, и в половине десятого вышел на улицу. Снежок вкусно похрустывал под ногами. Воарр выбрался из переулка, где стояла корчма, и двинулся по главной улице к своему дому. В высоте горели звезды, подобно слезам бога на ресницах неба. По странному совпадению, Воарр в этот не поздний еще час оказался на улице совершенно один. Он проходил мимо освещенных окон, иногда закрытых ставнями, иногда нет, и видел за разноцветными занавесками силуэты мужчин и женщин. Воарр неловко потер шею и ускорил шаг. Что-то давило ему в спину, заставляя идти быстрее.

И вдруг в Фаммирен завыли собаки – все разом, как сговорившись.

Эльф от неожиданности подпрыгнул на месте.

– А, Мелькорово отродье, – выругался Воарр.

Ему почудилось движение сзади, в темноте. И какой-то непонятный треск. Он обернулся – с одной рукой на рукояти кинжала, проклиная себя за трусость, – и замер.

На него надвигалось чудовище, подобных которому Воарр еще никогда не видел. Странная крылатая тварь с непропорционально маленькой головой на длинной толстой шее, похожая на летучую мышь, которой маг-шутник для потехи приделал голову змеи, несла на своей спине всадника в шлеме. На шлеме блестела драгоценными камнями корона. Из правой руки наездника вырывалась длинная лента огня. Она падала через заборы, на

палисадники, на крыши домов и хлевы, и строения тут же с охотным треском занимались. Воарр удивился тому, как тварь умещается на узкой улице, почему ее перепончатые крылья не цепляются за стены и заборы. Снежная крошка, поднятая движениями ее крыльев, ударила в лицо эльфу, и он опомнился.

Ночная тишина над Фаммирен уже расцветала криками эльфов и животных, заживо горящих в своих хлевах. Воарр попятился, развернулся и побежал. Он уже не хотел попасть домой – его единственной мыслью было добежать до леса. Но увидев того, кто стремился ему навстречу, эльф упал на колени, изо всех сил тормозя и закрывая лицо руками.

С другого конца деревни летел дракон, слишком маленький для того, чтобы быть настоящим. «Гросайдечь», отстраненно подумал Воарр. Это существо было сложено не в пример изящнее. На длинной гибкой шее сидела ладная головка. Виньетка кругового гребня окружала ее подобно пышному жабо. На спине Воарр заметил всадника в рогатом боремском шлеме. Из пасти дракончика один за другим вылетали языки пламени, круглые и блестящие, словно неведомые семена. Упав на крыши домов, дворы и ворота, они тут же давали обильные алые и желтые всходы.

Воарр понял, что делают гросайдечь и жуткая безымянная тварь. Каждый из них поджигал здания справа от себя. На перекрестке они должны были встретиться и продолжить свой путь, пройдя деревню насквозь и создав пылающий огнем коридор. Тогда Фаммирен запылает вся. Но до тех пор, пока чудовища не встретились, у тех, кто оказался слева от нежданных ужасных гостей, еще оставался шанс спастись. Эльфы же этого не понимали. Воарр видел, как темные фигурки мечутся в огне. Многие были слишком пьяны, чтобы соображать – но Воарр протрезвел мгновенно, увидев, кто прибыл в деревню.

– В лес! – закричал Воарр. – Бегите в лес, придурки!

Он услышал длинный свист за спиной, тихий свист приближающихся крыльев, и обернулся. Перед эльфом промелькнула зубастая пасть, холодный желтый глаз чудовища, похожий на янтарную пуговицу, светлый металл короны, на котором были выгравированы руны. Наездник поднял меч – двуручный меч, который был слишком тяжел для него. Воарр понял это по той ужасающей медлительности, с которой клинок проплыл перед ним. В прорези шлема сверкнули зеленым глаза – огромные, невинные, почти детские… но мертвые, как и положено назгулу. Воарр успел удивиться тому, что зрачок у чудовища вертикальный, как у темного эльфа.

Это было последнее, что Воарр сделал в своей жизни. Меч воткнулся в его живот подобно хоботу гигантской осы, пробил его насквозь и вышел из спины. Убийца выдернул меч и двинулся дальше.

Эльф упал назад. Снег под ним начал чернеть.

Серые хлопья пепла кружились над Воарром словно снежинки. Искры падали на щеки, оставляя черные отметины. Одна из них упала на плащ Воарра, и одежда затлела, вскоре вспыхнув. Но эльфу в ту ночь повезло больше многих.

Когда он горел, он был уже давно и безнадежно мертв.

Морана не особо афишировала наличие в своей таверне телепорта. Суккубу никогда не давалась отчетность, и графики прибытия-убытия ей вести не хотелось. Гоблину хватало хлопот и со сведением дебета-кредета по самой таверне. Зато Морана отлично умела ладить с людьми. Мандреченский инспектор телепортов, как-то явившийся проверить таверну по наводке доброхотов, ушел совершенно очарованный и несколько ослабевший, но протокол-схема осмотра таверны гласила: «Передающих магических устройств не обнаружено». Доброхот следующей ночью *ослабел* до смерти, и больше проверяющие в таверну «На Старой Дороге» не приходили.

Но портал пришлось перенести с луга за баней в подвал таверны. Теперь гости, выходя из телепорта, оказывались между сумрачно поблескивающих бутылей и бочек, над которыми витал терпкий винный дух. Между бочками находился добротный, но не очень изящный стояк для лыж, сделанный Магнусом. Морана сдавала их напрокат всем желающим за

умеренную плату. Для того, чтобы попасть в кухню таверны, вновь прибывшим приходилось пройти сквозь длинную галерею подвешенных к балкам окороков и колбас, и миновать ряд ларей с мукой.

Когда партизаны вывались из телепорта, время уже близилось к полуночи. Эльфки все вымазались в саже и устали, но обе были очень довольны. Марфор же почернел от усталости, и даже всегда приветливый Кулумит не улыбался. Тэлери и не такое видел. Но рыжему эльфу впервые пришлось участвовать в уничтожении целой деревни. Партизаны юга себе такого не позволяли. Но, с другой стороны, Кулумит и представить себе не мог, чтобы сельчане выдали мандреченам кого-нибудь из Ежей.

Ваниэль сказала, стряхивая снег с завязок лыж:

– Это был славный бой, Глиргвай. Я рада, что рядом со мной была ты.

Принцесса поставила лыжи в стояк у стены, рядом с лыжами Глиргвай. Кулумит помогал освободиться от лыж своему Синергисту. Тэлери боком привалился к стене и закрыл глаза.

– Я тоже, – меланхолично ответила единственная уцелевшая партизанка из отряда Махи Морриган.

– Что ты собираешься делать теперь? – спросила принцесса.

Они направились к галерее окороков. Мужчины впереди, девушки чуть сзади. Ваниэль поймала себя на том, что они идут привычным разведочным клином.

– Ну, мне сейчас надо отработать Тирбену за колечко, которое он мне сделал, – сказала Глиргвай, когда они миновали бочки, от которых сладко пахло вином. – И заработать денег на дорогу. До весны, в общем, у него в лавке буду.

– Дорогу? – спросила Ваниэль.

– Да, – ответила партизанка. – Я поеду в Мандру и убью дракона.

Принцесса с интересом посмотрела на нее. Марфор оглянулся через плечо. Глиргвай нахмурилась.

– Вы можете смеяться надо мной и считать меня сумасшедшей, но я сделаю это, – сказала она угрюмо.

– Никто не будет смеяться, – заметил Кулумит мягко, а Ваниэль добавила: – Ты уверена, что хочешь пойти одна?

Глиргвай озадаченно посмотрела на принцессу.

– Мой брат и Лайтонд скоро пойдут на замок Морул Кера. Они собирают отряд, и им как раз нужна девушка, – объяснила Ваниэль. – Это как-то связано с чарами, которыми опутан замок дракона. Лайтонд в тот раз проиграл потому, что с ними не было женщин. По крайней мере он так говорит. Я могу связаться с Рином и сказать, что нашла такую девушку. Если ты согласна, конечно.

Глиргвай энергично кивнула.

Самая темная ночь в году оказалась позади, но день если и прибавился, то всего на несколько минут. Караван Аласситрона выступил в темноте. Впрочем, это было громко сказано. Караван купца состоял всего из двух крепких, тяжелых саней, на которых помимо мехового шатра, искусно свернутого, и припасов в дорогу, лежали ящики с самым дорогим, что можно было увезти из Железного Леса – механическими вещичками гномов Эммин-ну-Фуин. Больше ценились только меха, которые добывались в Железном Лесу – горностай, соболь, песец. Но Аласситрон ехал в Фейре, где хватало своего пушного зверя, и поэтому предпочел взять другой груз в обмен на доставленный в Железный Лес обоз, где мука и сахар занимали лишь самый верх мешков. Все остальное пространство было отдано милому изобретению сюркистанских гномов – пороху. Мортиры были слишком неудобны для партизан, а вот бомбами они пользовались охотно. По мощности обычная бомба немногим превосходила файербол, и была весьма сложна в приготовлении. По этой причине на бомбы не было спроса в землях, богатых магами. Но темные эльфы были самыми слабыми волшебниками среди своих собратьев. Реже, чем в Железном Лесу, маги рождались только в

Экне. Именно поэтому Аласситрон приехал в Железный Лес так поздно и задержался так долго – он не хотел привлекать излишнего внимания, а таможня в Эреборе закрывалась в октябре. Товары, прибывавшие позже, шли без досмотра, чем и воспользовался купец.

Одними санями управлял сам Аласситрон, вторыми должен был управлять его помощник из местных, Танген.

Но Аласситрон сегодня утром дал ему расчет, и теперь первыми санями правила та самая темноволосая девушка, которую он два дня назад угощал грогом. Как и предполагал купец, Ваниэль и ее друзья приехали на похороны принцессы – вчера их весь день не было в таверне. Эльфка ввалилась в его номер уже ближе к полуночи. Точнее, не ввалилась, а ворвалась. Как снежная буря, как тайфун, сметающий все на своем пути.

Одной из житейских мудростей, которой отец научил Аласситрона, была такая: «Никогда не беги за отливом и за женщиной – придет прилив, и красавица тоже вернется». Эльф в очередной раз убедился, что старый, одряхлевший Звездный Рыцарь был прав. Аласситрон мог выехать еще вчера. Один из друзей Ваниэль, хмурый, взъерошенный эльф, утром принес ему долгожданное письменное разрешение на выезд от принца Рингрина. Таким образом предположения купца о роде занятий эльфки и ее спутников подтвердились. Вся компания была партизанами, Ежами. Разрешение принца стоило дороже всех сургучных печатей мандреченской таможни на ящиках с товарами. Хотя официально правителем Железного Леса считался Моруско, Аласситрон знал, что король лишился своего фамильного перстня в тот же день, когда его страна потеряла независимость. С тех пор перстень Моруско прикладывался к указам, которые писал мандреченский воевода, самим же воеводой. Неудивительно, что темные эльфы не считали себя обязанными соблюдать подобные законы. В качестве своего повелителя жители Железного Леса признавали только Рингрина, ушедшего в партизаны сына Моруско. Письмо принца сохраняло и жизнь, и груз обладателя этого клочка пергамента. А мандречены за свои печати брали много, но в пути это ничем не помогало.

Аласситрон и Ваниэль медленно спустились по дороге, ведущей от тяжелых ворот таверны и в итоге выходившей на Старый Тракт. Аласситрон видел перед собой высокий, без всяких украшений зад впереди идущих саней, и фигурку в дубленке, сноровисто управлявшуюся с вожжами. И ему приятно было на нее смотреть. Купец восхитился тем, как быстро Ваниэль сделала выводы из гибели принцессы. Да, покинуть Железный Лес в разгар войны было очень непатриотично, но весьма разумно. Война тянулась уже лет сто пятьдесят, конца и краю ей еще не было видно. До Ваниэль дошло наконец, видимо, что вся ее жизнь вот и пройдет – в коротких перебежках между кустами, мандреченскими патрулями и гигантскими пауками. А ведь боги создали женщину совсем не для этого. Аласситрон не страдал от жадности, этого бича большинства торговцев. Со своими женщинами он был щедр, а уж женщине, которая решила разделить с ним жизнь, больше не пришлось бы мыть волосы мыльным корнем.

И все же, не это было главным. Эльфки юга были непревзойденны в постели, зачастую очень хорошо умели играть на арфе, лютне и нервах мужа, и разбирались в старинных трактатах по магии. Но ни одна эльфка Рабина не смогла бы так лихо управиться с санями, груженными товаром. Аласситрон нашел в Железном Лесу не только подругу, но и партнера по бизнесу. И такое сочетание, по мнению купца, было для женщины лучшим из всех возможных.

Некоторое время Марфор балансировал на сладкой грани между сном и явью. Просыпаться совершенно не хотелось, но, в конечном итоге, пришлось. Почему-то Марфор совсем не удивился, когда понял, что сегодняшнюю ночь он провел один. Эльф неохотно открыл глаза и обвел взглядом номер. Широкая и мягкая кровать, на которой он лежал, стояла у стены. В манере темных эльфов, на ней был балдахин из зеленого шелка с вышивкой, и Марфор видел вещи причудливо искаженными. Как сквозь листву, вдруг понял эльф. Взгляд Марфора задержался на кресле-качалке, стоявшем напротив. Совершенно

мандреченский предмет обстановки попал в эльфийскую половину таверны по недосмотру, но жаловаться на это постояльцы не стали.

Вечером, когда они вернулись, Марфор решил снять повязку, совсем задубевшую от мороза. Ваниэль помогла ему. Эльфка размочила бинт теплой водой, разрезала его и осторожно, чтобы не повредить края раны, сняла. Несколько секунд она смотрела на его лицо. Ваниэль наткнулась на взгляд Марфора и отвернулась. Эльф отошел от нее, устроился в кресле-качалке, и закрыл глаза. Ваниэль поколебалась несколько мгновений, а затем села на колени Марфора, раскинув широкую юбку, и вольготно устроила ноги на подлокотниках.

– Полетаем? – покусывая его за ухо, прошептала принцесса.

Марфор медленно поцеловал ее в ложбинку меж грудей. Ваниэль выгнулась от наслаждения, стремясь сильнее прижаться к нему. Кресло чуть качнулось под их весом. Эльф почувствовал своим животом ее чуть выпуклый пупок сквозь шелковую рубашку, когда Ваниэль расстегнула меховую жилетку.

– Ты уверена? – спросил он, неторопливо целуя подколенную ямочку принцессы. Для этого пришлось положить ее ногу себе на грудь, и складки широкой юбки сползли вниз сами.

– Раньше ты меня об этом не спрашивал, – хмыкнула Ваниэль, закидывая на плечи Марфора и вторую ногу. Эльф крепко обхватил принцессу и хотел уже встать, чтобы перебраться на кровать. Ваниэль нетерпеливо толкнула его бедрами в противовес, и ему пришлось сесть обратно. Марфор приподнял принцессу на одной руке, а другой стал бороться с ремнем на брюках.

– Мне щекотно, – хихикнула Ваниэль, держась за его плечи.

– А так? – держа эльфку обеими руками, Марфор медленно опустил ее, пронзив собой.

Принцесса шумно вдохнула.

– Теперь я знаю, что чувствуют люди, когда их сажают на кол, – сдавленным голосом пробормотала она.

– Там занимают другое отверстие, – заметил Марфор.

Речь причиняла не такую уж сильную боль, как он ожидал.

Он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Кресло закачалось. Оно качалось все быстрее и быстрее, тихонько поскрипывая. Ваниэль закричала и смахнула со стола светильник. Он с грохотом обрушился на пол, и комната погрузилась во тьму.

– Я люблю тебя, – отдышавшись, прошептала Ваниэль.

– Если хочешь поговорить, прекрати зажимать мне уши ногами, – ответил он. – Я ничего не слышу.

На самом деле Марфор отлично слышал то, что она сказала, и ему сразу вспомнилась фраза из старинной баллады – «мало стоят слова, сказанные ночью». Эльфка не пошевелилась.

– Ваниэль? – переспросил он после паузы.

Принцесса спустила ноги с его плеч и расплакалась. Она вздрагивала всем телом, и он чувствовал, как горячие капли падают ему на шею и затекают за ворот рубашки.

– Прости, – сказал Марфор.

– Не за что, – сказала Ваниэль и всхлипнула снова. – Я плачу от счастья. Все было замечательно.

Марфор промолчал. Он видел, что Ваниэль лжет. Аура эльфки пылала после испытанного оргазма. И это лишь сильнее подчеркивало холодную, неподвижную фиолетовую спираль, застывшую вокруг головы Ваниэль подобно фантасмагорическому шлему. Спираль брала свое начало из канала воли. Эльфка что-то решила, бесповоротно, хотя это решение и доставляло ей боль.

– Ты поспи, – сказала Ваниэль, поднимаясь. – Ты же так устал, когда создавал иллюзию… О Мелькор, все отдала бы, лишь бы увидеть себя со стороны тогда… Не стоило нам с тобой сейчас, наверное… А, гори оно все огнем, не очистить, не смыть того, что сделано, – уже совершенно непонятно добавила принцесса.

Спираль засияла ярче.

– Хорошо, – сказал Марфор.

– А я спущусь вниз, пропущу стаканчик грога, – изо всех сил стараясь говорить беззаботно, продолжала Ваниэль.

– Да, грог – это как раз то, что нужно в такую ночь, – произнес Марфор и поднялся тоже.

Ваниэль напряглась, думая, что он захочет составить ей компанию. Но эльф просто обнял ее.

– Я люблю тебя, Ваниэль – сказал Марфор, целуя ей веки. – Никого не любил, никогда. А тебя люблю.

Он ощутил губами, как ее веки снова набухли от сдерживаемых слез. Ваниэль сделала слабое движение, словно хотела освободиться. Марфор отпустил принцессу и вернулся на кровать. Тэлери заснул раньше, чем услышал, как хлопнула дверь за Ваниэль.

И вот теперь в сером утреннем свете на столе белела записка. Марфор взял ее, с удовольствием отметив, что рука его не дрожит. Среди зачеркнутых и снова повторенных рун отчетливо можно было разобрать только:

Ты выиграл пари, и я уезжаю из Железного Леса. Пока идет война, я не вернусь домой.

Ты, может, и простишь меня, но я не могу.

Эльф отложил записку. Марфор подхватил со стола вазу с сухими цветами и метнул ее в стену.

– Сука! – рявкнул он. – Что я должен простить?

Ответа не последовало. В глазах у Марфора от резкого усилия потемнело. Он оперся руками о стол и некоторое время приходил в себя. Марфор приблизился к зеркалу и долго вглядывался в свое отражение.

Из прохладной глубины на Марфора смотрел эльф, которому к лицу не далее трех дней назад приложили раскаленную подкову. Возможно, до этого эльф был очень красив. Но сейчас был не то что безобразен, а просто отвратителен. Уголок глаза шрамом оттянуло вниз, и это придавало лицу идиотическое выражение. Косо наложенный на лицо зигзаг раны казался вторым, жутким ртом, растянутым в вечной улыбке имбецила. Марфор знал, что скоро будет выглядеть гораздо лучше. Спадет припухлость, уйдет багровая краснота, зарастут грубые стежки шва. Но страшная, гротескная улыбка, проступающая на лице Марфора, словно истинное лицо демона из-под маски, под которой тот прячется – останется.

И скорее всего, до самой смерти. Кайт сказал, когда они расставались: «Эта рана окончательно не заживет никогда. Я, как и любой порядочный врач, не умею лечить раны, нанесенные Цин. Никто не умеет, кроме мандречен». А визит в мандреченский госпиталь можно было расценивать как удачную попытку самоубийства. Для опытного врача рана – то же самое, что стежки следов на снегу для охотника, или раскрытая книга для ученого. Прочесть по ране Марфора, кто и как ее нанес, не составило бы для мандреченского хирурга большого труда.

Эльф поднял руку, замахиваясь. Зеркало дрогнуло в своей раме, словно от испуга. Но Марфор передумал и остановил руку на полпути.

Он оделся и спустился вниз.

Глиргвай всегда чувствовала себя уверенно в окружении деревьев. Какое-то врожденное чувство, которым обладал каждый темный эльф, почти никогда не позволяло ей сбиться с направления. Если не считать того жуткого вечера после гибели отряда Махи, Глиргвай ни разу не заблудилась в Железном Лесу.

А в таверне гостеприимного гоблина она потерялась. Уже оказавшись на улице, эльфка сообразила, что повернула не в ту сторону, когда вышла из своего номера. Лестница, ведущая вниз, показалась ей немного не такой, какой она была вчера… и теперь, стоя на заднем дворике таверны, Глиргвай поняла, что это была просто *не та* лестница. У забора находилась высокая поленница, калитка была приоткрыта.

Было холодно, но не настолько, чтобы Глиргвай не выглянула в калитку. «Всегда знай,

что у тебя в тылу – дольше проживешь», как любил говорить Хелькар. Да и на ней был теплый свитер – кольчужник, который девушка сделала себе сама. Нить из слюны паука распустить было очень сложно, и каждая, даже самая опытная вязальщица перед тем, как браться за создание кольчуги, сначала делала пробный свитер из серой овечьей шерсти. Глиргвай же не относила себя к опытным вязальщицам – даже шерстяной свитерок пришлось перевязывать два раза.

За калиткой эльфка обнаружила прелестное крохотное озерцо в окружении голых черных деревьев. Глиргвай остановилась. Покрытое льдом озеро казалось запыленным серебряным зеркалом – такое впечатление создавалось из-за припорошившего его снежка. И эльфку вдруг пронзило желание, простое и ясное, детское желание взрезать этот нетронутый лист коньками, да так, чтобы к небу взметнулся снег, исписать его серебро изящными рунами.

На катке в Жемчужной Капле Глиргвай была одной из лучших.

Но ее коньки остались в Доме, которого больше не было.

На другом берегу озера обнаружилось неказистое строение. Из трубы шел дым. Эльфка задумчиво осмотрела постройку. Сооружение было крепким, но слишком уж маленьким для того, чтобы в нем жить.

Глиргвай услышала шаги за спиной и обернулась так резко, что чуть не сбила Магнуса с ног.

– Привет, – сказал гоблин. – Я вот баньку решил затопить, суббота ведь сегодня… А ты на коньках хочешь покататься?

– У меня нет коньков, – пробурчала Глиргвай.

– Я тебе дам, напрокат, – сказал гоблин.

Глиргвай в ответ посмотрела на него так, что он смущенно усмехнулся и направился к сараю**,** от которого тепло пахло сеном. Некоторое время Магнус возился там, чем-то загадочно побрякивая. Глиргвай не пошла за ним. И по теплому мерцанию, наполнившему ауру гоблина, эльфка поняла, что поступила правильно. Во время войны в сараях могут храниться самые разные вещи, не предназначенные для взглядов чужаков. За пустым бочонком и упряжью, которую давно надо починить, вполне могут оказаться ящики с наконечниками для стрел. Таверна гоблина была местом, где самые заклятые враги были вынуждены придерживаться нейтралитета. Но цена независимости и права не примыкать ни к кому всегда очень высока.

Коньки у Магнуса оказались дорогие, с острыми, как лезвие кинжалов, стальными полозьями. Поначалу привыкшая к деревянным конькам Глиргвай не могла на них удержаться. Мысль о том, что сейчас кто-нибудь придет посмотреть на ее упражнения и, не дай Мелькор, захочет присоединиться, познакомиться и пофлиртовать с молоденькой эльфкой, помочь правильно стоять на льду, только добавляла неуклюжести. Но никто не приходил. Глиргвай для разминки проехалась несколько раз вокруг озера, потом попробовала простенький пируэт. Потом пируэт с подскоком. «Бой – это танец, хотя это избитая истина», говорила Маха юной партизанке, когда обучала ее фехтованию. – «А самые лучшие танцы – это танцы на льду. Если ты научишься танцевать на льду, то и драться на мечах ты будешь просто отлично».

И как ни странно, сейчас это воспоминание не вызвало у эльфки горечи и боли. Глиргвай кружилась, позабыв о глазах, которые, возможно, жадно наблюдали за ней из окон таверны. О том, что кто-то может пройти. Она не замечала гоблина, который ходил подбросить дров в баню.

И сейчас она танцевала на льду, но не жалела о том, что не взяла с собой меча.

Когда партизаны уже разошлись по номерам, Ваниэль связалась с ней телепатически и сказала, что Рингрин предварительно согласен. С Тирбеном принцесса тоже договорилась – Разрушитель отпускал Глиргвай, не требуя больше никакой оплаты. Завтра Глиргвай вместе с Кулумитом должна будет телепортироваться в лагерь Ежей под Келенбороностом. Рингрин, как пояснила принцесса, еще не сказал твердого «да» – окончательное решение,

кого брать в отряд, а кого нет, оставалось за Лайтондом. Но Глиргвай, несмотря на все, что ей довелось пережить, находилась в том счастливом возрасте, когда о мысль о том, что Верховный маг Фейре может ей отказать, попросту не пришла в голову эльфке.

Иногда даже воины танцуют от радости – и только ради удовольствия.

За стойкой никого не оказалось. Марфор окинул задумчивым взглядом общий зал таверны, где завтракали трое купцов, торопящихся в дорогу. Ни официантки, ни хозяйки он здесь, однако, не обнаружил. Эльф решил заглянуть в кухню. На плите яростно шкворчала яичница с ломтиками ветчины. На столе стояла доска с нарезанным луком. В дальнем конце кухни Марфор увидел открытую дверь, из которой тянуло прохладой. Хозяйка, очевидно, спустилась в погреб за сметаной или чем-нибудь еще. Эльф заколебался. Можно было подождать Морану здесь; но судя по тому, что яичница уже начала подгорать, хозяйка ушла в погреб давно. А если она там поскользнулась и упала, ударилась в темноте обо что-нибудь и теперь лежит без сознания?

Марфор снял сковородку с плиты, оставил на столе и шагнул во мрак. Сразу за дверью начинались ступеньки, по которым эльф осторожно спустился, пробуя каждую ногой. В погребе было темно. Справа за бочками мерцал огонек магического светильника. Эльф двинулся туда, больно ушиб ногу о стойку для бочек, которую не заметил в темноте, но сдержал готовые слететь с губ ругательства.

На ящиках за бочками сидела кудрявая хрупкая блондинка – Морана, хозяйка таверны. Она совсем не походила на темную эльфку, но была, тем не менее, богиней Железного Леса. И это никак не укладывалось в голове Марфора. Боги тэлери никогда не жили со своими подопечными. Прижимая к груди какие-то банки, в которых скользко поблескивали то ли грибы, то ли огурцы, богиня горько плакала. Она всхлипывала почти беззвучно.

Марфор ощутил, как слёзы, загнанные внутрь, но готовые пробиться наружу, словно река из-подо льда, вскипают у него на глазах. Он отступил назад, в темноту, не желая обнаружить себя и не желая подсматривать за чужим горем.

Ему хватало своего.

Морана подняла голову, и эльф понял, что она его видит. Марфор не смог не отметить, что богиня была прелестна даже сейчас, заплаканная и грустная. Эльф подошел к ней, опустился на колени, уткнулся лицом в захватанный передник и разрыдался так, как не плакал с самого детства.

Поднимаясь наверх, Глиргвай чувствовала, как сладко подрагивают мышцы икр. Эльфка готова была петь от наслаждения. К тому моменту, когда Магнус подошел к ней и вежливо осведомился, не желает ли она отобедать вместе со своими друзьями, которые ждут ее в общем зале, у нее даже сочинилось некое подобие песни. И теперь, отдав коньки гоблину, Глиргвай мчалась в свой номер, чтобы записать стихи. Вся поэзия темных эльфов была построена на аллитерации – приеме, который их северные родичи пренебрежительно называли «варварским» и «примитивным». Но Глиргвай так не считала. Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, она напевала себе под нос:

Гоняла гордо гросайдеч
Отряд Ежей, и лязгал меч,
И с плеч валилась голова
Увы! Напрасные слова;
Полезен опыт былых сеч
За химмельриттерами счет
Теперь уж там ковыль цветет…

В номере она развесила сушиться насквозь промокший свитер, торопливо перенесла стихи в записную книжку и причесалась. Задумчиво тронула рукой алое бархатное

покрывало на постели. Кожа ладони ощутила прохладную мягкость. Эльфка сунула книжицу в карман брюк. Глиргвай решила показать стихи Кулумиту. Рыжий эльф возможно, не очень-то разбирался в стихосложении, но он был не из тех, кто будет смеяться и корить за несоблюдение ритма.

Марфор подвинул свой кубок Моране. Хозяйка таверны наполнила его – в который раз с сегодняшнего утра. За спиной эльфа взметнулся и исчез шумный круговорот завтрака, и, позванивая ложками о тарелки, подкрадывалось время обеда. Марфору не надо было оборачиваться, чтобы знать – Кулумит сидит в дальнем конце зала, спокойный и терпеливый, как паук. Ожидающий, когда его Синергист окончательно напьется, потеряет волю и разум. Марфор слышал, как медленно текут мысли в голове Кулумита. Синергист Марфора не был темным эльфом, но он вырос в лесу и умел сидеть в засаде, неподвижно, терпеливо. Кулумит был искренне огорчен тем, что Ваниэль сбежала, но может быть, это и к лучшему? Когда Марфор опьянеет, его можно будет уговорить телепортироваться с ними с лагерь партизан. А там уже дело Лайтонда уломать его. Такой умелый охотник на драконов обязательно должен пойти на замок Морул Кера вместе с ними. И пусть любовь, и долг, и малопонятная этика, не дающая покоя Марфору, катятся ко всем Валарам.

Эльф отпил из кубка, задумчиво посмотрел на Морану.

Когда слезы у обоих иссякли, Марфор поцеловал богиню. У ее губ оказался вкус черники. Затем эльф поднял банки. Пока они рыдали, хозяйка таверны уронила их. Марфор двинулся к выходу из погреба. Морана последовала за ним. На свету стали видна надписи на банках – «*Порох с перчинкой* » на одной и «Ветчина со сметаной и луком по-гномовски» на другой. Хозяйка ходила в погреб за фирменными закусками.

Марфор положил банки на стол, заказал яичницу и бокал вина и вышел из кухни. Морана смотрела на него удивленно-недоверчиво. Она ожидала расспросов, и была даже готова ответить на них. Морана видела, как Ваниэль и Аласситрон завтракали вместе, после чего караван купца покинул таверну. Но не было ни вопросов, ни попыток утешить. Марфор сказал только, что просит включить в счет стоимость светильника и вазы с цветами, что стояли в его номере. Накормив постояльцев, Морана устроилась за стойкой. Марфор уже сидел там же, разделавшись с яичницей.

– Так ты богиня?

Морана молча кивнула.

– Я завидую темным эльфам. Наши боги никогда не жили с нами. Я, признаться, не очень-то верю в них, – произнес Марфор. – Присутствие живого бога должно очень подтягивать паству. Но… ты богиня чего? Что входит в твою компетенцию?

– Смерть, холод, зима, – сказала Морана. – И предвидение будущего.

Марфор помолчал.

– А ты можешь заглянуть в мое будущее? – спросил он. – Точнее… Ну, давай я тебе расскажу немного, и ты сама решишь.

– Попробуй, – согласилась Морана.

Она оперлась локтями о стойку и наклонилась к Марфору, удивительно похожая на девочку в такой позе. Эльф заглянул в ее зелено-синие глаза и ощутил легкое головокружение.

– Я наемник, – сказал Марфор. – Мастер на все руки, специалист по сложным поручениям. По невыполнимым даже. Сейчас меня… хотят нанять. А я не хочу наниматься.

– Почему?

– Я отвечу на твои вопросы, но, пожалуйста, сначала ответь на мой, – ответил эльф терпеливо. – Те, кто хочет меня нанять… они смогут сделать то, что хотят – без меня?

– Дай мне руку, – попросила хозяйка таверны.

Марфор выполнил ее просьбу. Морана закрыла глаза.

– Да, это моей специальности, – пробормотала она. – Смерть… много огня… и…

Она вздрогнула и глянула на Марфора в упор.

– Твои друзья перевернут всю Мандру, – сказала хозяйка таверны. – Они сделают то, что доступно разве что богам. Если ты не пойдешь с ними сейчас, день, когда тебе придется остановить ревущий вал судьбы, для тебя все равно наступит. Вот тогда отступать будет нельзя. Если ты дрогнешь, то потеряешь все. Если устоишь – то вернешь многое, что потерял. Но то, что вернется, будет уже иным.

– Что же, спасибо, – сказал Марфор. – Я тебе что-нибудь должен за предсказание?

– Расскажи, почему ты плакал, – произнесла Морана.

– Я так и знал, – усмехнулся Марфор. – Хорошо. Я ненавижу слёзы, особенно женские. Слезами вы откупаетесь, когда совершаете подлости. Предавая, вы плачете и упрекаете того, кто предаете. Несомненно, это он виноват в том, что вы делаете.

Он помолчав и добавил:

– Если бы не Змееслав, я давно бы умер. А теперь он мертв, и я, значит, тоже… Происки Мелькора, если бы эта романтическая дура не полезла за мной в яму, Змееслав остался бы в живых! А я ведь просил ее!

Эльф приложился к кубку. Он совсем не чувствовал опьянения, словно воду пил, а не вино.

– Плача, вы забываете о том, что сделали, – продолжал Марфор. – Дорожки, прочерченные вашими слезами, собираясь в ручейки, и создают реку Беспамятную. А мне было…

Он на миг остановился, дернул щекой. Шрам шевельнулся – словно змея, пристроившаяся на лице эльфа, сладко потянулась. Марфор погладил шрам.

– В общем, я захотел попробовать ваш метод, – закончил эльф.

– И как? Помогло? – спросила Морана.

Судя по ее тону, она совсем не обиделась, и это удивило Марфора.

– Да нет, не очень, – сказал он. – Я чувствую себя опустошенным, как… как эльф, которого высосал вампир. Но боль не ушла.

Морана улыбнулась и заметила:

– Какое выпуклое сравнение. Тебе приходился сталкиваться с вампирами? Это был один из сложных случаев?

– Нет, – сказал Марфор. – Я думаю, что вампиры – это выдумки, как и суккубы.

Хозяйка таверны от души расхохоталась. Эльф смотрел на ее мелкие, блестящие и острые зубки, на морщинки, прорезавшиеся у глаз, и невольно улыбнулся тоже, хотя причин ее веселья не понимал.

– Может быть, тебе стоит излить свою боль в песне? Вдруг это поможет? – предложила Морана, отсмеявшись.

– Ну, я не поэт… – пожал плечами Марфор.

– А ты попробуй сыграть на созвучиях, – заметила Морана. – Это проще, чем искать рифмы.

Эльф опустил глаза. Рука Мораны, маленькая, белая, лежала на стойке. Чуть поблескивал зеленым камушком изящный перстенек. Марфор осторожно накрыл ее руку своей.

– А почему ты плакала? – спросил он.

– Моя сестра погибла, – ответила Морана. – И я устала от сочувствия, от необходимости сохранять лицо. Я устала говорить, что Маха была создана для войны и ее смерть была достойной воина. Что я горжусь ею, несмотря ни на что… Мне очень больно и пусто. И страшно. Война идет не только между смертными. Боги тоже сражаются. Нас, защитниц Железного Леса, было трое. Нашу старшую сестру дракон взял в плен сразу, как только началась война. Он заковал ее, убил ее мужа, и поэтому людям удалось захватить наш лес. Маха действительно была богиней войны… но теперь не стало и ее. А дракон все еще жив. И он не успокоится. Теперь мой черед драться, а я создана совсем не для этого. Я не боюсь гибели. Я боюсь того, что после моей смерти темные эльфы останутся без защиты – и проиграют.

– Сохранять лицо, – повторил Марфор задумчиво и провел рукой по шраму.

Эльф невесело усмехнулся.

– Мне об этом теперь думать поздно, – сказал он. – Что до твоей сестры, то ее, конечно, не вернешь… но разве, вы, боги, после смерти не встречаетесь где-нибудь? В тайном Валиноре?

– Встречаемся, – кивнула Морана.

– Ну вот, вы еще свидитесь, – произнес Марфор. – Надо только немного подождать.

– Да, ты умеешь утешить, – сказала хозяйка таверны.

– У тебя нет какого-нибудь инструмента, арфы или лютни? – спросил эльф. – Хочу последовать твоему совету.

Морана заглянула под стойку.

– Где же она… А, вот, – она извлекла оттуда арфу, которую местный бард оставил в залог.

Марфор тронул струны, прислушиваясь. Глянул в зал, уже больше чем наполовину наполненный постояльцами. Рядом с Кулумитом Марфор увидел Глиргвай. Эльфка энергично работала ложкой.

– Поиграть на созвучиях, говоришь, – повторил он в задумчивости.

– Ну да. Знаешь, что такое аллитерация?

– Знаю, – сказал Марфор.

Глиргвай не заметила, откуда в руках Марфора взялась арфа. Но когда он начал петь, подыгрывая себе протяжный, необычный мотивчик, эльфка выронила ложку. Горячий грибной суп плеснул ей на колени, но Глиргвай этого не почувствовала.

Лови, лови любовь, лови
Ты в ловле этой, в лете, в теле,
В летящей жизни колеи
В калёных кольцах старой ели
В пожарах, порах, кожей кость
Кострами мир, остры, как строки
Слова, надетые на ось
Земную, зимы одиноки
Все весны снами далеки
Все осени росой, слезами
За нами знаменем реки
Веками, каменные сани,
Места, стареющая месть
Мосты, холсты и кисти истин
На стенах теней сотни, есть
Стена, где вянут нити листьев
Сонаты и сонеты снов
И с новой весточки под утро
Тропинка вьется, колесо
Летит туда, где спит минута
Минует тьма, метель тепла
Плывут по улицам улики
Тех преступлений, что зима
Признает суммой всех религий
Великий бог бокалы смысла
Нам протянув, уйдет обратно
С плеча сорвалось коромысло
И разлилась вода, и мятный

Весенний вкус любови верной
Поймав губами облаков
Ты, перестав считать измены
Выходишь вдруг из дураков… [5]

Марфор отложил арфу. В общем залы таверны стояла потрясенная тишина. Глиргвай, нюхом почувствовав, что сейчас нужно делать, взяла лежавшую на столе шапку Кулумита и, кланяясь, начала обходить столики. Ей приходилось не раз делать это для Квендихен. Поток приношений, что сейчас хлынул в шапку, был гораздо гуще, чем во время самых удачных выступлений подруги. Золотых монет почти не было. Последнее время по империи ходили дрянные медные «пламенцы», с вычеканенным на них профилем дракона, по стоимости приравненные к полновесной гривне. Говорили, что в казначействе их даже можно обменять на золото. Но никто не был знаком с эльфом, которому это удалось. В шапку летели перстни, кольца, серебряные серьги и пряжки с полудрагоценными камнями.

– Вот это аллитерация! Прокатил нас по всему алфавиту, – сказала Морана. – Что ж, за «великого бога» спасибо. И за бокалы смысла – тоже.

– Меня часто упрекают в продажности, – произнес Марфор, глядя на идущую с шапкой Глиргвай. – Но почему вот так всегда – мои самые искренние порывы, кровь моей души превращается в деньги?

– Наверно, потому, что твоя кровь и душа очень вкусны, – ответила Морана и непроизвольно облизнулась. Но Марфор этого не заметил.

Глиргвай подошла и положила шапку на стойку рядом с эльфом. Под тяжестью наполнявших ее драгоценностей кожаная шапка, подбитая мехом, растянулась и потеряла форму. С другой стороны неслышно подошел Кулумит. Марфор подвинул шапку ему.

– Возьмите, в фонд освобождения Железного Леса, – сказал Марфор. – Вам нужно торопиться, вас ждут.

Он думал, что Кулумит все же предпримет последнюю попытку уговорить его. Но тот лишь усмехнулся.

– Я не дурак, и я слышал, о чем ты пел, – сказал рыжий эльф. – Кострами мир… В конце концов, это и правда не твоя война.

Кулумит рассовал содержимое шапки по карманам и обнял Марфора. Глиргвай тем временем вытащила из кармана записную книжку, вырвала из нее страничку, смяла, положила в стоявшую на стойке пепельницу и подожгла.

– Что это было? – спросила Морана с любопытством. – Любовное письмо? Их не стоит жечь, девонька. Когда-нибудь, в старости, ты разложишь их и перечитаешь…

– Нет, это не любовная записка, – со вздохом ответила Глиргвай. – А так, ерунда всякая.

– Бывай, Синергист, – сказал Кулумит.

Узы, которыми они связали себя, не потеряли бы сил на каком угодно расстоянии. Разорвать их могла теперь только смерть. Наклонившись, Марфор поцеловал Глиргвай в щечку.

– Береги себя, – сказал он.

– Постараюсь, – в своей всегдашней чуть угрюмой манере ответила та.

– Телепорт сейчас активен? – спросил Кулумит у хозяйки таверны.

Морана кивнула.

– Но вам правда стоит поспешить, – сказала она. – Надвигается буря, и тогда телепорт станет нестабилен.

– Я только вещи из комнаты заберу, – сказала Глиргвай.

---

[5] (с) Игорь Ефимов

– Я вас провожу, – сказал Марфор.

Морана проводила глазами его высокую, гибкую фигуру. Марфор, как он выразился, действительно «потерял лицо». Но о том, что вовсе не на этом держалось его обаяние, тэлери еще не догадался.

«Не в первый раз я вижу эльфа с вкусной кровью, который может поцеловать суккуба, ничего не боясь», подумала хозяйка таверны. – «Надеюсь, что и не в последний раз я встречаю смертного, который должен был родиться богом. Продавец Смеха пришел к смертным, улыбаясь кровавым полумесяцем навечно вырезанной улыбки, когда они забыли про него. Их порода улучшается, они скоро станут равны нам, богам… Но они пока еще не догадываются об этом».

ЭПИЛОГ

– Я умею драться на мечах и стрелять из лука, – сказала девушка.

Лайтонд прикрыл глаза веками. Он узнал голос.

Верховный маг Фейре успел привыкнуть к тому, что темные эльфы невысоки ростом, но эта партизанка была совершенно миниатюрной. Они с Рингрином обедали, когда Кулумит привел Глиргвай – девушку, которую Ваниэль порекомендовала взять в отряд драконоборцев. И сейчас, когда Лайтонд сидел, а девушка стояла перед ним, их глаза находились на одном уровне. От волчьего полушубка Глиргвай ощутимо пахло дымом – горьким, жирным дымом горящего селения. Верховный маг Фейре задумчиво глянул на ее лук из необычного, темно-коричневого дерева, который она прижимала к груди обеими руками. Узор на колчане показался Лайтонду старинным и странно знакомым. Вместо растительных мотивов в отделке преобладали изображения солнца, луны и звезд. Их любили рассыпать на своих творениях мастера из эльдар, к которым относился и он сам. Лайтонд не очень разбирался в этом виде оружия, но понимал, что девушку с таким луком возьмут без расспросов в любой из партизанских отрядов.

Правда, не так уж много их осталось в Железном Лесу после прошлого Мидинваэрна…

Меч Глиргвай заинтересовал Верховного мага Фейре еще больше. Лайтонд, в отличие от большинства своих сородичей, предпочитавших убийство на расстоянии, при помощи стрел или магии, умел и любил драться на мечах. Он аккуратно облизал ложку и отложил ее.

– Ты позволишь? – спросил Лайтонд, показывая на меч.

Эльфка неохотно кивнула. Лайтонд поднялся – теперь девушка едва доходила ему до локтя. Глиргвай, насупившись – ее явно напугала такая разница в размерах – протянула ему оружие рукоятью вперед. Лайтонд услышал мысль Глиргвай – «А он похож на Марфора». Лайтонд принял меч на ладони, поднес к лицу. В основном, не для того, чтобы рассмотреть, а чтобы закрыться мечом от взгляда партизанки. Хотя девушка думала о Марфоре без особых эмоций, просто отметила факт схожести Верховного мага Фейре и своего недавнего знакомого – не внешней, а какой-то внутренней, глубинной схожести – эта ее мысль кольнула Лайтонда подобно отравленному шипу ската. Он сам удивился тому, насколько ему стало неприятно, и ему было необходимо несколько мгновений, чтобы справиться с лицом.

«Что прошло, то прошло», подумал Лайтонд.

Меч оказался из мозаичной, слоистой стали, из-за чего на ней можно было различить непонятные знаки. Едва коснувшись оружия, Лайтонд понял, что меч ковался не для Глиргвай. Он был чуточку длинноват даже для него самого. Было совершенно очевидно, что оружие досталось партизанке по наследству от кого-то из убитых товарищей, на редкость высокорослого. Эльф вдруг ощутил, как сильно он истосковался по оружию за пятьдесят лет. С ним, конечно, всегда была флейта, но до того, как стать Музыкантом Смерти, Лайтонд был одним из лучших бойцов на мечах в обитаемом мире. В лагере его руки задубели от топора и пилы, которыми, при желании, можно было расчленить врага ничуть не хуже, чем мечом. Но когда в его руку скользнул меч – полоска стали, которой тоже можно было при желании срубить средних размеров деревце, – Лайтонда пронзила сладкая боль. Словно бы от его

руки оторвали половину, а теперь ампутированная конечность вернулась на место. Эльф сделал несколько выпадов.

Кулумит, стоявший позади девушки, вздрогнул и отступил на шаг – размер землянки не располагал к таким упражнениям. Но Глиргвай даже бровью не повела.

Несмотря на размер, сбалансирован меч был просто отлично.

– Неплохое оружие, – скупо обронил Лайтонд и вернул меч.

– Ну, это мы все умеем, – ответил тем временем Рингрин. – Что ты еще умеешь, Глиргвай?

– Еще, – Глиргвай запнулась. – Я умею стрелять из пулемета.

Было заметно, что пребывание под землей тяготит ее и пугает, но она старалась держаться независимо – и у нее это получалось. Лайтонд на миг задумался, а как же тогда выглядел лагерь Махи, что партизанка, ребенок, выросший на войне, чувствует себя неловко в землянке, которая должна быть ему родным домом. Но спрашивать не стал, не настолько он был бестактен.

Глиргвай, которой уже стало жарко в землянке, сняла шапку. Волосы у нее оказались обычные – черные, жесткие, вырезанные неровными клоками. «Всех Ежей придется постричь, прежде чем выводить на улицы Рабина», подумалось Лайтонду. – «Эта прическа изобличает их сильнее, чем если бы у каждого на шее висела табличка с надписью „Я – партизан“.

– Пулемета? – переспросил принц. – А, это вы так называете те волшебные катапульты, из которых были расстреляны гросайдечи над Эммин-ну-Фуин?

Девушка кивнула.

– У нас нет пулеметов, – признался Рингрин. – Что еще?

– Гм… Я немного играю на лютне, – ответила Глиргвай.

«И готов поклясться, она ни разу не надевала платья», вдруг подумал Лайтонд.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Мне исполнится двадцать весной, – Глиргвай взглянула на лица мужчин, сидевших перед ней, и вдруг поняла, что сейчас ей откажут. Вежливо извинятся, из отряда не выгонят, конечно, но и в замок Морул Кера с собой не возьмут.

– Между прочим, ваш отец был всего на восемь лет старше меня, когда одолел Разрушительницу Пчелу!!! – в отчаянии выдохнула Глиргвай.

Рингрин покосился на друга. Лицо Лайтонда было неподвижно, как у статуи, и прочесть что-нибудь по нему было решительно невозможно.

– Хорошо, мы подумаем, – сказал принц. – Подожди наверху.

– Но… – начала Глиргвай.

Рингрин сделал знак Кулумиту. Партизан крепко сжал плечо девушки. В следующий миг они исчезли. Рыжий эльф телепортировал и себя, и девушку прочь из командирской землянки.

Лайтонд сел, положил голову на руки. Светлые волосы рассыпались по столу. Рингрин ждал.

– Нам нужна женщина, и мы не можем взять мандреченку, – чуть кашлянув, сказал принц после паузы.

– Да, Глиргвай подходит нам лучше всего, – ответил Верховный маг Фейре. – Мы возьмем ее с собой.

– Тогда можно будет уже и выдвигаться, – кивнул принц. – Не стоит зря терять времени. Я Халлена оставлю старшим над отрядом, и двинем к телепорту вечерком, как солнце сядет.

Лайтонд повернулся так, что друг увидел светлый, блестящий глаз.

– Я чувствую себя детоубийцей, – негромко сказал Верховный маг Фейре.

– А мы давно такие и есть, – очень спокойно ответил Рингрин.

Лайтонд усмехнулся, выпрямился.

– Ты умеешь утешить…. Хорошо. Давай собираться. А двинемся уж лучше завтра. Я не

вижу в темноте, ты забыл. Телепорт далеко, а солнце скоро сядет. В баньке попаримся напоследок…

Принц темных эльфов облегченно улыбнулся и кивнул.

Часть вторая. Рабин

«Морул Кер, хоть огня выдыхать и не мог, но как и все линдвормы, нес в себе Чи Огня. Стихии и равнодушны к судьбам людей, но любовь Навы к Огню может привести только к одному – к разрушению и гибели Мандры, какие бы плюсы вначале не несла эта связь. Да и любовь эта не истинная, а вызванная магией Эрустима. На самом деле Нава прекрасно понимает это и очень несчастна. Слушая Дренадана, я вдруг вспомнил наш разговор с драконом…».

Лакгаэр Рабинский. «Беседы с Верховным магом Фейре».

ПРОЛОГ

День был солнечный и тихий, безветренный. Снежок искрился на солнце. Пар, валивший от морд лошадей, напоминал прозрачные шали из волшебного тергаля. За спинами княжеской дружины вздымалась к небесам громада Стены Мира, в предгорьях которой прятался замок Радомира. Сам Радомир, князь Медового края, был уже немолод и грузен. Но по тому, как он держался в седле, как цепко вглядывался в чернеющий за полями лес, чувствовалось, что большую часть жизни он провел в сечах, а не за стенами родного замка.

Начало зимы застало князя в Рабине, при дворе Черного Пламени. Хотя на побережье было гораздо теплее, чем здесь, в занесенных снегом лесах Нудайдола, Радомир предпочел не задерживаться в столице и вернулся домой с первой оказией. Родные уже и не надеялись его увидеть. Говаривали, что Черное Пламя не может позавтракать, если ступени эшафота сухие, а имена тех, кто пробуждал аппетит императора, не всегда становились известны даже палачу.

Своего любимого сына Игоря князь в замке не застал. Оказалось, что княжич еще не вернулся с полюдья. Переживать было рано. Отряды, собиравшие дань с принадлежавшей князю земли, появлялись дома ближе к весне. Но заныло родительское сердечко, не утерпел князь, поехал за сыном. Да и младшенький, Алекса, собиравший дань с восточной части княжества, уже прибыл в замок.

На западе Радомира встречали хмуро. Князь понял, что Игорь перегнул палку, не добрым властителем показал себя людям, а волком жадным, вымогателем и грабителем. Реки в самом северном из земель исконной Мандры княжестве текли совсем не медом. Жителям Медового края, чтобы добыть из земли хлеб да лен, а из леса медведя да лису, приходилось немало потрудиться. Сам Радомир в особо тяжелые годы иногда даже в полюдье не выезжал, берег людей своих.

В Волотовке княжую дружину не пустили в деревню. Сказали, что был здесь княжич Игорь, с месяц назад, на Коляду, собрал дань да поехал в соседнюю станицу, Пламенную. Эта станица была последним обитаемым местом в Медовом краю, дальше начиналась Гниловранская трясина. К полудню станицу княжьи люди увидели станицу. Бревенчатые домики, словно стадо огромных улиток, собрались на холме.

Проехав вперед по набитой санями дороге еще версты две, княжая дружина оказалась на перекрестке. Одна дорога сворачивала влево, к деревне, вторая, петляя, уходила назад, к лесу.

Между дорогами обнаружился кол, на который была насажена голова. Растрепанные волосы слиплись сосульками, их припорошило снежком, который безмятежно искрился на солнце. Кожа на лице стала от мороза сине-белой, как творог. Князь сначала не разобрал, что это сияет во рту головы, так больно глазам, а потом понял. Убитому перед смертью в рот

залили серебро, не поскупились. Судя по размерам драгоценной затычки, в станице лебеду пока что не ели.

Радомир слышал, как кто-то из дружины тихо ойкнул. Пролетел шепоток над воинами, и замерли люди, ожидая, во что выльется отцовское горе. Князь смотрел на мертвое лицо сына молча. Затем спрыгнул с коня, сошел с дороги, сразу по колено провалившись в снег, и двинулся к жуткому шесту.

– Постой, княже, – услышал Радомир голос своего мага, Терика.

Князь замер на месте. Терик тоже спешился, подошел к князю, остановился.

– Чары чую здесь, – изломанным голосом, таким, что услышь его в темноте – и не признал бы князь своего мага, сказал Терик. – Мощные чары… Осторожнее.

Выпускнику школы магов при Капище Всех Богов можно было верить. Радомир скосился на мага, увидел край его плаща, подбитый куницей.

– Что за чары? – спросил князь.

Терик поднял руки – неуверенно, осторожно. Движения его пальцев напомнили князю слепого, который ощупывает незнакомый предмет.

– Послание, – пробормотал он. – Сообщение для тебя… Поговори с ним, – шепнул маг. – Позови его.

Радомир откашлялся.

– Игорь, – негромко, но звучно произнес он.

Глаза мертвой головы открылись. Они были совершенно белыми, как две серебряные монеты. Серебряная ящерка выскользнула изо рта, сверкнула драгоценной шкуркой и исчезла в снегу.

– Папа, – хрипло произнесла голова.

Из матово-белых глаз покатились слёзы.

– Великий Ярило, да что же вы делаете! – завыла старостиха, цепляясь за стремя. – Нелюди вы, хуже сидхов! Сажать ведь будет нечего, с голоду помрем!

Игорь оттолкнул женщину ногой, вытянул плетью по спине. Она упала в грязь, завыла уже не по-бабьи – по-звериному. Плакали и другие бабы, хотя и не так громко, хныкали дети.

– Полно врать, – сказал княжич. – Скопидомы вы, это все знают. Гномовская кровь…. Небось в кубышках еще в два раза больше осталось, чем вы мне отдали. Нехорошо обманывать своего князя!

Княжич огляделся. Вокруг собрались, наверное, все женщины Пламенной – от мала до велика. А вот мужчин – никого, только малые пацанята. Сегодня, в Стынь-день, первый день сеченя, никого из крестьян и не должно было быть дома.

Сегодня был единственный день года, когда бродящие по болоту чудища – змеедеревья, реснисосны, дубокраки, даже сами близнещипцы – вспоминают, что когда-то были деревьями. И покуда по небу катится Хорс, стоят на том месте, где их застиг первый луч солнца. Хоть руби их, хоть жги – не шелохнутся до самой темноты. За сапоги из синей шкуры змеедерева столичные модницы отваливали без малого десять гривен, за мохнатую, теплую шаль из его щупалец – и того больше. Из длинных, тонких и гибких ресниц реснисосен мастера делали знатные стрелы, а на шишках настаивали знатный самогон. Волокнами коры, как следует вымоченными, укрепляли глиняные стены не хуже стальных прутьев. Колдуны покупали дубокраки прямо целиковыми бревнами – столько разных полезных ингредиентов содержали в себе эти неповоротливые чудовища.

Словом, сегодня был тот самый день, что весь год кормит.

Кроме станичников Пламенной, почти никто не мог воспользоваться милостью Хорса. Мало было нарубить змеедеревья и их собратьев – надо было успеть убраться с болота до темноты вместе с грузом. Даже дубокраки, поверженные, были не опаснее обычных дров.

Игорь отлично знал, что не встретит в Пламенной мужчин, потому и выбрал Стынь-день для того, чтобы явиться сюда. Из Волотовки дружине княжича пришлось убираться

несолоно хлебавши. Волотовцы сказали, что полюдье они отдадут только самому князю. У деревни оказался крепкий тын. За ним внушительно поблескивали сталью косы, вилы и топоры в руках мужиков. Да и местные девушки недаром носили рубахи с красными намышниками и пояски плели «дерганьем». Такой поясок носила сама Разрушительница Пчела. Ее деревня – Малые Пасеки – находилась еще севернее Пламенной. Хвала богам, теперь от той деревни не осталось и следа, но кровь – не водица. Северяне по праву считались самыми суровыми среди мандречен. В их лесах не смогли удержаться даже Звездные Рыцари. А княжичу Игорю было далеко до Звездного Рыцаря. Он стерпел обиду, но ему хотелось отыграться, потешить ретивое.

Выбегая на мороз, кто-то из станичниц успел накинуть ферязь или полушубок, а кто-то и нет. Взгляд Игоря зацепила девушка – высокая, стройная, в красном цапце из дорогой фланели. Толстая черная коса, украшенная алой лентой, лежала на груди. По черному сарафану были разбросаны красные петухи, по подолу шла алая шелковая обложка. В синих глазах девушки не было страха – а только холодный гнев.

Игорь улыбнулся.

И улыбка княжича была столь страшна в своей однозначности, что полная простоволосая женщина, стоявшая рядом с девушкой в черном сарафане, толкнула ее бок, что-то шепнула на ухо и выступила вперед, закрывая ее. «Мать», догадался Игорь.

– Уходите, – сказала женщина. – Больше ничего не осталось.

Девушка меж тем юркой лаской растворилась в толпе.

– Верю тебе, – сказал Игорь женщине ласково. – Эти глаза не могут лгать… Поехали, ребята!

Дружинники как раз закончили увязывать в тюки добычу – хвостики куниц и белок, зерно, ярко выкрашенные шкуры змеедеревьев, отрезы тканей. Мешочек с кунами, ногатами и гривнами приятно холодил бедро княжича.

Игорь хлестнул свою лошадь. Княжич с дружиной, взметая клубы снежной крошки, черным вихрем вылетели из деревни. В последний миг оруженосец Игоря прихватил с головы стоявшей у сломанных ворот женщины сороку, расшитую жемчугом.

Радомир глянул в сторону холма. Ворота Пламенной белели свежим тесом. И сейчас они медленно открывались, выпуская людей. Солнце играло на топорах в руках станичников. Сзади цокнули копыта.

– Может, поедем, княже? – неуверенно сказал кто-то.

Радомир обернулся. Из леса, разматываясь по снегу темной лентой, выходили люди. На этот раз не бабы, а высокие, могучие мужчины. В станице явно осел кто-то из бывших солдат. Простой крестьянин не смог бы догадаться создать ловушку столь простую и действенную.

– Поздно, – сказал князь.

Он повернулся к сыну.

– Но вы вернулись, – не спрашивая, а утверждая, сказал Радомир. – Зачем?

Голова скрипнула зубами в невыразимой муке.

– Очень мне ту черненькую хотелось отвалять… – глухо ответил мертвый княжич.

Радомир скривился. Выхватив плеть, он хлестнул ею по мертвому лицу, выбивая последние зубы. Они осыпались на снег кусочками сахара.

Игорь влетел на главную улицу станицы. На ней никого не было.

– Что попрятались? Выходите! – звучно крикнул княжич. – Любы вы мне, давайте веселиться!

Княжичу никто не ответил, Пламенная молчала. Но улица не была пуста, как показалось Игорю вначале. Чуть впереди он увидел высокую фигуру в черном плаще. На поясе горела серебром пряжка – то ли ящерица, то ли скорпион. Княжич не разобрал, да и некогда ему было. Человек отбросил с лица капюшон. С некоторым разочарованием Игорь

понял, что перед ним не та молодка в красном цапце, а старуха – седая, с коричневым от старости лицом.

– Уходи, – сказала старуха. – Порти девок в своем замке. Твои дружки не войдут сюда больше. А ты, если войдешь, уже не выйдешь…

Засмеялся княжич, поскакал на безумную старуху, вытаскивая из ножен сабельку. Услышал, что цокают по улице подковы только одного коня – его собственного, испугался, да поздно было. Вспыхнул белый свет тьмой перед глазами Игоря, ожег болью. Не помня как, очутился он на дороге перед старухой, и понял, что будет сейчас с ним самое страшное, чего и представить-то не невозможно. Игорь оглянулся, ища своих дружинников. Но на дороге лежали только тюки с данью, да завивался меж домов черный пепел узким смерчем. Княжич вдруг ощутил запах. Мирный запах жареной говядины. Но Игорь понял, что это пахнет. Холодная змея страха, распрямившись в животе, согнула княжича, затрясла как в лихорадке.

– Вася, – услышал он голос старухи.

Княжич поднял глаза от черной пыли, разметавшейся по дороге. Игорь увидел широкого, как медведь, мужчину. По покрасневшим глазам и могучим, как лапы дубокрака, рукам, княжич узнал кузнеца. Да и никто, кроме подручного Огненного Ящера, не остался бы в деревне в Стынь-день. Рядом с ним стояла та самая девка в черном сарафане. Оба оказались обладателями крупных, резких черт лица истинных мандречен, никогда не мешавших свою кровь с эльфийской.

Старуха сказала:

– Разжигай горн.

Сорвав с груди украшение, она кинула его в руки кузнецу. Тот поймал – в последний момент, ловким, привычным движением.

– Гости наши до серебра охочи, – произнесла старуха. – Попотчуем же на славу!

– Нет! – закричал Игорь. – Неееет!

Он вскочил и бегом бросился к воротам. Неведомая сила подкосила ноги княжича, и он рухнул прямо в черную пыль. Она забила ноздри Игорю и полезла в горло.

– Как скажешь, Кертель, – ответил Василий. – Да только… Радомир хороший князь. Он же не виноват, что жена его ублюдка нагуляла…

Игорю было уже не до того, чтобы оскорбиться; надежда вспыхнула в нем. Книжич подался вперед, пытаясь сесть. Голосом спокойным и низким, напоминающим удар молотка, которым вколачивают в гроб последний гвоздь, колдунья произнесла:

– Я поговорю с Радомиром. Разжигай горн.

Когда синеглазая дочь кузнеца поднесла к его губам тигль с расплавленным серебром, Игорь выгнулся и страшно закричал, но Василий крепко держал княжича.

Последним, что увидел Игорь, были алые петухи на черном фоне.

Когда голова Игоря закончила рассказ, князь ударил сына плетью по лицу еще раз. Как будто это могло что-то изменить. Голова заплакала. Алые, почти черные слезы капали на снег, пачкая его.

– Дитя надо пороть, когда оно лежит поперек кровати, а не когда уже висит на столбе, – услышал Радомир суховатый, но приятный голос.

Оборачиваясь, князь уже знал, кого сейчас увидит. «Да уж», подумал князь. – «Кто бы мог подумать! В этой глуши нарваться на могучую некромантку, или даже на Разрушительницу… Сколько раз сюда ездил – даже не знал, что у них колдунья есть».

Вряд ли стоявшая во главе станичников старуха в черном плаще, перетянутом поясом с пряжкой в виде ящерицы, действительно была Разрушительницей. Бунт Детей Волоса был так давно, что сейчас все они пировали в чертогах своего отца. Но того, что деревенская колдунья окажется жрицей Ящера, предугадать было нельзя.

И в этом, по мнению Радомира, и заключалась самая большая ошибка Игоря.

Радомир никогда не рисковал, кидаясь в неизведанное очертя голову. Князь коротко

покосился на Терика. Маг чуть заметно отрицательно качнул головой.

Станичники Пламенной уже окружили дружину князя. Радомир глядел на крестьян – высокие, крепкие. Изящных сидхов в родословной здесь точно ни у кого не было – но, возможно, попадались лешие или близнещипцы. «Это не хиляки из Черногории», подумал князь. – «Это люди Нудайдола. Те, кто остановил сидхов. Те, кто их потом выгнал. Как хорошо, что их осталось мало.

И в то же время – жаль, что их теперь так немного.

Кто теперь будет воевать, случись что?».

Князь снял с шеи тяжелую серебряную цепь, протянул старухе.

– Не побрезгуй моим даром, Кертель, – сказал он. – И прости мое дитя неразумное. Прости ту обиду, что он вам нанес.

Колдунья хмыкнула.

– Почаще тебе надо было его в столицу брать, – сказала она. – У такого мудрого воина, что сумел выжить при дворе Черного Пламени, не может быть глупых детей. Твоему сыну надо было лишь маленько пообтесаться, присмотреться…

Старуха взяла цепь, и на краткий миг их руки соприкоснулись. Ладонь колдуньи оказалась горячей, как у молодой девушки.

Радомир глянул прямо в глаза колдуньи и добавил, уже гораздо тише:

– Позволь мне забрать Игоря.

Кертель махнула рукой:

– Послание он передал в точности. Нам теперь говорящие головы перед станицей ни к чему. Бери.

Радомир снял голову с кола, положил в приседельную сумку. Сельчане расступились, выпуская дружину. Когда отряд всадников скрылся в снежной пыли, Василий спросил:

– Что нам теперь делать, Кертель?

Старуха повела плечом.

– Живите, как жили.

Посмотрела прямо в лицо кузнецу своими выцветшими от времени глазами и добавила:

– Сделай своей дочери Коруне меч по руке.

Кузнец помрачнел и почтительно поклонился.

I

Несмотря на то, что Рабин является самой южной точкой империи мандречен, снег здесь иногда выпадает. Он не держится больше двух-трех дней и умирает под теплым дыханием моря. Но в Черных горах, у подножия которых и приютилась столица, снег появляется в середине октября и лежит иногда до самого лета. И маленькая ложбинка на полпути между Рабином и Лабацем в тот тихий зимний день была занесена снегом так, что из-под него не было видно даже поломанного дерева. Торчал лишь пенек – на четверть, не больше [6], и еще четверть находилась под снегом.

Снег тихо искрился на солнце. Скалы, облитые светом, словно палочка расплавленным сахаром, блестели, словно леденец. Впрочем, восхититься этой красотой могла бы разве что белка, сидевшая на пеньке. Однако она и думала этим заниматься, у нее было занятие поважнее. Все ее мысли были направлены на то, чтобы разгрызть орех, который белка нечаянно нашла в одной из хоронушек, сделанных осенью и благополучно забытой. Сдержанную радость по поводу находки зверушка уже пережила. Белка безуспешно пробовала твердую скорлупу на зуб.

В небе над зверьком засияла желтая звезда. Ее широкие лучи, похожие на лепестки волшебного цветка, дрожали, словно под ветром, хотя в долине не чувствовалось ни

---

[6] Около 20 см

дуновения. Белка подняла голову. Мощных вибраций Чи не ощутил только труп, лежавший в долине с осени.

Из звезды вывалилась Глиргвай и приземлилась рядом с пеньком. Она провалилась в снег по колено. Колчан и зачехленный лук так сильно стукнули ее по спине, что эльфке пришлось сделать несколько торопливых шажков вперед, чтобы не упасть. Голова у неожиданной гостьи кружилась, колени противно дрожали, ее подташнивало. Глиргвай приходилось пользоваться телепортом далеко не в первый раз, но впервые ее перебросило на столь большое расстояние. Лайтонд опасался, что мощности старенького портала не хватит на пятерых. Рингрин предложил перебросить сначала самых тяжелых – Лайтонда и Кулумита. Верховный маг Фейре возразил: «Да, но вы с Зигфридом и Глиргвай тогда не сможете телепортироваться. А я всегда что-нибудь придумаю».

Обведя ошарашенным взглядом долину, Глирвай увидела зверька.

– Ух ты… белка, – пробормотала девушка.

Эльфка протянула руку и взяла зверька. Белка не сопротивлялась. Она уже ничего не почувствовала.

Звезда, поблекшая после того, как выплюнула Глиргвай, вновь налилась светом, запульсировала. Из нее появился мужчина, темноглазый, коротко стриженный. Цвет его волос был крайне необычным – соломенно-желтые на затылке, с черными подпалинами на висках и надо лбом.

– Зигфрид, смотри, белка! – сказала девушка, показывая зверька новоприбывшему. – Совсем ручная, не боится!

Мужчина обернулся и увидел, как белка падает с руки девушки на снег. Убегать зверек не собирался по той причине, что вот уже минуту как был мертв. От испуга ли разорвалось крохотное сердечко белки, или причиной остановки мышцы послужил мощный веерообразный выброс магической энергии при телепортации, осталось неизвестным. Зигфрид критически глянул на распростертое на снегу тельце, на бессильно раскинутые лапки, из которых выкатился орех, на пушистый хвост.

– Молодец, Глиргвай, – сказал оборотень. – Уже и поесть нам добыла?

Глиргвай изумленно посмотрела на тушку. Убивать одним прикосновением ей еще не доводилось.

На снег рядом с Зигфридом легла гротескная тень – телепорт снова заработал. Оборотень ловко отпрыгнул в сторону, и как раз вовремя. Рядом с ним плюхнулся в снег Кулумит, взлохмаченный и бледный.

– Ну как ты? – осведомился Зигфрид.

Эльф смущенно улыбнулся, отвернулся и опорожнил желудок. Глиргвай взглянула на небо, и ей стало совсем плохо. Звезда в небесах исчезла. Как и предполагал Лайтонд, старенький портал, исчерпав свои возможности, разорвал связь.

Рингрин озадаченно посмотрел на мертвое, потухшее керамическое яйцо телепорта. Оно было любовно встроено и подогнано под размеры дупла в выгнившем изнутри стволе. Принц ощутил весь тот ужас, что обрушился на Кулумита, Зигфрида и Глиргвай. Они оказались в далеких заснеженных горах без денег, знания местности и руководства. Больший ужас принц испытал в тот миг, когда вместо всадника на гросайдечи увидел огромную рысь. «Давно надо было улучшить портал», подумал принц. – «И маги ведь были, некромантов тоже этому учат…». Он перевел взгляд на Лайтонда, опасаясь услышать от него тот же самый – и весьма справедливый – упрек.

Верховный маг Фейре сидел на корточках рядом с толстой жилой уходившего в землю корня и задумчиво ощупывал его. Разгуливать по улицам Рабина в полушубке воспитуемого не стоило, и партизаны выделили Лайтонду куртку Марфора. Куртка пришлась Лайтонду как раз впору. Бахрома, свисавшая с рукавов, терлась о корень с тихим шуршанием. Лицо мага было спокойным и даже как бы немного сонным. Над корнем заструилось, оплетая его, слабенькое розовое свечение, а потом погасло совсем. Рингрин смотрел на старый,

потрескавшийся, побелевший от времени корень и видел почерневшие лица друзей, болтающихся на виселице. Видение было на редкость отчетливым. Принц увидел даже босые ноги Кулумита. Его сапоги, надо думать, пришлись палачу впору. Со связанных рук Глиргвай свисал длинный конец веревки. Его поленились обрезать, а пеньковый цех в Рабине не испытывал недостатка в сырье.

Лайтонд еще раз провел рукой по корню, словно лаская.

– Есть, – удовлетворенно сказал он и выпрямился. – Полезай в кабину.

Над корнем дрожал, наливаясь силой, магический кокон – черный, как вуаль вдовы. В нем проскакивали серебристые колючие зигзаги. Принц темных эльфов забрался внутрь керамического яйца. Лайтонд втиснулся вслед за ним.

Тень от ели перед входом перечеркнула долину. Солнечный свет угасал.

В пещеру ввалился Кулумит, тяжело дыша, и сбросил со спины охапку валежника. Зигфрид отметил про себя, что у хозяйственного эльфа нашлась с собой даже веревка, чтобы ее перевязать.

Когда звезда телепорта погасла, оборотень понял, что остался старшим по званию в тройке, и командовать теперь придется ему. Глиргвай и Кулумит покинули свою родину впервые и опыта действий в незнакомой обстановке не имели. Пока эльфы пялились в пустые небеса, Зигфрид ментально просканировал местность и обнаружил пещеру метрах в восьмидесяти южнее. Туда он и решительно повел свой маленький отряд. С места высадки следовало убраться как можно быстрее. Если бы в окрестностях случайно оказался маг, только очень ленивый не заглянул бы выяснить, что было причиной столь мощных колебаний эфира. К счастью, из долины, в которой оказались партизаны, был проход в нужном направлении. Пещеру они нашли не сразу. Вход в нее был загораживала огромная ель. Это было на руку партизанам, как и то, что вход в пещеру оказался небольшим. Медведь в него точно не пролез бы.

Не стоило терять надежды, что Лайтонд и Рингрин все-таки сумеют добраться до Рабина. «Не сегодня, так завтра», рассудительно сказал оборотень. Темные эльфы, совершенно подавленные своей первой вылазкой за пределы Железного Леса, растерянно покивали головами. Зигфрид отправил Глиргвай смотреть за небом. Эльфку ободрило привычное занятие. Девушка ловко забралась на ель и сидела там, уютно устроившись среди мохнатых веток. Кулумита, как самого похожего на местных жителей, Зигфрид послал собирать валежник. Сам оборотень исследовал пещеру, насколько смог, и убедился, что она огромна и изобилует ответвлениями. Таким образом, место не подходило на роль постоянного лагеря. Но на первое время проблема пристанища была решена.

– Надо было лыжи взять, – отдышавшись, сказал Кулумит.

Рыжий эльф принялся счищать снег со штанов.

– И чтобы мы с ними делали? – поинтересовался Зигфрид.

– Ходили бы, – ответил рыжий эльф. – А потом продали бы в городе…

– О да, – заметил оборотень. – Я думаю, что люди из охранных отрядов императора очень заинтересовались бы, узнав, что по рынку столицы ходят темные эльфы и продают лыжи. Первое, о чем нас спросили бы на допросе: «Вы на этих лыжах прямо из Железного Леса и шли?»

Обиженный Кулумит засопел, но спорить с Зигфридом не стал. Бывший химмельриттер был прав.

– Разводи огонь, – сказал Зигфрид. – Давай сделаем ужин.

Мешок с припасами был на Кулумите в момент телепортации. Сейчас он лежал на полу рядом с оборотнем. Эльф присел и стал возиться с завязками. Вскоре из мешка появились котелок, банки с яркими этикетками и коробочки со специями.

Рингрин зажмурился, чтобы вспышка не полоснула ему по глазам. Но вспышки в этот раз не было. Эльфы погрузились во мрак, плотный, осязаемый, и до отвращения живой.

Когда тьма отступила, принц темных эльфов открыл глаза. Рингрин с невыразимым удивлением уставился на мужчину с кнутом и книгой. Тот сурово взирал на эльфов с мастерски сработанной стелы. За мужчиной был виден забор, верх которого украшали черепа. Лайтонд обнаружился рядом, и это несколько успокоило принца. Верховный маг Фейре по локоть засунул руки в гудящее от напряжения, сияющее чернотой веретено из Цин. По размерам оно едва ли не превосходило его самого. Судя по частоте вспышек, Лайтонд раскручивал веретно.

– Где мы? – спросил Рингрин.

Принц сообразил, что у Лайтонда не хватило сил метнуть их обоих прямо в Рабин. Верховный маг Фейре дотянул себя и друга до ближайшего известного ему телепорта, чтобы воспользоваться его энергией для дальнейшего путешествия.

– Это воспитательный лагерь, – ответил Лайтонд.

Прежде чем принц успел что-нибудь ответить, по ушам его словно ударили бархатной подушкой. Мир снова скрылся в черноте. Ее прорезали всполохи бледных, как ниточки грибницы, вспышек.

Глиргвай облизала ложку. Костерок чуть потрескивал, на углях парил котелок с чаем, а живот уютно молчал. Жизнь была прекрасна. Тени, прячущиеся по углам их убежища, меньше всего могли смутить эльфку, прожившую в пещере большую часть жизни.

– Здорово, Кулумит, очень вкусно, – сказала Глиргвай.

– Да ничего… Еще хочешь? – ответил тот.

Девушка отрицательно помотала головой.

– А ты почему ничего не ешь, Зиг? – спросила она.

– Припасов у нас не так много. А я ночью схожу поохочусь, если сильно проголодаюсь. Хоть мышь, да добуду, – отшутился тот.

Кулумит побледнел. Эльфка с любопытством посмотрела на Загфрида. Кто-то из партизан сказал ей, что он оборотень. Но подумать о практическом значении этой особенности ее нового соратника Глиргвай еще не успела.

– А можно спросить? – произнесла она, колеблясь.

Возможно, вопрос, который она вертелся у нее на языке, считался у оборотней неприличным или оскорбительным.

– Попробуй, – кивнул Зигфрид.

– Каким зверем ты становишься?

В глазах оборотня метнулись шальные искры.

– Я превращаюсь в большого ласкового кота, – мягко, нараспев ответил он.

Кулумит поперхнулся и чуть не выронил ложку. Глиргвай поняла, что Зигфрид с ней заигрывает. От неожиданности она растерялась. Оборотень был хорошо сложен, остроумен и решителен. Пожалуй, Зигфрид нравился эльфке. Но у Глиргвай сейчас не хватало душевных сил желать кого бы то ни было.

Неловкую паузу разрушил Кулумит.

– Он становится рысью, только с длинным хвостом, – сказал рыжий эльф.

Кулумит желал поскорее положить конец этому неприятному для него разговору. Он видел Зигфрида в звериной ипостаси. Ему хотелось бы забыть об этом, но он не мог.

– И когда я его видел, он был совсем неласков, – заключил рыжий эльф.

Оборотень совершенно по-кошачьи фыркнул от удовольствия.

– На нашем языке эта рысь с длинным хвостом называется Tatzel, – пояснил он.

Глиргвай воспользовалась передышкой и сообразила, как можно отыграть ситуацию.

– Мне всегда нравились рыси, – с задумчивой мечтательностью в голосе произнесла девушка.

Зигфрид посмотрел на Глиргвай – спокойно и очень внимательно. Эльфка мягко улыбнулась ему. Она чувствовала, что он ждет телепатеммы, какого-нибудь знака… «Не так быстро», передала Глиргвай. – «Скоро только кошки родятся». Оборотень засмеялся –

беззвучно, только плечи затряслись. Он чуть кивнул, в знак того, что понял и не возражает.

– Мне кажется, или к нам кто-то идет? – озабоченно спросил Кулумит, которому все происходящее жутко не нравилось. Он симпатизировал Глиргвай – без всякой личной заинтересованности, как младшей сестренке – и совсем не хотел, чтобы она сошлась с этим чудовищем в облике человека.

Оборотень перевел взгляд на выход из пещеры.

– Да, – сказал он. – Я чую. Они скоро будут здесь.

Глиргвай посерьезнела, отложила пустую миску и подтянула к себе лук.

Зигфрид прищурился.

– Сделаем так, – сказал он негромко.

Рингрин приземлился на снег. Захрустел наст, ломаясь. Вокруг по-прежнему было темно, но это была другая темнота. Не мрак бездонной пропасти небытия, а серая тряпочка ночи, наброшенной на горы.

– Лайтонд? – спросил он неуверенно.

– Я здесь, – откликнулся друг.

Сугроб рядом с Рингрином зашевелился, и из него выбрался Лайтонд. Теперь предстояло найти остальных партизан. «Если их уже не нашел мандреченский патруль», подумал Рингрин. У принца неприятно кольнуло в бок от этой мысли.

– Где же наши, – пробормотал Рингрин, осматриваясь.

Ментально просканировать местность он не мог, это выходило за границы его возможностей как мага. Среди темных эльфов редко рождались сильные волшебники.

– Ты нашел что-нибудь, Лайтонд?

– Да, тут чей-то труп.

– Козни Илу, – выдохнул принц.

– Да это не из наших. Он старый, под снегом.

Рингрин облегченно вздохнул.

– А, вот они где, – сказал Лайтонд и уверенно двинулся вперед.

– Ты же говорил, что не видишь в темноте, – пробормотал Рингрин, следуя за ним.

– Честно говоря, магу седьмого класса глаза не нужны, – признался друг. – Мне просто не хотелось прыгать неизвестно куда на ночь глядя.

Первым, что увидел Лайтонд, когда вошел в пещеру, был прищуренный глаз Глиргвай и раздвоенный наконечник стрелы, нацеленной ему прямо в лицо. Жизнь в воспитательном лагере формирует железные рефлексы. Верховный маг Фейре тут же поднял руки. Рингрин тоже, однако пробормотал:

– Глира, ты что, это же мы.

– Но Зигфрид сказал, что… – произнесла эльфка, удивленная не меньше их, и опустила лук.

– Я чуял, что кто-то идет, но не знал, кто, – оправдываясь, пояснил оборотень.

Однако в глазах его плясало темное пламя. Рингрин понял, что химмельриттер ничего не забыл.

Ни стрел, торчащих из спины друга.

Ни душераздираздирающего крика своего начальника – «Беги!»

Ни рева умирающих гросайдечей.

Глиргвай покосилась на Зигфрида. Эльфка не знала, что сидит рядом с бывшим химмельриттером, в суматохе отъезда никто не рассказал ей об этом. Но Глиргвай, уже начавшая немного разбираться в его характере, тоже подозревала, что он устроил эту штуку нарочно. «Такой уж юмор у оборотня – незатейливый, как коровьи лепешки», решила она.

У темных эльфов не принято шумное выражение чувств.

– На тебя можно оставить отряд, как я посмотрю, – сказал Рингрин Зигфриду. – Когда все кончится, пойдешь к нам? Я тебе отряд дам. Бойцов много, а командовать теперь некому.

– Если все пройдет как надо, – ответил оборотень. – Тебе больше не придется партизанить. Но за предложение благодарю.

Кулумит сказал новоприбывшим:

– Доставайте миски.

Лайтонда не надо было просить дважды. Стряпня рыжего эльфа по вкусу отличалась от лагерной еды так же, как бланманже от кухонной замазки. Но прежде чем запустить ложку в аппетитно пахнущую картошку с тушенкой, Верховный маг Фейре вычаровал магический шар и попросил:

– Глиргвай, пройди вдоль левой стены пещеры. Заглядывай во все боковые коридоры, какие тебе попадутся.

«Самую молодую нашли», мрачно подумала эльфка и поднялась на ноги. Шар плыл над ее головой, пока она двигалась вдоль стены. Небольшое ответвление пещеры, по размерам сравнимое с комнатой Глиргвай в Доме, нашлось через десяток шагов, о чем она и сообщила. Голос ее, искаженный низкими сводами, показался ей самой жутким и незнакомым. Лайтонд осведомился:

– А там на стене ничего не нарисовано?

– Нарисовано, – сообщила эльфка.

– Синим цветом?

– Да, – ответила Глиргвай обрадованно.

Воспитание в партизанском отряде способствует раскрепощенности речи, но даже выросшую на привалах эльфку смутила перспектива орать слово «х*й» на всю пещеру.

– Все ясно, – ответил Лайтонд. – Я это место знаю. Ночевать будем там!

Пока партизаны перетаскивали немудреные пожитки, Глиргвай разглядывала рисунок. В свете магического шара был отчетливо виден мужской член размером с ее руку. Над членом красовались драконьи крылышки. Под изображением находилась поблекшая, выцветшая от времени надпись веселой синей краской:

ТУ-154

– Что это? – спросила Глиргвай.

– Член с крылышками, – мельком глянув на стену, ответил Зигфрид.

Ответ оборотня не удовлетворил эльфку.

– Да, но что это значит? – осведомилась девушка.

Она повернулась к остальным. Кулумит и Зигфрид раскатывали одеяла, устраивая лежанку, Лайтонд с сосредоточенным лицом размахивал руками. В пещере было чуть теплее, чем снаружи, но все же слишком холодно, чтобы заснуть. Верховный маг Фейре уже поставил на выходе в главный зал магический щит, удерживающий тепло. Теперь он прогревал камни, на которых предстояло ночевать компании.

– Не знаю, – признался Лайтонд.

Он бросил заклинание и стряхнул кисти рук, чтобы набраться сил для следующего.

– Когда я шел на Рабин с Танцорами Смерти, мы некоторое время ждали здесь отставший отряд, – продолжал Верховный маг Фейре. – В том, большом зале. Картинка тут была еще тогда. Я и хотел снова в этой пещере остановиться. Думал, не найдем, место здесь не очень приметное. Эта пещерка глухая, у нас в ней был склад. А следующим коридором можно выйти к набережной Зеленого Мыса.

Глиргвай попробовала представить себе таинственных Танцоров Смерти, о которых ей доводилось слышать и раньше. Как воины ходили по этой пещере, в сине-черных повязках на голове, с двумя мечами на поясе. Отливали, небось, у дальней стены, смеялись у костра и пели свои горские песни. А в один прекрасный день они ушли **следующим коридором** в Рабин, и никто из них – никогда – больше не вернулся в родную Экну. После бунта выжил только Лайтонд. От этой мысли Глиргвай стало не по себе. Лайтонд снова был здесь…

– Наверное, это весточка, которую нам через века передали наши дикие предки, –

предположил Зигфрид.

– Это земля мандречен. А эти дикие предки знали наш алфавит и экенские цифры, – мрачно возразила Глиргвай.

– Какая разница, – заметил Кулумит. – Давайте ложиться спать.

И первым юркнул под одеяло. Глиргвай пристроилась к нему под бочок, поскольку была знакома с рыжим эльфом дольше всех – три последних дня. Рядом с эльфкой оказался Зигфрид.

– А мы тебя хотели к себе взять, – сказал Рингрин, обращаясь к девушке. – Ты же самое ценное, что есть в нашем отряде.

Зигфрид приподнялся, чтобы поменяться местами с Глиргвай.

– Да ладно, Рин, – сказал Лайтонд. – Если ей так удобнее, пусть.

Эльфка облегченно вздохнула. Оборотень, ворча, опять улегся. Затем к ним присоединились Рингрин. Лайтонду досталось место у самого края лежанки. Некоторое время партизаны ворочались, деля одеяла.

– Лайтонд? – услышал он голосок Глиргвай.

– Да?

Эльфке очень хотелось узнать, выжил ли кто-нибудь из Танцоров Смерти, пришедших в Рабин вместе с Верховным магом Фейре. Но она понимала, что спрашивать об этом нельзя. Поэтому Глиргвай спросила:

– А после бунта – где вы были все это время?

– Я был в воспитательном лагере при капище Ящера, – ответил Лайтонд. – А до бунта Танцоров в Бьонгарде жил… И как только мне удалось бежать, я сразу прибежал к вам.

Перед глазами Рингрина встал жуткий забор, весь увешанный черепами, стела с могучим старцем.

– В лагере страшно? – спросил принц.

Лайтонд помолчал.

– Нет, – сказал он. – В лагере не страшно. Много физической работы, поначалу тяжело, но потом втягиваешься. Я теперь писать не скоро смогу. У меня ладони огрубели под топор да лопату, пальцы не гнутся. В лагере просто очень скучно, вот и все.

Он погасил магический шар, и пещера погрузилась во мрак.

Зигфрид проснулся потому, что по его лицу что-то текло.

В пещере значительно потеплело. Оборотень знал, что сделал Лайтонд, хотя не понимал, как. Зигфрид, находясь в звериной ипостаси, видел структуру каждой вещи как множество крохотных зернышек. В воздухе эти зернышки носились как попало. В камнях они стояли на своих местах, образуя решетку. Но зернышки все равно хотели двигаться. Они подрагивали на своих местах, как сноровистые кони, привязанные к столбу. Когда вещи нагревались, зернышки начинали дрожать сильнее. И, с другой стороны, заставив зернышки дрожать, можно было сделать вещь горячей. Оборотень ощущал это приятное тепло, которое пробивалось от пола сквозь одеяла.

И конечно, в первый момент Зигфрид подумал, что просто вспотел. Как и остальные партизаны, он лег спать в ватнике. Оборотень облизнулся – жидкость была соленой. Он открыл глаза. Глиргвай плакала, не просыпаясь, и ее слезы капали на лицо оборотня. Зигфриду очень хотелось слизнуть слезы с ее лица. Но бывший химмельриттер боялся, что потом не сможет остановиться. Оборотень взял девушку за плечо и тихонько потряс. Эльфка забормотала что-то и очнулась.

– Ты чего? – надломленным из-за слез голосом спросила она. – Поохотился уже?

– Ты плакала, и я решил тебя разбудить, – ответил Зигфрид. – Что тебе приснилось?

– Ты не поймешь, – не грубо, а скорее грустно сказала Глиргвай. – Вряд ли ты можешь себе это представить, что это значит, когда остаешься в живых один из всего отряда… Вас у Рингрина вон сколько…

Она ощутила, как тело Зигфрида натянулось, словно тетива лука.

– Расскажи, – предложил он. – Я уж как-нибудь попробую… представить.

У стен коридора в беспорядке валялись секиры, мечи, и расколотые надвое доспехи. Проход к широким дверям оставался совсем небольшой. Обе двери были распахнуты настежь. Глиргвай видела край огромной пиршественной залы, стол, уставленный яствами, и толстые колонны, державшие потолок. Раздавалась веселая, но незнакомая музыка. Пирующие были видны как сквозь искрящуюся, радужную дымку. Эльфка оглянулась. Позади нее лежали несколько странных крылатых существ. Их шлемы имели форму собачьей головы. Сходство усиливалось тем, что шлемы заканчивались стальными челюстями на мощных шарнирах. Шарниры блестели от смазки, а челюсти были словно ржавыми. Существа, похоже, спали. Пройти мимо них у Глиргвай не хватило бы духу. За крылатыми собаками обнаружилась еще одна открытая дверь. В проеме были видны черные склоны гор, на которых сиял в лунном свете снег, и лохматая елка. Глиргвай узнала пейзаж – в этой долине и находилась пещера, где нашла себе прибежище пятерка заговорщиков.

Эльфка услышала, как в зале начали петь, и не поверила своим ушам. Этот голос, звонкий, нежный, она уже начала забывать. Но песня была какая-то новая, какой Глиргвай никогда раньше не слышала.

– Покажи мне того, кто выжил один из полка, – пела подруга.

– Квенди! – громко крикнула Глиргвай, позабыв про спящих крылатых псов.

Эльфка бросилась к дверям зала.

На пороге она остановилась. Почему-то Глиргвай знала, что ей нельзя входить в залу – что она просто не может этого сделать. От одной мысли об этом шаге у нее отнимались ноги. Девушка принялась пристально вглядываться в лица пирующих, пытаясь разыскать подругу. От стола отделилась невысокая фигурка в ярком платье и направилась к Глиргвай. Она сделала не больше одного шага, и тут же оказалась у дверей.

Маха Морриган, в шелковом платье с кокетливой вышивкой, которого Глиргвай не видела на командирше никогда, и которой ей очень шло, засмеялась и крепко обняла девушку. Все страхи и боль последних дней исчезли. В глубине души Глиргвай никогда не сомневалась, что ночное ущелье, полное грохота пулемета и безумных воплей, было просто кошмарным сном. Эльфке стало хорошо и спокойно. Она тоже крепко стиснула Маху.

– Я скучала, – пробурчала Глиргвай.

– Мы тоже, – ответила Маха.

Она обернулась и крикнула она куда-то в залу, над которой плыл голос Квендихен (теперь подруга исполняла свою любимую балладу о трех пауках):

– Хелькар! Посмотри, кто к нам пришел!

Хелькар возник рядом с командиршей, словно прятался за створкой двери. Около него стоял крепкий мужчина. На плечах у него была мантия из серого меха, а на голове – венец, по центру которого красовалась оскаленная волчья пасть. Хелькар улыбнулся Глиргвай.

– Мне очень понравилась идея с иллюзиями, – сказал Ангмарец. – Я бы не додумался. Вы просто молодцы!

Перехватив взгляд девушки, устремленный на его соседа, Хелькар добавил:

– Познакомься. Это мой друг Вольфганг, старший химмельриттер.

Мужчина вежливо кивнул.

– Разве… – пробормотала ошеломленная Глиргвай. – Разве мы не враги?

– Вечность – это слишком много для ненависти, – ответил Вольфганг.

Хелькар дружелюбно пихнул его локтем под ребра и спросил:

– Вечность? А как же Рагнаради?

Из-за их спин вынырнул Тиндекет. В руках он держал огромный рог, оправленный в золото. Эльф улыбнулся девушке и протянул рог:

– Выпей за встречу!

– Что ты делаешь, Тин, – смеясь, сказала Маха. – Будут ругаться…

Тиндекет пожал плечами:

– Пусть. Обратно же не прогонят.

Глиргвай приложилась к кубку. Он был наполнен медовой брагой, такой вкусной, словно мед был собран с тех цветов, что цветут мечтами, любовью и надеждами.

– Так и есть, – сказал Хелькар, словно услышав ее мысль. – Это мед счастья. Не грусти. Мы помним о тебе. Мы тебя видим. Ты все делаешь правильно.

За спиной у Глиргвай что-то завыло, словно метель в печной трубе Аулэ, загрохотало, как обвал в горах.

– Козни Илу, – прошептал Тиндекет. – Давай быстрей.

Глиргвай поспешно вернула ему кубок. Девушка повернулась на грохот. Чудовища в шлемах проснулись и неслись к ней немыслимыми скачками.

– Мы тебя любим, доченька. Не вешай нос! – крикнула Маха.

Что-то сильно толкнуло Глиргвай в спину. Пол под ногами исчез. Не разошелся, как расходятся прогнившие доски, а именно исчез, как туман над озером. Глиргвай рухнула вниз. Задрав голову, девушка увидела над собой розовое облако. В нем зияла дыра. Из дыры било сияние, но не ослепительное, а мягкое, как поцелуй матери. Над краем дыры торчала морда стальной собаки. Чудовищные челюсти шевелились – она лаяла, но эльфка ее уже не слышала.

– Но это очень хороший сон, – сказал Зигфрид. – Друзья говорят с тобой из Валгаллы. Дорого бы я дал, если бы со мной так поговорила Марлен, – добавил он как бы про себя.

– Откуда? – спросила Глиргвай.

– Это небесный чертог, где Водан пирует с храбрыми воинами, – ответил оборотень. – Твои друзья пали в бою, так ведь?

– Да, они погибли в битве с химмельриттерами, – сказала Глиргвай. – Но ты понимаешь, я не хочу, чтобы они умирали. До сих пор не хочу. Они были такие… живые. Я так обрадовалась… я была просто счастлива.

Зигфрид помолчал.

– И разве сейчас, зная, что они радуются и счастливы, как никогда не были счастливы в этом мире, ты еще можешь грустить? – сказал он. – Это неправильно, Глира.

– Я скоро перестану, – задумчиво произнесла эльфка. – Но мы не уходим в… в Валгаллу, как ты это назвал. Мы становимся деревьями в нашем лесу.

– Это только те, кто туп как дерево, – возразил Зигфрид.

Глиргвай тихо засмеялась.

– Я и не знала, что у вас на юге верят в какую-то Валгаллу, – сказала она. – Но похоже, что ты прав. Что-то жарко стало…

Она сняла полушубок, скатала и положила себе под голову. Зигфрид поступил так же. Перед тем, как лечь рядом с эльфкой, он посмотрел на Кулумита. Рыжий эльф сбросил с себя одеяло. Намокшие волосы прилипли ко лбу, рот эльфа был полуоткрыт. Хвала богам, что никто в их маленьком отряде не храпел. Зигфрид хорошо представлял себе, трель какой мощности способны выдать легкие эльфов такого роста, каким обладали Кулумит и Лайтонд. Оборотень опустился на лежанку, повернувшись к девушке спиной. Он ощутил теплую руку у себя на талии. Дыхание Глиргвай пощекотало его шею.

– А можно спросить? – негромко сказала она.

– Марлен – это моя гросайдечь, – произнес Зигфрид, предугадав вопрос.

Он ожидал, что рука с его талии исчезнет. Глиргвай и правда вздрогнула, но ее рука осталась на месте.

– Так ты химмельриттер, – пробормотала она.

– Бывший, – с невыносимой горечью в голосе ответил оборотень. – Я и Вольфганга знал. Я рад, что он в Валгалле. Он успел такого натворить в своей жизни, что рассчитывал только на Нильфхель.

– Как так случилось, что Рингрин не убил тебя? – озадаченно переспросила эльфка и смущенно засопела. – То есть я рада, конечно, что ты жив… Ты так ловко нашел пещеру, не

растерялся, и вообще…

Зигфрид улыбнулся в темноте.

– Убить меня чуть сложнее, чем кажется, – ответил он. – Все зависит от времени, которым располагают желающие увидеть мои кишки на своем мече, и их упорства. Рингрин не успел. Я был ранен, но меня не добили сразу. Я подозреваю, что меня хотели принести в жертву на Митвинтерблот, как это по-вашему…

– Мидинваэрн. Вполне возможно. Прости, не сердись…

– Что тут сердиться… Приехал Лайтонд, и решил, что лучше иметь живого оборотня в отряде, чем мертвого на жертвенном костре. Рингрин не стал с ним спорить.

Глиргвай тихонько погладила его по голове.

– Ты не стал мстить Рингрину, – сказала она. – Ты понял, кто виноват на самом деле.

– Да, – с трудом произнес Зигфрид.

– Ты увидишь Марлен, – сказала Глиргвай. – Просто драконья Валгалла слишком далеко, чтобы долететь до нее так быстро. Ведь еще недели не прошло. Ну, я так думаю. Когда Марлен доберется, она обязательно передаст тебе весточку.

Оборотень в ответ крепко стиснул ее руку.

– Давай спать, – сказал он хрипло. – Пока мы всех не перебудили.

Хмурая Глиргвай стояла на пороге пещеры и мрачно обозревала долину. В руках у эльфки был котелок – Кулумит послал ее набрать снега, чтобы сделать чай. За ночь в долине прибавилось следов. Снежное покрывало пересекла широкая тропа, видная даже с утеса. Глиргвай из чистого любопытства прошла по тропе, которая огибала скалу, и спустилась в долину. Ей хотелось узнать, какие звери водятся здесь. Но следы оказались незнакомыми. Они не походили на следы валенок или солдатских сапог, и это было самым главным. Однако самолюбие следопыта все же было задето. Глиргвай услышала бодрое журчание и увидела у самого подножия утеса источник. «На водопой приходили, что ли», подумала эльфка. – «Но кто же это был, драная матия Илу?». Девушка направилась к источнику, решив зачерпнуть воды. То, что не принесло зла зверям, не должно было оказаться вредным и для эльфов. От источника начинался крутой спуск вниз.

В расселине между скалами Глиргвай открылся вид на океан. Зрелище ошеломило ее. Светло-серая, сияющая в лучах всходящего солнца громада казалась живой. Длинные пологие валы, неторопливо катившиеся к невидимому берегу, показались Глиргвай прядями, которые старательно расчесывает гребнем модница-великанша. Белые треугольники парусов на лодках, вышедших на утренний лов, были что вплетенные в прическу жемчужины. У нее закружилась голова от неожиданного зрелища, и Глиргвай опасалась рухнуть без чувств. Эльфка глубоко вздохнула, и начала медленно поворачиваться спиной к этому великолепию. Но в последний миг чутье партизана заставило ее взглянуть на тропинку.

На нее смотрела серая лобастая башка, и смотрела крайне недружелюбно.

Эльфка попятилась к источнику, выронив котелок. Он откатился под ноги пришельцу, и Глиргвай заметила, что он передвигается на двух лапах. Зверь оскалил зубы и прыгнул.

Глиргвай выхватила лук из-за спины. Стрела сама скользнула в руку, едва она потянулась к колчану. Эльфка выстрелила в упор, в распахнутую клыкастую пасть, из которой летели клочья вонючей слюны.

– Свобода или смерть! – совершенно непроизвольно завопила она.

Зверя отбросило назад, и раздался негодующий рык. Сам рычать он уже не мог – с разбитой головой много не порычишь. Очевидно, он упал на тхм, кто шел за ним. Глиргвай оглянулась. Она стояла на самом краю вымоины в снегу, где находился бочажок источника. Девушка отступила вправо, прижалась лопатками к холодной скале и наложила на тетиву следующую стрелу. Эхо от ее вопля еще не утихло, а на эльфку уже лезли, сверкая глазами и скаля алые пасти, сородичи погибшего зверя.

В высоте над ней мелькнул темный силуэт. Глиргвай подняла глаза. Это оказался Зигфрид. Оборотень прыгнул с утеса головой вниз, выставив вперед руки. Глиргвай увидела,

что он в одной рубахе. «Он же шею свернет», успела подумать эльфка.

Воздух над ней взметнулся, как простыня, которую хозяйка растряхивает, чтобы не было складок. Вышитая на бледно-голубом полотне неба фигурка человека сменилась фигуркой зверя, словно в волшебном фонаре.

На тропу перед Глиргвай приземлилась огромная рысь. Хлестнув себя по бокам длинным тонким хвостом, зверь бросился вперед. Замелькали лапы с устрашающего вида когтями, покрытые зеленой слизью бока, шипастые хвосты, бронированные, как у черепах, тела и горящие желтым безумные глаза. Эльфка стреляла в катающийся перед ней клубок тел. Когда он сместился чуть в сторону, на почерневшем от крови снегу остались окровавленные трупы. Из многих торчали стрелы. Но девушка слышала, как тонко свистят болты. Кулумит и Рингрин тоже пришли на выручку.

Серый ком распался. Из него вырвался Зигфрид. Бока оборотня вздымались и опадали, как кузнечные мехи. С морды капала кровь. Он прыгнул к Глиргвай. Зигфрид толкнул ошеломленную девушку лапой и развернул спиной к себе. Зубы оборотня сомкнулись на воротнике ее полушубка, и эльфку сильно дернуло вверх. Зигфрид уносил ее с места схватки, как мать утаскивает своего котенка. Глиргвай увлеченно продолжала стрелять. Она оказалась на гораздо более выгодной позиции. Выпасть из полушубка девушка не боялась. Перед тем, как выйти из пещеры, она застегнула его на все пуговицы и перетянулась ремнем, как ее приучил Хелькар.

Несмотря на всю свою миниатюрность, Глиргвай была потяжелее рысенка. Утес, с которого спрыгнул Зигфрид, был слишком высоким, чтобы оборотень мог вернуться на него вместе с тяжелой ношей. Татцель прыгнул на противоположную сторону расщелины. Там на высоте полутора человеческих ростов находилась небольшая площадка. Оборотень развернулся в воздухе, чтобы не упасть на девушку – иначе он сломал бы ей шею. Глиргвай приземлилась ему на живот. Зигфрид хрипло взвыл от боли, когда вес девушки припечатал его к камню. Эльфка вскочила с оборотня и торопливым, извиняющимся жестом погладила Зигфрида по животу.

«Благодарю тебя», телепатировала она. – «Ты ведь спас мне жизнь.

Оборотень негромко мурлыкнул и прищурил янтарный глаз – «Ерунда… Но кушать тебе надо поменьше». Глиргвай тихо хохотнула и обернулась, чтобы посмотреть, что творится внизу.

– О Мелькор, – сдавленно пробормотала она. – Что они такое?

Зигфрид поднялся на лапы и лениво потерся о Глиргвай боком.

«Не знаю», телепатировал он. – «Но они неживые».

«Как это?», удивилась эльфка.

«Молча», ответил оборотень. – «У нас в Боремии хватает нежити, чтобы каждый рысенок знал, чем неживое на вкус отличается от живого».

Огромный зверь, похожий на неумело слепленную фигурку кентавра, которую создатель смял в порыве недовольства совим творением, а потом все же оживил, поднялся на задние ноги и с громким ржанием попытался дотянуться до площадки, где стояли оборотень и эльфка. Глиргвай всадила ему стрелу прямо в сердце. Зигфрид понял это потому, что крови вытекло совсем немного – сердце остановилось почти сразу. Чудовище не издало больше ни звука. Труп медленно сполз по гладкой скале.

«Если они заберутся сюда, мы тоже… станем неживыми», передала Глиргвай Зигфриду.

«Вряд ли. Стена здесь ровная. Твои стрелы убивают их, в отличие от болтов и стрел, которыми их щедро осыпают наши друзья. А твой колчан пока еще почти полон».

На противоположной стороне ущелья дела шли не так хорошо. Кулумит расстрелял весь свой запас болтов. Лайтонд вежливо отодвинул рыжего эльфа в сторону. Верховный маг прошел между ним и Рингрином к краю обрыва и глянул себе под ноги. Его спокойное лицо изменилось так, что у Глиргвай закололо в кончиках пальцев. Эльфка положила руку на голову Зигфрида и запустила пальцы в жесткую шерсть.

Лайтонд небрежно махнул рукой. Из его рукава выпал черный платок и скользнул вниз, в ущелье, на головы нападавших. Он увеличивался с каждой секундой, став к середине своего полета размером с ковер. «Ковер-самолет», нервно хихикнув, подумала Глиргвай. На нем была даже вышивка – серебряными нитями. Рисунок неуловимо менялся, тек, как горный ручей. Черный ковер замер в воздухе над головами пришельцев. Странное дело, сквозь прозрачное, как вуаль, магическое поле эльфка видела женщин и мужчин в рваных плащах, а то и вовсе в лохмотьях. На лицах у некоторых не было носов. Изо лба одного из мужчин торчал топор.

– Я хочу поговорить с тобой! – раздался голос из толпы внизу.

Он силился звучать, как человеческий, но это ему плохо удавалось.

– Я не разговариваю с нежитью, – ответил Лайтонд. – Я возвращаю ее в Подземный мир!

Платок чуть дрогнул и провалился в воздухе сантиметров на двадцать.

– Не разговариваешь? – произнес тот же голос. – А как ты же позволил Первому поставить на себя свою Печать?

Верховный маг Фейре чуть заметно вздрогнул. Теперь Лайтонд разглядел говорившего. Даже темная вуаль брошенного Лайтондом сгустка Цин не изменила черт чудовища. Он выглядел как оживший ночной кошмар. Как плод любви огромной мокрицы и павлина, сдохший не меньше недели назад, полуразложившийся и обглоданный лисами. В общем, так, как и должен выглядеть тэй-на-оорон, которого мандречены называют Смотрителем Кладбища.

– Что ты хочешь? – спросил Лайтонд очень ровным голосом.

– Милосердия, – отвечал Смотритель Кладбища. – Мы убирали в Рабине по приказу нашего господина, там нынче очень грязно. Местные уже не справляются, видишь, из Лабаца ходим на подмогу. Я знаю, зачем ты здесь. Я не хочу ложиться под это огненное колесо. Мы наполним ваш котелок золотом, только дай нам уйти.

– Идите, – сказал Лайтонд.

– Да благословит тебя Ящер, – ответил Смотритель Кладбища.

Он первым вышел из-под почти накрывшего его подданных одеяла из мертвой силы. За ним последовали остальные. Глиргвай, как завороженная, смотрела, как менялся их облик, едва они миновали край черного покрывала. Мужчина с топором во лбу превратился в пародию на гигантского комара. Из крохотной головы которого торчало огромное, отливающее сталью жало. Стройная девушка в парчовой ферязи стала мумией, на которой серебрились нити слюны гигантского паука. Из кокона торчали вилы-тройчатки, заменяющие руки. Малыш, который грыз леденец, превратился в огромного дикобраза. На его иглах вместо грибов торчала посиневшая от мороза рука. На запястье мертвой руки тускло блеснул браслет. Кисть нависала над мордой. Дикобраз ловко покусывал пальцы на бегу.

Нежить пересекла долину той же тропой, которой пришла сюда, окончательно затоптав странные следы, прочесть которые было не под силу ни одному следопыту.

Кулумит все же был больше поваром, чем партизаном. Прежде чем бежать на крик Глиргвай, он аккуратно снял с огня сковородку. Таким образом, на завтрак у маленького отряда оказались не обугленные головешки, а сочные горячие бутерброды, где и колбаса прогрелась, и сыр оплавился ровно настолько, сколько нужно.

Падальщики наполнили котелок золотом. Но монет там почти не оказалось. В основном это были кольца, цепочки, серьги, и золотые зубы. Добычу пересыпали в освободившийся мешок из-под консервов.

Кулумит наотрез отказывался пить чай из котелка, в котором лежали вещи мертвецов, прошедшие лапы чудовищ. Лайтонд продезинфицировал котелок пучком Цин. Глиргвай сходила за водой – на этот раз все прошло без приключений. Зигфрид, воспользовавшись отсутствием девушки, перекинулся. Он успел снять штаны, перед тем как превратиться в

рысь. Но рубаха осталась на нем и разорвалась в мелкие клочки. Оборотень натянул полушубок на голое тело, уверяя, что ему ничуть не холодно.

За завтраком все молчали. Лайтонд ожидал, что Глиргвай будет стрелять глазками на полуобнаженный торс Зигфрида. Эльф слышал, как они возились ночью. Он был рад, что Глиргвай выбрала так быстро. Наличие девушки в компании мужчин всегда делает отношения напряженными. Но девушка и не думала глазеть на своего любовника, хотя там было на что посмотреть. Вместо этого Лайтонд несколько раз поймал задумчивый и какой-то растерянный взгляд эльфки на себе. Уже зная ее манеру, он дождался, когда девушка расправится со вторым бутербродом, и осведомился:

– Ты что-то хочешь спросить?

– Нет, ничего. Просто… Вы знаете, мы с Махой ходили к гномам, – неохотно ответила Глиргвай. – Оружие у них покупали. И они показывали нам железную черепаху. Она показалась мне огромной, непонятной, мертвой грудой железа. И вот когда вы сейчас дрались, когда вы кинули на них свой… черный платок, мне вспомнилось – как у той черепахи вспыхнули глаза, и она поехала, грохоча и ослепляя… А из носа той черепахи, говорят, раньше лился огонь, – закончила эльфка.

Лайтонд поднял глаза, улыбнулся. Глиргвай вдруг увидела, что он на самом деле очень красив. И не так уж стар, как ей казалось. Кулумит подумал то же самое, невольно вспомнив Марфора до ранения. Но если красота его Синергиста была оружием – она призывала, пленяла и порабощала почти каждого, кто не успел отвести глаза, то красота Лайтонда была иной. Это была строгая красота темного северного неба, на котором неожиданно вспыхнули ярким кружевом цветы звезд [7].

– Да, я слышал о таком, – заметил Рингрин и отхлебнул из кружки. – Кулумит даже пытался сделать самобеглую повозку вроде той, что во дворце стоит в оружейной палате.

– Какая же магия их двигает, ту железную черепаху и самобеглую повозку? – заинтересовался Зигфрид. Оборотень одолел три бутерброда и теперь вытирал руки об штаны.

– Мелькор поил черепаху своей черной кровью, – ответил принц.

Рингрин достал трубку и принялся ее набивать.

– А я попытался заменить кровь Мелькора, которой сейчас нигде не достанешь, маслом, – мрачно сообщил Кулумит. – Ехать-то повозка ехала, но вонь была ужасная.

– Железная черепаха? – переспросил Лайтонд. – У нее были лапы?

– Нет, у нее были колеса, обмотанные железной лентой, – объяснила Глиргвай. – Так удобнее ездить. Дороги не нужны.

– Но и сцепление с почвой тогда выше, – задумчиво пробормотал Кулумит.

Рыжий эльф принялся собирать посуду. Зигфрид растянулся на лежанке. Глиргвай неторопливо, смакуя, допивала чай. Рингрин пустил к потолку несколько колечек дыма.

– Мы сейчас с Рином сходим в Рабин на разведку, – сказал Лайтонд. – Надо будет найти и снять домик, где-нибудь на окраине. Туда мы и переберемся сегодня же вечером, если все пойдет хорошо.

– Мне кажется, расплачиваться подарками этих чудищ рискованно, – заметил Рингрин. – Всегда можно случайно нарваться на родственников, которые вспомнят фамильное кольцо.

Принцу не хотелось думать о том, что сейчас творится в столице. О том, что падальщики безразлично назвали «грязью». Но все равно надо было считать варианты.

– У меня есть деньги, но надо будет зайти в банк, – сказал Лайтонд.

– Сегодня воскресенье, – напомнил Кулумит. – Банк может не работать.

– Только не банк гномов, – улыбнулся тот. – А вы пока…

Лайтонд порылся в своей сумке и вытащил потрепанную тоненькую книжечку. Он

---

[7] Имеется в виду северное сияние.

отдал ее Глиргвай.

– «Ниматэ, Тинкарабан и Разрушитель», – прочла озадаченная девушка вслух. – «Пьеса в двух актах».

– Когда мы вернемся, я желаю увидеть в вашем исполнении первый акт, – сообщил Лайтонд.

Он оглядел троицу, ожидая возражений. Больше всего эльф опасался скорого на язык Зигфрида. Но тот остался совершенно невозмутим. Оборотень приподнялся на локтях и заглянул через плечо сидевшей рядом с ним Глиргвай.

– А у вас буквы такие же, как у нас, – заметил он. – Ну, разве что произношение у меня будет не совсем…

Лайтонд сообразил, что бывшему химмельриттеру приходилось выполнять и более бессмысленные распоряжения начальства. Верховный маг Фейре из высоких искусств интересовался только Музыкой, но никак не театром. Но еще в Келенборонсте он знал, что в Рабине у них непременно будут дни, когда компанию надо будет чем-то занять, чтобы эльфы не перессорились и не передрались от скуки. Лайтонд стащил эту книжицу в опустевшей землянке Ваниэль – больше ничего подходящего ему под руку не подвернулось.

– Я не умею читать, – покраснев, признался Кулумит.

– Я тебе прочту, ты и запомнишь, – успокоила его милосердная Глиргвай.

– Я не знаю, как долго мы пробудем в городе. Если что, обедайте без нас, – добавил Лайтонд.

Рингрин докурил, выколотил трубку о плоские камни, которыми Кулумит обозначил подобие очага. Они направились к выходу из пещеры. Когда эльфы уже обошли ель, они услышали голос Глиргвай:

– Господин Верховный маг!

Лайтонд и Рингрин переглянулись.

– Я здесь, – откликнулся Лайтонд.

Глиргвай вынырнула из-за разлапистых ветвей. В руках у нее был меч. Тот самый тяжелый клинок, который пришелся по руке Верховному магу Фейре в день их знакомства с Глиргвай.

– Возьмите, – сказала эльфка. – Сейчас по Рабину всякие… ходят.

Лайтонд стоял и молча смотрел на ножны, украшенные изображениями солнца и звезд.

– Для меня все равно слишком большой, – пробормотала Глиргвай.

Верховный маг Фейре опустился на одно колено и принял меч Хелькара Ангмарского из рук юной темной эльфки. Их взгляды встретились. Глиргвай поняла, что сравнение с железной черепахой гномов пришло ей в голову неслучайно. Но эта машина для убийства, что стояла перед ней на коленях, не нуждалась в черной крови Мелькора для того, чтобы действовать. Ей вполне хватало собственной. Глиргвай подумала, что это неудивительно. В жилах Лайтонда кровь одного из самых сильных магов эльдар смешалась с кровью могущественной Разрушительницы Пчелы.

И, возможно, его кровь была даже густой, чем кровь погибшего бога.

Как и большинство эльфийских дворцов Рабина, трехэтажное жилище Лакгаэра было повернуто фасадом к морю. Лакгаэру принадлежала небольшая полоска берега. На ней разместился причал и еще осталось место для того, чтобы летом там можно было поваляться и понежиться под лучами солнца. От улицы же дворец был отделен высоким каменным забором и парком. Первая жена Лакгаэра посадила здесь платаны – священное дерево синдаров. Во время бунта Детей Волоса дворец Лакгаэра сильно пострадал. В нем был создан накопительный пункт, где содержались эльфы перед отправкой в воспитательные лагеря. Но, как ни странно, Разрушители не тронули деревья. Возможно, потому, что почти в каждом из них текла кровь серых эльфов. Или же потому, что мандречены так же почитали чинары – так люди называли это дерево с трехпалыми листьями. Лакгаэру платаны не нравились с самого начала. Они напоминали эльфу приготовленные умелым таксидермистом

чучела огромных водяных змей. Серые эльфы зовут их «кэльминдон», а звездные – «анакондами». Только этот мастер спустил чучел шкуру, выставив напоказ переплетения могучих мышц.

Лакгаэр сохранил парк, даже когда женился второй раз, хотя испытывал большое искушение пустить платаны на паркет. Он рассудил, что не его дело уничтожать то, что пощадили сами Разрушители. Когда мать Аннвиля покинула его, старый эльф неожиданно понял, что деревья, которые так его раздражали все это время – единственные, кто сопровождал его всю его жизнь. Теперь, когда Лайтонд по утрам гулял в своем парке, он слышал в шепоте листьев голоса своей первой жены, детей и смех неверной Файламэл.

В то зимнее утро неприютно голые платаны молчали – ветра не было. Лакгаэр неторопливо прошел по дорожке и оказался на холме, где находилась беседка. Летом ее оплетал виноград. Сейчас усохшие лозы выглядели как распущенные волосы безумной старухи. Это было единственное место в саду, откуда можно было увидеть кусочек улицы за высоким забором. Эльф глянул на улицу, обычно в это время пустынную. Сейчас по ней шли двое путников. Лакгаэр вцепился в перила беседки так, что побелели пальцы.

Это было невозможно. Невероятно. Но это было.

Лакгаэр вглядывался в лицо одного из идущих. Всю жизнь Лакгаэр был уверен, что теперь сможет увидеть это лицо разве что во сне. Конечно, оно изменилось. Кожа обветрилась, потрескалась, покрылась грязно-серым загаром. Но не настолько, чтобы Лагкаэр не узнал его.

«Аннвиль!», передал Лакгаэр. – «Аннвиль!».

Единственный выживший сын эльфа не был обделен ни способностями к управлению Чи, ни почтительностью и любовью к отцу. Аннвиль телепортировался к отцу, едва услышав его призыв.

– Видишь? – хрипло спросил Лакгаэр.

Он указал на двух мужчин на улице. Аннвиль кивнул. Если бы высокий мужчина не заплел над ушами две тоненькие косички по эльфийскому обычаю, Аннвиль решил бы, что перед ним мандречен. Второй из заинтересовавших отца путников был одет в невообразимый полушубок, слишком теплый для рабинской зимы.

– Запомни их хорошенько, – сказал отец.

Путешественники скрылись за поворотом.

– Ты запомнил? – спросил Лакгаэр.

Аннвиль кивнул.

– Теперь оденься и жди, – сказал отец. – Когда они пойдут обратно, передашь им кое-что, и пригласишь зайти.

– Хорошо, папа, – ответил Аннвиль.

Лакгаэр научил сына многому, благодаря чему мог им гордиться. Но самым главным умением, которое старому эльфу удалось привить Аннвилю, он считал то, что тот никогда не задавал глупых вопросов.

Столица Мандры оказалась совсем не такой, как ожидал Рингрин. Он многое слышал о роскоши местных дворцов, о ширине и чистоте улиц. Это оказалось правдой. Однако окраина эльфийской части Рабина выглядела так, словно защитники города вели ожесточенный ночной бой, а потом ушли, поняв, что им не удержать эту позицию.

Они с Лайтондом миновали целый квартал брошенных домов – и это были не халупы рыбаков. Это были двухэтажные каменные дома, облицованные мраморными или иногда даже гранитными плитами, но уже частично полуразобранные. Бродягу, который рискнул заночевать в таком доме, эльфы встретили только одного.

– Похоже, за наем жилья нам платить не придется, – заметил Рингрин.

Лайтонд покачал головой:

– Сначала надо узнать, не проводят ли городские стражники рейды по проверке выморочного жилья.

Рингрин и Лайтонд миновали рынок. Из-за раннего часа он был полупустым. На прилавках серебрились на солнце спинки свежепойманных тунцов, да плескались в садках омары и крабы. Больше всего принца темных эльфов потрясло то, что торговцы не кричали, зазывая покупателей. Верховный маг Фейре верно истолковал мрачные взгляды рабинцев, которыми те провожали его спутника. Точнее, его полушубок – теплый и удобный, но нелепый и странный здесь, на берегу южного моря. Лайтонд скрыл черты принца оптической иллюзией. Зеваки и случайные прохожие видели не темноволосого эльфа с вертикальными зрачками, а голубоглазого блондина, видимо, младшего брата высокого эльфа при внушающем уважение мече. Если бы не эта маленькая хитрость, обоих эльфов давно бы задержали или добровольные дружинники, или гвардейцы императора. Солдат на рынке было больше, чем продавцов, и было непонятно, что они там охраняют.

Лайтонд решительно направился к лавке, над входом в которую было написано на тэлерине:

БРАТЬЯ АКЕЦ
ГОТОВОЕ И ПОНОШЕННОЕ ПЛАТЬЕ
НЕДОРОГО

– Ты уверен? – пробормотал Рингрин. – Может, все-таки лучше в банк сначала?

– С твоей волчьей дохой мы до банка не доберемся, – ответил Лайтонд.

Верховный маг Фейре толкнул дверь, и они вошли. Эльфы оказались в полутемном помещении, перегороженном прилавком. На прилавке, стоячих вешалках и ящиках вокруг громоздились горы самой разнообразной одежды – штаны, блузы, рубахи, рабочие куртки, камзолы и кафтаны. В воздухе стоял затхлый запах, который всегда бывает в помещении, где хранится много ткани, и которое редко проветривают. За прилавком стояла дородная женщина, одетая на эльфийский манер. Но черты лица выдавали в ней мандреченку. Глаза у нее были темные, как маслины, сальные и мертвые, как у тех рыб, которых Рингрин только что видел на рынке. Один из братьев Акец оказался женщиной. Она тоже не бросилась навстречу возможным покупателям. Женщина скользнула по ним ленивым взглядом и продолжила неторопливо лузгать семечки.

– Нам бы куртку, уважаемая, – сказал Лайтонд. – Или кафтан для моего друга.

– Второй ящик слева, – равнодушно ответила она.

Рингрин повернул было налево, но Лайтонд твердо двинулся направо – и, действительно, во втором ящике от входа оказалось великое множество верхней одежды небольшого размера. Пока эльфы рассматривали куртки и свитера, Рингрин заметил на некоторых из них темные пятна, не похожие на те, которые остаются от пота или масла. Эльф понял, что падальщикам Рабина действительно сложно справится в одиночку. Рингрину не очень-то хотелось ходить в одежде, снятой с покойника, но выбирать не приходилось. «В конце концов, все, что у нас есть, досталось нам от тех, кто уже мертв», подумал эльф.

– Ну, тебе нравится что-нибудь? – спросил Лайтонд.

Рингрин решил остановиться на черной кожаной парке, подбитой мехом. Даже если на ней и были пятна крови, они не были видны. Эльф примерил на себя. Лайтонд оглядел его и усмехнулся:

– Не пойдет. Сразу кажется, что ты снял эту куртку с честного гражданина, прижав его в соседней подворотне.

Рингрин хмыкнул и начал разоблачаться.

– Эй, сударь, – окликнула их торговка. – Попробуйте это.

Оказалось, женщина внимательно следила за их манипуляциями. Она выложила на прилавок куртку темно-фиолетового, почти лилового цвета. На плечах и груди куртку украшали серебряные набойки. Эльфы подошли к прилавку. Рингрин надел предложенную куртку. Лайтонд, держа в охапке его полушубок, разглядывал друга.

– Даже не знаю, – сказал он. – Тебе нравится?

Рингрин пожал плечами.

– Да вроде нигде не жмет, не давит… Не сильно заношенная. Только больно легкая.

Продавщица извлекла из-под прилавка свитер. Он был связан в две нитки – такую же лиловую, как куртка, и нежно-серебристую. Стало очевидно, что это комплект. Выглядело очень стильно.

– Давай возьмем, – сказал Рингрин.

Женщина отдала ему одежду, и принц ушел переодеваться за заранее примеченную засаленную ширму. На ней было изображено Священное Древо в цвету.

– А вы не возьмете полушубок в уплату? – осведомился Лайтонд.

Продавщица взяла полушубок, профессионально и быстро осмотрела швы, пощупала, помяла.

– Все равно доплатить надо, – сказала она. – Дорогие штучки вы присмотрели, сударь.

– Денег у меня сейчас нет, – сообщил Лайтонд.

Верховный маг Фейре запустил руку в карман, где лежало несколько колец из тех, которыми сегодня утром был наполнен котелок партизан. Эльф выбрал на ощупь самое маленькое и тонкое.

– Может быть, так сойдет?

Он показал кольцо женщине на раскрытой ладони. Две золотые руки держали небольшой аметист. Женщина кивнула. Лайтонд про себя отметил, что она даже не стала проверять, золото это или нет. Он отдал кольцо. Рингрин тем временем переоделся и вышел из-за ширмы. Друзья направились к выходу из лавки.

– Эй, сударь, – догнал их оклик хозяйки, когда они были уже на пороге.

Лайтонд обернулся, опуская руку поближе к рукоятке меча. Он увидел ухмылку на лице женщины – уродливую трещину, расколовшую ее стертое лицо подобно оврагу – и понял, что она заметила его жест.

– Диальброки ищут цепь с медальоном, – сказала она. – На нем вроде звезда изображена, и меч, вот почти такой же, как у вас. В медальоне сапфир. Фамильная ценность, говорят. Если им ее вернут, они ни о чем не спросят, а заплатят хорошо. Диальброки живут в Конюшенном переулке. Это сразу за главной площадью, налево.

Рингрин вздрогнул. Цепь с кулоном, которую описала продавщица, принц видел сегодня утром, когда они с Лайтондом разбирали драгоценности.

– Я понял, – сказал Лайтонд. – Спасибо тебе, добрая женщина.

Они вышли. Рингрин с наслаждением вдохнул чистого, холодного, чуть солоноватого воздуха. Друзья выбрались на набережную Зеленого Мыса какими-то закоулками, и двинулись по ней вдоль залива, на котором и стоял Рабин. Рингрин уже примерно представлял себе, что он сейчас увидит, и все сильнее понимал, что видеть это ему как раз совершенно не хочется. Но деваться было некуда, для этого принц и покинул Железный Лес.

– Я все понимаю, – сказал Рингрин, когда они шли к площади перед замком Черного Пламени. На ней, по уверению Лайтонда, находились филиалы всех крупных банков. – Но почему палачи не снимают драгоценности?

– Да потому, что все эти побрякушки пропитаны Цин, ненавистью и болью, – ответил Лайтонд. – Черная опухоль – профессиональная болезнь палачей, даже регулярное посещение жрецов Ящера не помогает.

С тех пор, как Искандера начала мучить бессонница, он стал охотно брать ночные дежурства – несмотря на то, что и по должности, и по званию давно был освобожден от этой обязанности. Но оставаться ночью в пустом доме означало сойти с ума. Искандер, хотя и покупал то, что прописывал ему сын рабинского аптекаря, принимать это лекарство старался как можно реже.

Однако субботние ночные дежурства старался не брать даже Искандер. Но в этот раз ему досталось именно такое, и он его отбыл с честью. Начальник императорских гвардейцев

сидел в дежурке вместе с пятью другими солдатами. Они играли в кости ночь напролет, рассказывали друг другу истории, случавшиеся с ними в походах, а Искандер курил и слушал храп Черного Пламени. Обычно император ночевал в сокровищнице, находившейся глубоко под землей; но по субботам и воскресеньям он всегда оставался на ночь в тронном зале. После Коляды у императора выросли еще две головы, и теперь Черное Пламя с трудом там помещался. Гвардейцам было сказано не чесать языком по поводу неожиданного многоглавия главы государства. Но тот факт, что храпеть император стал в два раза громче, никуда не делся. Слава Ярило, он хотя бы поворачивался головами к той стене, что выходила на площадь перед замком. Словно бы император видел сквозь каменную кладку тела, которыми виселицы были обсыпаны, как облепиха ягодами по осени.

А может, и видел. Драконы воспринимают мир иначе, и им не всегда нужны глаза.

Иногда Искандер выходил на стену, проверял часовых. Начальник гвардии слушал сонный рокот моря в заливе и неумолчный хруст на площади. Там что-то скрипело, падало, ломалось. Кто-то топал и тяжело дышал. Вроде бы негромкие, эти звуки перекрывали и песню моря, и храп императора. Слышать их было жутко.

Искандер расписался в журнале, передавая пост прибывшей смене, и направился прочь из дворца. Он прошел по мосту. Мост связывал берега рва. Он имел форму подковы, окружал замок и соединялся в своей южной части с заливом. Дворец Черного пламени стоял на неприступном утесе, ставшим после появления рва искусственным островом. Раньше дворец принадлежал Лучшей сотне, правившей вольным городом Рабином с незапамятных времен. Став императором Мандры, Черное Пламя покончил с глупыми вольностями, а крепость забрал себе.

Ветер трепал плащ Искандера. Из замка казалось, что площадь завалена игрушками, которые ребенок не успел убрать перед сном. В некотором роде это так и было. Да вот только убирать широченный эшафот, виселицы для черни, не заслужившей смерти от меча, и огромный котел для тех, кого варили в масле, нынешний владелец этих игрушек не собирался.

На площади уже кипела работа. Трое плотников собирали новую виселицу вместо той, что развалилась ночью. Почерневшие от дождей и времени обломки балок были годны теперь разве что на дрова. Воскресные казни начинались в одиннадцать. Рабочим надо было успеть к началу церемонии, иначе бы им самим нашлось бы местечко на тех виселицах, что еще стояли. Неподалеку от рабочих сидел волхв Ящера в неизменном черном балахоне и с серебряной ящерицей на груди. Под глазами у него были черные круги. Волхв был бледен до такой степени, что казался прозрачным. В дальнем углу площади один из палачей точил топор на вращающемся круге.

Искандер миновал, наконец, поросль виселиц и оказался перед тем выходом с площади, который был ему нужен. Дом начальника императорской гвардии стоял в самом конце улицы Верверка, и ему предстояла получасовая прогулка. Искандер ускорил шаг. Он хотел оказаться дома прежде, чем улицы заполнятся людьми. Хотя это было сильно сказано. За последний год Рабин сильно обезлюдел, хотя и сохранил еще внешний лоск и великолепие, присущие столице. Оставшиеся в живых горожане избегали друг друга хуже чумы. На перекрестке, где начиналась улица Верверка, Искандер увидел двух сидхов. Они стояли и смотрели на заколоченную крест-накрест дверь в банк гнома Эзауса.

– Вы ищете господина Эзауса? – спросил Искандер.

Высокий сидх в желто-серой куртке с модной бахромой на рукавах обернулся. Что-то в чертах его мужественного, резкого лица наводило на мысль о том, что только один из его родителей был из нелюдей. Да и сложения он был слишком крепкого для сидха. Однако взгляд, которым он смерил Искандера, был фирменным взглядом нелюдя – рассеянное презрение и брезгливость. Второй сидх носил лиловую куртку, и лицо у него было какое-то совершенно невнятное, глянешь – и сразу забудешь. Он был очень невысокого роста. «Подросток еще», сообразил Искандер. Ни детей, ни подростков он не видел в Рабине давно – что эльфийских, что мандреченских.

– Нет, – угрюмо сказал подросток.

– Допустим, – ответил высокий. – И где же достопочтенный Эзаус?

Искандер, не оборачиваясь, показал себе за спину. На площадь. Туда, где под ветром покачивались обгрызенные по пояс тела, не утащенные ночными падальщиками, где стучали молотки и звенел точильный круг.

– А активы? Отошли в доход государства? – предположил сидх в желтой куртке.

– Банк больше не работает, – сказал Искандер. – Почему бы вам не прогуляться со мной немного?

Подросток так глянул на него исподлобья, что начальник гвардии с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Он рисковал ничуть не меньше сидхов, и старший из них это понял.

– С удовольствием, – ответил он.

Когда улица повернула, и с площади их стало не видно, Искандер сказал:

– Активы Эзаус успел перевезти в филиал где-то в Экне. А мыслеключ из него не удалось вырвать даже палачам. Он сообщил ключ Аргамону Роншаскому. Аргамон берет пять процентов от суммы в качестве оплаты за перевод. Чтобы попасть в банк Роншасца, вы должны на следующем перекрестке свернуть направо и идти, пока не упретесь в небольшой такой домик. Там еще над входом весит вывеска сапожника, но вы не обращайте внимания. Заходите и прямо говорите, что вы к старому пердуну Аргамону, а послал вас Сандро. Но сегодня это бесполезно, на выходные Аргамон уезжает в Лабац.

– А почему Аргамон на выходных уезжает из города? – спросил подросток. – У вас, наверное, биржа не работает в это время, да?

Искандер покачал головой.

– Биржа, – сказал он. – Как давно я не слышал этого слова… Я вижу, что вы прибыли к нам издалека и не знаете наших порядков. Биржа закрылась вот уже год назад. Аргамон уезжает потому, что в субботу и воскресенье у нас выходной для всех, – он сделал паузу и закончил, глядя прямо в глаза парнишке: – Кроме палачей. У них, наоборот, только эти два дня рабочие. Нолдокор и Лучшая сотня долго бились, пока такой закон для них провели. А так раньше работали круглую неделю…

Лицо молодого сидха стало жестким, но он ничего не сказал.

– Благодарю вас, – сказал его товарищ. – Мы вам что-нибудь должны за любезность? Знание – это самый дорогой товар в наше время.

– Нет, вы мне ничего не должны, – ответил Искандер.

– Аргамон делится с вами процентом, – догадался парнишка.

Старший сидх толкнул его в бок, и они ушли. Искандер задумчиво смотрел им вслед. Лицо сидха в желтой куртке показалось ему странно знакомым. Начальник императорской гвардии был абсолютно уверен, что уже видел его. Потому и согласился помочь. Но вот только где он уже встречал этого сидха, могучего, красивого – хоть сейчас лепи с него Волоса или Купайлу, или пиши картину «Битва Ярилы со Змеем»? Искандер понял, почему к нему пришло такое сравнение. Знакомый скульптор на днях жаловался ему, что по какому-то злополучному совпадению первыми массовые казни выкосили больших мужчин с крупными чертами лица. Скульптор никак не мог найти натурщика, чтобы закончить композицию «Три богатыря» по мотивам мандреченских былин.

Однако было что-то еще…

В ушах Искандера раздался нарастающий гул, во рту у него пересохло.

– Ящеров выползок! – в отчаянии выругался начальник императорской гвардии и беспомощно огляделся.

Дойти до дома и приложиться ко флакону с «Ласковым маком» Искандер уже не успевал, а вот добраться до заведения Зои Унгерваль можно было попытаться. Благо, вывеска «Черная Орхидея» виднелась через три дома. Под вывеской, на перилах изящного крылечка, сидела растрепанная девушка в очень коротком красно-зеленом клетчатом сарафане и курила. Одну ногу она закинула на другую так, что всем желающие могли полюбоваться на ее черные ажурные чулки. Увидев приближающегося Искандера – он почти

бежал – девушка засмеялась и спросила:

– Хотите побыстрее отмучаться?

Искандер, не отвечая, схватил ее за аппетитную коленку, сгреб с крыльца, и они скрылись за высокой дверью разноцветного боремского стекла. От неожиданности девушка выронила трубку. Трубка упала на ступеньки, где и осталась, дымясь.

Днем ветер усилился, и у эльфов не возникло никакого желания возвращаться по набережной Зеленого Мыса. Лайтонд честно признался, что не очень разбирается в городе, но они все же рискнули углубиться в сплетение улочек и пойти по параллельной. Принц искоса посматривал на друга.

– Денег мы не добыли, – сказал Рингрин.

– Да, – ответил Лайтонд. – Можно, конечно, заселиться в какую-нибудь гостиницу, где не берут плату вперед. Или остановиться в одном из брошенных домов. А можно остаться в пещере до завтра, пока Аргамон не вернется.

– Мне больше нравится последний вариант, – признался принц.

– Да уж, – хмыкнул Лайтонд. – Вот уж не думал, что пещера рядом с тропой нежити окажется безопаснее теплого дома в Рабине… Давай тогда купим рыбы, вина и хлеба.

– Ответ положительный, – согласился Рингрин. – Нет ничего вкуснее форели, запеченой на углях.

Эльфы зашли на рынок и приобрели все задуманное, с той только разницей, что форели не оказалось, и они взяли семгу. Дорога, ведущая из Рабина, была всего одна. Вскоре Рингрин узнал те же дома, что видел утром, и успокоился. Они находились в предместье, где начинались мертвые кварталы.

– Но почему дракон так поступает? – спросил Рингрин.

Видно было, что принц задает вопрос, мучающий его давно, и ждал только момента, когда они окажутся на улице одни. Конечно, и стены имеют уши. Но не там, где ветер воет в узкой улочке, как попавший в ловушку волк.

– Правитель должен беречь своих подданных, – продолжал Рингрин. – Конечно, всем не угодишь, недовольные всегда будут. Но если народ будет любить своего правителя, то не будет и заговорщиков, да еще в таких количествах, что палачам приходится работать посменно…

Лайтонд помолчал. Они миновали дворец, напоминавший кокетку в платье со множеством оборок или оплывшую свечу. Эльфы двинулись вдоль глухого забора, через который свешивались ветви платанов. Деревья были очень старыми, их стволы были цвета пыли.

– Те, кого ты видел на площади… точнее, те, чьи изуродованные тела ты там видел… они не заговорщики, как мы, – сказал Лайтонд наконец.

– Но тогда в чем же причина этих казней? – изумился Рингрин.

– Черное Пламя не всегда был таким. Все дело в артефакте, которым он думает, что владеет… А на самом деле это артефакт владеет императором.

– Ты говоришь об Эрустиме? – уточнил Рингрин.

Лайтонд кивнул:

– Жезл власти свел его с ума. Черное Пламя нуждается в энергии страдания, в эманациях боли, ненависти и смерти. Так сильно нуждается, как закоренелый лислорер – в своем порошке. Поэтому дракон и хотел сжечь Железный Лес.

– А лучше бы и сжег, глядишь, обожрался бы своим магическим лислором и лопнул! – ответил Рингрин в сердцах.

Лайтонд покосился на принца Железного Леса.

– Вряд ли. Черное Пламя успокоится, только когда лишится Эрустима.

– Насколько я знаю, – задумчиво ответил Рингрин. – Эрустим создали твои родители. Ты имеешь на него больше прав, чем кто бы ни было. Даже если ты ошибаешься насчет причин сумасшествия Черного Пламени.

– И на том спасибо, – сказал Лайтонд.

Он почуял, что к ним кто-то приближается, раньше, чем Рингрин услышал топот сзади. Лайтонд обернулся, и увидел подростка, бегущего к ним. Паренек так спешил, что даже не застегнул свой парчовый кафтанчик, украшенный серебряным позументом. Ворота в заборе, мало уступавшие по мощи воротам замка самого Черного Пламени, были распахнуты. Очевидно, подросток выбежал из них. Эльф заключил, что дворец за этим забором еще обитаем, и что у его хозяев какое-то дело к двум путешественникам.

– Приветствую, господа, – сказал паренек, останавливаясь рядом с ними. – Мой отец просил передать вам вот это.

Он протянул Лайтонду что-то в зажатой ладони. Вибраций ни Чи, ни Цин эльф не почувствовал, и поэтому принял подарок. Им оказался жгут, сплетенный из полосок ткани двух цветов – синего и черного…

– Музыкант Смерти Лайто, мерзопакостный преступник, глава сего отвратительного бунта! – зычно крикнул глашатай. Его лицо, красное от натуги, покрывали капли пота. Лайтонд видел в его ауре отчетливый образ запотевшего кувшинчика с морсом… а еще лучше – с брагой, чтобы снять жажду и усталость этого безумного дня.

Конвоир толкнул эльфа в спину. Толчок отдался болью в скованных руках. Неторопливая процессия, состоявшая из Лайтонда и шести его конвоиров, отборных императорских гвардейцев, покинула темную караулку и вышла под ослепительное сияние южного полдня. Солнце засияло на доспехах гвардейцев, начищенных по случаю так, что в них можно было глядеться, как в зеркало. Теперь в этом зеркале отражался белый пылающий шар. Камни, которыми была вымощена площадь, тоже казались белыми и дышали жаром. Толпа ахнула и подалась вперед.

– Лайто! Лайто! – загомонили вокруг.

Кольцо конвоя вокруг эльфа сжалось и пропало. Люди, желающие посмотреть на Музыканта Смерти, просто смели стражников. Лайтонда прижали к пожилому эльфу в дорогой тергалевой рубахе. Толпа стиснула Лайтонда в своей влажной от пота клешне. Эльф с ужасом подумал, что его сейчас расплющат, как плющит кусок металла молот кузнеца. Но Лайтонд не был металлом, и ему вовсе не хотелось, чтобы его разорвали на куски. Эльф понимал, насколько это смехотворная мысль. В конце короткой прогулки через площадь его ждал эшафот, заваленный еще теплыми изувеченными останками, и палач, мастер четвертования, чей меч уже побурел от крови. И однако, если бы Лайтонд только мог, он бы отшвырнул от себя людей одним коротким заклинанием. Но он не мог. Его наручники были изготовлены по особому заказу, и красные алмазы блестели в эбонитовой основе, как глаза бешеного волка. Лайтонд не мог призвать ни Чи, ни Цин. Собственно, только поэтому он до сих пор оставался под стражей. Верховный маг Фейре с досадой дернул плечом. Повязка, черно-синий жгут, которым Танцоры Смерти поддерживали волосы, свалилась у него с головы. Она упала на грудь эльфу в тергалевой рубахе. Тот аккуратно и быстро подхватил распустившийся жгут и спрятал в карман.

– Продашь как посмертный сувенир? – прохрипел Лайтонд ему в лицо. – Так почему бы тебе и прядь волос не отхватить с башки? Или ухо? Неужели ты забыл дома нож? Аяяй, как непредусмотрительно!

Уже слышались крики гвардейцев, идущих на выручку незадачливым конвоирам.

– Нет, – ответил эльф спокойно и серьезно. – Я сохраню твою повязку, как напоминание о том, что… это возможно.

Лайтонд пожал плечами:

– Почти возможно…

Отец Лагкаэра, дед Аннвиля, прошел обитаемый мир насквозь, от Залива Вздыбленного Льда до теплого южного моря. Всю дорогу он грабил и убивал, не отвлекаясь на мелочи. Таким образом, Лакгаэр оказался весьма обеспеченным эльфом. Он приумножил

достояние отца. Разработки Лакгаэра в области магии принесли ему даже больше денег, чем отцу – разбой под знаменами Звездных Рыцарей. И некоторое время назад Лакгаэр решил открыть в магическую школу при своем дворце. В Черногории магические школы можно было пересчитать по пальцам. Первым было заведение при Капище Всех Богов в Куле, но туда принимали только мандречен. Вторым – Горная Школа, где обучали боевых ведьм. Буровей почему-то счел, что мужчинам полеты на метле противопоказаны, и в школу принимали только девочек. Ближайшее место, где молодые эльфы могли развить свои способности, находилось в Шуме. Это было старейшее заведение такого толка для эльфов на земле людей. Во время бунта Детей Волоса оно было жестоко разграблено. Драгоценные жемчужины древней мудрости – трактаты и свитки – были сожжены вместе с преподавателями. Таким образом, престиж, да и возможности Шумского Итронмара сильно понизились. Плата же за обучение там была очень и очень высокая, чем не преминул воспользоваться Лакгаэр. Ему не нужно было приобретать заново магические инкунабулы, и он мог не интересоваться толщиной кошелька родителей. Самым важным являлась способность управлять Чи. Если дар присутствовал, а заплатить родителям было нечем, старый эльф брал ученика бесплатно. Пансионат, где обучались маленькие эльфы, находился в южном крыле замка. Попасть туда можно было и через сад. Дорога приводила на внутренний дворик, где разгружались телеги с провизией. Так же воспитанникам разрешалось гулять в саду – днем, когда Лакгаэр работал.

Аннвиль мог бы перекинуться парой слов с дежурными воспитанниками, если бы все ученики пансионата Лакгаэра не разъехались на праздничные каникулы, отмечать Мидинваэрн. Аннвилю пришлось стоять на своем посту в беседке довольно долго, и он уже заскучал. Сначала во внутреннем дворике две чайки дрались на помойке, и эльф развлекался этим зрелищем, не забывая, однако же, поглядывать на улицу. Но она была пуста. Впрочем, удивляться тут было нечему. Дворец Лакгаэра был последним, где еще жили. Дальше начинались дворцы, чьи хозяева уже были либо казнены, либо арестованы вместе с домочадцами. Аннвиль уже отчаялся выполнить свою миссию – передать непонятного вида веревку, сделанную из черного и синего шнура. Эльфы, так заинтересовавшие отца, не могли пойти другой дорогой, потому что ее просто не было. Но они могли остаться в Рабине ночевать. Когда Аннвиль все же увидел двух эльфов, неторопливо идущих по улице прочь из города, он сначала засомневался. Но быстро сообразил, что тот, что был в полушубке, сменил его на лиловую куртку. «И правильно», одобрительно подумал Аннвиль. Подросток вихрем скатился с холма и вылетел за ворота. Ему без труда удалось догнать путешественников и всучить веревку высокому, как и было велено.

Высокий эльф смотрел на черно-синий жгут и молчал так долго, что Аннвиль даже забеспокоился. Ветер колыхал бахрому на рукавах модной куртки путешественника.

– Больше твой отец ничего не просил передать? – спросил незнакомец.

– Он приглашает вас в гости, – ответил молодой эльф.

Путники переглянулись.

– Да, мы, пожалуй, зайдем, – сказал высокий.

Первый день, проведенный во дворце Лакгаэра, Глиргвай позорно проспала. Время от времени она вставала и выбиралась на кухню. Кулумит оставил таким же голодающим, как она, сковороду картошки с рыбой и огромную миску салата. Салат темная эльфка есть не стала. Овощи показались ей незнакомыми, и девушка не знала, как на новую пищу отреагирует желудок.

Ощущение безопасности, того, что они достигли наконец какой-то цели, сломило и остальных эльфов. Дала себя знать усталость. Глиргвай ни с кем так и не встретилась ни на кухне, ни на первом этаже, по которому прошла из любопытства. Но к вечеру и сковорода, и миска опустели.

Второй день ушел у Глиргвай на обследование пансионата. Так называлась постройка, отданная им в пользование. Здание впечатлило ее своими размерами. Девушка опасалась

заблудиться здесь, как в таверне Магнуса. Поначалу она ходила очень осторожно, замечая для себя ориентиры – окно с витражом, перила, увитые каменным плющом. В итоге Глиргвай обнаружила две полезные вещи: кабину для душа в конце коридора первого этажа и открытую площадку для тренировок в западном крыле. Обратную дорогу эльфка нашла с трудом, но ни разу не заплутала и не сбилась.

Кулумит назвал незнакомые овощи морской капустой и сказал, что они очень полезны и надо их есть, чтобы не было цинги. Но Глиргвай и Зигфрид решительно отказались. Оборотень вообще избегал растительной пищи. А эльфку запах, шедший от водорослей, наводил на мысли об утопленнике, которого прибило к берегу, и раки еще не успели отгрызть все мясо с костей.

На следующий день Глиргвай с утра сыграла себе на лютне. Эльфка спокойно выслушала похвалы заглянувших на звуки Лакгаэра и Зигфрида. Девушка хотела найти дворцовую библиотеку. Но Лакгаэр разочаровал ее, сказав, что нужных ей книг там нет. И все же, Глиргвай направилась в ту часть дворца, где жили хозяева – Лакгаэр и его сын, Аннвиль, которого она уже видела мельком. Девушке очень хотелось взять у Кулумита веретено с тонкой, но прочной нитью, в которую превращается застывшая слюна паука, и прицепить один конец нити к двери в свою комнату, а веретено держать в руках во время предстоящей прогулки. Но Глиргвай поборола это желание. Она прошла мрачными, узкими коридорами, которые освещались через узкие оконца под самым потолком, и сама, не зная как, очутилась на улице – на лестнице, вырубленной в скале. В лицо ей ударил холодный ветер. Глиргвай от неожиданности захлебнулась воздухом, запахом соли и моря. Девушка решила спуститься по лестнице немного. Вдруг где-нибудь здесь есть дверь, через которую можно вернуться внутрь. И эльфка обнаружила такую дверь десятью-двадцатью ступенями ниже. Дверь была сделана заподлицо со скалой и так искусно замаскирована, что если бы из нее не вышел Лайтонд, Глиргвай бы никогда не нашла ее.

– Привет, – сказал Верховный маг Фейре, ничуть не удивившись.

Смущенная Глиргвай кивнула.

– Мне бы хотелось, чтобы ты прошла немного со мной, – произнес он. – Там, немного ниже, есть лестница, она приведет тебя к… А что ты ищешь?

– Ванную комнату, – призналась Глиргвай.

– Ты найдешь целый бассейн, – улыбнулся Лайтонд.

Как и любой маг седьмого класса, он видел внутреннюю структуру дворца насквозь. Глиргвай не знала значения последнего слова, но переспрашивать не стала. Они двинулись вперед по ступенькам. Фигуру Глиргвай скрывал отвратительный мешковатый свитер и чудовищные кожаные штаны, которые делали ее похожей на воспитуемого. Но Лайтонд заметил, как грациозно двигается юная эльфка – легко, быстро и изящно, словно танцуя. На Верховного мага Фейре в легкой льняной рубашке Глиргвай поглядывала с недоверием, но ни о чем не спрашивала. Лайтонд слышал ее мысль: «Илу их знает, этих звездных эльфов. Они, может, там у себя в Фейре свитера одевают, когда снегу по пояс навалит». «Будет нехорошо, если девочка умрет, ни разу не надев настоящего платья», внезапно подумал он.

– Я так удачно тебя встретил, – сказал Лайтонд непринужденно. – Мне хотелось поговорить с тобой вот о чем. Что ты скажешь, если мы подарим тебе платье? Настоящее платье, из бархата и шелка, я имею в виду.

Он покосился на нее.

– Кто это «мы», – пробормотала озадаченная эльфка.

– Ну, мы все, – легко соврал Лайтонд. – В благодарность за то, что ты скрасила нашу суровую компанию.

– А мне показалось, что вы не хотите меня брать, – возразила Глиргвай.

Эльф прикрыл глаза веками и ничего не ответил.

– Это же очень дорого, наверное, – произнесла она задумчиво.

– Об этом не думай, – сказал Лайтонд. – Как Верховный маг Фейре, я получаю солидное содержание. Все те годы, что я провел в лагере, деньги продолжали исправно

поступать – звание Верховного мага с меня снимут только после смерти. Так что я могу себе позволить подарить платье девушке, которая развеет чары над замком дракона.

– Ваниэль что-то говорила об этом… Что за чары? – заинтересовалась эльфка.

– Точно я не знаю, это же военная тайна мандречен, – признался Верховный маг. – Но известно одно. Войти в замок – с оружием и желанием убить дракона – могут только разные стихии, если они объединятся.

– Не понимаю, – пробормотала Глиргвай.

– Эльфы и мандречены, – пояснил Лайтонд. – Мужчины и женщины… Без тебя мы не сможем победить. Среди Танцоров Смерти были и люди, и эльфы – но женщин не было. Потому я проиграл в тот раз. Замок зачарован так, что если в него входят враги, на них тут же обрушиваются фантомные стражи. Их почти невозможно одолеть. Но если противоположные начала соберутся вместе, эти стражи так и не проснутся. И не придут на выручку своему господину. Так что ты – самый нужный и важный член в нашей компании.

– Да ладно, – пробурчала эльфка.

– Так что насчет платья? – уточнил Верховный маг Фейре.

Глиргвай улыбнулась и кивнула.

– Вот и замечательно, – заключил он.

– Можно тебя спросить? – осведомилась темная эльфка.

Лайтонд с интересом посмотрел на нее и кивнул. Оу уже успел убедиться, что эта тихая, спокойная девушка – та еще штучка. Мастерица неудобных вопросов.

– А почему ты хочешь убить Черное Пламя? – спросила Глиргвай. – Мы с Зигфридом потеряли свой отряд из-за него. Рингрин верит, что, убив дракона, спасет Железный Лес. Кулумит дал клятву верности нашему принцу и держит ее, в отличие от многих… Но ты? Что это для тебя – убить дракона?

Лайтонд несколько минут смотрел на серое, седое от гнева море. Глиргвай уже решила, что не получит ответа, когда он произнес:

– Ты умеешь играть на лютне, я слышал. Так вот, для меня убить дракона – это как выучить сложный проигрыш. Освоить перебор, который никак не дается. Ведь пока не выучишь его, спеть песню не получится. Вот так и я – повторяю снова и снова, хотя мне это уже до смерти надоело. Но что мне делать, если песня с таким хитро закрученным аккордом – это симфония моей жизни, такая, как ее написал Илуватар?

Глиргвай пожала плечами:

– Ты мог бы попробовать, как Мелькор, создать свою симфонию. Партия, предложенная тебе Илу, могла быть неудачной… или могла быть просто не по тебе.

Лайтонд ощутил легкое головокружение, поняв, что именно советует ему Глиргвай. Эльфка была еще очень юна – но ее устами говорил народ, старый и мудрый. Эта мудрость была, несомненно, злой. Однако Лайтонд после полувека в воспитательном лагере начал всерьез сомневаться, что добро и зло, свет и тьма значат больше, чем просто звуки.

– В Фейре за такой ответ тебя бы казнили, – почти прошептал он. – То, что ты говоришь – это кощунство.

– Я не из альвов, – возразила Глиргвай. – И мы не в Фейре.

– Да, – кивнул Лайтонд. – Я просто забыл, что разговариваю с авари. Что ж, спасибо за совет. А вот и дверь.

Глиргвай озадаченно посмотрела на грубую, бугристую поверхность скалы. Лайтонд взмахнул рукой, и в ней засияли контуры двери. Верховный маг Фейре галантно открыл ее, потянув за невесть откуда взявшуюся ручку. Эльфка кивнула ему на прощанье и вошла вовнутрь.

«Заговоры – заговорами, но и науку тоже нужно двигать», думал Лакгаэр, когда поднимался из своей лаборатории и сжимал в руках папочку с результатами последних экспериментов. Он провел два последних дня над колбами и ретортами, спал и ел в лаборатории. Мягкая и удобная софа стояла у дальней стены специально для таких случаев.

Верный слуга приносил еду исследователю. Если бы серия артефактов Д-19 созрела на день раньше, Лакгаэр и Лайтонд не встретились бы. Это, несомненно, оказало бы неизгладимое влияние на ход истории. Сейчас Лакгаэр направлялся в свой кабинет при библиотеке. Данные предстояло расшифровать, зафиксировать и обдумать. Эльфу казалось, что он уже заметил некоторую закономерность результатов. Но без логарифмической линейки его предположения было не проверить.

Таким образом, если бы за эти два дня Лайтонд сотоварищи уже убили дракона, Лакгаэр узнал бы об этом последним. Впрочем, он не желал вникать в дела заговорщиков. Старый эльф исходил из того, что чем меньше он знает, тем меньше информации он сможет передать имперским палачам – если до этого дойдет. Да и сами заговорщики не торопились посвящать эльфа, приютившего их, в детали своего замысла. Лакгаэр знал, что они не доверяют ему – потому, что он сам проявил инициативу. По этой причине он не стал сообщать эльфам, что знает по крайней мере одного человека, который охотно пойдет с ними убивать Черное Пламя. Всему свое время.

Когда Лайтонд и Рингрин, выслушав его предложение, собрались идти за остальными, Верховный маг Фейре увидел отчаянное выражение на лице Лакгаэра. Лайтонд улыбнулся и сказал:

– Мы вернемся. Мы же оставили вам рыбу и вино. Не родился еще тот эльдар, который мог бы бросить славную, жирную семгу, за которую уже заплатил.

И они правда вернулись, и потушили семгу в вине – благоухание добралось и до внутреннего дворика, где гулял перед сном старый эльф, чтобы успокоить нервы. Лакгаэр поселил гостей в той части пансионата, которая имела отдельный выход на улицу и кухню. Старый эльф запретил слугам ходить туда. Лагкаэр дал Лайтонду ключ от дверей, отделявших пансионат от остальной части дворца. В тот же вечер старый эльф отписал и связался посредством магического шара с родителями учеников. Он сообщил, что каникулы продлены на неопределенный срок. Большая часть эльфов была в курсе того, что происходит в Рабине, и родители не возражали против увеличенных каникул. Ну, а ученики – и подавно.

Лаборатория находилась в подземном этаже под помещениями, которые достались гостям. Лакгаэру пришлось пройти широким коридором, соединявшим комнаты воспитанников и общий зал. Старый эльф никого не встретил по дороге. Но когда он оказался в общем зале, с перил балюстрады второго этажа кто-то мягко спрыгнул. Лакгаэр отступил назад – ему показалось, что темное тело летит прямо на него. Мужчина приземлился в двух шагах от хозяина дворца и представился:

– Зигфрид.

Старый эльф назвал свое имя.

– У меня к вам просьба, – сказал Зигфрид.

Лайтонд запретил им беспокоить хозяина дома. Но вопрос, с которым оборотень хотел обратиться к Лакгаэру, был не пустым капризом.

– Да, конечно.

– В каминной на полу лежит шкура, – произнес Зигфрид. – Нельзя ли заменить ее на ковер? Или вообще убрать?

Лакгаэр с трудом вспомнил, что около камина лежала уже порядком потертая шкура тигра. Ее подарили родители одного из учеников.

– Конечно, можно, – сказал старый эльф. – Пройдемте со мной.

Он так давно не был в оружейной, что боялся не найти туда дороги из этой части дворца. Однако нашел. Оказавшись в комнате, стены которой были увешаны саблями, доспехами и алебардами, Зигфрид восхищенно присвистнул. В углу стояла связка пик. Тех самых длинных, окованных железом пик, которые под силу удержать только всаднику, и на которые Рыцари Льда нанизали весь обитаемый мир, как шашлык на шампур. Не удержавшись, бывший химмельриттер любовно погладил моргенштерн, который оформитель дворца вставил в руку чучела в доспехах.

– Это все ваше? – спросил оборотень.

– Ну, кое-что здесь принадлежало воинам моего отца, – ответил Лакгаэр. – Однако я смотрю, за оружием вы не заметили ковров.

Теперь и Зигфрид увидел, что все это великолепие развешано не на голых стенах, а на коврах самых разных форм и расцветок. Сюркистанские пышные ковры соседствовали с тонкими, но не знающими износа эльфийскими анварланнэ и боремскими гобеленами. К одному из них и подошел Зигфрид.

Несколько мгновений он молча смотрел на картину, изображавшую не обычных для неречи пару лебедей на пруду или оленей в березовой роще. На гобелене с большим искусством была выткана башня, которую Зигфрид узнал. Из окна под самой крышей башни высовывалась хрупкая женская фигурка. Ее тяжелые косы, вышитые золотом, ниспадали до нижнего края картины, где стоял конный рыцарь в сюрко. На его кожаном нагруднике можно было различить половину руны, вышитой серебром. В том, что перед зрителями изображен кто-то из Звездных Рыцарей, сомнений не оставалось. И Зигфрид даже знал, кто именно.

У оборотней не было своего языка, они общались в основном телепатически либо же хриплыи лаем. Главы кланов понимали, что отсутствие языка превращает их родичей в зверей. Они согласились дать приют на своей земле племени, шедшему с севера. И тогда выяснилось, что у неречи есть язык, но нет фантазии. Фамилия главы клана рысей звучала как фон Татцельберг. Крепость, принадлежавшая ему, так и называлась – крепость Рысей, Татцельбург. В те далекие времена о химмельриттерах никто и не мечтал. Боремию от набегов драокнов прикрывал магический щит. В крепости находился один из двух магических артефактов, создававших Щит Курта. Магическую дугу замыкал артефакт в крепости Вольфсангель, принадлежавшей вервольфам.

Незадолго до того, как Звездные Рыцари решили отведать винограда, у Эдмунда фон Татцельберга, тогдашнего герцога Боремии, умерла жена. Она оставила прелестную дочь, Ингельду. О ее золотых волосах пели песни по всей Боремии. Фон Татцельберг женился второй раз. Вскоре после этого радостного события один из известных магов Боремии предсказал, что у Ингельды родится чудовище, которое разрушит крепость и магический щит. Злые языки поговаривали, что новая жена Татцельберга немало заплатила за столь удачно прочитанную судьбу падчерицы. Эдмунд не смог убить дочь, хотя рекомендации волшебника были именно такими. Ингельду заперли в башне, которая тогда носила название Северная. Вскоре армия эльфов обрушилась на земли оборотней.

Каранурума Феаноринга на самом деле звали Койриллэ, «Блеск весны», а боевое прозвище «Багряная пустота» прилепилось к нему гораздо позже. Он был тяжело ранен во время битвы за Хассберге, но смог избежать плена. Его приняли за мертвого. Эльф заблудился в лесу и вышел точнехонько к Северной башне. Ингельда, увидев перед собой красивого юношу, не стала терять времени зря. Легенда гласила, что она спустила вниз свои косы, и Койриллэ взобрался по ним. Но истина заключалась в том, что Ингельда сбросила раненному эльфу веревку, которой он обвязался. Эльф был так слаб, что самостоятельно не смог бы взобраться и на стульчак. А Ингельда втянула Койриллэ наверх. Как и все татцели, Ингельда была крепкого сложения, а Феаноринг был хотя и рослым, крепким юношей, но очень отощал от ран. Менестрель, в исполнении которого Зигфрид слышал «Балладу Золотых Кос» в этом месте особенно напирал на ту силу, что вливает в жилы всех живых существ любовь. Химмельриттер же подумал о том, что если бы ему предстояло провести жизнь в одиночестве, на самом верху дозорной башни, слушая только злобный северный ветер, то он втащил бы парня наверх вместе с конем, если бы рыцарь отказывался с ним расстаться. Ингельда выходила Койриллэ, и вскоре они вместе бежали из крепости. Койриллэ – потому что должен был вернуться под знамена Звездных Рыцарей. Ингельда, со слов менестреля, потому, что не могла расстаться с любимым. Зигфрид знал истинную причину.

Ингельде было бы очень сложно объяснить отцу, как она, находясь в полном

одиночестве на высоте шести метров над землей, умудрилась забеременеть. Учитывая, что этот ребенок должен был разрушить Щит Курта, Ингельду после этого признания сбросили бы с башни.

Эдмунд фон Татцельберг пал в сражении под Хассбургом. Встал вопрос о том, кому теперь принадлежит крепость, без которой Боремия не сможет существовать. Мачеха Ингельды не стала дожидаться, какое решение примет Каранурум. Феаноринг к тому времени уже вполне оправдывал свое боевое прозвище. Герцогиня бежала в леса вместе с малолетним сыном Эдмунда. Койриллэ вступил в Татцельбург. Защитники крепости и Щита не сопротивлялись – в седле перед Койриллэ сидел законный владелец крепости. Им был маленький темноглазый мальчик, весьма симпатичный, несмотря на то, что ему на роду было написано родиться чудовищем. Северная башня была переименована в башню Золотых Кос. Маг ошибся. Сын Ингельды и Койриллэ укрепил и перестроил крепость, вместо того, чтобы уничтожить ее. Щит Курта продолжал функционировать без сбоев. В крепости Вольфсангель, где крепился второй конец магической дуги, все прошло далеко не так беболезненно – хотя предсказания об этом не предупредили. Вервольфы, в отличие от татцелей, увлекшихся матримониальными сюжетами, дрались насмерть и полегли как один. Перед гибелью они, исходя из соображений «так не доставайся же ты никому», сильно повредили артефакт, генерировавший щит. Магическое поле ослабло. Центральная часть Боремии в последующие годы, пока шел ремонт артефакта и Вольфсангеля, была выжжена обрадованными драконами практически дотла.

Очарованный Зигфрид провел руками по гобелену, а затем отогнул нижний левый угол и заглянул за край. Там обычно указывалось место создания шедевра. Зигфрид ожидал, что там будет написано «Фишервег». В этом городе производилось больше половины всех ковров Боремии. Но аккуратная надпись гласила: «Хассбург». Гобелен оказался старше, чем подумал Зигфрид. Возможно, перед ним был самый первый гобелен. Тот самый, что Каранурум Феаноринг повесил в башне Золотых Кос в память о подвиге его жены Ингельды, урожденной Татцельберг.

Или его точная копия.

– Этот ковер был привезен из Боремии, верно ведь? – спросил Зигфрид.

Старый эльф глянул в желтые, как масло, глаза собеседника, разрезанные черными лезвиями вертикальных зрачков. Все было понятно.

– Да, – ответил Лакгаэр. – Его привез мой отец. Теперь вы меня ненавидите? – вежливо осведомился он.

Оборотень фыркнул.

– Нет, – сказал он. – Между двумя любыми народами есть вещи, которые лучше не вспоминать. Просто забыть, и все. В девяти мирах хватит места для всего. Но та штука, что однажды разорвет их на кусочки, называется ненавистью. Как же вам удалось выжить, то есть я имею в виду, все Звездные Рыцари, прошедшие Боремию, были…

Бывший химмельриттер замялся.

– Прокляты до седьмого колена, – кивнул Лакгаэр. – Обычно здесь ребенку дают боремское имя, и это помогает.

– А как же вы? – спросил Зигфрид. – У вас вполне эльфийское имя.

– А моего отца не прокляли.

– Вот как? Почему же?

– Он спас маленького рысенка, застрявшего в расщепленном дереве, – ответил Лакгаэр. – Он объяснял мне, что отлично понимал, что делает. Что перед ним ребенок врага, врага страшного и беспощадного, с которым нельзя договориться, а можно только уничтожить. Но его желание заботиться о ком-то было очень велико, а котенок был весьма пушистый и красивый… Отец говорил, что собирался его отпустить, когда татцель бы подрос. Но случилось иначе.

– Да, я слышал эту историю, – медленно сказал Зифгрид. – Родители рысенка погибли,

но за ним пришла его сводная сестра… Вы позволите взять этот гобелен?

– А вам не будет на нем жестко? – осведомился Лакгаэр. – Мне почему-то казалось, что вам больше понравится вот этот. Будет созвучен вашим мыслям…

Он указал на толстый, пушистый сюркистанский ковер. На фоне оранжево-алого пламени свился кольцами могучий черный дракон. На месте глаз поблескивали крохотные рубины. Зигфрид понял, что Лакгаэру вовсе не хочется, чтобы кто-нибудь обтирался задницей об раритет. Бывший химмельриттер внутренне согласился с ним. Гобелен из башни Золотых Кос был создан не для того, чтобы на него сыпались искры из камина.

– Да, этот будет помягче, – кивнул Зигфрид.

Лакгаэр хотел вызвать слугу, чтобы отнести ковер в каминную. Но оборотень принялся снимать ковер сам, и врожденное чувство такта подсказало старому эльфу другое решение. Он помог Зигфриду снять оружие, висевшее на ковре – двуручный топор, весь в боевых вмятинах, но любовно вычищенный и смазанный, хоть сейчас в бой, а так же щит с вытисненным на нем крабом-отшельником. Таков был герб рода Лакгаэра. Эльф и оборотень скатали ковер и вдвоем понесли его в каминную. Когда они миновали последний поворот и остановились передохнуть, Лакгаэр услышал нежный девичий голос, принадлежавший, несомненно, Глиргвай.

Темная эльфка пела:

– Мертвые струны не зазвенят, лишь над пожарищем каркает ворон…

«Наконец-то», мелькнуло у Зигфрида. Оборотень знал, что горе, излитое в песне, из смертельного яда, медленно убивающего изнутри, превращается в высокое искусство. И отравляет окружающих – но не автора.

«Неплохой голос, и с лютней обращаться умеет», подумал Лакгаэр, вытирая пот со лба. – «Надо будет похвалить девочку».

Старый эльф и не подозревал, какие удивительные плоды принесут ему на этот раз хорошее воспитание и простая вежливость.

Лайтонд спускался по лестнице, вырубленной в скале. Внизу белыми гривами пенились волны. Дворец был расположен очень грамотно. С одной стороны, он имел выход к морю, эльф даже видел лестницу, ведущую с небольшой террасы на пляж. С другой стороны, подойти к дворцу с моря было очень сложно – напротив жилища Лакгаэра находился большой остров. Лайтонд забыл, как он называется. Порывы ветра, налетавшего с моря, пронзали холодом и сыростью до самых печенок. Эльф пожалел, что не надел куртку.

Лакгаэр разрешил гостям бродить, где им вздумается, и Верховный маг Фейре собирался воспользоваться этим разрешением. Лайтонд и принял предложение Лакгаэра Хиалталлина только потому, что почуял во дворце один артефакт. Теперь он хотел на него посмотреть, прикоснуться. Целью Лайтонда являлась терраса. Судя по колебаниям эфира, артефакт находился именно там. Эльф решительно преодолел несколько последних ступенек.

Здесь было несколько теплее. Квадратная площадка по периметру была усажена колючими голыми кустами, и ветер запутывался в их ветвях. Лайтонд сначала принял их за юных, только-только отпочковавшихся дубокраков. Эльф невольно шарахнулся назад. Но у этих растений отсутствовали подвижные, цепкие воздушные корни, которые позволяют дубокракам передвигаться по земле. Перед Верховным магом Фейре были обыкновенные розовые кусты. Зима обнажила колючки, обычно кокетливо спрятанные за листьями, и стряхнула с кустов цветы, потому Лайтонд и не узнал растения сразу.

Эльф внимательно осмотрелся. В четырех углах террасы на высоких цоколях стояли статуи. Лайтонд узнал Владыку Дыхания Арды и Владыку Вод. Верховный маг Фейре отметил типичную для Дангля манеру работы. Великий скульптор был родом из Железного Леса. Изображения богов, что сейчас стояли перед Лайтондом, мало чем отличались от статуй в храме Бьонгарда. В дальнем от себя конце площадки Верховный маг Фейре заметил Йаванну. Великая богиня представала перед гостем в ипостаси Смотрящей в Ночь. Лайтонд

даже догадался, почему Лакгаэр заказал изваяния Данглю. Только авари украшали тела своих богов татуировками – как и свои собственные. В хитрых завитушках на правой щеке Манвэ и изящном сплетении линий на левой руке Йаванны были запечатлены заклинания. Они и превращали статуи в могущественные артефакты. Лайтонд перевел взгляд. Так и есть, филигрань, украшавшая трезубец Ульмо, тоже не была не простым сочетанием полосок.

Изваяния являлись резервуарами магической силы стихий – Воздуха, Воды и Земли. На роль хранилища для Чи Земли больше подошла бы статуя Аулэ. Дангль с удовольствием изобразил бы этого бога, весьма почитаемого в Железном Лесу. Но религия эльдар запрещала изображать пособника Врага. Лакгаэру пришлось обойтись статуей Йаванны, верной подруги Аулэ.

Для того, чтобы усилить магические свойства артефактов, скульптор укрепил в изваяних драгоценные камни. В нагруднике Владыки Дыхания Арды находился крупный, размером с куриное яйцо, ночной рубин – лучший природный накопитель Чи Воздуха. Из-за несущихся по небу рваных туч было довольно темно, несмотря на ранний час, и камень приобрел нежно-розовый оотенок. Темно-зеленый изумруд, одно из самых емких вместилищ Чи Воды, переливался в основании трезубца Ульмо. В пряжке, скреплявшей свободную тунику Йаванны, подмигивал теплым глазом красный сапфир – камень, издревле используемый для накопления Чи Земли.

Площадка была выложена терракотовой плиткой. В центре находилось изображение гексаэдра, обозначенное более светлым цветом. Лайтонд понял, что перед ним знаменитый телепорт Лакгаэра. В отличие от обычных телепортов, лицензия на устройство которых избавила Хиалталлина от хлопот о хлебе насущном, этот портал не нуждался в координатах и в громоздком устройстве географической привязки, а так же в маячке, делавшим его заметным для других телепортов. Он работал от мыслеобраза, то есть мог перенести эльфа в любую точку мира – при условии, что телепортируемый там уже бывал и мог ее представить.

Четвертую фигуру, стоявшую в западном углу террасы, скрывали разросшиеся кусты. Лайтонд глубоко вдохнул и сделал шаг к ней. Эльфа позвали на террасу именно тяжелые, холодные, эманации Цин, которые она излучала. Некоторое время Верховный маг Фейре не мог решиться, и лицемерил сам с собой, делая вид, что разглядывает статуи богов. Исходя из магической логики, эта статуя должна была являться сосудом для Чи Огня. Лайтонд знал, что в ней запечатлено Чи всех четырех Стихий, плюс еще кое-что. Последняя, четвертая статуя являлась преобразователем всего Чи, которую удавалось накопить остальным артефактам.

Эльф раздвинул ветви. Колючки впились ему в ладонь, но он не обратил на это внимания.

На мраморном цоколе стояло изваяние высокой и стройной женщины. Длинная рубаха Разрушительницы ниспадала мягкими складками. Как и положено, на талии рубаху перехватывал пояс, на котором висел расшитый карман. Скульптор не отступил от правды жизни и украсил шитый карман треугольниками, ромбами и квадратами – любимым узором мандречен. Вплести в геометрический узор несколько зловещих рун, которые даже Лайтонд не рискнул бы прочесть вслух, было делом техники – и Дангль блестяще справился с этой задачей. Одна рука женщины скрывалась в кармане, вторая просто висела вдоль бока. Пряжка на поясе изображала ящерицу с загнутым, как у скорпиона, хвостом. На месте жала был укреплен искусно обточенный по форме кусочек черного горного хрусталя. Не настоящая Игла Моргота, упаси Илуватар, а безопасная имитация страшного артефакта, которым пользовались Разрушители, призывая Цин. Черный горный хрусталь считался единственным минералом, пригодным для манипуляций с мертвой силой. Капюшон был отброшен на плечи, и женщина смотрела на море голубыми аквамаринами глаз. Лайтонд знал, почему Лакгаэр так расщедрился – остальные боги пялились на пришельца слепыми мраморными белками.

Скульптура была вместилищем Чи Хозяйки Четырех Стихий, которой и являлась Разрушительница Пчела. Как известно, жизненная энергия наилучшим образом сохраняется

в объекте, максимально похожим на источник данного Чи.

Лайтонд рассматривал статую со смешанным чувством. Она была цела и в прекрасном состоянии. Если бы Пчела умерла, артефакт разрушился бы. После бунта Детей Волоса прошло уже больше двухсот лет. Большинство Разрушителей были полукровками. Многие из них были еще живы. Чего стоил Игнат, вынырнувший в Бьонгарде после создания Цитадели и преподавания в Зойберкунстшуле! Но мать Лайтонда была чистокровной мандреченкой, а человеческий век намного короче эльфийского. Однако статуя бесстрастно смотрела на него своими яркими голубыми глазами. Лайтонд провел рукой по лбу и ощутил влагу – кровь из уколотого пальца. Эльф коснулся окровавленным пальцем постамента.

– Несмотря ни на что, рад тебя видеть, – сказал он.

Лайтонд произнес это негромко – слова потерялись в вое ветра и грохоте прибоя. Даже Лакгаэр, вышедший на лестницу и заметивший своего гостя в розарии, ничего не услышал.

Старая ведьма, мешавшая варево в котелке за тысячу верст от Лайтонда, вздрогнула и выронила ложку. Она выпрямилась, опрокинув котелок. Горячая смесь плеснула ей на колени, но женщина ничего не почувствовала. Она запустила левую руку в шитый бисером карман, висевший у нее на поясе. Вторая рука бессильно свесилась вдоль тела.

Лайтонд обнял колени статуи.

– Мама, – сказал он и прижался лицом к холодному мрамору.

Лицо статуи покрылось мельчайшими капельками – неверное, осела влага, принесенная морским ветром.

Старая ведьма, стоявшая в своей избушке, беззвучно заплакала. Из-под лавки вынырнул черный кот, тревожно мяукнул. Зверь не видел своей хозяйки, хотя она только что была здесь. Улетела, что ли? Кот глянул на потолок. Люк, ведущий на чердак, был закрыт, да и ступа вон на своем месте, у дверей. Кот подошел к непонятному предмету, высившемуся столбом посреди горницы, и обнюхал его.

Лайтонд выпрямился, отпустил статую, вытер слезы рукавом.

– Я знаю, тебе неприятно, что я прикасаюсь к тебе, – сказал он. – Но ты ничего не можешь поделать… Да, я такой. Я слабак и трус. Я тоскую по тебе и мечтаю обнять, хотя ты меня ненавидишь. Всегда ненавидела – теперь я знаю. Ненавидела и боялась…

Розовый куст, согнувшись под ветром, хлестнул его по спине, вырвав клочки из рубашки.

– Но теперь и ты знаешь, – продолжал Лайтонд. – Я жив, и я снова здесь. И ты знаешь, зачем. Правда, – добавил он как бы про себя. – У меня почему-то такое чувство, что весь Рабин об этом знает… Ох, мама, мама…

Он отвернулся от статуи. Перед аквамариновыми глазами предстала обтянутая рубашкой мощная спина, достойная тирисского борца. Пребывание в воспитательном лагере, в некотором смысле, пошло Лайтонду на пользу. Эльф продолжал, полуобернувшись через плечо, как будто изваяние могло его услышать:

– Что же мне теперь делать? Ведь пока ты жива, дракон неуязвим, а ты жива… Ведь не можешь же ты разлюбить его.

Верховный маг Фейре засмеялся – словно ворон закаркал.

– Получается, я опять поведу мандречен и эльфов, имевших неосторожность поверить в меня, на смерть. И, возможно, наконец погибну и сам. Я так устал, мама… Наверное, так устает волна, которую свирепый ветер гонит на утес. Знать, что тебя сейчас бросит на острые, как ножи, скалы; знать, что эти ножи изорвут тебе всю грудь, знать, что истечешь кровавыми слезами… и не иметь возможности ни остановиться, ни повернуть назад.

Он обернулся и произнес почти с досадой:

– Ну и зачем ты создала Эрустим, мама?

Ответа от статуи эльф не дождался. Лайтонд вздохнул. Верховный маг Фейре наклонился, коснулся губами края каменной рубахи и ушел.

Он уже окончательно продрог.

Старая ведьма, неподвижным изваянием высившаяся в своей избушке, вздрогнула и села – хотя скорее рухнула – на сундук позади себя. Обрадованный кот с мурчанием вскочил ей на колени, потерся головой об руку. Ведьма рассеянно погладила его. Затем резко поднялась. Кот едва успел спрыгнуть на пол. Сбросила изгаженный передник, накинула полушубок, висевший у двери, и направленным пучком Чи распахнула люк в потолке. Ведьма поманила к себе ступу. Кот встревожено мяукнул.

– Я к Змею Горынычу, – сказала ему хозяйка. – Надо посоветоваться. Только ты никому не говори. Скоро вернусь.

Глиргвай задумчиво осматривала высокий зал, в котором оказалась. Несколько смущало темную эльфку то, что он облицован разноцветным кафелем. Обычно стены дворца были либо каменными, либо обшивались панелями из дуба и сосны. Когда она вошла, на стенах вспыхнула россыпь магических светильников. К этому Глиргвай уже привыкла и считала данное изобретение истлинских эльфов весьма полезным и практичным. В дальней стене обнаружилась еще одна дверь. Панно над ней изображало пловца в бурном море, а так же пару весьма симпатичных морских чудовищ. Глиргвай сразу поняла, что шансов достигнуть берега у купальщика никаких. У стен стояли скамейки. Чуть впереди эльфки находилась горка вроде тех, с которых зимой катается малышня, только каменная, и какие-то смешные квадратные тумбочки. Глиргвай рассудила, что если здесь нет ничего похожего на ванну, то следует продолжить поиски, и сделала несколько шагов вперед, обогнув ближайшую тумбу.

Темная эльфка рухнула в пустоту. Глиргвай даже не завопила – так она удивилась. Эльфка зависла над огромной каменной чашей, края которой она не заметила и так легко перешагнула. На дне уютно свернулись толстые черные змеи. Но разбиться об дно, или же достаться на завтрак змеям Глиргвай было не суждено. Что-то резко дернуло ее вверх, потянуло назад. Эльфка вновь очутилась на бортике. Девушка ощутила руки на своей талии – кто-то оттаскивал ее от края. Глиргвай не сопротивлялась. Когда они оказались метрах в пяти от чаши, эльфка высвободилась из рук своего спасителя и повернулась к нему лицом.

Это оказался высокий светловолосый подросток, крайне встревоженный. На груди его темно-голубой шелковой рубахи расплывалось темное пятно пота. Он порядком вымотался, спешно создавая и бросая левитационное заклинание, а потом оттаскивая гостью от чаши. На висках у него были заплетены тоненькие косички по моде тэлери. Глиргвай узнала Аннвиля, сын хозяина дворца.

– Ну скажи же что-нибудь, – произнес он и встряхнул ее за плечи.

– Зачем вы держите во дворце змей? – спросила девушка. – Вы их выпускаете на врагов во время осады?

– Каких змей? – искренне изумился Аннвиль.

Глиргвай махнула рукой себе за спину.

– Покажи их мне, – сказал юноша и крепко взял ее за руку.

Они подошли обратно к краю чаши. Как теперь разглядела Глиргвай, она имела форму полусферы с неровным дном. Она заметила вмурованную в стену чаши лестницу. У дальнего от них края чаша имела наименьшую глубину. Однако здесь до дна выходило, по прикидкам Глиргвай (а у нее, как у любой темной эльфки, глазомер был отменный) не меньше двух с половиной метров.

Девушка указала на темные, блестящие в свете шаров под потолком тела. Аннвиль несколько секунд рассматривал их, а потом расхохотался.

– Это шланги, – сказал он. – Чтобы мыть бассейн. Я как раз собирался этим заняться и спустил их вниз. Ты что, никогда не видела бассейна?

Глиргвай насупилась и промолчала. Аннвиль снова рассмеялся. Это был легкий смех, приятный и не злобный.

– Эта чаша наполняется теплой водой, – сказал он, успокоившись. – Здесь можно плавать. Просто сейчас в пансионате никого нет. Мы спустили воду, когда все разъехались на каникулы. Ко мне брат должен придти в гости. Он сказал, что хочет поплавать. Вот я и решил помыть бассейн и набрать его. Слугам это доверять нельзя, сама понимаешь.

Глиргвай обвела чашу потрясенным взглядом. Девушка видела, что Аннвиль не врет. Лайтонд не обманул Глиргвай, когда сказал, что она обнаружит очень большую ванну. Эльфка даже вспомнила, что употребил именно это слово, «бассейн». Но ванна таких размеров, в которой можно плавать с братом и друзьями, не помещалась в ее голове. Глиргвай мечтала о чем-нибудь поскромнее. В огромном зале отсутствовал уют ванной комнаты, где можно отгородиться от всего мира занавеской и погрузиться в ароматную пену.

Аннвиль покачал головой и добавил:

– Страшно подумать, что случилось бы, если бы меня здесь не было! Ты бы разбилась. Твои друзья наверняка подумали бы, что мой отец убил тебя специально, и убили бы всех нас.

– Вы наполняете эту чашу теплой водой? – спросила эльфка. – Но ведь нужно очень много дров и огромный чан, чтобы нагреть столько воды…

Аннвиль понял, что девушка в шоке и понимает разве каждое третье слово из пяти, которые он произносит.

– Ты права, – сказал он. – Но нам это ничего не стоит. Дворец стоит на мощном горячем источнике. От него вода идет по трубам в батареи. Ну, такие железные гармошки. Ты должна была видеть, в твоей комнате наверняка есть. Они есть везде. И мы вообще не покупаем дрова. А часть воды мы пускаем сюда. Система вентилей и регулировки очень сложная. От нее зависит не только обогрев, но и безопасность дворца. Страшно подумать, что будет, если какой-нибудь враг проберется в распределительную. Замок может затопить полностью… Поэтому мы и не доверяем это слугам, делаем все сами.

– Здорово, – сказала девушка.

– Ты могла бы сказать мне, как тебя зовут, – заметил Аннвиль.

– Глиргвай, – ответила гостья.

– А теперь, может, ты объяснишь мне, что ты здесь искала? – очень мягко спросил он.

Глиргвай не обманул его тон. Девушке хватило сообразительности сопоставить вопрос Аннвиля с объяснениями о важности водяного отопления дворца и необходимостью скрывать секреты его устройства от чужаков.

– Извини, – сказала она. – Я хотела искупаться.

– В пансионате есть душевые, по-моему, – заметил Аннвиль. Он дружелюбно улыбался, но вгляд его оставался цепким и внимательным.

– Я хочу помыться в ванне, – мрачно ответила Глиргвай, выделив последнее слово. – Я думала, вдруг где-нибудь здесь есть… Спасибо тебе, я пойду.

Девушка повернулась, чтобы покинуть зал.

– Постой, – окликнул ее Аннвиль.

В голосе его слышалось нескрываемое облегчение. Сын Лакгаэра всерьез относился к своим обязанностям стража воды.

– Конечно, у нас есть ванная комната, – продолжал эльф. – И как я сразу не подумал, что девушке мало будет душа. Там нельзя полежать, поплескаться…

Глиргвай с благодарностью посмотрела на него.

– Если хочешь, я покажу тебе, – сказал Аннвиль.

– Сделай милость, – ответила Глиргвай.

Они обошли чашу по бортику. На нем стопкой лежали легкие пробковые доски – для тех, кто еще только учится плавать, пояснил Аннвиль. За дверью, которую Глиргвай заметила с самого начала, оказался длинный коридор. Он прихотливо изгибался. По ассоциации со шлангами Глиргвай показалось, что они идут по пищеводу огромной змеи.

Парочка миновала множество развилок, никуда не сворачивая, и оказалась перед крепкой дубовой дверью.

– Прошу, – сказал Аннвиль церемонно и распахнул ее.

Эльф пропустил девушку вперед. Глиргвай остановилась, потрясенная.

Мраморная ванна, стоявшая у стены, явно была младшей сестрой бассейна. Глиргвай с Зигфридом легко поместились бы в ней вдвоем. И еще осталось бы необходимое место для движений, которые выполняют двое, когда занимаются любовью. Эльфка улыбнулась своим мыслям.

Но все же эта была именно ванна. К потолку крепился карниз, с которого свисала занавеска, сейчас вся собранная у стены. Блестели хромированные краны и вентили. Всю угловую стену занимало зеркало. Глиргвай поняла, что когда-то во дворце жили и женщины… мать Аннвиля, например. Почему старый сын остались с сыном одни, она не стала спрашивать из деликатности.

– Это не ванна, а сказка, – с чувством сказала девушка.

– Только сейчас у тебя не получится помыться, – сказал Аннвиль.

В глазах его промелькнул лукавый огонек и исчез.

– Почему? – огорчилась Глиргвай.

– Ну, ты понимаешь, распределительная система очень сложная, – пояснил эльф. – Либо бассейн, либо ванна. Мы уже с братом договорились… Я же не знал, что ты захочешь искупаться именно сегодня.

«Проклятая вежливость эльдар… сказал бы сразу», недовольно подумала Глиргвай. – «А то раздразнил, разлакомил…»

– Какая жалость, – пробурчала она.

Но Аннвиль был далеко не так прост.

– Завтра вечером вода точно будет. Приходи купаться, – сообщил паренек. – А сейчас, может быть, зайдем ко мне, выпьем горячего вина? Ты же чуть не погибла, тебе нужно расслабиться, успокоиться.

– Можно, – кивнула Глиргвай.

Паренек был прав. В первый момент девушка не почувствовала страха, но сейчас ее мелко трясло. Но от испуга или от смеха при виде этих его маневров, Глиргвай не смогла бы сказать. Эльфка очень сильно подозревала, что распределение воды в системе вовсе не было таким уже жестко регламентированным. Паренек просто хотел пообщаться с ней и мастерски создал предлог. Аннвиль понравился Глиргвай. Он был красивее многих, кого знала девушка. Он разбирался в сложной конструкции труб, питавших дом теплом, а бассейн – водой, и это вызывало уважение. Эльфка давно не общалась с ровесниками, и уже успела соскучиться, сидя без дела во дворце.

Так что Глиргвай с удовольствием сходила бы в гости к Аннвилю и без этих хитрых маневров.

– Только что уже там вина, лучше водки выпить сто грамм – и все снимет как рукой, – сказала эльфка.

Аннвиль поперхнулся, но учтиво ответил:

– Что же, водки – так водки.

Поднимаясь по лестнице, Лайтонд встретил Лакгаэра. В руках тот держал кожаную папку с застежками. Верховный маг Фейре догадывался, что там. За два дня, проведенные во дворце, гости ни разу видели хозяина. Старый эльф продолжал свои магические исследования. После обмена приветствиями Верховный маг Фейре спросил:

– У меня есть просьба, только она немного странная.

– Я слушаю, – ответил Лакгаэр.

– С нами есть девушка, как вы знаете. Хотелось бы сшить на нее платье. Цена не имеет значения.

– У меня есть знакомая портниха, – подумав, ответил старый эльф. – Если хотите, я

договорюсь с ней. Вы сможете сходить в ее лавку. А там сами все решите.

– О, благодарю, – сказал Лайтонд. – Это было бы чрезвычайно любезно с вашей стороны.

Он двинулся дальше. Верховный маг уже почти обошел Хиалталлина, когда спросил:

– Лакгаэр, а вы не знаете никого, кого я мог бы взять с собой в замок Черного Пламени? Я имею в виду, из мандречен?

Старый эльф медленно кивнул.

– Хотелось бы встретиться с этими людьми, – сказал Лайтонд.

– Что ж, я попробую это организовать, – ответил Лакгаэр.

Внизу волны неистово бились о берег. Сегодня Ульмо был не в духе. Зато накопитель Чи Воды в телепорте наверняка уже наполнился, и значит, портал был готов к использованию.

– Если Аннвиль будет меня искать, передайте ему, что я пошел в аптеку, – сказал Лакгаэр.

В следующий миг он убедился в том, что несмотря на всю необычность семьи Лайтонда, Верховный маг Фейре был воспитан в лучших традициях эльдар, включавших в себя как несущий элемент почтение к старшим.

– Если хотите, я попрошу Кулумита сходить, – предложил Лайтонд. – Погода, как говорят мандречены, шепчет – займи, но выпей. Не самое подходящее время для прогулок, тем более, в вашем возрасте…

Лакгаэр добродушно махнул рукой.

– Ничего со мной не случится. Старые кости тоже надо разминать. Да и я не пойду через Рабин, а воспользуюсь телепортом.

– А, ну если так – счастливого пути, – сказал Лайтонд.

Странную и удивительную историю поведала мне темная эльфка, назвавшая себя Глиргвай Морриган. Точнее, мне удалось вытянуть ее из этой очаровательной девушки. Дети Железного Леса неразговорчивы.

Глиргвай спросила меня, нет ли у меня книг о Хелькаре, короле Ангмара. Я признался, что никогда не слышал ни о таком короле, ни о таком королевстве. Но, возможно, он вошел в хроники под другим именем, как часто бывает. И если она расскажет мне побольше о Хелькаре, я, возможно, смогу ей помочь.

Итак, по сообщению Морриган, Ангмаром называлось древнее королевство, расположенное на нынешней территории Железного Леса, в горах Эммин-ну-Фуин. Хелькар был могучим воином и королем. Некто, кого сам Хелькар назвал Темным Властелином, подарил королю кольцо, обладавшее волшебными свойствами. Первое и основное свойство заключалось в том, что владелец кольца, надевая его на палец, становился невидимым, мог проходить сквозь воду и стены. К моему большому удивлению, для объяснения этих свойств Глиргвай упомянула нить Ринера. А мы-то считаем темных эльфов необразованной деревенщиной! Кольцо имело и неприятные свойства. Как выразилась Морриган, «оно превращает эльфа в злодея с манией величия». Но самое главное – эльф, владеющий кольцом, становился слугой Темного Властелина, желающего захватить мир. Хелькар перед смертью передал кольцо девушке, и она показала его мне. Я опишу артефакт подробно, так как видел его своими глазами. По словам Глиргвай, он должен скоро дематериализоваться.

На внешней стороне кольца есть надпись, сделанная старыми рунами моротенгвар:

EriMoreHerunmormahalamsharala

Я перевел бы это как: «**Непоколебимое бесстрашие, несущее гибель** ». Сложно понять, кто именно должен пасть жертвой бесстрашия – враги владельца кольца или же он сам. Судя по всему, оба толкования будут верны. Хелькар погиб меньше десяти дней назад в битве с химмельриттерами над горами Эммин-ну-Фуин. Общий строй и ритмизация строки наводит на мысль о том, что она является частью какого-то стихотворного произведения, ныне, разумеется, утраченного.

С внутренней стороны артефакта написано:

В перстнях вам, как в клетках, биться – для добра, но не свободы.

Мне не удалось ощутить вибраций Чи, исходящих от кольца, однако явственные колебания мертвой силы оно излучало. Глиргвай отчасти подтвердила мои предположения. Она сказала, что эльфа в этом кольце способны заметить только некроманты.

Судьба Хелькара покрыта тайной. Известно, что он владел королевством Ангмар, и потерял его. В дни нападения Разрушителей на Железный Лес Хелькар Ангмарский был откуда-то призван. Он преградил северную часть старой тропы, идущей от Бьонгарда к Трандуиловым Чертогам. Второй (или, точнее, уже третий) раз он явился в отряде Махи Морриган, в который входила и Глиргвай (видимо, это была небольшая ганза, связанная родственная узами). Богиня темных эльфов, Морана, выдала Хелькара Махе в качестве личного, весьма дорогостоящего и эффективного, оружия.

Я не беру на себя ответственность рассуждать о том, существуют ли боги, кроме валаров, и способны ли они общаться со смертными. Это близко к ереси, а мне хотелось бы повести разговор совсем не о религиозных догмах.

Я спросил Глиргвай, не знает ли она имени Темного Властелина, и она ответила: «Саурон».

Лакгаэр положил писало, размял кисть. Миниатюрная эльфочка с самого севера Железного Леса, впервые в жизни попробовавшая семгу два дня назад, но имевшая на своем счету не меньше убитых мандречен, чем сам Лакгаэр, поведала о делах, поразивших старого эльфа в самое сердце. Добравшись наконец до кабинета – ему удалось довольно быстро обернуться, Владислав оказался на месте – Лакгаэр первым делом решил записать беседу с Глиргвай. Хиалталлин небрежно отбросил папочку с результатами экспериментов, еще утром казавшихся ему безумно важными, и которую он чуть не забыл в аптеке. Старый эльф перечел написанное, вздохнул и снова взялся за писало.

Я был склонен считать ее рассказ о судьбе вымышленного короля никогда не существовавшего королевства грандиозной метафорой. Предупреждением тому, кто оказывается покорен властью… Ибо власть является искушением. Каждый, даже самый добрый и чистый эльф, заполучив ее, превращается со временем в опасное и жестокое чудовище. Но, услышав имя павшего майара, я изменил свое мнение. Нам известно – и я охотно поведал об этом Глиргвай – что Саурон пытался договориться с Селебримором, искусным ювелиром, о создании магических колец, всего числом семнадцать. Они должны были обладать примерно теми свойствами, которые и описала Глиргвай. Но в наших летописях говорится, что Селебримор понял, какое зло может проистечь из существования таких колец, разгневался и прогнал искусителя. Таким образом, никаких книг о Хелькаре Ангмарском, кольценосце, не может существовать – поскольку не существовали сами кольца.

Эльфка явно расстроилась. При нашем разговоре присутствовал оборотень Зигфрид, и он спросил:

«А не могло случиться так, что ваши летописи были подчищены? Вы, эльфы, мастера в этом деле».

Конечно, он намекал на уничтоженные и кое-где переписанные летописи неречи. Это делалось для того, чтобы обезопасить себя от их притязаний на земли Фейре, ибо летописи неречи, все, как одна, содержали упоминание о землях на севере, которые предкам боремцев пришлось покинуть из-за прихода свирепых воинов нечеловеческого вида. При желании в записях можно было найти описание озера Вийкунен и некоторых горных хребтов.

Я возразил, что в случае с кольцами исправление летописей не имело бы никакой практической пользы. Но замечание оборотня привело меня в странное состояние духа. Оборотни, как и все жители Боремии, верят, что наш мир не один – а их девять. Возможно ли такое, что когда-то наш мир раздвоился? Что в одном из миров кольца были все-таки созданы…

И призрак одного из кольценосцев, заблудившись, попал в наш?

А если не было никаких разделенных миров? Просто летописи, повествовавшие о несчастьях, случившихся после создания колец, действительно были уничтожены? Если так, то я могу предположить одну-единственную цель, которую преследовлаи наши предки.

Скрыть от грядущих поколений, до чего могут дойти народы в безумной жажде власти и чем может закончиться схватка за нее. Не был ли День Наказания за Гордость Разума на самом деле не битвой Мелькора и Аулэ с нашими богами, а всемирной войной всех против всех?

Но, если моя догадка верна, наши летописи, как и летописи неречи, были исправлены зря. Все равно каждый боремец, даже оборотень, знает, что предков неречи согнали с родной земли воины Финголфина.

В истории же с кольцами эффект оказался еще мрачнее и хуже. У мандречен есть поговорка: «Новая война начинается тогда, когда забывается старая». Век людей короток, возможно, поэтому они и воют почти непрерывно.

Даже если не удается достойно ответить на вызов, брошенный судьбой, стирать память о поражении не стоит. Ибо вызов будет брошен снова.

Я сейчас говорю, конечно, об Эрустиме – Жезле Власти…

Лакгаэру показалось, что кто-то стоит у него за спиной, и, заглядывая через плечо, внимательно читает написанное. Холодное дыхание нежданного гостя соскальзывало по руке эльфа и разбивалось о локоть. У Лакгаэра потемнело в глазах. Кольца, делавшие своего хозяина невидимкой, оказались слишком громоздки в производстве. Вместо них получили большое распространение шапки-невидимки, сотканные мандреченскими ведьмами. А слухами о невидимых соглядатаях Рабин в те дни был полон, как кастрюля – перекипевшей кашей. На них списывали неслыханные подробности и чуть ли не мысли несчастных, которыми они ни с кем не делились.

Но которые, тем не менее, стали точно известны палачам.

Не думая о том, что он делает, Лакгаэр быстрым и точным движением схватил стопку исписанных листов и разорвал ее пополам, и снова пополам, а затем испепелил обрывки пучком Чи.

Когда он обернулся, в кабинете, разумеется, никого не было.

Лакгаэр перевел дух. Он взял писало в руки, но пальцы старого эльфа дрожали так сильно, что писать в тот день он больше не смог. А на следующий день надо было расшифровать результаты экспериментов и сравнить их со свежими…

Вот так и случилось, что повесть о Хелькаре Ангмарском, вымышленном короле никогда не существовавшего королевства, не вошла ни в летописи, ни в философские трактаты южных эльфов. Да и вообще ни в какие трактаты не вошла. У темных эльфов редко находилось время на философствования.

Чем Ангмарец, несомненно, был бы очень доволен.

Осталась лишь песня эльдар – старая, странная песня. Но и она раньше и позже должна была забыться, ибо ничто не вечно в этом мире.

Принц и рыжий эльф сидели в кухне. Кулумит резал лук для соуса. Рингрин рассеянно катал по скатерти шарики из мякиша.

Кулумит искоса поглядывал на принца. Он хорошо знал друга и видел, что тот сильно не в духе, и скорее чем-то недоволен и удивлен, чем рассержен. Но с расспросами не лез. Вместо этого рыжий эльф смаковал свои впечатления от посещения Рабина. Он единственный мог ходить по улицам, не привлекая пристального внимания, и все связи с внешним миром держались через него. Кулумит закупал на рынке продукты и через два дня уже неплохо разбирался в ценах. Хотя заговорщики пока не испытывали недостатка в финансах – Лайтонду пришел перевод, да и котелок был еще на три четверти полон – рыжий эльф беспощадно торговался в той холодной, чуть брезгливой манере, по которой можно было узнать истинного тэлери. Кулумит отнес в адрес, который ему указал Лайтонд, цепочку с медальоном, в котором горел сапфир. Верховный маг Фейре предупредил, что его могут

принять за убийцу, снявшего медальон с тела, и встретить соответственно. Но все обошлось, а Кулумит во время прогулки успел осмотреть город.

И он был очарован.

У темных эльфов пользовалась большой известностью баллада «О паучонке и волках». В ней рассказывалось о том, как люди разорили гнездо паука, и маленький паучок попал в волчью стаю. Волки приняли его. Даже серые убийцы знали, что найденыш относится к возлюбленным детям Мелькора. Они научили паучка всему, что знали сами, и полюбили его, как брата. Паучок вырос и стал главой стаи. Он загонял для волков дичь, и стая жила припеваючи… пока однажды паук не нашел паутину, а за ней – целый паучий город. И он восхитился, влюбился в родную для него красоту и ушел из стаи. Горе волков передается скупой, но душераздирающей строчкой: «В ту ночь Ифиль была полной. Они сидели на своем холме, смотрели на нее и не выли».

Кулумит слышал эту балладу много раз. Каждая мать от Эребора до Мир Минаса поет ее по вечерам. И всегда у него вызывал сомнение конец сказки. «Паук, выросший с волками», рассуждал рыжий эльф. – «Должен по духу быть волком… только в паучьем теле. Как ему могла понравиться паутина? Ведь ее избегает большинство животных». Короче говоря, Кулумит считал концовку песни поэтическим преувеличением.

Но сегодня он понял, что поэт, создавший балладу, хорошо знал жизнь.

Кулумит попал в Рабин, когда местные тэлери переживали не самые лучшие свои времена. Но и расцвет остался не так уж далеко за плечами. Рыжий эльф бродил между зданиями. Ему казалось, что он узнает каждый элемент лепнины, каждый сюжет на барельефе, каждую фигурку на крыше. И Марфор, так долго молчавший, что Кулумит уже почти позабыл о том, что у него есть Синергист, сказал внутри него: «Да, кровь – не водица. Ты останешься здесь».

«Нет», ответил Кулумит. – «Я должен бороться с мандреченами, и я вернусь домой».

Марфор промолчал, но рыжий эльф ощутил дуновение улыбки.

Когда он пришел на рынок за вялой, чуть сладкой зимней картошкой, он увидел девушку. Эльфка покупала бисер и ленты через ряд от него. У девушки были длинные светлые волосы, заплетенные в две толстые косы. Несмотря на высокий рост, она выглядела весьма элегантно в розовой курточке, расшитой белым бисером. Расплатившись, она обернулась. Девушка заметила Кулумита, восхищенно смотревшего на нее, и улыбнулась.

Если бы солнце в этот момент взорвалось, Кулумит этого не заметил бы. Он видел только румяную щечку, мелкие белые зубки и изящно очерченный ротик.

Марфор внутри него мягко произнес: «Ты уже вернулся». На этот раз Кулумиту пришла очередь промолчать. Синергист был прав. И пусть мраморную облицовку дворцов сейчас покрывала копоть пожаров, пусть улыбка девушки была торопливой, словно украденной – это все равно был его дом. Кулумиту пришлось побывать на центральной площади Рабина. Она напомнила ему лавку нерадивого мясника и привела в бешенство. Рыжий эльф был далек от того, чтобы сочувствовать мандреченам, с которыми воевал почти всю свою жизнь. Его привело в ярость, что дракон изуродовал Рабин, завалил его разлагающимися телами – тогда как город должен был сиять, как самый драгоценный алмаз в императорской короне.

Кулумит знал, что придется вернуться в Железный Лес, и не смел признаться себе самому, что уже грустит по этому поводу. Он любил Рингрина и своих друзей-партизан, любил озеро, на котором стояла его деревня. Кулумит раньше робко надеялся вернуться туда после заключения мира. Снова сесть в лодку и поплыть по озеру – поставить сети, например. Или, если вдруг озеро потемнеет и взбунтуется, бороться с ним. И знание того, что против тебя слепая стихия, которой ты можешь противопоставить лишь пару рук, весла и свое мастерство, опьяняло Кулумита. До войны он был лучшим рыбаком в своей деревне.

Но теперь ему хотелось выйти в море – море, которое он увидел первый раз в жизни и чуть не заплакал от счастья.

И побороться с морем, а не с маленькой лужей, которой, как ни крути, и было родное

озеро.

Рингрин же испытывал совсем другие чувства.

Рабин угнетал его. Его тошнило от помпезности дворцов и вычурности архитектурных украшений. Здесь было гораздо теплее, чем в Железном Лесу. Висящая в воздухе сырость делала легкий морозец гораздо более трудно переносимым, чем даже сильные холода на родине Рингрина. Море наводило на него страх. Принц никогда не видел столько воды сразу, и не понимал, как можно жить под боком у свирепого Ульмо.

Когда они с Лайтондом шли по набережной Зеленого мыса из их первой вылазки, Рингрин увидел, как кипящая под ветром вода заливает узкую полоску пляжа под набережной и море поднимается вровень с гранитными берегами. Принц был мужественным эльфом. Он поборол желание броситься прочь, а вместо этого спросил:

– Что это?

– Прилив, – ответил Лайтонд.

Верховный маг Фейре вырос в горах и тоже относился к морю без особых восторгов. Увидев непонимание на лице принца, Лайтонд пояснил:

– Море то отступает, то снова приходит. Это связано с поворотами Ифиль. Ради Илуватара, не спрашивай меня, как. Законы движения небесных тел мне не дались.

Рингрин промолчал. В конце концов, он приехал сюда не жить, а убить дракона.

И принц страстно желал сделать это поскорее.

В довершение всего, он простудился, и теперь вынужден был пить чай с малиной и лежать в своей постели, пока остальные заговорщики гуляли по дворцу. С одной стороны, это было даже хорошо. У принца появилось время обдумать последние события. Он до сих пор не мог понять, почему Ваниэль сбежала от Марфора неизвестно с кем. Но в любом случае, принц уже ничего не мог изменить.

Кулумит высыпал лук на сковородку. Рингрин спросил:

– Тебе нравится здесь?

Рыжий эльф покосился на принца и наморщил нос.

– Сыро тут как-то, – ответил он. – Мрачно. Дворцы эти огромные…

Рингрин глянул на друга, усмехнулся.

– Все-таки зря тебя не назвали Лисёнком, – сказал принц.

Кулумит смущенно улыбнулся и поставил перед ним кружку с чаем и вазочку с вареньем.

Рассеянно мигали магические светильники на стенах тронного зала. За стенами замка выла буря, утес содрогался. В те дни, когда дул норд-ост, в доме Черного Пламени было очень неуютно. Ветер словно силился отправить прилепившийся к утесу замок в полет – возможно, прекрасный, но первый и последний, который должен был завершиться в объятиях всклокоченных волн.

Искандер стоял у стены и рассматривал фреску, изображавшую казнь бунтовщиков. На стене хватило места всем: Танцорам Смерти, их Музыканту, Королеве Без Имени, самому императору и палачу.

Кроме начальника императорской гвардии, в огромном зале никого не было.

– Я сошел с ума, – пробормотал Искандер.

Теперь он понял, почему первым делом ему пришло в голову воспоминание о придворном живописце. Мандреченские былинные богатыри тут были совсем ни при чем.

Эхо от его слов пошло гулять по залу, и Искандер вздрогнул. Но скрыть шум от чьих-то торопливых шагов эхо не смогло. Начальник императорской гвардии повернулся, опустил руку на рукоять меча.

К нему приблизилась невысокая фигурка в плаще, залепленном снегом. За человеком оставалась дорожка мокрых следов – снег таял и отваливался с плаща.

– Искандер Гургенид? – спросил пришедший негромко.

Тот кивнул. Посетитель отбросил капюшон, и Искандер узнал Тима, помощника

Владислава.

– Привет, – сказал несколько удивленный начальник гвардии. – Что случилось?

Тим протянул ему сложенную вчетверо бумажку, запечатанную аптекарской печатью. Сургуч лег криво, неровно. Владислав очень спешил или нервничал, когда отсылал пакет. Искандер взломал печать, повернулся к свету. Тим наблюдал за ним. Лицо начальника императорской гвардии не дрогнуло. Прочитав послание, он засмеялся.

Смотреть на это было жутко, как на куклу, у которой стараниями мастера двигается нижняя челюсть, и слышен смех актера. Но лицо остается совершенно мертвым, лишь поблескивают пуговицы глаз.

Эхо пошло гулять по залу. Но на этот раз Искандер не обратил на него никакого внимания.

– Ответ будет? – спросил Тим.

– Да, – сказал Искандер и принялся рвать полученную бумагу. – На словах. Запомнишь?

Тим кивнул. Ему было нестерпимо жутко находиться здесь, в пустом зале, напоминающем склеп великана, рядом с этим человеком, в глазах которого плясали искорки безумия. Пока он пробирался через разгулявшуюся пургу, Тиму хотелось как можно быстрее добраться до замка, согреться и отдохнуть. Но теперь он почти мечтал о том миге, когда ворота императорского замка закроются за ним, и ветер бросит ему за шиворот колючую пригоршню снега.

– Завтра вечером, – произнес Искандер. – Там, куда он меня послал.

Парнишка торопливо кивнул и бросился прочь чуть ли не опрометью.

«Разница между нами не в том, что ему хочется бежать, а мне нет», думал Искандер, глядя ему вслед. – «А в том, что мне бежать уже некуда…».

II

Лайтонд парировал удар Рингрина, но не смог увернуться от меча Кулумита. Удар рыжего эльфа пришелся ему на плечо плашмя. Верховный маг Фейре упал на одно колено. Глиргвай дико завопила и прыгнула ему на спину, сбив с ног. Лайтонд ощутил, как еще одно тело, тяжелое и плотное, словно отлитое из бронзы, свалилось на него. Зигфрид тоже решил поучаствовать в схватке.

Они втроем покатились по песку, которым в пансионате Лакгаэра была усыпана площадка для тренировок. Песок был темным, влажным после утреннего дождя. Хотя Лайтонд собирался пробивать дорогу своему отряду через замок Музыкой Смерти, целиком полагаться на магию не стоило – даже если ты являешься самым могущественным магом в мире. Верховный маг Фейре не держал в руках меча уже пятьдесят лет, и считал, что обновить навыки не повредит.

Весь день эльфы провели, увлеченно сражаясь друг с другом, а потом все вместе навалились на Лайтонда. Последними в кашу-малу нырнули Рингрин и Кулумит. Оказавшись на мокром песке, в клубке извивающихся тел, Лайтонд подумал, что его сейчас дружески отмутузят, и решил не сопротивляться. Но Рингрин и Кулумит просто обняли его. Зигфрид и Глиргвай, судя по всему, целовались под шумок. Лайтонд ощутил горячий, смазанный поцелуй и на своей шее. У него комок подкатил к горлу. Тем временем оборотень нашел уязвимое место принца и теперь увлеченно щекотал его под коленом. Лайтонд засмеялся, извиваясь, и попытался выползти из-под тел.

– Хватит, ребята! – крикнул Рингрин, тоже хохоча. – Зиг, перестань!

Первым поднялся Кулумит. Последним, бурча, подчинился оборотень. Лайтонд осмотрел своих товарищей, всех перемазанных в грязи, но довольных и веселых.

– Я пробыл в воспитательном лагере слишком долго, – сказал он. – Мне надо будет еще попрактиковаться. А сейчас нам с Рингрином надо будет принять душ. Мы идем в гости и должны быть чистыми.

Услышав о вечернем визите, Рингрин заметно смутился, но ничего не сказал.

Глиргвай так устала махать мечом, что некоторое время раздиралась между двумя желаниями – никуда не ходить и завалиться спать, смирившись тем, что она вся грязная и пропахла потом, или все же добраться до ванной и выкупаться. Как компромиссный вариант, можно было сходить в душевую, расположенную в конце коридора. Но там уже плескались мужчины. В итоге природная чистоплотность победила. Глиргвай прихватила с собой смену белья и полотенце и долго плелась полутемными коридорами. Эльфка никак не переставала удивляться про себя – и не страшно ведь Аннвилю с Лакгаэром, живут в таком огромном замке вдвоем.

Когда девушка добралась до ванной, ее усилия оказались вознаграждены сторицей. Глиргвай нашла там сверток из желто-красной шелковой бумаги. К нему была прикреплена булавкой бумажка с ее именем (Хелькар научил Глиргвай читать на тэлерине, за что эльфка уже неоднократно успела отблагодарить богов). В свертке обнаружилось много чего интересного. Мыло цвета кофе со сливками пахло чем-то незнакомым, но очень приятным. На этикетке, украшавшей керамичесую бутылочку с шампунем, сообщалось, что он изготовлен по рецепту мандреченских боевых ведьм. Небесные воительницы накручивали на голову свои косы вместо шлема. Надо думать, они знали толк в укрепляющих волосы травах. Помимо этого, там лежали щеточка для пяток с пемзой, спрессованная в виде сердечка розовая соль и крохотный флакон с маслом, которым надлежало натереться после купания, чтобы придать коже мягкость. Верхом всего явилась фланелевая рубашка, теплая и одновременно весьма кокетливая – эльфка приложила ее к себе, и оказалось, что рубашка чуть длиннее бедер.

Глиргвай тихо застонала от восторга и повернула блестящий вентиль. Струя с шипением ударила в каменное дно. Эльфка заткнула слив, бросила в воду соль. Та немедленно запузырилась, превратилась в пенный комок. Глиргвай пришла в голову мысль, что неплохо бы узнать, кто сделал ей такой чудесный подарок. Хотя она догадывалась.

На обороте бумажки с ее именем девушка нашла надпись, удовлетворившую ее любопытство. «От Аннвиля Хиалталлина» – стояло там.

Глиргвай плотно закрыла дверь, задвинула защелку и забралась в ванну, урча от удовольствия. Когда она уже втирала в кожу масло полчаса спустя, в голову ей пришла неожиданная мысль. Девушка задумчиво посмотрела в зеркало, словно ища в нем ответа.

Из зеркала на нее глянула эльфка в короткой цветастой рубашке и высоких черных кожаных сапожках. Черные короткие волосы торчали во все стороны. Глиргвай протерла их полотенцем, пытаясь пригладить и жгуче сожалея о том, что забыла взять расческу.

«В конце концов, и идти тут ближе», подумала эльфка.

Выйдя из ванны, Глиргвай направилась в комнату Аннвиля. Ее пальцы коснулись ручки. Дверь приотворилась без единого звука. В комнате светил крохотный ночник, но эльфка не нуждалась в его неярком свете, чтобы обнаружить на разметавшуюся на кровати фигуру. Здесь было жарко натоплено, батареи работали на всю мощь. Аннвиль во сне сбросил одеяло и лежал совершенно обнаженный. Он был, хвала Мелькору, один.

Аннвиль, почувствовав сквозь сон то ли присутствие девушки, то ли сквозняк из открытой двери, зашевелился и открыл глаза. Он увидел Глиргвай, и на лице его отразилась искренняя радость.

– Я вижу, мой подарок пришелся тебе по нраву, – сказал Аннвиль.

Глиргвай молча кивнула. У нее вдруг пересохло в горле. Эльф поднялся с кровати и запер дверь. Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, неподвижные, как статуи.

Невысокая взъерошенная девушка в рубашке, скрывавшей фигуру, но ничуть не прятавшая стройные ноги. Тонкий ценитель женской красоты, нашел бы их, пожалуй, коротковатыми и слишком мускулистыми.

И нагой юноша, с которого можно было лепить Куруфинвэ в юности. Скульптурная

группа была достойна резца самого Дангля.

Глиргвай заметила, что губы у Аннвиля чуть дрожат.

Он опустился на колени.

Рингрин заглянул в каминную. Принц искал Зигфрида, но опасался, что найдет в каминной только Кулумита. По вечерам рыжий эльф вязал заговорщикам кольчуги. Веретено с застывшей паучьей слюной крутилось по полу. Для полного уюта не хватало только котенка, который играл бы с нитками. Впрочем, вместо котенка у заговорщиков был взрослый лесной кот, который сейчас лениво растянулся на ковре. Зигфрид был в человеческом облике, но перевернулся на спину и томно, совершенно по-кошачьи раскинул руки. Рингрин облегченно вздохнул – оборотень был один. Кулумит, видимо, еще разбирал посуду после ужина. Зигфрид глянул на принца желтым прищуренным глазом.

Рингрин сел в кресло рядом и спросил напрямик:

– Зиг, у вас в Боремии есть бордели?

Ему надо было с кем-нибудь посоветоваться, а Лайтонда принц спросить не решился. В конце концов, Верховный маг Фейре если и бывал там, то последний раз – полвека тому назад. В Бьонгарде борделей не было и в мирное время. Ближайшее заведение подобного рода находилось в Мир Минасе. Принцу доводилось бывать в пограничной крепости, но в бордель ему дорога не выпала. На Кулумита и подавно рассчитывать не стоило – рыжий эльф никогда раньше не покидал Железный Лес. И теперь Рингрин стеснялся. Бывший химмельриттер же многое повидал в жизни, на любой вопрос отвечал четко, по-военному, да и сам был нелюбопытен. Можно было не опасаться, что он завалит принца встречными вопросами.

Оборотень молча кивнул.

– И что они представляют собой?

Зигфрид сел.

– В Хассфурте есть квартал, специально для таких дел, – ответил он. – Называется квартал розовых фонарей. В домах первый этаж открытый. У комнат внешняя стена прозрачная. Обычно это чары, а если заведение солидное, то из толстого стекла. На этих стеклах номера. Если стена непрозрачная, или занавешено там – значит, занято, или девушка не работает сегодня. И вот, идешь… а в этих комнатках девушки сидят, в чулочках, блузочках. Если остановишься напротив какой-нибудь, начинают завлекать. Ножку там поднимут, чулочек приспустят. Если понравится, можно зайти. Но в саму комнату с улицы хода нет, надо идти через общий вход в дом. Там сидят вышибала и хозяйка. Ее обычно называют «мамочкой». Спрашиваешь, сколько стоит такой-то номер, тебе говорят. Есть разная цена – за час и за ночь. Если все устраивает, платишь, проходишь, остаешься. Если хочешь что-то особенное, лучше спросить у мамочки, а не у девушки – может оказаться, что она не занимается такими вещами. А мамочка тебе все скажет, посоветует.

– Чтобы ты посоветовал тому, кто идет в такой квартал в первый раз? – спросил принц.

– Я бы посоветовал взять себе такую женщину, которой никогда не обладал, – подумав, ответил Зигфрид. – Если всю жизнь встречался со светленькими – возьми темненькую, ну и так далее.

– Понятно, – пробормотал Рингрин. – Спасибо тебе, Зиг.

– Не за что, – сказал оборотень.

Взяв кочергу, Зигфрид принялся помешивать угли в камине. Причудливые рожицы подмигивали Рингрину из огня.

– Зиг, – сказал принц. – Прости меня, прости нас всех.

Бывший химмельриттер глянул на него через плечо.

– Я не люблю платить за это, – сказал оборотень. – Так что не бери в голову. Захочу, так схожу еще.

– Я не про то, что мы не берем тебя с собой в бордель, – ответил Рингрин. – Мы убили твоих друзей и твоего дракончика. Прости. Мы не могли поступить иначе. Я очень сожалею.

Зигфрид отбросил кочергу и выпрямился. Рингрин смотрел на его спину в темной рубашке.

– Это у вас так принято? – осведомился оборотень, не глядя на принца.

– В смысле?

– Мы, боремцы, не знаем прощения, – ответил Зигфрид. – Что сделано, то сделано… Никто и никогда не может поступить иначе, чем он поступил. Но знай – если бы Черное Пламя не сидел на Инкубаторе и не раскачивал его, ты бы никогда не увидел живую гросайдечь. И не сделал ее мертвой. Мы защищаем свою страну от драконов, и не нанимаемся уничтожать кого попало.

– А сейчас уходи, – добавил оборотень странным голосом.

– Зиг…

– Уходи.

Рингрин тихонько вышел.

Луч солнца, бледный и слабый, словно солнце было больно чахоткой, пробился в щель между темными плотными гардинами и улегся на щеке Аннвиля. Глиргвай увидела, что у него там озорная ямочка, и тихонько сжала руку Аннвиля. Он провел ладонью по ее волосам, поцеловал в висок.

– Я так рад, что ты пришла, – чуть хрипло сказал Аннвиль. – Честно-честно.

– Да я, в общем, тоже не жалею, – пробормотала Глиргвай.

Она была удовлетворена, утомлена и чуть рассеяна.

– Девушку соблазнить трудно, – признался он искренне. – А с тобой легко.

– И как же соблазняют девушек? – лениво осведомилась эльфка.

– Сначала разговоры, потом подарки. Потом прогулки, снова разговоры, подарки, может быть, если повезет, поцелуй в укромной беседке, – ответил Аннвиль. – Затем тебя начинают приглашать в гости. Ходишь, хвалишь стряпню, играешь на лютне, поешь… разговариваешь, опять же.

Глиргвай промолчала. Она вдруг поняла, что в его понятиях о жизни продала себя задешево. Сначала темная эльфка хотела объяснить Аннвилю, почему Ежи не тратят время на ухаживания. Парень с девушкой либо нравятся друг другу, либо нет – и в этом все. Для флирта еще будет время, когда кончится война. Но потом передумала. Позади была очень даже неплохая ночь. И впереди было еще много таких ночей. Глиргвай надеялась, что Лайтонд поведет их в замок Черного Пламени все же не завтра.

Аннвиль мог думать о ней что угодно.

А играть на лютне Глиргвай умела и сама.

Аннвиль не понял причины, но почувствовал, что настроение Глиргвай изменилось. Он замолчал, задумчиво наблюдая за девушкой сквозь ресницы. Аннвиль хотел, чтобы она еще пришла к нему, и пришла не раз. Этого желания он не мог скрыть на дне своих светлых, как море, глаз – для этого его ресницы все были недостаточно длинными. После близости ауры любовников ненадолго становились открыты друг для друга, как ауры Синергистов. «А еще он завидует мне», поняла Глиргвай. – «О Мелькор, было бы чему».

Аннвиль Хиалталлин, несмотря на юность, был одним из самых завидных женихов Рабина. Он уже мог жениться, если бы захотел. Но он не хотел. Слишком часто, после страстных клятв и нежных ласк, Аннвиль видел в ауре подруги отчетливое отражение денег и дворца своего отца. Это и бесило эльфа, и подрывало веру в свои силы. «Если бы не состояние отца, мне бы никто и не отдался», горько думал он иногда. Сейчас Аннвиль не видел в ауре Глиргвай и намека на подобную мысль. Ей было с ним хорошо, она была им довольна, и, пожалуй, даже благодарна. Больше ничего – но и это было гораздо больше, чем он привык получать.

Девушка поцеловала любовника и сказала:

– Я пойду.

– Не стоит тебе идти в одной ночнушке, простудишься, – ответил Аннвиль. – Твоя

одежда осталась в ванной, ведь так? Подожди, я принесу ее.

Он поднялся, накинул теплый байковый халат и вышел.

Особняк, в котором располагался бордель, произвел на Рингрина двойственное впечатление. Это было солидное двухэтажное здание, крытое красной черепицей. Судя по мотивам на резных наличниках, изначально дом принадлежал мандреченам. Хотя, возможно, он и принадлежал им и сейчас, несмотря на вывеску в виде чудовищного цветка – растительные мотивы больше нравились эльфам. Во всем внешнем облике здания чувствовалась основательность, добротность без излишней вычурности. Было заметно, что здание недавно белили и подновляли крылечко. Черные пятна сажи на стенах и грубо отбитый угол дома выглядели странным диссонансом.

Рингрин сказал об этом Лайтонду, на что тот усмехнулся и ответил:

– Такова традиция мандречен. Они мажут лица своим детям сажей и одевают в лохмотья – причем так поступают даже очень зажиточные люди.

– Но зачем? – спросил озадаченный Рингрин.

Верховный маг Фейре задумался.

– Мандречены беззащитны, – сказал он. – Не перед внешними врагами, а перед завистью соседей и жадностью своих князей. Если кто-то увидит, что ты живешь хорошо, то сосед, скорее всего, спалит тебе сарай, а князь отберет красивую дочку.

Принц темных эльфов покачал головой и сказал:

– Подобный подход должен отрицательно влиять на развитие экономики в целом. Богатые граждане – богатая страна.

– Ты прав, – согласился Лайтонд. – Но в мандречи даже нет слова, равнозначному нашему понятию «граждане».

– А как же тогда называют жителей Мандры? – удивился Рингрин.

– Подданные.

– И что это значит? – спросил принц.

Он мог объясниться на языке людей только на бытовые темы.

– Рабы, – сообщил Верховный маг Фейре. – А ты изменился с тех пор, как мы с тобой лазали по подвалам Ильмоста в поисках сокровищ. Ты теперь думаешь как организатор, как лидер. Как правитель. В общем, так, как ты и должен думать.

– Ты тоже теперь другой, – ответил Рингрин.

– Какой же?

– Печальный.

Верховный маг Фейре прикрыл глаза веками.

– Это пройдет, – сказал он.

Они поднялись по ступенькам и вошли в дом.

Эльфы оказались в большом полуосвещенном зале. На улице еще не стемнело, но окна уже завесили плотными ставнями. Источником света была огромная хрустальная люстра под потолком. Рингрин прикинул, что в ней не меньше пятидесяти свечей, и решил избегать центра зала. Мало приятного, когда тебе за шиворот льется расплавленный воск. На мягких диванах вдоль стен сидели ярко одетые женщины. За столиками в центре располагались гости. Таинственно поблескивал синим стеклом буфет у дальней стены. Рассмотреть все как следует Рингрин не успел, потому что к ним подошел мужчина в черном. Ничего не спросив, он провел гостей через зал в небольшую комнату.

Глухие стены были завешены желтыми и синими бархатными портьерами. На столе стоял канделябр о шести свечах. Широкая софа подтвердила догадку Рингрина о том, что изначально эта комната предназначалась для уединения с дамой. Сейчас здесь был накрыт ужин на троих. В деревянной лакированной вазе лежали фрукты. На длинном блюде вальяжно раскинулась семга в окружении лимонов и листиков петрушки. Создавалась полная иллюзия обычной дружеской пирушки, чего, видимо, и добивался мандречен. Это было разумно – не стоило привлекать лишнего внимания.

Лайтонд сказал Рингрину, что встречи с ними ищет сам начальник императорских гвардейцев. И он уже был на месте. К своему собственному удивлению, принц узнал этого человека. Это был тот самый мужчина, который направил их к Аргамону Роншасцу. Рингрину было трудно представить себе, чтобы комендант, например, Мир Минаса подрабатывал подобным способом. Правда, в Мир Минасе если и казнили кого, то воров и убийц, а не иностранных банкиров.

– Добрый вечер, – сказал мужчина. – Проходите, садитесь. Как вы уже знаете, меня зовут Искандер. Я принес карту замка и свиток, где описываются чары, которыми он защищен – чтобы вы поверили в серьезность моих намерений.

Эльфы устроились на обитых синим крепом стульях. Рингрин исподволь разглядывал мандречена, пытаясь понять, что послужило причиной охватившего его отвращения. В первый раз Искандер не произвел на него отталкивающего впечатления. «Тогда я не знал, что он – предатель, а все они, по сути, мерзкие слизняки», пытался успокоить себя принц. Но все же что-то было не то. Рингрин смотрел, как Искандер берет хлеб, как наливает себе вина, и у него вдруг мурашки побежали по спине.

Лайтонд предупреждал принца, что в борделе может быть засада, но такой ловушки Рингрин и представить себе не мог.

Перед ними был **не** Искандер. Принц даже не мог толком объяснить себе то, что отчетливо ощущал. Возможно, это был двойник начальника императорской стражи, или искусно загримированный актер. Актер, который изо всех сил хотел изобразить Искандера, и старательно копировал его жесты и повадки – но получалось настолько неуклюже, что даже Рингрин, видевший мандречена второй раз в жизни, заметил обман.

Принц откинулся на спинку, опустил руку, чтобы она была поближе к мечу. Ногой он уперся в ножку стола, чтобы опрокинуть его одним резким движением. Рингрин покосился на Лайтонда. Видит ли друг то, что видит он?

– Как зовут меня, ты знаешь, – резким тоном сказал Лайтонд.

Для Верховного мага Фейре подобная грубость манер не была свойственна. Принц понял, что Лайтонд заметил все, что нужно, и даже больше. Рингрин был магом очень средних способностей, и не мог читать ауру так глубоко, как Лайтонд. Но принц знал, что даже если волшебнику удавалось создать на себе кокон, повторявший индивидуальный рисунок ауры подмененного, за этим щитом все равно можно обнаружить иную, истинную ауру.

Лайтонд сделал резкий жест. Рингрин впервые после долгого перерыва увидел, как друг колдует, призывая и силу Подземного мира, и свою Чи. Верховный маг Фейре был магом Воды, и поэтому Искандера охватило черно-синее сияние. Начальник императорской стражи захрипел и уткнулся лицом в тарелку. Рингрин потянул было меч из ножен, но Лайтонд крепко сжал его запястье. «Не торопись», телепатировал он.

Искандер негромко застонал и очнулся.

– У нас мало времени, – сказал Лайтонд. – Даже я не смогу сдерживать его долго, а он сейчас очень хочет вернуться в вас.

Искандер побледнел.

– Как вы узнали? – спросил он хрипло.

– У вас сильные нарушения в ауре. Мало кто знает, что может быть их причиной. Но я – знаю.

Рингрин перестал что-либо понимать. Но он видел, что Лайтонд спокоен и даже разговаривает с мандреченом с некоторым сочувствием. И успокоился тоже. Впрочем, было очевидно, что кто-то, известный Лайтонду, замутил ясность сознания Искандера чарами.

– Если вы пришли сюда только потому, что он вас заставил, – продолжал Верховный маг Фейре. – То давайте сейчас же и расстанемся. Я не касался этих свитков, видите? Он не узнает, о чем мы говорили с вами, но будет знать, что мы отказались с вами сотрудничать. Решайте.

Искандер потер рукой висок.

– Что он сделает со мной после этого? – спросил начальник императорских гвардейцев.

– Скорее всего, вы умрете, – ответил Лайтонд. – Вас убьет то, что он покинет ваше тело, разорвет с вами связь навсегда. Он будет искать другое тело, чтобы подобраться ко мне и жезлу, но в этот раз будет более осторожен. Или, возможно, он убьет вас осознанно. В отместку за то, что вы испортили ему игру. Но вы умрете не предателем, а честным человеком, которым и, я смею надеяться, были.

– Откровенность за откровенность, – сказал Искандер. – Эрустима в замке нет.

– Так, значит, вы меня узнали, – заметил Лайтонд.

– Вы очень похожи на свой портрет, – сообщил начальник гвардейцев.

– В замке есть мой портрет? Вот уже не думал. Но вернемся к нашим делам. Откуда вы знаете, что жезла нет в замке?

– Королева Без Имени утащила его с собой, когда сбежала от Черного Пламени.

– Но ведь это случилось, если я не ошибаюсь, около полувека назад. А вам больше тридцати не дашь, – заметил Лайтонд. – Как вы можете быть уверены?

– Мне тридцать шесть, – хмыкнул Искандер. – Черное Пламя перебрал весь замок по кирпичику. Он думал, что королева спрятала жезл где-то, но поиски оказались напрасными. Работы шли все эти пятьдесят лет. Замок чуть побольше, чем халупа дровосека, а вот Эрустим не так уже велик. Там куча мест, где его можно было спрятать. Я стал начальником охраны крепости год назад, и поиски все еще ведутся. А это значит, что жезла, скорее всего, в замке нет.

Рингрин перевел взгляд на Лайтонда. Сердце принца замерло. Он не секунды не сомневался, что друг ищет только Эрустим, свою фамильную драгоценность, и вся политика ему глубоко безразлична. «В этом они похожи с Марфором», подумал Рингрин вдруг. За плечами Лайтонда не оставалась его родина, опаленная, но еще не обугленная, и тысячи эльфов, за которых отвечал принц.

– Вы знаете, я, пожалуй, все равно убью дракона, – сказал Лайтонд.

Рингрин незаметно перевел дух.

– С вами или без вас, Искандер, – вежливо добавил Верховный маг Фейре. – Вы теперь предупреждены. Нам придется скрыться ненадолго, искать других людей… но я сделаю это.

– Чем император так насолил вам? – спросил начальник императорской гвардии. – Убил кого-то из родственников?

– Почти… Пока он жив, человек, который дорог мне, безмерно страдает. Для меня это достаточная причина. И все же, хотелось бы знать. С открытым забралом, так до конца. Вы пойдете с нами или нет?

– Пойду, – угрюмо ответил Искандер. – И Владислав тоже.

– Вот как? Почему же, позвольте узнать?

– И кто такой Владислав? – добавил Рингрин.

– Владислав – это аптекарь, через которого мы нашли друг друга. Во время боя хирург может оказаться очень полезен. Черное Пламя распускает гвардию, – продолжал Искандер мрачно. – Со следующего месяца его замок будут охранять только эфирные стражники.

– А, помню – помню, – сказал Лайтонд.

– Император боится предательства, а големы – или как вы их там называете – не предают.

– Ну, его опасения имеют под собой почву, – вставил Рингрин.

Мандречен хмыкнул:

– Вы путаете причину со следствием, господин сидх. Остальных он просто уволит, а меня – казнит.

– За что? – спросил принц.

– Чтобы никто не повел войска на его замок, – ответил Искандер. – Я командовал армией во время Поланской компании, и солдаты любят меня.

– Да уж, – покачал головой Рингрин. – Как это у вас говорится? Куда ни плюнь, всюду х*й?

Мандречен озадаченно посмотрел на принца. Лайтонд засмеялся и сказал:

– Мой друг не очень хорошо владеет вашим языком, извините его. Он хотел сказать – куда ни кинь, всюду клин.

– Интересный вариант, – пробормотал Искандер. – Ни разу такого не слышал. Мне понравилось про х*й, я это запомню.

– Ну что же, мы пойдем, – сказал Лайтонд и взял лежавшие на столе свитки.

– Я вас прошу, выберите себе по девочке, – сказал Искандер. – Все должно выглядеть как обычный визит солидных господ.

– Я, кстати, хотел спросить, почем здесь удовольствия, – рассеянно сказал Верховный маг Фейре, бегло проглядывая записи. – Не знаю, сможем ли мы это себе позволить… У нас сложности с наличностью.

– Вас обслужат бесплатно, как моих друзей, – сказал мандречен. – А проблемы с наличностью не у вас одних. Уже не только на рынке расплачиваются кольцами и серьгами, но и здесь тоже. Час с девочкой обошелся бы вам вон в тот перстенек, что я вижу у вас на руке. За ночь пришлось бы отдать браслет, если бы он у вас был…

– Да, но в чем же причина монетарного кризиса? – спросил Рингрин. – Я видел какие-то совершенно дрянные монеты, по-моему, из меди, и им пытались приписать стоимость серебряной гривны!

– Жаль, что вас не слышит министр финансов, – хмыкнул Искандер. – Дрянные монетки… Но и Нафанаил ничего не может сделать. Причина в том, что наш император любит спать на золоте. Слава Ящеру, для дракона он очень скромных размеров. Иначе в Мандре не осталось бы в свободном обращении ни единой золотой монеты. Все они давно лежали в императорской сокровищнице.

– Мы все-таки заплатим за себя сами, – сказал Лайтонд.

– Тогда об этом сразу же донесут, – ответил Искандер безразлично. – Мои друзья не платят за себя.

– Странные у вас порядки, – заметил Рингрин.

– Бросьте вы свою вежливость, – грубо ответил начальник императорской гвардии. – Эта страна сошла с ума, а то, что здесь сейчас происходит – пожар в борделе во время наводнения.

– Не хотелось бы быть обязанным вам, – сказал Лайтонд. – Сделаем так. Я расплачусь с вами информацией. Ее важность для вас намного превосходит стоимость даже двух золотых браслетов, так что будем в расчете.

«Иди, Рин», передал он другу. – «Жди меня в подворотне дома напротив».

Принц поднялся, кивнул Искандеру и вышел.

Очутившись в общем зале, Рингрин принялся разглядывать девушек. Посетителей прибавилось. Многие диваны опустели – девицы уже работали. Рингрину приглянулась девушка в красно-зеленом коротком клетчатом сарафане. Она молча сидела рядом со щебечущими подругами и пускала колечки дыма из изящной, очень женской ореховой трубки. Несмотря на то, что она сидела, было заметно, что девица довольно высокого роста. Она не была ни полной, ни худой. В самый раз, на вкус Рингрина. С другой стороны, она была чистокровной мандреченкой, о чем говорила каждая черта ее лица.

То есть, в полном соответствии с советом Зигфрида, эта проститутка была женщиной, которую принц темных эльфов никогда бы не смог себе позволить.

Рингрин заметил, что клиенты подходили к понравившимся девушкам, перебрасывались парой слов и поднимались с ними на второй этаж по широкой каменной лестнице, покрытой красно-зеленой ковровой дорожкой. У лестницы стояла небольшая конторка, вроде той, что можно увидеть в банке. За конторкой сидела женщина средних лет. В отличие от большинства девиц, она была одета весьма строго. Женщина выдавала парочкам какие-то карточки. Рингрин догадался, что в них проставлено время. Мужчина, спустившийся обратно в зал, показал карточку и затем полез в карман, из которого выудил довольно потрепанный кошелек. Принц ожидал увидеть монеты, но увы! Клиент

расплатился золотым зажимом для волос. Рядом с конторкой стоял флегматичного вида мужчина, опираясь на огромную палицу. С ним все было ясно – это был вышибала. Его присутствие гарантировало проституткам, что их работа будет оплачена независимо от желания клиента расставаться с деньгами.

В общем, все выглядело чинно, спокойно и даже немного скучно, чего принц никак не ожидал от гнезда разврата. Но мандречены хотя бы не дошли до того, чтобы нумеровать девушек, как это сделали в Боремии.

Рингрин подошел к девице. Не зная, что сказать и опасаясь выдать себя акцентом, он молча протянул ей руку. Та кивнула, затушила трубку и поднялась. Рингрину понравилось, как она двигается. Многие из девушек призывно виляли бедрами при ходьбе, но эта шла спокойно и ровно – хотя ей было чем повилять. Они направились наверх. У конторки Рингрин потянулся за карточкой. Но тут к женщине подскочил давешний мужичок в черном костюме и что-то прошептал на ухо. Она тут же расплылась в улыбке.

– Вы не пожалеете! – воскликнула женщина. – Таня у нас фантазерка! Останетесь довольны, будьте уверены!

Рингрин торопливо прошел мимо конторки. Из-под профессиональной улыбки на лице женщины проступал откровенный ужас, и ему было неприятно на это смотреть. Когда они поднимались по лестнице, Таня заметила:

– Ты интересный.

– Почему? – спросил Рингрин.

– Сидхи меня редко выбирают, – пояснила девица. – Наверное, потому, что я курю, а у вас так не принято.

Рингрин мысленно обругал себя за оплошность.

Перед тем, как они покинули дворец Лакгаэра, Лайтонд снова добросовестно окутал друга чарами, создав над его головой волшебную шлем– маску. Теперь все окружающие видели вместо черноволосого эльфа с вертикальными зрачками блондина с глазами цвета прибоя, и в них были совершенно нормальные, круглые зрачки. Искандеру совсем ни к чему было знать заговорщиков в лицо. Лайтонд намеревался сохранить инкогнито друга так долго, как это будет возможно. Девица, как и все остальные, думала, что перед ней ледяной эльф, не вышедший ростом.

У тэлери редко курили даже мужчины, несмотря на богатырское здоровье и практическое бессмертие. А представить ледяную эльфку с трубкой в зубах и правда было невозможно. Среди же темных эльфов курение табака было довольно распространено. К чему беречь себя, если неизвестно, увидишь ли закат? В отряде Рингрина и женщины, и мужчины одинаково предавались увлечению табаком, который звездные эльфы привезли из-за моря вместе с картофелем и кукурузой.

Он ничего не ответил.

Комната Тани оказалась в самом конце коридора. Рингрин уже почти передумал, пока они шли. Принцу хотелось находиться поближе к выходу – просто на всякий случай. Увидев, что в комнате девицы есть большое окно, эльф успокоился. Возможность быстро и незаметно покинуть заведение у него никто не отнял. Девушка закрыла дверь на ключ и принялась раздеваться.

– Не так быстро, – сказал Рингрин, поймав ее руки.

Таня вопросительно посмотрела на него. Он заметил, что верхняя часть груди у нее загорелая, примерно до половины, а остальная – нет. Белая кожа выделялась в полумраке, словно светилась.

– Сделай мне то, о чем я мечтаю, – сказал эльф. – Но даже не догадываюсь об этом.

Девица хмыкнула, впрочем, вполне добродушно:

– Вы все в гвардии с подходцами, как я посмотрю.

– Ты же профессионал, – продолжал Рингрин. – А мне было как-то некогда изучать свои желания. Так, брал, что успевал…

Таня засмеялась.

– Ладно, – сказала она. – Снимай рубашку и ложись.

Он послушался.

– Нет, – сказала девица. – Лицом вниз.

Рингрин решил, что она хочет сделать ему массаж. И правда, массаж – это было то, что нужно для начала. Принц был слишком взвинчен встречей с Искандером, чтобы заниматься любовью.

Но девушка превзошла все его ожидания.

Таня действительно была профессионалом.

Верховный маг Фейре молчал, собираясь с мыслями. Искандер принял за это паузу, которой эльф пытался набить себе цену. Такими штучками боевого генерала было не взять.

– Что ж мы с вами так и не выпили, – сказал Искандер и потянулся к бутылке с белым столовым вином. – Налить? За успех нашего безнадежного дела?

– Да, не откажусь, – задумчиво сказал эльф.

Мандречен наполнил бокалы. Они выпили не чокаясь.

– Вы вроде что-то говорили насчет того, что вам трудно *его* держать, – не выдержав, проворчал Искандер. – Что у нас не так много времени…

Лайтонд понял намек и расхохотался.

– Да поймите же вы меня, Сандро. Вам рассказывают сказку – чудовищную и прелестную. А потом вы встречаете героя этой сказки, и он требует, чтобы вы рассказали ему о нем самом. Я думаю, с чего начать.

Верховный маг Фейре налил себе еще вина. Искандер вдруг неуловимо вывернулся, как змея. Что-то блеснуло перед глазами эльфа. Этим «чем-то» оказалась длинная, чудовищно изогнутая кавалеристская сабля. Ее кончик обнаружился в неприятной близости от носа Лайтонда.

– Рассказывай, – прошипел Искандер. – Всю эту проклятую сказку!

Верховный маг Фейре покрутил бокал в пальцах, разглядывая медово-желтые отсветы свечей в вине. Сабли перед своим лицом он словно не заметил. Лайтонд поднял взгляд на Искандера и несколько мгновений пристально смотрел на него. Начальник императорских гвардейцев сплюнул и опустил оружие.

– Вот за это вас, сидхов, и ненавидят, – сказал Искандер.

– За что – за это?

– За гонор ваш непомерный, – мрачно ответил начальник гвардии. – Что ты хочешь? Я и так уже на заговор пошел. Знал бы ты, сидх, как мне это мерзко. Или мне на колени встать?

– Не надо… Во-первых, у чудовища, которое вселилось в вас, есть имя, – начал Лайтонд. – Его зовут Яроцвет, но вам лучше никогда не произносить это имя вслух.

– Кто он такой? – со сдержанной яростью спросил Искандер. – Что ему нужно?

– Он бог. Истинный бог мандречен. Он пытается вернуть то, что потерял – свою женщину и свой народ. Его возлюбленную зовут Навой. Она душа вашего народа. И сейчас Нава опутана чарами Эрустима. А население Мандры, как и их богиня, будет беспрекословно подчиняться тому, в чьих руках находится Жезл Власти. По этой причине Черному Пламени так легко удалось захватить вашу страну. Нава любит и защищает владельца Эрустима.

– Дракона…

– Да, – кивнул эльф. – Если мы только не погибнем, Яроцвет сделает вас императором Мандры.

– И он будет искать эту женщину, Наву, – сказал Искандер.

Начальник императорских гвардейцев не спрашивал, а утверждал.

– Он не позволит быть рядом с вами никакой другой женщине, – подтвердил Лайтонд. – Проститутки – сколько угодно, постоянные отношения – никогда. Скорее всего, как только вы встретитесь с Навой, как личность вы погибнете окончательно.

– Вы не знаете, в ком богиня воплощена сейчас?

– Зачем это вам? – осведомился эльф.

– Я бы убил ее, – жарким шепотом ответил Искандер. – Ведь тогда я буду ему не нужен…

– Сейчас Нава воплощена в старой женщине, которую и так уже заждались в Подземном мире, – сообщил Лайтонд. – Но убить ее вам не удастся.

– Я бы хотел все же попробовать, – произнес Искандер сквозь зубы.

– Это не удалось лучшим воинам обитаемого мира, – усмехнулся Лайтонд. – Скоро где-нибудь родится новая богиня, чистая и юная. Или уже родилась. Вот она – для вас.

Начальник императорской гвардии с отвращением передернул плечами. Лайтонд сделал несколько глотков и продолжал:

– Не принимайте наркотиков, Искандер. Он будет покидать ваше тело на время транса. Но под влиянием опиатов люди тупеют, и ему будет легче и легче покорять себе вашу волю, когда он будет возвращаться. Способ, который вам посоветовал тот старый эльф в аптеке, кажется мне гораздо более действенным… и безопасным. Ваша репутация пострадает, но скоро вы уже перестанете обращать внимание на такие мелочи. Лидеру нации будет позволено многое.

– Да какой из меня лидер нации, – буркнул Искандер. – У меня мать сюрчанка. Мандречены не позволят, чтобы ими руководил полукровка. Мне вон и следующее звание уже полгода зажимают. Мой сокурсник по Высшей Офицерской Школе уже год как генерал-майор. А он младше меня на два года, между прочим.

– Сюрчанка? – переспросил Лайтонд. – Да, чистокровный мандречен, к тому же генерал-майор, наверняка устроил бы *его* гораздо больше. Значит, не Яроцвет сделает вас императором, а наоборот – он вошел в того человека, который будет императором Мандры.

– Я смогу когда-нибудь освободиться от него? Как это сделать?

– Я знал только одного человека, которому это удалось, – ответил Лайтонд. – Но он все равно что умер. Больше мне нечего вам сказать. Удачи.

Он поднялся, спрятал свитки во внутренний карман и прихватил из вазы яблоко.

– Ах да, – добавил Верховный маг Фейре и извлек из куртки матово-белый опаловый шар. – Связываться через аптекаря каждый раз и долго, и рискованно. Возьмите. Умеете с ним обращаться?

– У меня нет магического дара, – сухо ответил Искандер.

– Вы грамотны?

Начальник императорской гвардии кивнул.

– Нужно написать на шаре чернилами, или тушью, да чем угодно, хоть вином, руну «шуур», – сообщил Лайтонд. – И вы увидите меня. До встречи.

Рингрин докурил трубку почти до половины, когда услышал голос Лайтонда. Фоном раздавались еще три голоса – женских голоса. Кажется, девушки плакали. Темный эльф выглянул из подворотни – и как раз вовремя. Принц даже позабыл про сладко ноющую спину.

Верховный маг Фейре стоял на крылечке борделя. На нем, как белье на заборе, висели три красавицы – хрупкая блондинка, скорее всего полуэльфка, жгучая брюнетка-мандреченка и огненно-рыжая девица, чью национальность в полутьме не так легко было определить. Полуэльфка вытирала слезы батистовым платочком, мандреченка рыдала в голос, только что не причитала, как по покойнику. Некоторые обороты, которые она употребляла, заставили бы Рингрина вспомнить Плач Ярославны – эпическую песнь, которую исполнила княжна Тирисса перед тем, как прыгнуть со стены. Но темный эльф из всего фольклора мандречен знал только белого пса, которого мандречены называли Песцом. Песец был богом абсолютного, окончательного распада. Насколько смог понять Рингрин, пес просто прикасался своей пушистой лапой к жертве, и она распадалась на части. На очень маленькие части, нечто вроде того, что оставалось после Разрушителей.

Несмотря на холодный зимний вечер, мандреченка накинула лишь легкую тунику из

синей шерсти, закрепленную на плече застежкой. Сквозь незакрытый шов было видно крепкое округлое бедро. Фигура эльфки тонула в пышных волнах кружев – увы, совершенно не гревших. На рыжей девушке одежды было и того меньше – черный кожаный лифчик, украшенный цепочками из светлого металла, кожаная же черная юбка и высокие сапоги.

Лайтонд наклонился и поцеловал красавицу в халатике в самый низ выреза. Одной рукой он прижимал к себе рыдающую мандреченку, а второй стиснул бедро рыжей.

– Вы ведь еще придете? – спросила эльфка и высморкалась.

– Приходите в любое время, мы всегда будем вас ждать, – добавила мандреченка, на миг прервав свой плач.

– И даже без денег, – жарко шепнула рыжая.

Рингрин понял, что не только ему одному пришла в голову светлая мысль заплатить девушкам лично в руки, минуя кассу.

– Приду, конечно, – ответил Лайтонд. – Вот только разберусь с делами… И обязательно приду. Как же я теперь без вас!

Он спустился с крыльца. Полуэльфка помахала ему платочком, словно жена – моряку, отправляющемуся в далекое плавание.

– Возвращайтесь в дом, – сказал Верховный маг Фейре. – У вас ни откуда не должно капать, когда я приду снова.

Рингрин подумал, что совсем не зря он воспользовался дезинфицирующим заклинанием, которому его обучил Зигфрид. Юмор Лайтонда нельзя было назвать тонким, но и он сейчас был не на торжественном приеме у короля Фейре. Девушки расхохотались.

– Все будет влажно, но капать не будет, будьте уверены! – крикнула рыжая, и они ушли.

Рингрин выбрался из подворотни. Лайтонд подождал, пока он подойдет к нему. Друзья двинулись по спящим улицам ночного Рабина.

– Я боялся, что ты откажешься, – сказал принц, когда они шли по набережной Зеленого Мыса. – Узнав, что в замке нет Эрустима…

– Он там, – ответил Лайтонд.

Рингрин озадаченно посмотрел на друга.

– Неужели ты думаешь, что я бы подверг нас всех такому риску, если бы не был уверен? – осведомился Верховный маг Фейре. – Я провел поисковый ритуал, еще у тебя в лагере. Эрустим в замке.

– Искандер, получается, соврал?

Лайтонд отрицательно покачал головой.

– Он рассказал всю правду… которая ему известна. Королева не смогла вынести жезл из замка, когда покидала дракона. Она где-то спрятала жезл, да так ловко, что император не может найти его вот уже пятьдесят лет.

– А как он выглядит?

– Эрустим?

– Ну да.

– Это небольшой жезл, сделанный из гематита. Он изображает руку, которая сжимает шар из черного хрусталя.

Некоторое время они шли в молчании. Рингрин искоса посматривал на Лайтонда.

– Ну что ты? – спросил тот наконец.

– Я горжусь тем, что знаком с эльфом, которому даже проститутки дают бесплатно, – ответил Рингрин. – В этом ты превзошел самого Аулэ, чье сердце было горячее пламени в его кузнице.

– И что ж по-твоему, меня только за это можно уважать? – лениво, но очень опасным тоном спросил Лайтонд.

– Да нет, что ты, – ответил принц. – Просто, мне кажется, если женщины тебя любят, то и жить намного легче.

– Не сказал бы, – ответил Лайтонд.

По его лицу было заметно, что он погрузился в воспоминания. Пусть не всегда приятные, но занимательные. Рингрин не решился перебивать течение его дум. Все же принц пришел в Рабин из родного леса, где не был обойден вниманием женщин. А его друг – из воспитательного лагеря, где успел намертво позабыть о том безыскусном наслаждении, которое дает плотская любовь.

Зигфрид, несмотря на свой внушительный титул, был лишен барских замашек. Проснувшись и испытывая невыносимое желание чем-нибудь подкрепиться, он не стал будить Кулумита. Оборотень прошел в кухню и пошарил там по сусекам. Найденного вполне хватало для создания яичницы с ветчиной, чем Зигфрид и занялся.

Он услышал шаги и голоса в коридоре, и понял, что Лайтонд и Рингрин вернулись, но выходить встречать их не стал. Оборотень ждал не их. Сегодняшнюю ночь провели вне дома не только двое эльфов, но и Глиргвай. Зигфрид чуял, что она где-то во дворце, неподалеку, и даже понял, чем она занимается. Оборотень предполагал, что девушка должна вот-вот вернуться. Вряд ли Глиргвай захочет разговаривать с ним. А вот перед шкворчащей глазуньей не сможет устоять – страстные ласки всегда пробуждают дикий аппетит.

Ощутив, что кто-то вошел в кухню, Зигфрид спросил, не оборачиваясь:

– Яичницу будешь? Добавить тебе пару яиц?

– Лучше две пары, Зиг, – ответил Лайтонд.

Разочарованно выругавшись про себя, Зигфрид разбил в сковородку еще четыре яйца.

– Я согрею чайник и тосты сделаю, – сообщил эльф. – Будешь?

Оборотень кивнул.

Всю свою жизнь, за исключением малой части, он провел в общежитии химмельриттеров. Сначала Зигфрид жил в буйном подростковом, под которое была отведена стоявшая на обрыве башня Западный Клык. От основного здания башню отделял густой парк. Затем молодой татцель перебрался в семейное общежитие и, наконец, когда тройка Змееслава окончательно сложилась, их поселили в стандартный блок на три семьи. За это время Зигфрид выработал критерий, по которому оценивал будущего соратника. Готовили химмельриттеры всегда себе сами. Не секрет, что двум хозяевам на кухне обычно тесно. С тем воином или воительницей, с которым Зигфриду на кухне было удобно, с кем оборотень не сталкивалася задницами у плиты, не тянулся одновременно за солью, выбивая ее друг у друга из рук – можно было вместе и в патруль, и в постель.

С Лайтондом, несмотря на его габариты, на кухне оказалось удобно. Эльф заварил чай. Несмотря на странный розовый цвет, напиток оказался очень даже вкусным. Лайтонд пожарил тосты и нашел у Кулумита в хоронушке горшочек с малиновым вареньем. Зигфрид, сердитый на эльфа за то, что он ему сорвал намечавшийся завтрак наедине с Глиргвай, немного смягчился.

– Замечательная яичница, – сказал эльф после вынужденной паузы. – Особенно лук, так и похрустывает на зубах.

Зигфрид прихлебнул из кружки. Насытившись, он становился добрее, и ему хотелось спать. Это была чисто физиологическая реакция, связанная с двойственной сущностью оборотня, и тут он не мог с собой бороться.

– Зиг, я вот что хотел спросить, – продолжал Лайтонд. – Ты же профессиональный убийца драконов. Если есть что-то… чем ты бы мог поделиться, подсказать, помочь… я бы выслушал тебя с радостью.

– Я давно об этом думал, – ответил оборотень. – Но ты не спрашивал, я думал, ты сам все знаешь.

– Мог бы и сам подойти, рассказать, между прочим, – проворчал Лайтонд.

– Я? К тебе с советами? – переспросил Зигфрид. – К единственному Музыканту Смерти? К Лайтонду, с которым сам Змей Горыныч пил братину?

Эльф прикрыл глаза веками.

– Вы все так хорошо помните, кто я такой… а я иногда забываю. Я хотел поговорить с

тобой, но не хотел… боялся показаться бестактным.

Оборотень с грохотом отодвинул тарелку.

– Вы с Рином что, сговорились? – спросил он яростно. – Не надо меня жалеть!

Зигфрид не признавался самому себе, что страстно желает сочувствия. Да и кто мог ему посочувствовать? Ведь никто из его теперешней компании даже отдаленно не мог представить себе, что это такое – растить гросайдечь, воспитывать ее, лечить ее невразумительные драконьи болячки, а после того, как ей откусят пол-крыла на вылете, сидеть в холодной норе и рассказывать Марлен сказки, потому что ей больно, страшно и никак не уснуть…

И потерять это все в один миг – и навсегда.

Лайтонд улыбнулся так, что Зигфрид вспомнил – перед ним сидит единственный Музыкант Смерти, Верховный маг Фейре, который пил братину со Змеем Горынычем.

– Я не знаю, что сделал Рин, – сказал эльф. – Но трудно забыть, как вы нас встретили тогда, в пещере… Я думаю, Рин боится, что если меня убьют в замке, то он проживет всего лишь секунды на две больше меня.

– Нет, – пробурчал бывший химмельриттер. – Это было бы глупо. Я не трону ни его, ни Кулумита, даже если ты погибнешь.

– Я знаю, как это больно, когда… – начал Лайтонд.

– Да откуда ты можешь знать, – горько, с сердцем сказал Зигфрид.

– Я тоже любил драконицу, – ответил Лайтонд.

– Любил? – недоверчиво переспросил бывший химмельриттер.

– Она могла принимать человеческий облик, – кивнул эльф, и только тогда до Зигфрида дошел смысл его слов.

– Драконица, которая может принимать человеческий облик, – пробормотал оборотень. – Ты, случайно, не…

– Да, – сказал Лайтонд. – Я любил Королеву Драконов.

Зигфрид восхищенно фыркнул:

– Так ты и в Сердце Горы бывал, наверное?

Эльф кивнул.

– Ты не… – опасливо спросил оборотень.

– Нет, я не убил ее, – ответил эльф. – Мы расстались. И я хотел сказать тебе, ну то есть я думаю… Это жестоко звучит, но лучше, что твоя гросайдечь погибла. Вы все же были вместе до конца. А я теперь иногда думаю, что было бы лучше, если бы Королева Драконов…

Он запнулся.

– Если бы она умерла, – задумчиво продолжил Зигфрид.

– Нет, – сказал Лайтонд. – Если бы я умер.

Эльф покрутил кружку по столу, болезненно сощурился.

– Мне иногда кажется, что я и правда умер, – сказал он. – Тогда… это было неописуемо прекрасно. Я был счастлив. Я любил ее, а она меня. А то, что началось в моей жизни потом… Это какой-то непрекращающийся кошмар, Зиг. Смерть отца, больные леса, отравленные магией, город драконов, Змей Горыныч, восстание, лагерь…

– Тебе кажется, что ты попал в Нильфхель, – понимающе хмыкнул оборотень.

– Куда?

– Нижний мир, – пояснил Зигфрид. – Там очень горестно и неуютно.

– Да.

– Боюсь тебя разочаровать, – сказал оборотень. – В Нильфхеле собираются одни трусы, подлецы и предатели. Тебе с тех пор, как ты расстался с Королевой Драконов, встречались только они?

– Нет, мне встречались и смельчаки, и мудрецы, – ответил эльф.

– Жизнь – она бывает пострашнее Нильфхеля. Но это, к сожалению, жизнь, – вздохнул бывший химмельриттер.

– Я знаю, – ответил Лайтонд. – Да и какая разница? Не имеет значения, где мы находимся. Реальность ли это, болезненный кошмар или, как верят сюрки, просто чей-то сон. Другой реальности у нас нет, и мы должны делать то, что должны.

Последняя фраза, в духе боремских афоризмов, окончательно смягчила Зигфрида. Ему было странно хорошо. Оборотень подозрительно покосился на Лайтонда. Верховному магу Фейре хватило бы сил изменить его ауру чарами так, чтобы он перестал чувствовать боль и тоску по Марлен, а именно это сейчас и случилось.

– Ты забрал мое горе? Заговорил мне зубы и снял его чарами? – спросил Зигфрид напрямик.

– А тебе кажется, что эта боль – все, что делает тебя живым? – спокойно осведомился Лайтонд.

– Да, мне так кажется, – ответил Зигфрид мрачно.

– Я не колдовал, – сказал Лайтонд – Я никогда не очаровываю соратников, это было бы очень утомительно. Все время дергать вас за ниточки, как марионеток… И если боль прошла – значит, рана закрылась. Не стоит больше ковырять ее, а?

Оборотень фыркнул.

– Я видел императора, когда он прилетел в Цитадель, – сказал Зигфрид. – Я очень удивился – я ожидал увидеть матерого зверя. А Черное Пламя, если судить только по размерам, скорее подросток. Если бы не крылья, я бы сказал, что он линдворм…

Лайтонд внимательно слушал, иногда чуть слышно постукивая пальцем по кружке.

В бою химмельриттер нужен на гросайдечи только для того, чтобы она не поддалась чарам сородича. Дракон легко может уговорить крылатую ящерицу умчаться вместе с ним на просторы Драконьей Пустоши и резвиться там вместе с ней в синем небе и в абсолютной свободе.

Когда Ганс понял это, он был очень разочарован. А Зигфрид – нет. К тому моменту оборотень знал, что тело летающей ящерицы совершенно. Оно создано для неба и битв самой природой и магией Инкубатора. Всадник со своими советами во время битвы может только помешать.

Впрочем, иногда гросайдечи и химмельриттеры действовали вместе, объединяя силу драконов и хитрость человеческой слабости, до которой никогда не додуматься могучим детям Огня.

Как, например, сегодня.

Тот дракон был уже третьим за вылет. Змееслав порядком вымотался. Особенно утомила его вторая тварь – грузный, матерый зверь двадцати метров в длину. Шкуру чудовища бороздили страшные шрамы. Тварь была битая, опытная, но ей не удалось уйти от сына Разрушителя.

Небо недолго оставалось чистым. Следующий зверь вынырнул из облаков прямо над тройкой химмельриттеров и растерялся от неожиданности. Дракон оказался необычного, желтого, как речной песок, цвета. Он был небольшим, всего метров одиннадцать в длину, если брать вместе с хвостом. Змееслав телепатировал: «Возьмем его на петли».

Измученный старший химмельриттер хотел избежать затяжной схватки.

Марлен и Ролло полетели прямо на дракона, словно собираясь вцепиться в шею. Чудовище захлопало кожистыми крыльями, чтобы переложиться в потоке воздуха, но было поздно. Химмельриттеры – маленькие козявочки на спинах гросайдечей, которых он даже толком не разглядел – уже раскручивали в воздухе длинные арканы, сплетенные из застывшей слюны пауков Железного Леса. Две тонкие, но очень прочные петли легли на длинную шею дракона. Марлен и Ролло отработанным движением развернулись спиной друг к другу и полетели в разные стороны. Арканы натянулись почти мгновенно. Дракон захрипел, закашлял, рванулся, но не успел.

На него уже летел Дитрих, самый крупный гросайдечь в тройке. Дитрих был единственным, кто мог схватиться с драконом один на один. Но сейчас ему этого делать не

пришлось.

Змееслав вынул из приседельного крепления копье и метнул его прямо в ничем не защищенную грудь дракона – двумя передними лапами тот пытался порвать душившие его арканы. Копье точно вошло в щель под чешуйчатой пластиной, погрузившись в тело на треть. Дракон заревел. Ганс и Зигфрид выпустили арканы. Ничего не понимающий зверь замотал головой, и вдруг камнем пошел к земле. Он еще пытался взмахнуть крыльями, чтобы смягчить посадку, но не смог. Парализующие чары, которыми был пропитан наконечник копья, были сработаны на совесть. В тройке химмельриттеров всегда были один маг, один полумаг и один воин. Змееслав, маг своей тройки, никогда не чурался помощи Зигфрида, ходившего в полумагах, при составлении заклинаний.

Дракон тяжело шмякнулся о землю. Он упал крайне неудачно, переломив себе хребет о каменистую гряду, и лишь посторонний наблюдатель решил бы, что это совпадение. Тройка Змееслава знала все холмы, обрывы и ямы на южном берегу Риссы.

Химмельриттеры снизились. Ганс слез со своей гросайдечи и стал снимать с шеи дракона арканы. Марлен же присела рядом с Дитрихом. Змееслав распластался в магическом трансе на спине своей гросайдечи. Марлен и Зигфрид прикрыли тело желтого дракона экраном невидимости. Ганс и Ролло следили за небом, не летит ли кто на выручку раненному товарищу, а Зигфрид наблюдал за Змееславом. В случае опасности оборотень должен был вывести старшего товарища из колдовского транса.

Начиналась последняя, самая сложная часть действа. Полузадушенный, с переломанным хребтом дракон был еще жив. Стойкость этих тварей была такова, что если бы химмельриттеры оставили его здесь, через пару дней он очнулся бы и взлетел в небо как ни в чем ни бывало. Самым сложным было не уничтожить бронированное тело дракона – что, кстати, тоже было нелегко – а изгнать из этого почти неуязвимого тела душу огненного чудовища.

Для этого Змееслав переходил на эфирный уровень. Чары, наложенные на копье, выбрасывали душу из эфирного тела дракона и затыкали все входы временными печатями. Они утратили бы силу через час-полтора, и душа дракона вернулась бы в тело. Змееслав же должен был заменить временные печати настоящими.

– Вот как это делается, я знаю только теоретически, – признался Зигфрид. – Я в эфирное тело дракона не входил никогда.

– Тебе не хватает способностей? – спросил Лайтонд.

Он видел по чистоте и принципу строения ауры бывшего химмельриттера, что Зигфрид является магом минимум четвертого класса. По классификации же химмельриттеров оборотень считался всего лишь полумагом. Лайтонд гадал, какой же силой дара должен обладать воин, претендующий на роль старшего в тройке и на исполнение обязанностей мага.

– Нет, – сказал Зигфрид. – Нам, оборотням, трудно пробраться на столь тонкий уровень. Я вижу эфирное тело дракона, но воспринимаю его как кокон серой паутины.

– Ну, эфирные материи – штука своебычная, – заметил Лайтонд. – Их все воспринимают по-разному, в этом нет ничего страшного.

– Это как посмотреть, – возразил оборотень. – В наставлении Разрушителя Игната эфирное тело дракона сравнивается с боевой ладьей. Только дракон на носу, ну знаешь такие фигуры ставят обычно – так вот, он в эфире одноглазый. Этот глаз нужно залить свинцом; мачту, что посередине, сломать, и место, в котором она крепилась, тоже запечатать – это вторые ворота в тело дракона.

– А третьи где? В хвосте?

– На корме, – согласился бывший оборотень. – Эти ворота – руль. Нужно его выломать тоже.

– Дай угадаю, – сказал Лайтонд. – И залить свинцом ту дыру, в которой он крепился.

Химмельриттер кивнул.

– А я не вижу никаких кораблей, – сказал он грустно. – Я вижу огромный серый кокон, внутри которого горит пламя. Что запечатывать? Что выламывать?

Голодная собака – ночь ушла, оставив на окне разводы из своих примерзших слюней. Ее сменило серое, зябкое утро. Солнце касалось слабыми пальцами заиндевевших окон и бессильно отводило руки. Ночи в конце сеченя морозны даже на побережье теплого моря. Оборотень понял, что Глиргвай все еще не вернулась, и холодная, ядовитая игла вонзилась ему в сердце.

– Это, пожалуй, все, что я знаю, – закончил Зигфрид. – А, уши Локи! Было бы лучше, если бы в живых остался Змееслав. Или Вольф… Он вообще мог превращаться в кого угодно. По правде сказать, единственное, что может победить дракона – это другой дракон.

Лайтонд покачал головой.

– Вольф – это, как я понимаю, фон Штернхерц?

– Ну да. Других оборотней-полиморфов я не знаю.

– Нет, – сказал эльф. – Мне было бы тяжело с сыном Разрушителя… а уж с единственным в мире оборотнем-полиморфом…

– Это ты зря, – пожал плечами Зигфрид. – Они же оба подчинялись Эдмунду. Они бы слушались и тебя.

– Я не Первый Химмельриттер, – возразил Лайтонд. – Да ведь и Эдмунд, как жестоко это ни звучит, избавился от Вольфа и Змееслава при первой же возможности. Зря ты переживаешь. Ты мне очень помог. Было бы здорово, если бы ты сделал себе из чего-нибудь аркан вроде того, который ты описал. Мне нужно отдохнуть… а потом поможешь мне заговорить меч? Копье нам не подойдет. Во-первых, его здесь сложно достать. Во-вторых, никто из нас не умеет с ним обращаться.

– Спрашиваешь, – хмыкнул оборотень. – Помогу, конечно.

Пока Глиргвай неторопливо брела обратно в пансионат, теплая радость выветрилась из нее под сквозняками мрачных коридоров. Осталась лишь легкая, как осенняя паутинка, печаль. Сейчас, когда душа лишилась привычного щита из гнева, злости и боли, на Глиргвай тихо снизошло понимание того, что она больше никогда – НИКОГДА – не встретится с друзьями.

Просто потому, что их больше нигде нет.

Что бы Зигфрид ни говорил насчет Валгаллы, Глиргвай почувствовала, что сияющие палаты, которые она видела – всего лишь сон. Сон-мечта.

Она отталкивала от себя это знание, пыталась скрыться от него за суетой текущих дел. Так эльф, которому паук оторвал руку, в первый миг настолько оглушен болью, что еще не верит в это. Потом приходит боль. После того, как культя зарастает, приходит самое невыносимое. Призрак боли, когда болит та часть руки, которой больше нет. Глиргвай ощутила примерно то же самое. Ласки Аннвиля сделали девушку сильнее. Глиргвай смогла взглянуть в лицо знанию, потому что теперь оно уже не убило бы ее.

Но та часть души, которой больше не было – часть, где находились картина Хелькара с красным глазом на фоне выжженной пустоши, борщ Тиндекета и смех Каоледана – тихонько ныла.

«А ведь Тиндекету больше никогда не обнять Маху, а ей это так нравилось», думала эльфка. Она почувствовала себя виноватой в наслаждении, которое испытала ночью. На этаже заговорщиков было тихо и пусто, несмотря на то, что время близилось к обеду. Глиргвай заглянула в каминную. Она обнаружила там Зигфрида.

Оборотень сидел в кресле и, не мигая, смотрел на огонь. Он увидел девушку, и глаза его расширились на миг. Но он ничего не сказал. Глиргвай подошла к нему. Когда Глиргвай была еще совсем маленькой, Реммевагара часто усаживал ее к себе на колени и подбрасывал – сначала чуть-чуть, а потом все сильнее и сильнее, приговаривая: «По гладенькой дорожке, по гладенькой дорожке, в ямку бух!» На этих словах полуэльф раздвигал колени, и хохочущая от восторга Глиргвай падала вниз. Не на пол, конечно. Реммевагара всегда ловил

девчушку. Эльфы не играли со своими детьми ни во что подобное; эта игра была мандреченским изобретением.

И сейчас, когда душа Глиргвай обнажилась, словно платан, с которого слезла старая, отмершая часть ствола, и трепетала под ветром судьбы, эльфка по привычке искала успокоения в старых детских играх. Глиргвай открыла было рот, чтобы попросить его: «Покатай меня по гладенькой дорожке», но осеклась.

Зигфрид знал, что ее не было дома этой ночью, и, скорее всего, сердился. Он нашел бы в этой игре эротический подтекст, которого там не было. Да и вряд ли оборотень был знаком с мандреченскими играми. А Глиргвай нестерпимо захотелось забраться на колени к Зигфриду, уткнуться ему в шею и плакать – по-детски, навзрыд. «Но я больше не ребенок. Я уже взрослая», меланхолично подумала Глиргвай. Эльфка повернулась, чтобы уйти. Она с трудом сдерживала слезы.

Зигфрид положил руку ей на плечо.

– Если ты хочешь сесть ко мне на колени – садись, – сказал он.

Глиргвай поняла, что он прочел большую часть ее мыслей.

– Ты не то подумаешь… – пробормотала она.

– Я ничего не буду думать, – ответил оборотень. – Ничего не буду делать такого, чего ты не захочешь.

Глиргвай невольно посмотрела на ноги Зигфрида – колени оборотня были сдвинуты. Эльфка села на него, закинув ноги на подлокотники. Девушка обняла Зигфрида за шею и прижалась лицом к его груди. Следующее несколько минут оборотень посвятил мысленному цитированию Устава Химмельриттера. Он не понимал, чего хочет Глиргвай, но ощущал, что если она заметит его возбуждение, то что-то важное в ее душе сломается.

– Покатай меня, – сказала девушка.

– Не понял?

– У мандречен есть такая игра, они играют с детьми. Называется «по гладенькой дорожке». Реме играл так со мной…

– Как это? – осведомился Зигфрид.

– А, ладно, ты не поймешь, – сказала эльфка и хотела встать.

– А ты попробуй, – сказал он спокойно. – Неречь славится своим тупоумием. Но я – татцель.

Глиргвай объяснила, как смогла. Получилось сбивчиво и путано. На лице Зигфрида не отразилось ровным счетом ничего. Он аккуратно, но плотно взял ее руками за талию и принялся подбрасывать. Глиргвай к концу поездки почувствовала смутное возбуждение (Зигфриду тут пришлось гораздо тяжелее). Когда прозвучало: «… в ямку бух!» эльфка и опасалась, и втайне ожидала, что Зигфрид уронит ее на ковер и накроет сверху своим телом.

Это был бы конец всего.

Так лось, с разбегу ворвавшись в паутину, не замечает того, что уничтожил тонкую, изумительную красоту. Зверь бежит дальше, а на рогах его развеваются пыльные серые лохмотья, в которые превратилось ажурная сеть. В ней, конечно гибли и бабочки; но роса в ней по утрам так блестела, что глядя на нее, хотелось жить дальше – несмотря ни на что.

Пожалуй, Глиргвай не стала бы сопротивляться, если бы Зигфрид попытался овладеть ею. Она не хотела его, после бурных игр с Аннвилем желание нескоро вернулось бы к ней. Но Глиргвай понимала, что сама спровоцировала оборотня; он держался, сколько мог, но всему есть предел.

Однако Зигфрид не сделал этого. Он раздвинул ноги и поймал Глиргвай почти у самого пола, как и положено. А затем поднял и осторожно и ловко снял с себя. Эльфка оказалась стоящей перед креслом.

– К сожалению, я должен отлучиться ненадолго, – чуть задыхаясь, сказал оборотень. – Эта игра слишком эротична для такого молодого зверя, как я.

Глиргвай хмыкнула и неожиданно для самой себя поцеловала его – неторопливо, нежно. Оборотень сначала пытался отстраниться, но затем крепко прижал ее к себе.

Глиргвай ощутила, как он сильно вздрогнул всем телом и обмяк, расслабился. Эльфка обняла его – ей показалось, что Зигфрид сейчас упадет. Бывший химмельриттер открыл глаза и посмотрел на нее. Они стояли слишком близко друг к другу, чтобы его желто-зеленая радужка, расколотая таким же вертикальным, как и у Глиргвай, зрачком, не превратилась в блестящее смазанное пятно.

– Я люблю тебя, – сказала эльфка.

– Да, но спишь почему-то с Аннвилем, – проворчал Зигфрид.

Девушка отняла руки. Он тоже отпустил ее. Оборотень думал, что теперь Глиргвай убежит. Но эльфка – о чудо! – стояла на месте, не подавая никаких признаков к бегству. Девушка морщилась, пытаясь подобрать слова.

«Любовь – это как взгляд бога в упор», подумала эльфка. – «Словно мандречены запустили осветительный файербол, когда ты на полпути к их окопам. И лежишь на снегу, уткнувшись лицом в снег, и свет обливает тебя, и деться некуда. Бог редко смотрит на нас, реже, чем нам кажется. Он слишком стар, слишком устал, и, к тому же, уже восемь веков как мертв. Но он многое знает о боли, и он понимает. Говорят, Ваниэль сошлась с Марфором в первый же день. Я не хочу спать Зигфридом… не сейчас. Но это все – одно и то же. Это – боль, которую мы не хотим причинять. Ваниэль не хотела остаться в душе Марфора тоской по желанию, которое не сбудется уже никогда. Я не хочу стать памятью о наслаждении, которого всегда будет не хватать… Бог смотрит, и бог видит.

Но это все слова для баллады. Как жаль, что Квендихен мертва, и некому переложить их на музыку. А Зигфрид понимает только простые фразы. Наши языки похожи, но это разные языки».

– Зигфрид, ты хотел бы, наверное, чтобы я занялась с тобой любовью вот на этом ковре, – сказала она и в затруднении пнула ковер ногой. Черная шкура изображенного на ней дракона пошла складками. – Но ты понимаешь…

Оборотень хмыкнул, но промолчал, ожидая продолжения.

– У меня были друзья, мой отряд – они были моя семья, – произнесла Глиргвай. – Они мне были как родители. Они меня спасли, воспитали и вырастили. Я их любила, и они меня тоже. И теперь они все мертвы. Все. Сестра Че могла выжить, но отдала себя, чтобы спасти меня… И теперь… Мы оба знаем, куда идем… А если ты погибнешь?

Она глянула на Зигфрида в упор.

– Это совершенно не исключено, – спокойно заметил оборотень.

– Это будет слишком много для меня, – сказала Глиргвай. – Когда мы победим, и под нами будет шкура Черного Пламени – мертвый, настоящий дракон, а не этот ковер, – вот тогда…

– Ну что же, идея мне нравится, – сказал Зигфрид. – Хорошо. Но ведь и ты можешь погибнуть. А как же тогда этот мальчик?

– Я знаю, что это не очень хорошо, – наморщив нос, призналась Глиргвай. – Он, наверное, будет страдать… Но мне-то будет уже все равно тогда.

Оборотень хмыкнул.

– Пойдем, сообразим что-нибудь на завтрак, – сказал Зигфрид. – Рин и Лайтонд только недавно пришли, все спят. Кулумит и сказал, что ради меня одного кухарить не будет.

С утра мать собрала Коруне корзинку с подарками для ведьмы. Тасса всегда переживала, когда дочь уходила в избушку, стоявшую в лесу за околицей деревни. Сначала она думала, что привыкнет. Но привыкнуть не получалось, хотя первый раз Кертель забрала девочку к себе, едва Коруна встала на ножки. Незадолго до рождения дочери Василий жутко обжегся у горна. Кертель спасла кузнеца при помощи трав и магии, но поставила условие – ребенок, который родится, будет отдан ей. Старой ведьме была нужна ученица. Василий сдержал слово. Но материнское сердце глодала тревога. А уж после того, что Кертель сделала с сыном князя, думать о ведьме без содрогания Тасса не могла.

– Она тебя не обижает? – спросила Тасса у дочери, провожая ее к воротам.

Коруна улыбнулась:

– Да ну что ты, мамочка. Она хорошая.

Тасса вздохнула. Коруна всегда так отвечала. За прошедшие годы Тасса успела досконально изучить, что любит старая колдунья. Сейчас дочь несла ей полную корзинку шанежек с картошкой, крынку сметаны и бутылочку самогона, выгнанного из шишек реснисосен. Шишки были свежие, с последнего злополучного сбора, ароматные, и самогон получился забористый. Крестьянка надеялась смягчить сердце Кертель с помощью этих бесхитростных подарков.

Коруна обняла мать. Тасса поправила пуховый платок у нее на голове.

– Ночевать-то придешь?

Коруна пожала плечами. Тасса закусила губу, чтобы не расплакаться. С тех пор, как Василий съездил в город за высококачественным, выплавленным гномами железом и начал ковать меч для Коруны, ей хотелось плакать постоянно. За железо было уплачено четыре гривны, которые Тасса приготовила в приданое Коруне вместе с дорогими парчовыми отрезами и утварью – набором медных тарелок с затейливой гравировкой. Когда Василий полез в сундук за деньгами, Тасса вскинулась было, взъерепенилась… А муж сказал тихо: «Ну сама подумай, мать, какое ей теперь приданое?».

Кертель собиралась научить Коруну не траву мечом косить, это было ясно.

Тассе хотелось никуда не отпускать дочь, удержать ее рядом с собой. Налюбоваться напоследок. Мать всегда понимала, что раньше или позже дочь уйдет, но всегда казалось, что час расставания еще очень далек. А он оказался неожиданно близок.

Крестьянка улыбнулась и помахала дочери рукой. Коруна направилась вниз по улице – стройная фигурка в темно-зеленой ферязи. Тасса побрела обратно к дому.

Ясек встретил Коруну у околицы. Паренек был высок и строен. Про таких говорят «кровь с молоком». Увидев девушку, он заулыбался.

– К ведьме идешь? – спросил он.

– Ну да, – ответила Коруна.

Девушка сама не смогла бы объяснить, почему последнее время при виде его румяного, чистого лица, в ней поднимается волна раздражения. Отцом Ясека был один из самых зажиточных крестьян в деревне, да и сам Ясек был не промах. Он был первым везде – и на охоте, и на пашне, и на посиделках. Коруна знала, что его отец не одобряет того, что Ясек путается с ученицей ведьмы. Но Ясек не побоялся пойти против слова отца. Девушки Пламенной заглядывались на видного жениха, а вслед Коруне часто летело завистливо-обидное: «приворожила…». Но это была неправда. Кертель научила девушку приворотным заклинаниям, но Коруна еще ни разу не пользовалась ими. Не видела надобности.

– Давай, я тебя провожу до полпути, – сказал Ясек. – Меня как раз за валежником послали.

Коруна пожала плечами:

– Проводи.

С этой стороны деревни не было расчищенных пашен, лес начинался сразу за высоким тыном. Тропинка была узкой, и подростки шли друг за другом – Коруна впереди, Ясек сзади. Алое зимнее солнце просвечивало сквозь голые ветви деревьев.

– Придешь на посиделки сегодня? – спросил Ясек. – У Маришки собираемся.

– Не знаю, – неохотно ответила девушка.

Иногда занятия у Кертель затягивались надолго. Летом Коруне было не до обучения хитрому искусству плетения заклинаний. А вот зимой обе ведьмы, старая и молодая, погружались в неиссякаемый кладезь познания с головой. В прошлый раз они приступили к свитку «Закрывая двери», где рассказывалось, как закрыть Дверь в Подземный мир. Дверь мог открыть только Музыкант или Танцор Смерти, и это занятие было у Коруны чисто теоретическим. Девушка успела прочесть свиток только до половины, где объяснялось, как войти в Дверь, оставаясь живым. Теперь Коруну мучило жгучее любопытство – а как же

вернуться в мир людей после того, как Дверь захлопнется.

– Да что ты такая надутая сегодня. Дай-ка я тебя расшевелю, – сказал Ясек и обнял ее, крепко прижав к себе.

Коруна остановилась. Не отталкивая, но и помогая, она отстраненно наблюдала, как рука Ясека ползет по ее животу и ложится на грудь. Парень сильно стиснул грудь девушки, затем развернул к себе и стал целовать, торопливо расстегивая ферязь. Коруна отвечала на его поцелуи, пока ей не надоело. Она незаметно сложила пальцы для заклинания, но Ясек вдруг сильно стиснул ее руку.

– Нет уж, – сказал он.

Пару раз Коруна уже останавливала его напор направленным пучком Чи, и в этот раз парень оказался начеку.

– Обойдемся без твоей магии, – задыхаясь, прошипел парень и опрокинул Коруну прямо на снег.

От неожиданности девушка выронила корзинку, и та откатилась в сторону.

– Хватит, Ясек, перестань, – пробормотала Коруна.

Ясек оказался тяжелым. Сквозь мех полушубка ей в спину впились острые коренья, почти не присыпанные снегом. Парень уже рвал вверх тяжелый подол шерстяного сарафана. Холод потек по обнаженным ногам девушки.

– Ну перестань, у меня попа мерзнет, – пробормотала озадаченная таким нешуточным натиском Коруна. Ясек, увидев ее ноги, нечленораздельно зарычал.

Они сошлись на Перунов день прошлым летом, и Коруна с тех пор не раз успела побывать на сеновале вместе с другом, но так далеко он еще никогда не заходил. Тогда Ясек был нежен, и Коруне были приятны его осторожные ласки. Но почему-то, едва она пыталась представить себе их обоих, тесно сплетенными, нагими, к горлу девушки подступала тошнота.

Коруна воспользовалась моментом, когда Ясек перестал сжимать ее руку – паренек расстегивал свои штаны. Девушка втянула всю Чи, до которой смогла дотянуться. Коруна черпала Чи из Воздуха, и здесь, в лесу, воздух был густым и сильным. Ученица ведьмы ожгла Ясека плетью Симаргла, широко известным заклинанием, которое в народе еще называют Муравьиной Дорогой. Ясек взвыл и откатился от девушки. Коруна поднялась на ноги, отряхнула юбку. Девушка подняла корзинку. Слава богам, она была по обычаю завязана полотенцем, а не то пришлось бы собирать шанежки с ближайших кустов.

– Сука! – завопил Ясек, скручиваясь, как младенец в чреве матери.

Основной удар пришелся на самое чувствительное мужское место. Глаза Коруны сузились. Она промолчала, ожидая, что он еще скажет.

– А я-то сватов думал по осени засылать! – крикнул Ясек.

– Так засылай, – холодно ответила Коруна. – А то валять девок по сугробам да сеновалам вы все скоры.

Ясек уже справился с собой, поднялся на ноги.

– А зачем мне жена, холодная, как дерево? – спросил он, ухмыляясь. Глаза его еще были мутными от боли. – Маришка вон – ласковая, горячая.

Коруне стало больно, по-настоящему больно, но она не подала и виду. Заклинания были не единственным, чему учила девушку старая ведьма. Сдержанность и хладнокровие, по мнению Кертель, были для колдуньи не менее важны, чем талант к управлению Чи.

– Да, у таких ласковых да горячих в печи обычно по два ухвата, – сказала девушка. – На всех тепла хватает.

Ясек изменился в лице и хотел что-то сказать, но Коруна повернулась и пошла прочь.

– Прости! – крикнул он.

Паренек хотел догнать ее, кричал что-то еще. Юная ведьма, не оборачиваясь, бросила между ним и собой Гребенку – простейший магический барьер, названный так потому, что он не представлял собой единого поля, а являлся частоколом вертикальных силовых линий.

«Сама виновата», думала Коруна, испытвая жгучее отвращение к себе. – «Раздразнила

парня, а не даю…».

И вдруг она поняла, в чем причина. С Ясеком ей было скучно. К старой ведьме частенько захаживали ее друзья, и эти люди – и не вполне люди, чего уж скрывать – были гораздо интереснее станичного парнишки.

Но, тем не менее, теперь ей предстояло остаться одной.

Словно отозвавшись на гадостное настроение Коруны, небо заволокло тучами. Девушка шагала по тропинке, заливаясь слезами и на ходу вытирая их. Вдруг впереди, за поворотом, вспыхнуло алое зарево и опало. Коруна вздрогнула. Ученица ведьмы вдруг сообразила, что насыщенность магического поля возрастает с того самого момента, как она прошлась по мужскому самолюбию Ясека частой Гребенкой. Коруна опомнилась от мрачных мыслей о Ясеке. Встреча с обычным голодным волком или медведем-шатуном в лесу не сулила ничего хорошего, но иногда к станице забредали и магические существа. Прошлой зимой Ясек вот так же пошел за валежником, а вернулся домой весь в крови. За собой он тащил змеедерево, уже мертвое, застывшее причудливым зигзагом предсмертной судороги.

Коруна ментально просканировала местность. Сердце у нее захолонуло – за кустами точно кто-то был. Мощная, насыщенная аура объекта, вполне подходила не только для почти безобидной реснисосны, но и для близнещипцев. Вряд ли чудовищу, подобно сказочному волку, хватило бы пирожков идущей мимо девочки. В ауре юной колдуньи закрутились разноцветные вихри. Коруна попятилась, слишком поздно поняв, что замечена.

– Кто здесь? – сурово спросили за кустами.

У девушки отлегло от сердца, и она смело шагнула за поворот.

В нише за прозрачной стеной стояла огромная, в рост взрослого эльфа, кукла. На шелковом лице были нарисованы голубые глаза. Верхнее платье куклы, не имевшее рукавов, было сделано из серебристо-серой шерсти. В разрезы выбивался широкий подол нижнего платья из лилового шелка. Незакрытые швы стягивала темно-сиреневая шнуровка. Кукла стояла в изящной позе, чуть наклонившись. Из чего бы ни был сделан ее каркас, он был очень гибким и подвижным. Узкую талию охватывал ремешок, сплетенный из серых и фиолетовых полосок кожи. В волосах сидела кокетливая заколка в виде цветочка. В его сердцевине подмигивал фиолетовый камешек. На лепестках, словно капли росы, блестели слезы Ифиль, которые мандречены называли лунным камнем. В руках кукла держала букет сухих цветов, которым она кокетливо прикрывала нижнюю часть лица.

– Как же в нее играть? – спросила ошеломленная Глиргвай.

– А это игрушка для мальчиков, – немедленно ответил Зигфрид. – Если ее завести, она ложится и раздвигает в стороны руки и ноги, а потом крепко смыкает их на хозяине. Внутри она благодаря чарам мягкая и теплая, как настоящая женщина. Чтобы освободиться из ее объятий, надо нажать на кнопку. Иногда их две – потайная, известная только хозяину, и заметная, на тот случай, если куклой завладеет кто-то чужой. Если нажать на нее, получишь ножом в пах – он крепится в бедре красавицы на пружине. Рук она не разожмет, и можно умереть от потери крови.

Эльфка покачала головой.

– Я и не думала, что договориться с женщиной так трудно для вас, – сказала Глиргвай.

– Мы на месте, – сказал Кулумит, указывая на вывеску над дверью. Уши его пылали.

Зигфрид и Глиргвай не обратили внимания на вывеску, увлеченные разглядыванием куклы. Надпись гласила:

ОДЕЖДА ОТ ТУРГОНЕРОВ

Чуть ниже, более мелким шрифтом и менее витиеватыми рунами было написано:

В наших плащах Финголфин не мерз на Раксэ Хелка

– Я ошибся. Это манекен, – сказал Зигфрид. – Ну что же, пойдемте.

Оборотень решительно постучал. Им открыли, и троица очутилась в мастерской. Откуда-то издалека доносилось стрекотание швейных машинок. Справа от входа стояли огромные рулоны ткани, напоминавшие поваленные бурей деревья или покосившиеся колонны. К эльфам подошла девушка в нежно-зеленом платье.

– Здравствуйте, я Урсула Тургонер, хозяйка ателье, – сказала она, улыбаясь. – Чем могу помочь?

Зигфрид покосился на Кулумита. Поскольку и Глиргвай, и оборотень говорили на тэлерине с заметным акцентом, было решено, что все переговоры будет вести рыжий эльф. Однако тот смотрел на девушку и глупо улыбался.

– Мы от Лакгаэра, – взяла инициативу в свои руки Глиргвай. – Мне нужно платье.

Урсула с интересом рассматривала гостей. Лакгаэр, когда договаривался о встрече, расплывчато назвал посетителей «гостями с севера, о чьем визите не стоит распространяться».

– Ах да, конечно, проходите! Раздевайтесь, я покажу вам модели, – сказала хозяйка ателье невысокой девушке, которая верховодила в компании. – Ваши телохранители могут подождать в каминной. В моем доме вы в совершенной безопасности. Там есть кости, их угостят грогом – что может быть лучше грога в такой ветреный день?

– Я к ним как-то привыкла, да и папа не разрешает мне оставаться без них, – непринужденно ответила гостья. – Их тоже не мешало бы приодеть, как мне кажется.

– Да, мы шьем одежду и для мужчин тоже. Прошу вас, раздевайтесь, – кивнула Урсула.

Девушка откинула капюшон. Любезная улыбка застыла на лице хозяйки ателье, как приклеенная. Гостья заплела две косички на висках, и дочь Тургона отчетливо видела остренькие уши, свидетельствующие о том, что перед ней соплеменница. Но темные глаза девушки полыхнули желтизной, когда на них упал отсвет магического светильника.

Усрула не могла знать о бурной сцене, предшествовавшей появлению гостьи в ее ателье. Лайтонд хотел опутать черты лица Глиргвай оптической иллюзией вроде той, что он уже накладывал на Рингрина, но девушка отказалась наотрез.

– Цвет платья должен сочетаться с цветом волос и глаз! – заявила разъяренная Глиргвай. – Ну, сошьет ваша знакомая платье для голубоглазой блондинки – а кто будет его носить?

Перед таким неоспоримым аргументом Верховный маг Фейре сдался, но настоял на том, чтобы Глиргвай сняла капюшон, надежно скрывавший лицо, только в доме у портнихи.

Спутники девушки тем временем разоблачились и повесили мокрые от снега плащи на приколоченные к стене ветвистые рога. Они представились. Оказалось, что авари помнят квенью и не чужды поэзии. Имя девушки звучало как «Песня ветра», а высокого рыжего эльфа при рождении назвали «Мерцающим апельсином». Последнего из троицы, того, что был почти одного роста с миниатюрной клиенткой, такой же темноволосый, с трещиной вертикального зрачка, звали Зигфридом. Рыжие волосы Кулумита, самого высокого из троицы что-то смутно напомнили Урсуле, но так сразу она не смогла вспомнить, что. Даже при беглом осмотре становилось очевидно, что гости предпочитали экипироваться с помощью грабежей. Их разномастный гардероб нуждался в обновлении, как потемневший от дождей забор в побелке. А вот Глиргвай были нужны телохранители так же, как швее – поварешка. На поясе у нее, как и у мужчин, висел меч.

Девушки тэлери не носили оружия.

Урсула наконец поняла, из какой именно северной страны прибыли гости.

Из той самой, где недавно чуть не случилось огненной жары посреди зимы.

Хозяйка ателье закрыла глаза и медленно сосчитала до трех.

– Прошу вас, – сказала она, открыла глаза и гостеприимно взмахнула рукой.

Они оказались в просторном светлом зале. Вдоль одной из его стен тянулся огромный

стеллаж из черного дерева. На открытых полках лежали тубусы с лекалами и выкройками, на полках белели таблички с непонятными для друзей сокращениями. Справа от вошедших, в углу, стоял большой стол, заваленный бумагами, чуть подальше – мягкий диван, обитый сафьяном. Перед диваном находился низкий столик, самим своим видом располагавший к чаепитию. На столе лежали альбомы с рисунками костюмов. Далее находилось пустое пространство. Каменный пол на нем был ровным, отмытым до блеска и разрисован таинственными символами, стрелками с подписями вроде «долевая нить». Длинная шеренга манекенов отделяла клиентов от собственно пошивочного цеха. Этим куклам было далеко до велкиолепия их сестры при входе. Полуодетые, со странно изогнутыми руками или вообще лишенные их, примерочные куклы производили впечатление пехотинцев, призванных на защиту родного города, уже порядком потрепанных в первой схватке, но не сломленных. В цеху царила суматоха, свойственная только крупным ателье и полевым госпиталям в момент кровопролитного сражения. Девушки-швеи бегали туда-сюда, посыпая пол разноцветными обрезками и обрывками лент. Кто-то примерял на манекене, стрекотали машинки, в воздухе висел запах мела, пыли и ткани. Увидев двух мужчин с мечами, закройщицы и швеи отвлеклись от работы. По залу проползли шепоток и смешки.

Глиргвай почувствовала, что пора проявить вежливость, и сказала:

– Уютно тут у вас.

– Стараемся, – одними губами улыбнулась Урсула.

Швея в этот момент как раз размышляла, как наилучшим образом подать невзрачный силуэт клиентки. Девушка была стройная, и грудь и бедра были на месте, но вот ростом очень уж не вышла. Тут могло спасти ситуацию только длинное, расширяющееся книзу платье.

– Швейные машинки из Боремии? – спросил Зигфрид.

– Да, – ответила приятно удивленная Урсула. – От мастера Певца. Знаете, мне казалось странным, что волшебник и кузнец, посвятивший себя созданию машин для швей, выбрал себе такое прозвище. А потом я поняла, почему его так назвали. Машинки других мастеров стучат и грохочут, как несмазанная телега по булыжной мостовой. А детища Певца – поют. Одни из лучших швейных машинок в современном мире. Почти не бывает мелких поломок, машинка останавливается только тогда, когда изнашивается. Сейчас у нас, к сожалению, как раз сломалась одна, а купили мы ее совсем недавно.

– Можно посмотреть? – осведомился Зигфрид.

– Конечно, сделайте милость, – ответила Урсула.

– Я пока посмотрю, что у вас на кук… на манекенах, – сказала Глиргвай.

– Да, – согласилась хозяйка ателье. – Самое главное, это определиться с фасоном, ткани потом можно будет подобрать.

Глиргвай и Кулумит двинулись вдоль длинного ряда манекенов, на которых висели платья и разной степени готовности. Закройщицы проводили Зифгрида к сломанной машинке. Урсула вернулась за свой стол и сделала вид, что занимается счетами, хотя на самом деле она глаз не сводила с гостей. Она видела, что девушка все больше мрачнеет, рассматривая платья. Рыжий эльф удивил ее. По опыту Урсула знала, что мужчины гораздо более легкие клиенты, чем женщины, и не особенно привередливы. Зато выбор платья для возлюбленной для многих хуже пытки раскаленными щипцами. Но этот эльф терпеливо стоял перед каждым манекеном, что-то говорил девушке, трогал ткань. Швее понравилась его спокойная, уверенная манера держаться. Урсула вспомнила, где видела его – на рынке, когда покупала бижутерию для отделки. Зигфрид же забрался во внутренности машинки по локоть, перемазался маслом и купался во внимании закройщиц, которые окружили его.

Затем Урсула все же уделила некоторое внимание документам. Как всегда в конце месяца, было очень много счетов. Когда она подняла глаза, гостья и рыжий эльф стояли перед ней.

– Выбрали что-нибудь? – спросила Урсула, поднимаясь из-за стола.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Я зайду как-нибудь в другой раз.

– Неужели ничего не приглянулось? – поинтересовалась хозяйка ателье, уязвленная до глубины души.

Глиргвай рассеянно пожала плечами.

– Разве что вот такую куртку для Кулумита, – сказала она и махнула рукой на серый с розовым дублет.

– Вам так подходит ваше имя, – обратилась к эльфу Урсула. – Я восхищаюсь мудростью вашей матери. У меня вряд ли бы достало наблюдательности, романтичности и любви, чтобы дать такое имя своему сыну!

– У вас есть дети? – спросил Кулумит.

– Нет, – засмеялась Урсула. – Я не замужем, да и время сейчас сами знаете какое… Вот тот дублет, говорите?

– Да, – сказал Кулумит. – Только он у вас розовый с серым, так надо вместо розового поставить цвет охры, знаете, такой яркий.

– У нас есть чудесный оранжевый вельвет, – кивнула Урсула, записывая.

Про себя она подумала, что не рискнула бы так подчеркивать свой цвет волос.

– А вместо серого – зеленый, – закончил Кулумит.

– Зеленый? – переспросила удивленная портниха.

Тэлери предпочитали нежные цвета и оттенки, и такое сочетание, просто взрыв красок, не укладывалось у нее в голове. Эльф утвердительно кивнул.

– Отлично, – пробормотала Урсула. – Мы как раз недавно приобрели замечательный зеленый бархат… Теперь надо снять мерки.

– Надо будет раздеться? – спросил Кулумит, смущаясь.

Урсула засмеялась:

– Конечно да, но для мужчин у нас есть мастер-мужчина. Многие во время снятия мерок норовтя попристават к девушке-закройщице…

От нежного, горлового смеха эльфки Кулумит зарделся. Урсулу же удивило и взволновало то, что такой ладно скроенный парень стесняется раздеваться. «Какой он милый», подумала Урсула. – «Как его занесло в компанию авари, хотелось бы знать». Хозяйка ателье подозвала мастера, и мужчины ушли.

– Позвольте мне последнюю попытку, Глиргвай, – сказала она.

Урсула подвела девушку к манекену, на котором висели платья удлиненного фасона. Единственного, по мнению хозяйки ателье, которое могла носить эта клиентка.

– Поверьте, мне очень обидно, что вы уходите от меня, ничего не выбрав, – продолжала Урсула. – Посмотрите сюда. А если мы сделаем вам такой же наряд, только верхнее платье сделаем синее, а нижнее – алое?

Она следила за лицом Глиргвай, затаив дыхание. Морщинка на лбу гостьи разгладилась.

– Можно, – сказала девушка. – Как я сама не догадалась, заменить цвета… Только верхнее лучше сделать алого цвета.

– А нижнее?

– Желтого. Ну и вышивку там…

– Прекрасно, – с чувством произнесла Урсула. – Мы так и поступим. И еще обязательно куртку, из желтой шерсти, с красными аппликациями.

– Вы знаете толк в своем деле, – одобрительно заметила Глиргвай. – Я согласна. Сколько вы хотите аванса за костюм для меня и этот… дублет для Кулумита?

– О, нисколько. У нас, мастеров, это дурная примета – брать аванс, – сказала Урсула. – Если возьмешь аванс, значит, заказ придется переделывать и перешивать. Пойдемте, я сама сниму с вас мерку.

Она отвела девушку за шелковую ширму, расписанную мальвами. Глиргвай опасалась, что придется раздеваться догола, но Урсула разрешила ей остаться в льняной нижней рубашке – тут же, правда, порекомендовав приобрести у нее дюжину шелковых. Эльфка с

удовольствием согласилась.

Когда Глиргвай вышла из ширмы, Кулумит и Зигфрид уже ждали ее.

– Машинка работает, – сказал оборотень Урсуле.

– Да вы что? – всплеснула руками эльфка. – Даже не знаю, как вас и отблагодарить.

– Это было не сложнее, чем починить упряжь моей гр.. гм…

– Твоей гнедой, – пришла ему на выручку Глиргвай.

Зигфрид благодарно кивнул.

– А вы не хотите пошить у нас дублет, как ваш товарищ? – спросила Урсула.

Оборотень отрицательно покачал головой.

– Я видел у вас сумки там, – неохотно сказал он. – Из очень хорошей кожи, прочные, с мягкой подложкой внутри…

– Ни слова больше, – сказала Урсула и кокетливо положила руку ему на грудь.

Кулумит мрачно посмотрел на Зигфрида. Тот незаметно показал ему язык. Оборотень уже понял, что было причиной внезапной немоты рыжего эльфа при их появлении в ателье.

Урсула сделала знак, и сумку, о которой говорил Зигфрид, принесли.

– Ой, какая замечательная, – сказала Глиргвай. – Я тоже хочу такую. Можно?

– Из красной кожи? – прищурившись, спросила Урсула.

Глиргвай засмеялась и кивнула.

– Если хотите, мы можем украсить ее вышивкой, – обратилась хозяйка ателье к Зигфриду. – Мы можем сделать с ваших слов или по образцу, у нас большой каталог…

– Я хочу, чтобы вы вышили оскаленную рысь, – ответил оборотень.

Урсула в затруднении прижала ладошки друг к другу, сделав их домиком.

– Секундочку, – сказала она.

Подойдя к огромному открытому стеллажу, хозяйка ателье взглядом разыскала тяжелую черную книгу в сафьяновом переплете. Она оказалась на одной из верхних полок. Глиргвай невольно оглянулась в поисках стремянки или табуретки. Урсула сказала, невинно глядя на Кулумита:

– Вы не поможете мне?

– Почту за честь, – ответил тот.

Кулумит достал книгу. Шелковое платье стоявшей рядом Урсулы коснулось руки рыжего эльфа. У Кулумита голова пошла кругом. Пока он боролся черными точками, плывущими в глазах, Урсула щебетала:

– У нас есть нечто подобное. Однажды Рабин посетил герцог Боремии, а у него герб очень похож на то, что вы описали. Нашей мастерской – тогда она принадлежала моему отцу – поручили создание праздничных полотнищ, и вот на них-то мы и вышивали эту рысь…

Разговаривая, Урсула с умопомрачительной скоростью перелистывала страницы.

– Кому же, как не вам, – заметил Зигфрид. – Ваш отец – тот самый Тургон, младший сын Финголфина, или я ошибаюсь?

– Вы абсолютно правы, – ответила Урсула. – Когда папу спрашивали, чтобы он сделал, если стал королем, он всегда говорил: «А я бы жил лучше, чем король» – «Почему?» – «А я бы еще немножечко шил», отвечал папа. Разрушители убили его и маму, брат вынес меня буквально из горящего дома. Я тогда была еще совсем маленькой девочкой… Ателье уцелело, как и мастерская Ульрика. Он у меня столяр, все эти великолепные манекены изготовлены им, кроме того, что в витрине – он привезен из Боремии. Брат использовал его как образец.

Кулумит ошеломленно посмотрел на хозяйку ателье. Ему доводилось близко общаться с коронованными особами, и портянки Рингрина пахли ничуть не лучше его собственных. Да и Ваниэль совсем не походила на небожительницу. Но встретить внучку первого короля Фейре в швейной мастерской – это было намного больше, чем мог вынести рыжий эльф.

– Ваш отец оставил вам хотя бы лавку, – заметила Глиргвай.

Темная эльфка поняла, что стесняться уже нечего – их глаза и волосы изобличали в них партизан громче плаката, повешенного на шею. Если Урсула до сих пор не вызвала

жандармов, то, значит, не настолько уж швея была верна имперским воззрениям. Да и Лакгаэр, наверное, предупредил ее, с кем придется иметь дело.

– Все мои родственники сгорели вместе с нашей деревней, я их даже не помню, – продолжала девушка. – А у вас есть брат. Это очень много.

– Какой ужас! – воскликнула Урсула. – Но как же вы… ?

Она замялась, не зная, как спросить, чтобы не перейти границы хорошего тона.

– Так и живу, то одно, то другое, – пожала плечами Глиргвай. – Но я совершенно не представляю себе, чем заняться, когда закончится война.

– Ну, ты умеешь играть на лютне, – сказал Зигфрид.

– Вот оно! – воскликнула дочь Тургона торжествующе. – Я же знала, что где-то здесь. Полюбуйтесь. Какой оскал! Какая пасть! Настоящий дикий зверь!

Глиргвай и Зигфрид склонились над альбомом. На пожелтевшем от времени пергаменте были видны четкие штрихи тушью. На геральдическом щите красовалась морда рыси. Зверь был очень, очень рассержен.

– Герцог Боремии? – тихо спросила Глиргвай.

Ее челка щекотала щеку оборотня. Зигфрид негромко фыркнул, сверкнул желтым глазом.

– У Татцельбергов принято, – тихо ответил он. – Чтобы младшие братья уходили в химмельриттеры. Это Мандру можно делить и перекраивать по числу родившихся у короля сыновей. А Боремия слишком мала для династических споров. Последние десять лет у нас правит вобще другой род, первая династия неречи, вскарабкавшийся на трон, – добавил он.

– Да я же не поэтому спросила, – пробормотала Глиргвай.

– Я понял, – кивнул оборотень. – Девушек, желающих разделить со мной трон, я уже научился узнавать, слава Водану. Ты на них не похожа.

Выпрямившись, он сказал, обращаясь к Урсуле:

– Да, это то, что нужно. Этой рыси самое место на моей суме.

– И на моей сумке сделайте такую же вышивку, – произнесла Глиргвай.

Оборотень посмотрел на нее, и глаза его мерцали.

– Если ты не против, конечно, – добавила темная эльфка.

– С чего бы я был против, – пожал плечами Зигфрид и тихонько сжал ее руку.

Урсула только успевала записывать.

– Если хотите, – сказала хозяйка ателье. – В глаза зверя можно будет вставить кошачий, а на красной сумке – тигровый глаз.

– Это будет великолепно, – ответила Глиргвай.

Хозяйка ателье повторила заказ. Все оказалось правильно. Урсула спросила о дате примерки. Глиргвай неопределенно сказала: «Поскорее», и хозяйка ателье пригласила их снова придти через три дня. Она вручила Глиргвай сверток с рубашками, девушка расплатилась, и вся троица вышла на улицу. Кулумит задержался у двери. Рыжий эльф потерянным взглядом смотрел на манекен в серо-лиловом наряде.

– Девчушка недурна собой, но слишком уж экспансивна и властна, – сказал Зигфрид. – Чувствуется королевская кровь. У тебя губа не дура, Кулумит.

– В морду хочешь? – угрюмо осведомился рыжий эльф.

Кулумит сжал кулаки, каждый из которых мало уступал по размерам голове оборотня. Зигфрид прищурился.

– Ребята, перестаньте, – пробормотала Глиргвай. – Не надо драться. Вас заберут в жандармерию, все раскроется…

– Иди и назначь ей свидание, – непререкаемым тоном сказал оборотень. – Что ты теряешься? Может, нас всех убьют через неделю. Некогда хлопать ушами по щекам.

Рыжий эльф в тоске глянул на вывеску.

– Кто она, и кто я, – сказал он мрачно. – Внучка Финголфина…

– Она сирота, – напомнил Зигфрид. – Только на них и стоит жениться. А что до Финголфина… Любовь не различает сословий. Поверь мне, я кое-что знаю об этом, –

решительно добавил оборотень и добавил с нескрываемым пренебрежением в голосе: – Если бы ты был оборотнем, с твоей нерешительностью в лесу ты бы давно сдох от голода. Видишь птичку – прыгай, Локи тебя раздери!

Кулумит вздохнул и толкнул дверь.

Глиргвай молча пожала руку Зигфриду. Они уселись на ступеньках, дожидаясь своего застенчивого друга. Темная эльфка положила пакет с рубашками себе на колени, он тихонько зашуршал. Бледное солнце стояло в зените, куда полдня забиралось с неимоверным трудом. Оборотень смотрел на него, не щурясь. Глиргвай ковыряла мостовую носком сапога.

– Хорошо хоть, снег перестал, – сказала она.

Зигфрид молча кивнул и обнял ее за плечи, а затем наклонился и поцеловал. В дыхании оборотня смешались соленые слезы моря, сырость мостовой и терпкий букет запахов с недалекого рынка.

В центре небольшой полянки стоял мужчина. Одет он был не по погоде – в серый, с искрой, щегольский плащ из легкой шерсти. Вторая странность заключалась в том, что к мужчине не вело никаких следов, хотя верхний слой снега по сторонам от него был сорван вместе с корочкой наста. Словом, мужчина выглядел так, как и должен выглядеть человек, только что телепортировавшийся на полянку в северном Нудайдоле прямо из Рабина.

Из-за кустов высунулась настороженная мордочка Коруны. Мужчина улыбнулся.

– Здравствуй, красавица, – произнес он.

– Привет, Тенквисс, – обрадовалась Коруна.

Маг, старый приятель Кертель, часто навещал ее избушку и был хорошо знаком с ученицей ведьмы. Коруна приблизилась, подставила щечку для дружеского поцелуя. Плащ Тенквисса был подбит сиреневым мехом, а от гладко выбритых, но все же чуть дряблых щек пахло чем-то вкусным, резким и будоражащим. Коруна с наслаждением принюхалась, но узнала только лимон в симфонии запахов, исходивших от столичного кавалера. Девушка не знала, откуда родом Тенквисс, где живет и чем занимается, но по ее представлениям, следить за модой и так вкусно пахнуть мог только житель столицы. Маг всегда излучал странные, совершенно невообразимые ароматы. Девушка долго ломала голову, что же могло быть их причиной. Тенквисс был слишком стар, чтобы работать приказчиком в цветочной лавке. Кертель, сжалившись над ученицей, объяснила ей, что Тенквисс пользуется специальной ароматной водой, которая называется *одеколон.* Ею обрызгивают себя галантные кавалеры перед свиданием с дамой. Некоторое время спустя Тенквисс принес им с Кертель по крохотному пузыречку с *духами* – ароматной водой для женщин. «Целуй, глупая, один этот флакон стоит больше, чем твоя шубейка», сказала Кертель тогда. Коруна хотела поцеловать руку Тенквиссу, но тот не дал ей этого сделать. Он мягко остановил девушку прежде, чем она согнулась в поклоне, и поцелуй пришелся в щеку. С тех пор они и стали целоваться в щечку при встрече.

Тенквисс осторожно поправил сбившийся платок девушки, заглянул ей в глаза.

– С тобой все в порядке? – спросил он. – Ты какая-то растрепанная.

Коруна мотнула головой в том смысле, что все хорошо. Они двинулись по тропинке дальше. На этот раз Коруна пропустила мужчину вперед. Горький осадок, оставшийся от свидания с Ясеком растаял в ее душе, когда девушка увидела мага. Он всегда был внимателен и заботлив с Коруной, знал тысячу историй и его никогда не надо было просить дважды, чтобы услышать их.

Но искушать судьбу все же не стоило.

Избушка ведьмы не любила долго сидеть на одном месте. Если ей вздумалось, как называла это Кертель, «поразмять старые курячьи ноги», то Коруне и Тенквиссу предстояло немало потрудиться, прежде чем найти избушку. Старая колдунья меняла место лежки избушки раз в два-три дня, объясняя это тем, что иначе можно обморозить огромные жилистые лапы, на которых та стояла. Куриные ноги они напоминали весьма отдаленно. А избушка без ног – *уже не жилица на этом свете* , как говорила старая колдунья.

Как и думала Коруна, место старой лежки оказалось разрытым. Огромные глубокие, трехпалые следы с длинной пяткой вели на северо-запад. Девушка и маг сошли с тропинки и двинулись по следам. Уже начинало темнеть. «А возвращаться по кромешной темноте придется», вздохнула девушка. В те дни, когда Кертель принимала Тенквисса, на ночь она всегда отправляла ученицу домой.

На этот раз избушка выбрала себе место на корнях огромного дуба, где сейчас и возлежала темной, неопрятной глыбой. Ни единого огонька не светилось в окнах избушки, да и не мудрено. У нее не было окон, стены были глухими, как в бане. Коруна заметила яркий блик – единственное окошко на чердаке было открыто. Кертель была весьма аккуратной ведьмой, и никогда не вылетала в трубу, чтобы не перепачкаться сажей. Кертель не пожалела денег, чтобы застеклить большое, размером с дверь, окно на чердаке, и сейчас в него напоследок любовался Хорс. Длинный светлый отблик из окна, похожий на меч, перерезал пополам неровные валы сугробов на крохотной полянке, куда вышли волшебник и юная ведьма. Маг тоже заметил распахнутое окошко и сказал:

– Как хорошо, что я тебя встретил.

Когда хозяйки не было дома, дверь избушки могла открыть только Коруна. Ожидать Кертель на пороге избушки холодным зимним вечером было бы удовольствием ниже среднего.

Маг и юная ведьма вошли в дом. Пока Тенквисс отряхивался от снега в сенях и обметал свои сапоги веничком, Коруна разожгла стоявшие на столе в витиеватом канделябре свечи. Девушка хотела поставить самовар, но угли в нем уже погасли.

– Давай растопим печь, – сказал волшебник, появляясь из сеней. – Тут прохладно.

Коруна кивнула. Судя по всему, Кертель улетела сразу, как только они с ученицей простились несколько дней назад, и с тех пор изба выстыла. Ступени лестницы, ведущей на чердак, были засыпаны снегом. Его намело через люк, который хозяйка оставила открытым. На столе лежал опрокинутый, вылизанный до блеска горшок. Старая ведьма не оставила еды коту и не выпустила его из дома на время своего отсутствия. Кот, не растерявшись, перевернул с горшок со щами и ими питался.

Тенквисс вернулся в сени за дровами. Коруна взобралась на чердачную лестницу и захлопнула тяжелый люк. Когда она спустилась, Тенквисс уже хлопотал у печки. Сложив дрова шалашиком, он бросил с ладони алую огненную ленту, чтобы разжечь их. Ученица ведьмы вздохнула. Она еще не умела бросать файерболы. Дрова затрещали, в горницу потянуло дымком. Тенквисс зябко потер руки, подул на них.

– Холодно, – смущенно улыбнулся он, перехватив взгляд Коруны. – Ты не знаешь, где у Кертель графинчик или шкалик с волшебной водой для хорошего настроения?

Девушка прыснула.

– Не знаю, – сказала Коруна. – Но у меня с собой есть.

– Да будут благословенны мандреченки, рачительные и запасливые, у которых всегда с собой есть! – обрадовано воскликнул Тенквисс.

Маг и ученица ведьмы уселись за столом. Коруна развязала полотенце на корзинке. Из темноты в тот же самый миг появился огромный черный кот. Юная ведьма отдала ему крынку со сметаной – по счастью, она не разбилась. Маг достал из кармана плаща два металлических стаканчика с гравировкой.

– Да будут благословенны мандречены, которые не выходят из дома без стакана, – весело сказала Коруна.

Тенквисс покосился на нее, пытаясь понять, шутка это или упрек, понял, что первое, и улыбнулся. Маг разлил. Они выпили по первой и закусили шанежками. Девушка с наслаждением почувствовала, как тепло от живота растекается по всему телу.

– Чудесная водка, – сказал Тенквисс. – И вкус такой необычный.

– Это самогон, – сообщила Коруна. – На шишках реснисосны.

Маг поперхнулся пирожком. Девушка похлопала его по спине.

– Не стоит так пугаться, – сказала она. – Это же не дубокрак, ее взять не сложно…

– Да уж, – сказал Тенквисс, отдышавшись. – Я тебе покажу кое-что.

Волшебник сбросил плащ. Вслед за ним на лавку полетел парчовый, шитый серебром кафтан. Коруна с интересом наблюдала за магом. Тенквисс расстегнул рубаху. Коруна увидела бугры мышщ на груди и плоский живот. Маг оказался крепок в кости. Несмотря на то, что темные волосы Тенквисса уже присыпал серый пепел седины, на его жилистом теле не оказалось ни грамма жира. Девушка почувствовала горячий толчок в живот. Коруна была уже достаточно опытна, чтобы знать – на этот раз причиной была не водка. Маг коснулся рукой своего плеча, и девушка заметила на нем Тенквисса глубокую, уродливую вмятину, словно из тела вырвали кусок мяса.

– Это тоже не дубокрак, – ответил он на вопрос, читавшийся в ее взгляде.

– А что? Змеедерево? – Коруне показалось, что она различает характерный зигзаг от зубов чудовища.

Тенквисс как-то странно моргнул, а затем сказал:

– Да. Змеедерево.

– А можно потрогать? – спросила Коруна.

Ей еще не приходилось видеть таких ран, но дело было не только в этом. Ей захотелось прикоснуться к этому телу, словно отлитому из бронзы. Тенквисс кивнул:

– Трогай, конечно, она давно зажила.

Коруна коснулась плеча волшебника. Оно оказалось горячим, хотя маг сидел полуобнаженным в три дня нетопленной горнице. Девушка не торопилась отнимать руку. Тенквисс одной рукой обнял юную ведьму и наклонился к ее шее. Коруна тихонько вскрикнула, когда волшебник легонько укусил ее – словно пробуя на вкус. Затем Тенквисс провел языком ей по шее, резко, быстро. У Коруны даже мурашки побежали от удовольствия. Она обняла его. Когда Тенквисс протянул руку к ее груди, Коруна уже расстегивала ферязь.

Тепло от печки медленно расходилось по горнице, но холодно им не было. Сама не зная как, Коруна оказалась лежащей на коленях мага. Тенквисс целовал ее обнаженную грудь. Одной рукой он придерживал голову юной ведьмы под шеей, а вторую руку сложно было заметить под юбкой девушки.

– Ты меня околдовал? – хрипло спросила Коруна.

Тенквисс оскорбленно приподнял бровь и сделал два быстрых движения рукой. Девушка застонала.

– Я – тебя? – повторил маг, наклоняясь к ее губам. Почему-то Коруне послышалась горечь в этих словах. – Я – тебя?

Он чуть высунул язык. Девушка потянулась к нему, к этим полуоткрытым влажным губам и языку, блестевшему меж них подобно жалу. Маг негромко засмеялся и совершенно змеиным движением втянул язык.

– Скорее ты – меня, – ответил Тенквисс.

– Нет, – пробормотала Коруна. – Я не пользуюсь магией, чтобы….

– Я тоже, – ответил маг.

Связать его чарами было не по плечу юной станичной колдунье. Пока еще – не по плечу. А насчет себя волшебник прилгнул. В старой, глубокой ране сохранилось Чи того, кто ее нанес; как ни старался маг, он не смог избавиться от следа врага в своей ауре. Однако нет худа без добра – Тенквиссу была очень нужна эта девчушка, и если бы не эхо души Лайтонда, вряд ли бы он преуспел. Маг понял, что он не ошибся в своих догадках насчет того, кого прячет под своей юбкой старая Кертель.

Тенквисс наконец поцеловал Коруну. Девушка припала к его губам нетерпеливо, жадно.

– Не так, – сказал он, когда Коруна, задыхаясь, откинулась назад. – Дышать надо носом, по очереди, вот как…

Он накрыл ее губы своими и показал. Девушка видела его лицо, мелкие бисеринки пота, собравшиеся на висках, и его глаза – темные, влажные, покорные глаза побежденного.

– Кстати, о магии, – сказал Тенквисс. – Ты не знаешь, где Кертель держит свою волшебную палочку?

– Волшебную… палочку? – задыхаясь, переспросила Коруна.

– Да, она из такого черного….

С чердака донесся пронзительный свист и грохот, который может издавать только ступа при жесткой посадке.

По вечерам заговорщики собирались в каминной. Глиргвай и не подозревала, что причиной этому является она сама. Темная эльфка просто следовала обычаю, заведенному в ее Доме. Девушка частенько приходила в каминную с книжкой – Лакгаэр принес ей разнообразное чтиво из своей библиотеки. Старый эльф очень чутко подгадал, что нужно его гостье. Среди выбранных им книг были два учебника по овладению своей Чи для магов Огня, к которым относилась Глиргвай, томик стихов, роман «Ингельда и Койриллэ» (в момент выбора книг Лакгаэр еще находился под впечатлением от беседы с оборотнем), и военные хроники завоевания эльфами Истлы. Вечерами Глиргвай изучала приемы втягивания и выброса Чи, которые отрабатывала днем на тренировочной площадке. Иногда ей помогал Лайтонд, который видел, что перед ним прирожденная некромантка. Для Музыканта Смерти она была что двоюродная младшая сестра. Или же темная эльфка коротала время над романом, который был написан превосходным языком.

Остальные собирались в каминной для того, чтобы побыть рядом с единственной женщиной в компании. Зигфрид лежал на ковре перед камином. Кулумит вязал кольчуги, Рингрин располагался в кресле. Обычно эльфы молчали. Кулумит охотно бы послушал кого-нибудь, но сам завязать беседу не умел. Рингрин, погрузившись в свои размышления, не обращал внимания на молчание соратников. Лайтонд редко заглядывал к ним. Верховный маг Фейре был занят расшифровкой манускрипта, который ему дал Искандер, и изготовлением карт замка, на которых каждый из заговорщиков видел бы свое местонахождение и положение друзей, а так же, возможно, и врагов.

Но в тот вечер в каминную заглянул и Лайтонд. Он умел плести словесное кружево, однако слишком устал для ничего не значащей беседы. Да и Верховный маг Фейре видел по ауре Глиргвай, что ее не тяготит тишина. Партизаны Махи тоже часто проводили вечера в молчании, но тогда это было молчание друзей, между которыми уже все обговорено. Сейчас же в каминной висело молчание эльфов, малознакомых друг с другом, да потрескивали дрова в камине. Зигфрид, выпросив у Кулумита кусок паучьей нити, что-то ловко плел из нее, сидя на своем излюбленном месте.

Тишину нарушила Глиргвай.

– Зигфрид, а откуда взялись оборотни? – спросила девушка.

Сегодня она читала о горькую и динамичную повесть о любви Ингельды Татцельберг и Койриллэ Феаноринга, и естественным образом ей пришел в голову этот вопрос.

– Это была болезнь, созданная людьми, – ответил Зигфрид, не поднимая головы от плетения. Он разрезал нить на три равных по длине куска и теперь делал из них нечто вроде длинного и тонкого ремня.

– Как это? – удивилась Глиргвай.

– В наших летописях говорится, что все мы – и оборотни, и эльфы, и мандречены – произошли от людей, которых еще называют пра-людьми, – сообщил оборотень. – Они совершенно не владели магией. Никто из них не смог бы вычаровать самый завалящий файербол. Но они были богами – богами машин. Те машины, что ты видела у гномов, самоблеглая коляска, которую пытался сделать Кулумит – это эхо, отраженная тень могущества наших предков, владык неживого. Они создали болезнь, которая превращала людей в зверей.

– Так изначально это было оружие, – заметил Рингрин, который с интересом прислушивался к разговору.

– Нет, сначала, насколько я помню, это было лекарство, которое лечило врожденные

болезни, – пояснил Зигфрид. – Мы и сейчас знаем, что у эпилептиков что-то не так в строении мозга, так вот лекарство выправляло подобные вывихи.

– Это был эликсир? – уточнил Кулумит.

– Судя по летописям, лекарство выглядело как серебряный смерч, – сообщил оборотень. – И очень скоро его начали применять как оружие. Все дело было в количестве этих серебряных пылинок.

– В густоте ветра, так скажем, – задумчиво произнесла Глиргвай.

– Это понятно, – заметил Кулумит.

Спицы так и мелькали в его руках. Рыжий эльф закончил колуьчугу и теперь соединял все части в одно целое, провязывая стыки грубым, крепким способом.

– Отвар мака снимает усталость, но если пить его постоянно, умрешь, – продолжил свой пример тэлери. – Все дело в количестве.

– Наши предки – я говорю о предках оборотней – попали в этот смерч. Среди зараженных оказалось несколько богов машин. У них же, по счастью, оказался иммунитет к этим пылинкам.

– Как это? – спросила Глиргвай.

– Они были устойчивы к болезни, – пояснил Рингрин.

– Да, – кивнул Зигфрид. – На богов машин эти серебряные пылинки не то чтобы совсем не подействовали… но они сохранили человеческий облик и приобрели некоторые способности к магии. Боги машин и большой отряд, которым они командовали, убежали с той земли, где велась война, прошли Экну и осели в долине, которую сейчас называют Хасслох.

– Ненавистная дыра… – хмыкнула Глиргвай. – Представляю себе, как выглядит долина!

– Хасслох – совершенно чудная долина, уютная и удобная, – возразил оборотень. – Ее так назвали, чтобы отпугнуть других конкурентов на это место. Наши предки были заразны. Они заражали этой болезнью одним своим дыханием. Долина же, помимо всего прочего, изолирована от всего остального мира. Боги машин искали лекарство от болезни. Сначала им удалось сделать так, что наши предки перестали быть заразны.

– Это хорошо, – заметил Рингрин. – А то во всем мире сейчас жили бы одни оборотни.

– Но дети тех, кто уже заболел, рождались зверятами, – продолжал Зигфрид.

Оборотень закончил плести ремень и теперь делал на его конце подвижную, как у аркана, петлю.

– Боги машин ушли вниз по течению Тислы и основали там Лабораторию, – произнес Зигфрид. – Теперь это место зовется Зойберкунстшуле. Они продолжали поиски лекарства. Им удалось найти средство, которое позволяло оборотням на короткое время принимать человеческий облик. Но это возвращение еще не было стабильным, облик мог смениться в любой момент. Путем долгих изысканий магам удалось сделать так, что теперь мы можем принимать любой из обликов по желанию и не ограничены временными интервалами при пребывании в любом из тел. К тому моменту стало ясно, что мы, оборотни – не больные люди, а совсем иная, новая раса. И исследования были закончены, а в Лаборатории сделали школу для магов.

– Но это же противоречит всем священным книгам… – пробормотал Кулумит.

– Я думаю, что Зигфрид рассказал правду, – сказал Рингрин, раздумчиво глядя в пол.

Принц располагал доказательствами правоты оборотня, но они были не из тех, которыми можно делиться.

Даже с друзьями.

– Я в своей жизни прочел священные книги почти всех народов нашего мира, – вступил в беседу Лайтонд. – В них не стоит искать правду, это не летописи. Скорее, это притчи. Послание, которое предки хотели передать нам через время. А Зифгрид ведь пересказал нам именно летописи своего народа.

– А что стало с пра-людьми? С владыками неживого? – заинтересовалась Глиргвай.

– Все, кто не успел убежать, погибли на той войне, – ответил оборотень.

– Не все, – сказал Лайтонд.

Эльфы посмотрели на него все разом – с интересом, вопросительно.

– Ты видел пра-людей? – осведомилась Глиргвай. – Расскажи нам.

Верховный маг Фейре вздохнул, почесал подбородок.

– Мой отец Балеорн покончил с собой, спрыгнув с моста в Тиукаят, – начал Лайтонд. – Перед этим он отдал мне могучий артефакт, который создал вместе с моей матерью. Я говорю об Эрустиме. Вскоре после этого собрался Круг Магов Фейре. Отец был Верховным магом, и после его смерти надо было выбрать нового. Так же решался вопрос об Эрустиме. Стало очевидно, что артефакт представляет собой огромную опасность. Хифкрист, мой брат, чуть не убил меня, пытаясь завладеть жезлом. Хотя до этого зарекомендовал себя вполне вменяемым и разумным магом. Уничтожить Эрустим невозможно. Точнее, это осуществимо, но при очень сложных условиях, что почти равно невозможности. Маги Фейре решили, что его нужно отдать на хранение. Было ясно, что никто из смертных совладать с Эрустимом не может, жезл подчинит себе любого хозяина. Лучше всех на роль хранителя артефакта подходил Ящер, бог Смерти мандречен.

Глиргвай шумно вздохнула.

– У моей матери были с ним самые приятельские отношения, – продолжал Лайтонд. – И маги Фейре решили, что я, сын Разрушительницы Пчелы, тоже смогу договориться с Ящером. Меня выбрали Верховным магом, и отправили на поиски земного воплощения Ящера – Змея Горыныча, повелителя драконов Загорья.

По слухам, он жил за рекой Калиной…

Эльф был уже сыт по горло этой взбесившейся природой. Лайтонд начал тосковать по благородной размеренности тонов Мертвой Пустыни, чьи могучие руки обнимали обитаемый мир от Сюркистана на юге до Моря Вечной Ночи на севере. Он миновал ее быстро. Тогда у Лайтонда еще был конь. Да и в пустыне на границе с Фейре не выживали даже чудовища. Воздух там до сих пор горчил давней смертельной магией, уничтожившей все живое. Находиться там долго было опасно. Конь Лайтонда пал, едва они достигли крапивных лесов. Причиной тому была ядовитая серая пыль, которой наглотался конь. Кадриалис, один из магов Круга Магов Фейре, насоветовал Лайтонду взять с собой два бурдюка с миасским, лучшим красным вином и пить его вместо воды во время путешествия через пустыню. Эльф прислушался к дружескому совету и миновал пустыню почти без последствий. Но коня своего он, разумеется, вином не поил.

Хотя и было в этом безумии нечто величественное.

Лайтонд удобно расположился под кустом и прислушивался к разговору двух мужчин у костра. Куст благоухал как жасмин, на ветках которого гниет тушка вороны. Выглядело растение еще более странно. Но эльф уже привык и не обращал внимания. Наиболее короткая характеристика леса, которым он пробирался уже вторую неделю, звучала бы так: бред солдата, свихнувшегося в Железном Лесу.

Ничем другим нельзя было назвать крапиву в два человеческих роста, с древовидным стволом, но не ставшую от этого менее жгучей. У корней зачастую можно было увидеть обглоданные тушки мелких зверьков – длинноухих, как зайцы, но с иглами дикобраза – умерших от кислотного ожога. Эльф ни секунды не удивился бы, если бы крапивные деревья оказались плотоядными, но все было намного интереснее. Под корнями крапивных деревьев жили норные черепахи, из-за мощных панцирей неуязвимые для ожогов кислоты. Питались они не только погибшими в зарослях зверьками. Иногда черепахи отправлялись на охоту в близлежащие местности. На своих мощных спинах они разносили белую пыльцу, которой взрывались созревшие бутоны, и таким образом являлись создателями крапивных лесов. Единственными врагами черепах были огромные птицы, которые стряхивали со своих крыльев жесткие острые перья. Подобное перо превосходило пику боремского пехотинца по остроте и прочности. Панцирь черепахи оно пробивало легко. Перо проходило жертву

насквозь, пригвождая ее к земле. После чего птицы – Лайтонд назвал их стальными орлами, надо же было их как-нибудь называть – могли потрапезничать с комфортом. Своим мощным клювом орел дробил панцирь на мелкие куски. Затем очень быстро рвал и глотал окровавленное мясо. Спешка объяснялась тем, что нужно было успеть сожрать как можно больше до появления тигрокрыс. Лайтонд, на правах первооткрывателя, дал имя и этим животным. В процессе эволюции их серая шкурка, наиболее удобная в полумраке подземелий и подвалов, сменилась желтой в зеленых полосах. Небольшие рога, венчавшие морды хищников, явно были архаическим пережитком – следом кровосмешения с лосетаврами.

В пользу этого предположения говорило и необычайно вкусное, нежное, словно говядина, мясо тигрокрыс. Они явно проявляли зачатки интеллекта и охотились парами. У тех двух, что пришлось убить Лайтонду, глаза были почти человеческими. Эльф подозревал, что века через три-четыре кто-нибудь из тигрокрыс воспоет нежно серебрящиеся по утру капли яда на крапивных деревьях и сравнит их с блестящими глазами своей подруги.

Все мясо за один раз Лайтонд съесть не смог. Каждая из погибших крыс была размером с взрослого человека. Эльф закоптил мясо, истратив всю прихваченную соль и перец. Из шкур Лайтонд сделал себе плащ, поскольку его собственный окончательно изорвался. Эльф теоретически знал, что из острой тонкой кости можно изготовить иглу, а нить сплести даже из прочной травы. Но Лайтонд решил не изощряться. Раскроив плащ мечом, он соединил края пучком Цин, смешанной с Чи. Края шкуры как бы срослась друг с другом.

Месяц назад крапивные леса сменились порослью колючих и вонючих кустарников. Здесь тоже наверняка кишела жизнь, странная, недружелюбная и опасная, но эльф научился избегать встреч с ней. Он пробивал себе путь, время от времени бросая вперед пучки Цин. Этого хватало, чтобы заставить разбежаться крупных животных и усыпать землю тушками мелких волосатых жаб. Как убедился эльф, магия не убивала их, а только оглушала на длительное время. Это было хорошо – пасти жаб во множестве усеивали зубы, длинные, тонкие, острые. Лайтонду вовсе не хотелось сражаться с жабами. На вкус жабы были так себе и отдавали не тиной, как можно было ожидать, а все тем же прогорклым жасмином.

Но две недели назад эльф наткнулся на хищников, перед которыми меркли тигрокрысы и стальные орлы.

Двоих людей.

Эльф обнаружил их при ментальном сканировании и сначала не поверил себе. Он решил, что столкнулся-таки с крупными хищниками, обладающими начатками разума. Но нечаянными попутчиками оказались двое мужчин, такие же оборванные и заросшие бородами по самые глаза, как и Лайтонд. Более того, они тоже шли на северо-восток. И в аурах обоих явственно светился образ Змея Горыныча.

Человек, чернявый, худой и верткий, представлял себе Змея Горыныча непременно с топором в груди. Образ топора удивительно смахивал на оригинал, который мужчина нес на плече. Время от времени он пользовался оружием для того, чтобы прорубить проход в особо густых зарослях или снести голову зверю, которого эльф назвал «кошковараном». Лайтонд почему-то подумал, что образ дракона должен отражать мечты и намерения мужчины. Второй, блондин, полноту которого не смогли съесть даже беспощадные джунгли, тащил на спине огромный мешок и вооружен был только длинным кинжалом, который носил на поясе. О Змее Горыныче он думал мало, эти образы мешались с образами пожара и взрывов.

Лайтонд следовал за ними, приходя в себя от изумления и привыкая к мысли, что перед ним действительно люди. Они даже говорили между собой на мандречи – весьма покореженной, но эльф понимал их. За восемь веков, что эти родичи мандречен прожили сами по себе, язык должен был сильно измениться. Лайтонд не торопился присоединиться к компании. Зачем эти люди отправились в рискованное путешествие, было понятно – дракон разорил их селение. Непонятно было, как случайные спутники отнесутся к появлению чужака, который отличается от них не только ушами и зубами, но и одеждой.

Но была и еще одна причина.

У эльфа было достаточно времени, чтобы во всех подробностях разглядеть их наряды. На планке рубахи чернявого Лайтонд насчитал восемь пуговиц. В Мандре пуговицы были дороги, и их мог себе позволить не каждый. Тем более, зачем идти в такой рубахе в лес, где крохотный кружочек может запросто потеряться? Штаны обоих людей были из плотного, но достаточно мягкого материала. Ткань была покрашена – у одного в нежно-голубой, вылинявший на солнце цвет, у другого зелено-серыми пятнами, подобно плащу боевых ведьм. Судя по всему, в их селении краска была намного дешевле, чем в Мандре. Но это все меркло по сравнению с застежкой на кожаной жилетке светловолосого. Оба края жилетки, сверху донизу, были усеяны блестящими металлическими зубчиками. На одном из краев висела металлическая капля. Застегивая жилетку, мужчина соединял края внизу, тащил каплю вверх – и зубчики соединялись с негромким жужжанием.

Лайтонд, впервые увидев застежку в действии, сразу подумал о том, что народ, умеющий так обращаться с металлами, скорее всего простер свои умения не только в область одежды, но и оружия тоже. Эльфу доводилось беседовать с гномом, который теперь был владельцем банка, но прежде был известным рудознатцем и кузнецом. Именно он установил в рукоятке меча Лайтонда механизм, аналогичный пушкам, но гораздо меньший по размерам. Как-то эльф спросил его, что мешает гномам наделать ручных пушек, если уж они могут засунуть их подобие даже в рукоятку меча. Тот пустился в длинные технические рассуждения, из которых Лайтонд уяснил только одно – проблема была в металле. Требовалось нечто совсем иное, новое в обработке и производстве железа, чтобы ручные пушки стали возможны – в больших количествах, а не как опасные и редкие игрушки.

А этим людям или по крайней мере кузнецам их народа эти секреты были уже известны.

Оказаться в пределах досягаемости ручных пушек, если они были у этих двоих, эльфу совсем не хотелось.

Однако сейчас пришло время сделать это, ибо разговор у костра шел о нем.

– Говорю тебе, Ваня, кто-то идет за нами, – произнес светловолосый.

Лайтонд уже знал, что его зовут Сережей. Он лежал у костра и покусывал прутик. Его собеседник, мужчина с истинно мандреченским именем, мешал варево в походном котелке длинной ложкой. Ваня не торопился с ответом. Он почерпнул, подул, попробовал еду. Сморщился и сплюнул.

– Как мне надоело лягушек жрать, – сказал Ваня. – Да и соль кончилась…. Ну кто может идти за нами?

Сережа пожал плечами.

– Какой-нибудь любопытный и не очень голодный зверь, – сказал он. – И очень умный. Он ни разу не показался, хотя в кустах навалено было, я замечал.

Эльф с трудом удержался, чтобы не засмеяться. Человек был прав. Лайтонд не ожидал от него такой наблюдательности.

– Ну, хорошо, – сказал Ваня. – И что ты предлагаешь сделать? Подманить его?

– Знать бы, чем, – раздумчиво отвечал компаньон. – Может, он что-то вроде собаки – недаром же он следует за нами. Охранял бы нас по ночам…

– Самим жрать нечего, – буркнул Ваня и в подтверждение своих слов кивнул на котелок.

Тот был наполнен жидким варевом меньше, чем наполовину.

– Да нет, горячее он не будет… – начал было Сережа, но Лайтонд перебил его.

– Я и поделиться могу, – сказал он громко.

Люди вскочили. Ваня чуть не опрокинул котелок. Эльф видел, как рука Сережи потянулась к нагрудному карману жилетки («Ага», подумал Лайтонд). Но что бы ни лежало там, вытаскивать это человек не спешил. В руках Вани уже был топор, закатные блики играли на лезвии.

– Покажись, каков ты есть, – хрипло сказал Сережа.

Эльф вздохнул и поднялся на ноги. Теперь люди видели его голову над жасминовым

кустом.

– Так ты человек! – обрадовался Сережа. – Я-то думал, мутант какой…

Все же, они удивились меньше, чем он опасался. Люди слишком устали и слишком долго шли по земле, полной опасных чудес, чтобы удивиться по-настоящему. Пропустив непонятное слово мимо ушей, Лайтонд медленно вышел на поляну. Ваня с присвистом выдохнул – эльф понял, что мужчина увидел меч гостя.

– Проходи, присаживайся, – сказал Сережа.

Лайтонд неторопливо подошел к костру, присел на траву. Развязав мешок, он достал небольшой кусок копченого мяса, протянул Ване. Тот не выдержал его взгляда, хотя эльф смотрел на него снизу вверх, и отвел глаза.

– Спасибо, – сказал Ваня и взял мясо.

– Как тебя зовут? – спросил Сергей.

Эльф чуть помедлил.

– Шенвэль, – ответил он.

Таково было имя, которое дала ему мать. Лайтонд пользовался им нечасто из-за того, что на языке эльфов это сочетание звуков звучало редкостной похабщиной.

– Женя, значит, по-нашему, – сказал светловолосый. – Меня зовут Сережа, а это Ванек. Что ж, давайте поедим. А потом и поговорим.

Лайтонд отметил про себя, что мандреченская формула гостеприимства осталась неизменной на протяжении веков. Ужинали в молчании. Ваня опасливо косился на гостя. Сережа поглядывал на него с любопытством.

– Спасибо, мясо очень вкусное, – сказал Ваня, когда миски опустели. – На жабу что-то не похоже…

– Оно принадлежало тем, кто раньше носил эту шкуру, – ответил Лайтонд, указывая на свой плащ.

Ваня задумчиво посмотрел на полосатую шкуру, затем снова перевел взгляд на меч.

– Ты, я думаю, из Заповедника, из русского сектора – ты ведь понимаешь нас, – предположил Сережа. – Как же тебя сюда занесло, Женя? Или у вас там жизнь еще хуже, чем у нас?

– Моя страна называется Фейре, и там говорят на другом языке. А ваш язык похож на тот, на котором говорила моя мать, – ответил Лайтонд. – Я ищу Змея Горыныча.

– Понятно, – сказал Сережа.

– Мы тоже, – мрачно ответил Ваня.

– Видать, судьба нам такая выпала, идти на дракона вместе, – заметил Сережа. – Он ваши земли тоже разоряет? Как в сказке и положено?

Лайтонд неопределенно кивнул.

– А откуда вы? – спросил эльф.

Сережа смущенно хмыкнул.

– Имена нужны, чтобы отличать города меж собой. А мы думали, что мы одни остались, – ответил он. – Так что теперь у нашего города имени нет. Просто Город, и все. Как он раньше звался, я и не знаю.

– Понимаю, – кивнул Лайтонд. – Что же сделал Змей в вашем Городе? Принцессу украл?

Взгляд Сережи застыл, а Ваня ответил:

– Нет у нас принцесс. А если б кто дочку мэра украл, никто бы и не заметил… Реактор разгромил, сволочь!

– Сволочь я понял, остальное нет, – признался эльф.

– Реактор, он поле вырабатывал, – ответил Ваня. – Наш город, и область вокруг него энергетическое поле закрывало. Ни радиацию не пропускало, ни серые смерчи, ни выродков всяких. И мы выжили потому, а так бы давно были… вроде этих крыс. Смутировали бы. А он прилетел, гадюка, и разнес все к едрене фене. Подохнем теперь, как пить дать. Но и ему летать недолго осталось…

Сережа посмотрел на Лайтонда и чуть улыбнулся – одними губами.

– Наш город, как и ваш Заповедник, закрывал магический щит, – сказал он. – И эта магия исходила от могучего артефакта. Успели поставить незадолго до того, как нашу Землю-матушку могучие волшебники древности выжгли своей магией. Этот щит от всего защищал – и от огненных стрел, что волшебники друг в друга кидали, и от смертоносных чар, которыми и земля, и вода, и ветер насытились так, что по сю пору не выветрилось еще. А Змей Горыныч разрушил этот артефакт. Теперь мы идем его убивать. Говорили, что он где-то на севере гнездится, за рекой Калиной. Заповедник перед войной расширять собирались… Карты у нас нашлись старые, мы по ним и идем.

– Благодарю, – кивнул Лайтонд. – Теперь я понял.

– Ну, давайте спать, – сказал Сергей. – Тебе, как новичку, самая легкая вахта – первая.

– Это ни к чему, – ответил Лайтонд.

Он сделал привычный жест, словно стряхивал с ладони что-то. Голубой жгут охватил полянку, на которой сидели путешественники. Сережа несколько мгновений смотрел на искрящуюся голубую рукотворную змею. Особенно его впечатлило то, что под ней ощутимо примялась трава.

– Что это? – спросил Ваня.

– Это одна из модификаций дуги Аэретиля, – ответил Лайтонд. – Такой же магический щит, как тот, что закрывал ваш Город. Ничто не выйдет, не войдет.

Он посмотрел на своих побледневших, посерьезневших спутников. Эльф улыбнулся и добавил, словно невзначай:

– Только ректором для него являюсь я сам. Разница в том, что если этот ректор разрушится ночью, дуга Аэретиля останется здесь навсегда.

– Понятно, – пробормотал Сережа. – Ну что же, спокойной ночи.

– Добрых снов, – вежливо ответил Лайтонд.

Его спутники спали в каких-то тонких, но очень теплых одеялах. При помощи такой же, как и на жилетке Сережи, металлической застежки им можно было придать форму кокона. Эльф завернулся в свой плащ, как в течение многих вечеров до этой встречи.

– Ты мне этого не рассказывал, – задумчиво сказал Рингрин.

– Как-то к слову не пришлось, – рассеянно ответил Лайтонд.

Рингрин промолчал. Он уже давно убедился, что друг его похож на сундук колдуна. Если поискать, там найдутся не только лечебные травы, магические трактаты и фляжка самогона, но и тайны, жуткие и пленительные.

В кармане Верховного мага засветился и задергался магический шар.

– Я вас оставлю ненадолго, – сказал Лайтонд и вышел.

Когда дверь за ним закрылась, Кулумит сказал удовлетворенно:

– Готово. Примерь, Глира.

Девушка выбралась из кресла, в котором сидела, перекинув ноги через подолокотник. Рыжий эльф подал ей только что законченную кольчугу. Глиргвай надела ее.

– Великовата вроде, – пробормотала девушка, ощупывая себя. Выгнувшись, она попыталась заглянуть себе за спину. – Ну, так и есть, вон пузырь какой на спине…

Глиргвай кокетничала. Кольчуга была настоящим шедевром. Кулумит украсил ее двойными косами. На наплечьях, чтобы укрепить их, вывязал свернувшихся в кольцо змей. Моду на подобные украшения ввела Ваниэль – ненаследная принцесса носила такую же татуировку.

– Ты же будешь еще расти, – заметил Рингрин. – И во время варки она подсядет.

Заключительным этапом изготовления кольчуги являлось вываривание ее в специальном составе, формула которого была известна лишь мастерам. Обычно кольчугу оставляли природного серого цвета, чтобы отличие от стальной или мифриловой рубашки, сделанной кузнецами, не бросалась в глаза. Но при желании можно было и раскрасить доспех.

– Хочешь, она красная будет? – спросил Кулумит.

Глиргвай кивнула. Девушка сняла кольчугу и подсела к Зигфриду на ковер.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Аркан, – ответил оборотень. – Мы плетем такие из драконовой кожи, и потом ловим взбесившихся гросайдечей.

Вернулся Лайтонд.

– Собирайтесь, – сказал он. – Искандер зовет нас в замок.

Верховный маг Фейре обвел взглядом лица друзей. На них читалась одна мысль: «Как, уже?».

Ни партизаны, ни химмельриттер не были трусами. Каждый из них приехал в Рабин только за тем, чтобы погасить Черное Пламя. Но уют дворца Лагкаэра потихоньку проник в их души тысячами мягких щупалец, смягчая ненависть и усыпляя решимость.

Лайтонд усмехнулся.

– Искандер говорит, что дракона там сегодня нет, улетел куда-то. Походим по замку, осмотримся. Выберем удобные места. Я научу вас обращаться с картой. Но имейте в виду – это может быть и ловушка. Будьте готовы к настоящей битве. Сбор здесь же через пять минут.

Глиргвай первой поднялась на ноги и направилась в свою комнату. За ней каминную покинули и остальные заговорщики.

Люк открылся бесшумно. Если бы Кертель занималась тем, чем обычно занимаются ведьмы из сказок – воровала детей в гастрономических целях – то у детей не было бы ни малейшего шанса воспользоваться сказочным рецептом, и, смазав петли маслицем, убежать из избушки. Все петли в ее доме были тщательно смазаны и отчищены от ржавчины.

Но Кертель детей не воровала, обходясь благодарственными подношениями станичников.

Из люка вырвался и упал, уперевшись в половичок перед лестницей, столб голубого света. Затем в нем появились ноги в войлочных сапогах, изузоренных бахромой. Кертель спустилась по лестнице. Несмотря на возраст, она сохранила вкус к эффектным появлениям.

Старая ведьма зыркнула на Коруну, сидевшую с совершенно ошалелым видом. На щеках девушки цвели алые пятна, глаза странно блестели.

– А мы с Тенквиссом тебя ждем, – нетвердым голосом сказала Коруна.

Гость приветственно махнул Кертель рукой, в которой была зажата шанежка. Старая ведьма потянула носом и несколько секунд задумчиво созерцала початую бутылку с самогоном в центре стола. Тенквисс извлек третий стаканчик, наполнил его и протянул хозяйке. Ведьма приняла стакан благосклонно, осушила одним глотком. Тенквисс ловко вложил в свободную руку Кертель шанежку и улыбнулся, как ребенок, довольный тем, что ему удалось угодить маме. Хозяйка откусила половину шанежки, опустилась на лавку рядом с магом, прожевала и сказала:

– Полезай в подпол, Коруна. Миску возьми с собой, набери крошева. И кусок свинины прихвати там. Щи будем варить.

Ученица молча повиновалась. Девушка двигалась словно во сне. Когда Коруна открывала люк в подпол, она зацепилась ногой за кольцо и чуть не свалилась вниз. Кертель посмотрела на Тенквисса тяжелым взглядом. Маг сделал вид, что полностью увлечен наполнением стаканов.

– Сходить за снегом? – спросил Тенквисс, поднимаясь.

Воду для щей можно было раздобыть только таким нехитрым способом – растопив снег в котелке.

Голова Коруны исчезла в люке.

– Посиди пока, – спокойно ответила Кертель.

Тенквисс сел на место.

Коруна сделала несколько неуверенных шагов между бочками, и тут у нее подкосились ноги. Девушка присела на подвернувшуюся кадушку.

Ужас, который ученица ведьмы испытала при внезапном возвращении Кертель, все еще гулял в ее крови. Тенквисс очень ловко успел одеть ее, сама она была словно кукла. Коруне было даже страшно представить, во что может вылиться ревность наставницы. Хотя, строго говоря, об этом надо было думать до того, как целоваться с Тенквиссом. Но тогда девушку словно окутало сладкое, мягкое облако. На миг Коруна представила себе, как Кертель захлопывает люк, ведущий в подпол, приваливает его тяжелым камнем, и ее заколотило от страха. И, несмотря на это, где в глубине души хищной розой цвела гордость, извечная подлая гордость женского соперничества. Коруне было и стыдно за это, и хорошо одновременно. Тенквисс, судя по внешности, годился Кертель в сыновья. Их связывало скорее какое-то общее делом, чем любовь. Хотя, возможно, это общее дело было и сдобрено пеплом давнего бурного романа.

На этой мысли Коруна пришла в себя окончательно. Сколько бы Тенквисс не изменял Кертель с молодыми девочками, он всегда останется верен своей старой подруге. Это была новая мысль, удивительная – и вместе с тем верная. Коруне вспомнилось, как однажды при ней ломали старую баню. Когда мужчины растащили бревна, вид на рощицу, где она стояла, изменился. Тогда Коруна испытала короткое головокружение. Мир, окружавший ее, и казавшийся с детства таким незыблемым и неизменным, сдвинулся. Сейчас на Коруну обрушилось похожее чувство.

У Тенквисса и Кертель было то, чего никогда не будет у нее. Мужчины проводят жизнь в поле или на охоте, женщины – воспитывая детей и занимаясь хозяйством. И встречаются только в постели, и то, если женщина между заботами о детях и доме ухитрится выкроить немного времени для себя самой и останется привлекательной после вторых-третьих родов. А маг и старая ведьма наверняка проворачивали вместе разные рискованные дела. Их всегда будет объединять некое чувство… непредставимое для Коруны так же, как слепой не может представить себе цвет. Наверное, оно сродни братству, что испытывают заговорщики.

Справедливости ради надо было заметить, что Кертель проворачивала дела не только с Тенквиссом. Коруна неожиданно осознала тот факт, что в избушку старой ведьмы приходили очень разные гости, но всегда это были мужчины. Девушка любила свою наставницу, и старалась не только поменьше знать, но и поменьше думать о том, что ее не касается. Она видела, что Кертель довольна своей жизнью. Иногда Коруне хотелось сказать об этом в ответ на брезгливо-сочувственные пересуды станичных кумушек. С точки зрения станичниц, женщина, живущая одна, без мужчины и детей, ничего не стоила в жизни и не заслуживала уважения. Крестьянки боялись ведьму из-за тех знаний и могущества, которыми она обладала… но при этом были абсолютно уверены, что Кертель стала заниматься колдовством от своей ущербности. Все были уверены, что ведьма в молодости была некрасива, или же не имела приданого. И чувствовали некое превосходство над Кертель, и кичились этим.

Коруна вдруг поняла, сколько в этих рассуждениях ограниченности и тщеславия. Девушка осознала, почему Кертель нравится жить своей жизнью. Ученица старой ведьмы испытала короткий укол зависти, и это окончательно притушило торжествующую глупую гордость по поводу того, что Тенквисс явно предпочитал ее высокую грудь обвисшей груди старой колдуньи.

«Но был ли у Кертель выбор, на самом деле?», задумалась девушка.

Впрочем, надо было идти.

Коруна вычаровала светящийся шар. Он получился больше похож на веретено, но светил неплохо. Девушка подняла миску, выпавшую у нее из рук, когда она уселась. Коруна отправилась к бочке с крошевом, стоявшей в дальней части подпола.

Тенквисс усмехнулся, но как-то печально.

– И что ты с ним сделала? – спросил он.

Кертель пожала плечами. Когда Коруна ушла, старая ведьма перебралась из-за стола в кресло-качалку поближе к печке. Устроившись там, она курила трубку, чуть покачиваясь. Тенквисс принес еще дров, и избушка постепенно наполнялась уютным теплом.

– Напоила серебром и выставила голову у дороги, чтобы он сам мог рассказать отцу о своих проделках, – сообщила ведьма. – Так всегда делается.

Тенквисс покачал головой. Несколько мгновений было слышно только легкое поскрипывание качалки Кертель. Маг колебался – лицо его ломала болезненная гримаса. Старая ведьма бесстрастно наблюдала за ним. Затем Тенквисс все-таки решился.

– А у меня после Коляды еще две головы выросли, – сказал он. – Совершенно безумные.

– Ну, а чего ты хотел? – заметила Кертель спокойно. – Чем больше жизней ты ему скармливаешь, тем большую силу он набирает. А на эту Коляду ты отломил Эрустиму жирный кусок – химмельриттеры, Ежи… Жезл Власти потому так и назван, что подминает под себя всех, до кого может дотянуться. Этот мальчик, в чье горло пришлось залить кипящее серебро… Он тоже был рабом Эрустима, я видела по его ауре.

– Где ты спрятала жезл, скажи? – спросил Тенквисс с неожиданной силой. – Скажи мне, где он лежит? В замке его нет, я его уже перебрал чуть ли не кирпичику. Отдай Эрустим мне.

Кертель выпустила клуб дыма и осведомилась:

– Зачем я стану это делать?

– Я улечу с ним домой, – ответил Тенквисс. – Верну Змею Горынычу.

– Нет, – сказала Кертель. – Его теперь нет дома, да и не полетишь ты за Калину. Ты обезумеешь окончательно, когда Эрустим окажется в твоих морщинистых лапах…

Тенквисс выбрался из-за стола, в волнении прошелся взад-вперед по горнице. Старая ведьма следила за ним выцветшими от времени, но все еще цепкими глазами. Маг остановился около печки.

– Хорошо, тогда я его уничтожу.

Кертель рассмеялась неприятным, скрипучим смехом.

– Ты никогда его не уничтожишь, потому что тебе это не под силу, – ответила она. – Каждый, кто прикоснется к Жезлу Власти, проклят. На всю жизнь.

Тенквисс неуловимо быстрым движением оказался рядом с качалкой Кертель и схватил ведьму за горло.

– Отдай Эрустим мне, – прошипел он, встряхивая Кертель, как набитую ватой куклу. – Отдай! Прошу тебя, ради Ящера, отдай!

Старая ведьма забулькала горлом, беспорядочно замахала руками. Очень сложно сконцентрироваться и сплести из Чи заклинание, когда тебя душат. Возможно, это не получилось бы даже у такой опытной колдуньи, какой была Кертель, но в этот момент раздался глухой удар. В лицо старой ведьме брызнула ледяная крошка. Руки Тенквисса разжались, он повалился на Кертель. Ведьма не стала отталкивать бесчувственное тело, но и не поддерживала – просто дождалась, когда оно сползет по ней на пол само.

Перед Кертель стояла Коруна – бледная, напуганная, но решительная. В одной руке у нее была миска с крошевом для щей, в другой – замороженная свиная нога. Ей девушка и огрела мага по голове. Ученица ведьмы смотрела на распростертое на полу тело Тенквисса, и губы ее дрожали.

– Я правильно поступила, Кертель? – спросила она ломающимся голосом.

– Абсолютно, – ответила старая ведьма. – Почему ты плачешь?

По щеке ее ученицы сбежали две быстрые слезинки.

– Я с Ясеком поругалась сегодня, – сказала Коруна. – Он обозвал меня сукой. А вы… ну, вы говорили громко… Я пришла, когда вы уже ссорились… Тенквисс умолял тебя, даже когда душил. Но ни сказал ни одного бранного слова.

– Да, – сказала Кертель. – Воспитание – это на всю жизнь.

– Что мы будем делать теперь? – спросила Коруна.

– Оттащим его в горницу для гостей, – сказала старая ведьма. – Не выбрасывать же на улицу…

Кряхтя, она поднялась с кресла.

– Бери за ноги, – скомандовала Кертель.

Час спустя Тенквисс все еще лежал без сознания в светлой горенке для гостей. Вход в нее Кертель для надежности запечатала заклинанием. В печке уютно побулькивал горшок со щами.

– Ко мне тут Буровей зайдет на днях, я у него кое-какие свитки брала почитать… Он – владелец Горной Школы, где учат боевых ведьм, – сказала Кертель.

У Коруны захватило дух. Она смотрела на наставницу, ожидая продолжения и не веря в него.

– Буровей тебя посмотрит, я с ним уже поговорила, – ворчливо продолжала Кертель. – Если он решит, что в тебе достаточно способностей, весной тебя примут.

Старая ведьма ожидала, что ученица обрадуется, может быть, завопит или даже заскачет на одной ножке. Кертель любила смотреть, как радуются люди. В ее долгой жизни не хватало именно таких сцен. Но Коруна насупилась и принялась протирать стол.

– Ты не рада? – спросила озадаченная ведьма.

– Да откуда у меня способности, – пробурчала Коруна, стоя к ней спиной. – Все ведь знают, что магами бывают только сидхи. Или полукровки. Вон, Разрушители – они же все полукровки были, от них родители и отказались поэтому, волхвам отдали. А здесь, в Пламенной, сидхов никогда не было. Мандречены мы. Князь, правивший Медовым краем во время нашествия, как бишь его… не помню! Он же откупился от сидхов. Их армия сюда не входила даже…

Кертель хмыкнула.

– Но кое-что у тебя ведь получается, – возразила она. – Да и не все Разрушители были полуэльфами.

Коруна обернулась, задумчиво посмотрела на наставницу.

– В Горной Школе не самые высокие требования к кандидатам, – ободряюще сказала Кертель. – Точнее, к кандидаткам – мальчиков туда не берут.

– Вы поэтому и сказали папе, чтобы он мне меч сковал? – спросила Коруна тихо.

– Да, – произнесла Кертель и принялась резать хлеб. Старая ведьма потянула носом. – Берись-ка за ухват и доставай щи, они уже поспели.

Коруну ободрил ответ наставницы. Старая ведьма была рачительна. Кертель не заставила бы кузнеца потратить деньги на металл, если бы не была уверена в успехе. Девушка отодвинула заслонку, взяла ухват и ловко подцепила им горшок.

– Когда поедим, – сказала Кертель. – Сходишь в сон к одной девочке и передашь, что я попрошу.

– Хорошо, – сказала Коруна, водружая горшок на предусмотрительно подставленную доску. – Только я не умею ходить в сны.

– Я тебе помогу, – сказала Кертель.

От щей валил аромат, от которого хотелось сразу схватиться за ложку. Старая ведьма и ее ученица не стали мешкать.

Жаровню в свое время выписали из Боремии. В герцогстве знали толк в пытках. Но при дворе Черного Пламени жаровня ни разу не была использована по прямому назначению. Несмотря на странную форму, она обладала ценным качеством – в ней ничто не пригорало. Палачи жарили в ней картошку или разогревали свои немудрящие ужины.

Радагаст не был исключением. Его смена начиналась завтра утром. День не был выходным, предстояла обычная рутина – влепить десяток плетей нерадивому солдату или вырвать язык слишком разговорчивому горожанину. Когда отец Радагаста, прикончив шкалик, начал скандалить, мать ушла ночевать к подруге. Радагаст, прихватив пару картофелин, сало, луковицу и селедку, двинулся в замок. В каморке при пыточной вполне

можно было выспаться. На полу лежал тюфяк и серое, невзрачное, но теплое одеяло. Радагасту уже не раз приходилось коротать здесь ночи. Когда на долю молодого палача выпадали субботние дежурства, и к вечеру он уже с ног валился от усталости, или же когда отец напивался, как сегодня. Радагаст растопил камин – огромный, неряшливый, в котором почти все тепло уходило в трубу, – почистил картошку и поставил жаровню на огонь. Пока картошка жарилась, Радагаст обыскал все потайные места, где дежурные палачи прятали водку. К его огромному разочарованию, заветного бутылька нигде не оказалось. Молодой палач не собирался напиваться – так, принять пять капель для сугрева и лучшего сна. Теперь же, когда выпить оказалось невозможно, он словно перед собой видел запотевший графинчик зеленого стекла и изнемогал от бессильной ярости.

Когда картошка была почти готова, Радагаст услышал в коридоре шаги и голоса. Он очень обрадовался. У гвардейцев из патруля наверняка при себе было, что выпить. Радагаст снял жаровню с огня и вышел в коридор. Уже открыв дверь, он вспомнил, что ночное патрулирование замка отменено со вчерашнего дня. В порядке сокращения штатов перед их полным расформированием. Сейчас в замке императора из живых охранников оставались только часовые на башнях.

Радагаст увидел компанию человек из пяти. Все посетители были в обычных серых, а совсем не форменных плащах гвардейцев. Он смог хорошо разглядеть только двоих, возглавлявших процессию.

Это был высокий светловолосый эльф, чью принадлежность к племени нелюдей подчеркивали острые уши. Из-под плаща торчали ножны длинного меча. Второй приходился ростом по плечо Радагасту. Его черные короткие волосы торчали во все стороны, а в глазах было что-то бесконечно неправильное. Радагаст понял, что если бы он прихватил с собой меч перед тем, как выйти из каморки, он был бы уже мертв.

– Вот надо же так, мы сто лет вас ждали, а вы пришли в тот единственный день, когда его нет дома, – вырвалось у Радагаста. – Ребята, приходите послезавтра – он точно будет здесь.

– Кто это? – брезгливо осведомился высокий эльф.

– Это придворный палач, – ответил голос, показавшийся Радагасту знакомым.

Обладатель голоса протолкался вперед, и палач увидел Искандера. Почему-то его ни секунды не удивило.

– Эта профессия передается по наследству? – спросил беловолосый.

– Именно так, – ответил Радагаст.

– То-то мне ваши черты лица показались знакомыми.

Второй рассматривал Радагаста в упор, очень неприятным взглядом.

– Что ты здесь делал, Радик? – спросил Искандер. – Сегодня же не твоя смена.

– Ужинал, – уклончиво ответил тот.

Начальник гвардейцев подозрительно втянул воздух носом. Радагаст принял вид оскорбленной невинности и демонстративно дыхнул на Искандера.

– О Илуватар, что же теперь с ним делать, – пробормотал высокий эльф рассеянно.

– Я бы на вашем месте так не горячился, – рассудительно заметил Радагаст. – Как знать, если бы моему отцу тогда не вздумалось поправить топор после сотни четвертованных, гонец, привезший помилование, мог и опоздать.

Все было ясно.

– Ты умеешь справляться только с безоружными, распятыми на дыбе, или умеешь и драться тоже? – осведомился Лайтонд.

Палачи достаточно меланхоличны.

– Достань меч и узнаешь, – сказал Радагаст.

– Искандер, дайте ему свой, – сказал эльф, распахивая плащ и вытаскивая меч.

Длинное серое клинка промелькнуло перед Радагастом за одну бесконечную секунду. Меч эльфа показался палачу сравнимым по размерам со стойкой виселицы. Радагаст увидел темные, встревоженные глаза Искандера. Начальник императорской гвардии вовсе не желал

смерти палачу, но надежды на благополучный исход дела не оставалось. Радагаст принял протянутый ему клинок и двинулся на эльфа.

Бойцы двигались так быстро, что глаз не поспевал за ними. Они превратились в размытые серые тени, плясавшие в свете магического шара. Радагаст был почти одного роста с Лайтондом. Мандречен оказался ничуть не менее гибок и подвижен, чем эльф. Как и любая схватка ни на жизнь, а на смерть, она закончилась быстро. Меч Радагаста зазвенел, ударившись о каменный пол, а сам палач оказался стоящим на одном колене. Меч Лайтонда касался его плеча, словно эльф посвящал палача в рыцари. Радагаст смотрел на него – спокойно, молча, с уважением.

– Ты нам походишь, – сказал Лайтонд, отводя меч.

Глаза Искандера радостно блеснули.

– Я еще не знаю, подходите ли вы мне, – заметил Радагаст.

Невысокий спутник Лайтонда сердито засопел. Мандречен поднялся на ноги, улыбнулся.

– Я пошутил, – сказал палач. – Я готов в любое время.

Лайтонд поднял руку.

– Но заклинание временной амнезии я на тебя все же наложу, – сказал эльф.

Когда Радагаст пришел в себя, он сидел на полу перед камином, в котором алели угли. Перед ним стояла жаровня с остывшей картошкой, а около нее – приятная неожиданность! – лежала фляжка с водкой. Палач тряхнул головой, отгоняя остатки муторного, странного сна, из которого он ничего толком не помнил. Очевидно, он заснул, надышавшись дымом. «Надо пожаловаться завхозу, пусть трубу прочистит», подумал Радагаст и принялся за трапезу.

Из замка дракона заговорщики вернулись уже под утро. Глиргвай повалилась на кровать в полном изнеможении. Во время экскурсии, как Лайтонд иронично назвал их визит в замок, Верховный маг Фейре почти непрерывно давал указания заговорщикам, что делать и как себя вести во время настоящего нападения. Он общался с друзьями исключительно телепатически, не доверяя мандречену, организовавшему им эту прогулку. Глиргвай старалась все запомнить, но у нее в голове отложился только порядок действий их команды при захвате тронного зала. Сопровождавшего их мандречена звали Искандером. Он сказал, что именно в тронном зале Черное пламя обычно ночует. Заговорщикам предстояло подкрасться к спящему противнику и уничтожить его, не давая ни малейшего шанса нанести ответный удар.

Все остальное – возможные пути отступления, сигналы и прочее смешались в голове Глиргвай в невнятную кашу. Эльфка торопливо разделась, юркнула под одеяло и закрыла глаза.

Она заснула тут же, как провалилась, и это был очень странный сон.

Глиргвай очутилась на холме. Девушка стояла на самой верхушке, на небольшой проплешине. Склоны холма густо поросли малиной, и было непонятно, ни как Глиргвай попала сюда, ни как отсюда выбраться. Стоял теплый летний день, такой яркий и красивый, каким он бывает только во сне или сказке. Эльфка вдруг поняла, где находится. Над изголовьем ее кровати висела фарфоровая тарелка, оставшаяся от предыдущего хозяина комнаты. На ней и был изображен холм, покрытый кустами малины. Ближе к зрителю сидел медведь. За холмом, в отдалении, виднелся силуэт домика. Глиргвай осторожно обернулась.

Так и есть, коричневая шкура была отчетливо заметна сквозь заросли у подножия холма. Эльфка начала очень осторожно спускаться по другому склону. Она двигалась бесшумно, все время оглядываясь назад. Именно поэтому Глиргвай чуть не наступила на девушку, спавшую в малиннике. Темная эльфка шарахнулась назад. Черный сарафан в красных петухах не оставлял никаких сомнений – перед ней была мандреченка. Разбуженная девушка открыла глаза. Они оказались синими, как висевшее над эльфкой и мандреченкой безоблачное небо.

– Наконец-то, – хриплым со сна голосом сказала девушка. – Я тебя уже заждалась.

Мандреченка села. Глиргвай увидела розовую полосу у нее на щеке, там, где отпечатался край платка. Платок был весьма необычным. На нем чередовались полосы красного, коричневого, голубого и синего цветов. Хотя, возможно, такие платки носили все мандреченки. Глиргвай вдруг сообразила, что это первая человеческая женщина, которую она видит в своей жизни.

– Что тебе нужно? – спросила эльфка.

– Передать послание, – ответила мандреченка. – Не бойся, оно короткое. Вот, слушай: «В ночь после Афанасия-ломоноса сломается щит, и ты победишь».

– Кому я должна это передать?

Девушка пожала плечами.

– Кертель сказала, ты сама догадаешься, кому. Ну все, я пошла.

Мандреченка поднялась с примятой малины и двинулась через луг к дому. Теперь Глиргвай смогла рассмотреть его во всех подробностях. Он казался пряничным, покрытым глазурью. Несмотря на то, что он ничуть не походил на дом Бабы-Яги, как его описывал Реммевагара, эльфку вдруг охватила тревога – совершенно неуместная в этом прекрасном месте посреди спокойного, как холодный сладкий чай, дня. Да и с чего бы ей тревожиться о незнакомой мандреченке – дочери врага, сестре врага, и будущей матери врага?

На крылечко избушки вышла ее хозяйка. Ей оказалась огромная, размером со взрослого мужчину, пчела. Ветер колыхал черно-желтые ворсинки у нее на брюхе. Увидев идущую к дому девушку, пчела радостно потерла мохнатые лапки, зашевелила суставчатыми, как у гигантского паука, жвалами, и выпустила из себя жало. Оно ослепительно блеснуло в солнечном свете. А мандреченка словно и не видела ничего этого. Она неторопливо шла через луг, и трава скрывала ее плечи.

– Стой! – закричала Глиргвай, от ужаса перейдя на родной язык. – Остановись! Она убьет тебя!

Девушка услышала ее, но не разобрала слов. Мандреченка обернулась, помахала эльфке рукой и крикнула:

– И тебе удачи! Да хранят тебя твои боги!

Глиргвай проснулась вся в поту. Она села на кровати. Девушке показалось, что в комнате пахнет малиной. Глиргвай тряхнула головой, чтобы отогнать наваждение. Эльфка вычаровала светящийся шар, завесила его у себя над головой. Глиргвай подошла к стене, где, как ей помнилось, висела та самая тарелка с изображением малинника. Фарфоровая тарелка была на месте. Глиргвай подвела шар поближе, пытаясь разглядеть домик на заднем плане.

Да, это был именно он. Разноцветный, наличники покрыты прихотливой резьбой. Дом словно бы стал больше и подполз ближе к зрителю. На его пороге Глиргвай разглядела фигурку в черном платье. Голова фигурки обернута цветастым платком, из-под которого спускается коса. Фигурка подняла правую руку над головой, словно бы приветствуя смотрящего.

Или прощаясь с ним.

Эльфка облегченно вздохнула. Никаких намеков на чудовищную пчелу на картинке не обнаружилось. Глиргвай решительно сняла тарелку со стены. Надо было показать ее Лайтонду. Конечно, вряд ли ей удастся убедить Верховного мага Фейре, что рисунок на фарфоровой тарелке может меняться, но надо же было от чего-то отталкиваться в своем рассказе. Взгляд Глиргвай упал на подушку. Девушка вздрогнула.

На белой наволочке лежала ветка малины. На ней, подобно каплям крови, алели несколько крупных ягод.

Эльфка захватила с собой ветку, и покинула комнату. Глиргвай вежливо, но настойчиво постучала в дверь комнаты Лайтонда. Ответа не было. Девушка толкнула дверь, она оказалась заперта.

– Ты ко мне? – услышала она голос Верховного мага Фейре и оглянулась.

Лайтонд приближался к ней по коридору. Плащ на нем был влажным от снега. Вид у

Верховного мага Фейре был усталый, но довольный. Глиргвай не стала спрашивать, где он провел остаток ночи. Эльфка обрадовалась тому, что он так вовремя вернулся. Ей показалось, что если бы сейчас Лайтонда не оказалось на месте, она просто сошла бы с ума. Глиргвай просто кивнула. Когда он подошел, Глиргвай увидела белую полоску пластыря у него на носу чуть ниже переносицы.

– О Мелькор, – пробормотала девушка. – Что это с тобой?

Верховный маг Фейре осторожно потрогал нос. Теперь Глиргвай заметила и то, что он опух.

– Видишь ли, – сказал Лайтонд. – Затылочная кость намного крепче носовых хрящей, а при направленности векторов движения навстречу друг другу…

Он вздохнул и сделал неуловимый жест, отменяющий запирающее заклинание. Верховный маг Фейре галантно пропустил гостью вперед. Глиргвай сообразила, что выглядит довольно нелепо в ночнушке, с тарелкой и веткой малины в руках. Но смущаться было поздно. Лайтонд скинул плащ. Верховный маг Фейре указал гостье на кровать, а сам опустился на единственный стул в комнате.

– Я слушаю, – сказал он мягко.

Лайтонд рассеянно отщипнул ягоду с ветки, которую эльфка все еще держала в руках. Глиргвай пришло в голову, что она до сих пор так и не попробовала малины, из-за которой натерпелась таких страстей. Она подала Лайтонду тарелку, а сама тоже взяла ягоду и отправила ее в рот. На вкус малина оказалась самой обычной, разве что волшебно спелой и сладкой. Этот привет из лета посреди сырой рабинской зимы взбодрил эльфку.

Верховный маг Фейре узнал фигурку в косынке. Хозяйки Четырех Стихий никогда не носили их в реальности. Но мандреченский канон требовал изображать волшебниц именно в таких четырехцветных платочках. Когда Лайтонд поднял глаза, его расслабленное лицо вновь стало привычно-серьезным.

Вода была теплой, как молоко. Глиргвай плыла осторожно, раздвигая ее руками и ногами, как это делают звери. Поблизости от Дома Ежей крупных рек не было. Тиндекет научил девушку плавать на небольшом горном озере. Но возможности практиковаться у темной эльфки не было. По сравнению с Аннвилем, который резвился и нырял в центре чаши, как дельфин, девушка выглядела неуклюже и смешно. Однако сейчас Глиргвай было абсолютно все равно. Стоило пройти огонь, лед и телепорт под Келенборонстом, чтобы в итоге попасть сюда – в теплый бассейн во дворце Лакгаэра. Темная эльфка знала, что ей предстоит еще много сражений, потерь и рискованных головоломок, и сейчас она наслаждалась передышкой. Чудесной, просто волшебной передышкой, надо заметить.

Иван съехал с горки и рухнул в бассейн, подняв тучу брызг. Эльфка представляла себе брата Аннвиля как высокого плечистого красавца, нечто среднее между Лайтондом и Лакгаэром. Слова о том, что брат придет в гости, подразумевали под собой, как казалось Глиргвай, что брат Аннвиля живет один, отдельно от отца и, следовательно, уже взрослый. Вместо этого она столкнулась в бассейне с кудрявым подростком – полукровкой. Он был чуть крепче брата в кости. У него тоже были светлые волосы, но было понятно, что с возрастом они потемнеют. Глиргвай, узнав имя брата Аннвиля, порадовалась своей предусмотрительности. Девушка не стала задавать вопросов о судьбе жены Лакгаэра, а теперь все выяснилось само собой. Темная эльфка не могла себе даже представить, как это – сойтись с мандреченом. С другой стороны, вряд ли Файламэл (Глиргвай все же удалось выяснить имя ветреной эльфки, давшей жизнь Аннвилю и Ивану) видела своих друзей, залитых в ледяной куб мандреченами. И уж конечно не стояла на пепелище, в которое превратился дом того, кто просто протянул тебе руку – когда тебя гнали, как волка на флажки.

Аннвиль раздобыл ей весьма странную, но удобную одежду из трикотажа, которая называлась «купальник». Партизаны Махи всегда купались все вместе, обнаженными, но Глиргвай решила, что не стоит обсуждать чужие порядки, и надела купальник. Странное

дело – она совсем не стеснялась бы, если бы они втроем плескались в чаше голыми. Аннвиль, в конце концов, видел ее во всех видах. Да и для Ивана, надо думать, вид обнаженной девушки не стал бы откровением. Но в купальнике Глиргвай сразу стало казаться, что он все подчеркивает и обнажает, и притягивает тем самым взгляды братьев. По этой причины она старалась не высовываться из воды и тихо плавала в мелкой части бассейна, иногда отваживаясь выбраться на глубину.

– Слушай, я замерз, – сказал Иван.

– Ну, погоди, я пойду отрегулирую, – ответил Аннвиль.

– Да ладно, – произнес брат. – Хватит. Пойдем уже погреемся и перекусим что-нибудь.

Они поплыли к бортику. Юноши пропустили Глиргвай вперед. Вторым из воды выбрался Иван. Когда они шли к душевой, он вдруг сказал:

– Ты знаешь, мне стыдно.

– Почему? – удивилась Глиргвай.

– Черное Пламя – наш правитель, – ответил Иван. – Железный Лес вроде не входит в Мандру, так ведь?

– Да, – твердо сказала темная эльфка. – Мы не являемся частью вашей империи.

– Черное Пламя издевается и мучит нас… а убиваете его вы, – заключил Иван. – Ведь Бьонгард – не ближний свет, а вы собрались, приехали…

Глиргвай посмотрела на него гораздо дружелюбнее. Младший сын Файламэл оказался наблюдателен и смекалист. Мало того, что он узнал в подруге Аннвиля темную эльфку, так и сразу понял, какова может быть единственная цель, приведшая ее в столицу Мандры. Девушка немного сердилась на Лайтонда за то, что он запретил им троим выходить на улицу. Но теперь поняла, что Верховный маг Фейре был прав.

– Может быть, дело в том, что вы разучились ненавидеть и бороться? – спросила она.

Иван хмыкнул.

– Ты назвала нас, мандречен, трусами? – спросил он.

– Нет, – покачала головой Глиргвай. – Я видела людей в бою, трусов среди вас нет. Но помимо смелости, есть еще такая штука, как решимость и самостоятельность. Мне кажется, вам не хватает именно этого.

– Со стороны, возможно, виднее, – сказал Иван и ушел в душевую.

В бассейне их было две – для мальчиков и для девочек.

– Его отец – князь Рабина, – произнес Аннвиль.

Он неслышно подошел и стоял сзади, не вмешиваясь в их беседу.

– Как это – князь? – уточнила Глиргвай. – А император?

– Раньше столица была в Куле, – пояснил Аннвиль. – И там жил великий князь мандречен со своим двором, а столичным хозяйством занимался градоначальник. А Черное Пламя сюда перебрался, никто не знает, почему. В Рабине уже был князь. Не градоначальник, а скорее, кто-то вроде командира ополчения. Черное Пламя оставил его на прежней должности, хотя Ярослав тоже был из Тайнеридов.

– Как у вас все сложно, – покачала головой Глиргвай.

Но, по крайней мере, становился ясен выбор Файламэл. По собственному опыту, эльфка знала – у каждой женщины есть свой тип возлюбленного. Кому-то нравятся ученые, кому-то торговцы. Немало и тех, кому нравятся воины – и ничего тут уже не попишешь.

Говорить вслух эльфка ничего не стала из сочувствия к Аннвилю. Глиргвай вошла в душевую и повернула кран.

В юности Буровей совсем не походил на мандречена, чем и пользовался без зазрения совести. Впрочем, совести у Детей Волоса не было по определению. Были функциональность и практичность. Но к старости эльфийская кровь в полукровках становилась заметнее. Говорили, что человек умирает быстрее. Возможно, так и было, а возможно, это были просто досужие сплетни. Лучше всех в генетике разбирались эльфы. Но они исследований среди Разрушителей не проводили по вполне понятным причинам.

Высокий мужчина в синем пятнистом плаще, какие носили боевые ведьмы, некогда могучий, а теперь высохший от старости, сидел на лавке напротив Кертель. Она по своему обычаю покачивалась в кресле-качалке и пускала к потолку колечки дыма. Гость степенно пил чай с медовиком, испеченным специально для него. Старая ведьма не очень любила готовить, но медовики у нее всегда выходили отменно. Буровей пронес любовь к ним сквозь столетия.

Впрочем, любовь к сладкому пирогу была не единственным чувством, которое он сохранил на протяжении всей своей жизни. В отличие от Кертель, Буровей был однолюбом.

– Ну что? – спросила старая ведьма.

Буровей неторопливо подул на блюдечко, сделал большой глоток.

– А ты как будто сама не знаешь, – ответил он.

– Я могу ошибаться, – сухо возразила старая ведьма.

Гость оторвался от чая и иронично глянул на нее. Была в этом взгляде, кроме иронии, и нежность, и горечь. Да только Кертель не хотела этого видеть.

– Ну-ну, – сказал Буровей. – Если я вижу только пустые места вместо узлов в ее ауре, ты-то видишь все.

– Ты возьмешь ее в Горную Школу?

Основатель и бессменный руководитель единственной в мире магической школы, где готовили боевых ведьм, задумчиво прожевал кусок пирога и запил чаем. Старая ведьма терпеливо ждала.

– За что ты ее так не любишь? – осведомился Буровей. – Отдай девочку в школу при Капище Всех Богов, и она будет работать при императорском дворе. С такими способностями она заработает себе на домик с фонтаном и садом быстрее, чем малое крыло потеряет свою боеспособность.

– Ты извини, я никогда особенно не вникала в твои дела… Как быстро малое крыло теряет боеспособность?

Гость покончил с чаем и аккуратно вытер губы полотенцем. Тасса вышила на нем красные колеса, каждое из которых имело по четыре лихо заломленные набок спицы. Так мандречены изображали солнце.

– Как только лишится трех ведьм, – ответил Буровей. – То есть за три-четыре вылета. В боевых условиях это означает, что за месяц.

– Понятно. И все же я прошу взять Коруну в Горную Школу.

– И как мне ее учить? – осведомился Буровей. – Она пользуется всеми четырьмя каналами попеременно! Обычно в таких случаях идут через канал мертвой силы, ты же знаешь. А он у Коруны не открыт.

– Да, Цин ей неподвластна, – согласилась Кертель. – Но когда Коруна придет к тебе, она будет пользоваться только одним каналом для преобразования Чи. И это будет, конечно, Чи Воздуха.

– Что ж, если так, то я согласен.

Буровей поднялся из-за стола. Старая ведьма покинула кресло, чтобы проводить гостя, и неожиданно крепко обняла Буровея на прощанье. Он медленно поцеловал ее морщинистую щеку.

Дом Василия был заполнен шумом и весельем. Не исступленным весельем редкого праздника, разрежающего скучное течение дней. Это шумела сама жизнь, удавшаяся, насыщенная – так шумит могучий поток, обдавая случайных наблюдателей брызгами. Бегали, падали, плакали и дрались дети; гремели и шипели котлы; сонно мычали коровы в хлеву. И найти место, где можно было бы уединиться и спокойно поговорить, было очень сложно. Когда Коруна позвала с собой сестру, чтобы задать корм свиньям, Василиса охотно пошла с ней, подозревая, что сестренка хочет о чем-то с ней посекретничать. И она не ошиблась.

– Кертель хотела меня в Горную Школу отдать, – сообщила Коруна.

Девушка вылила помои в колоду, вокруг которой уже столпились свиньи. Раздавалось чавканье и возмущенное повизгивание тех, кого более массивные братья отталкивали от кормушки.

– Ты будешь боевой ведьмой? – ахнула Василиса.

Сестра отрицательно покачала головой.

– Она даже их начальника позвала, Буровея. Он меня испытывал – мы колдовали, это было так весело. А потом…

Губы Коруны задрожали. Василиса обняла ее.

– Он приставал к тебе, что ли? – спросила она, гладя сестру по волосам поверх платка. – О Перун и Ладо, ему ведь уже триста лет!

– Никто ко мне не приставал, – сердито ответила Коруна. – Все было гораздо хуже.

Коруне было велено подождать, пока старая ведьма переговорит с гостем. Наставница попросила девушку пока укутать лапы избушки огромным шерстяным одеялом. «Значит, скоро морозы совсем заломят», подумала Коруна. Кертель пользовалась одеялом из зимы в зиму, и еще ни разу не ошиблась. Через день-два после того, как ноги избушки были надежно защищены, наступали дикие холода. Ничего удивительного в приближении морозов не было. На следующей неделе станичники собирались праздновать день Афанасия-ломоноса, покровителя морозов. Это праздник означал так же, что зима вступает в свою последнюю треть.

Коруна быстро справилась с привычным делом. Укрыв огромные лапы, она поднялась по ступенькам и осторожно постучала.

– Входи, – крикнула Кертель.

Коруна пристроила полушубок на вешалке и прошла в горницу.

– Садись, – сказала старая ведьма.

Она налила ученице чая из самовара, подвинула тарелку с остатками медовика. Коруна с наслаждением впилась в пирог зубами.

– Что Буровей сказал? – спросила девушка с набитым ртом.

Кертель принялась выколачивать трубку об устье печки. Глядя на ее уверенные, медленные движения, Коруна перестала чувствовать вкус пирога, хотя очень любила медовики.

– Я немного ошиблась в тебе, – наконец произнесла Кертель.

Коруна без всякого удовольствия дожевала пирог и проглотила его. Ощущение было такое, что она грызла обугленную деревяшку. Во рту стало кисло и горько.

– Я так и знала, – сказала девушка, и добавила чуть не плача: – Я никогда не видела сидхов, и очень жаль, что они не встретились моей бабушке или маме!

Кертель передернуло.

– Жалеть здесь не о чем, – сказала она сухо. – Хочешь, я отдам тебе свои способности?

– Не надо, – ответила Коруна. Слезинки стекалаи по ее щекам и падали в чай. – Если я больше ни на что не годна, кроме как ткать, готовить борщ и рожать детей, так я этим и займусь!

– Подумай, – сказала Кертель. – Я не могу умереть, не передав кому-нибудь свой дар. И честно говоря, мне уже очень надоело здесь.

– А ты… умрешь сразу, как только… – пролепетала девушка, ошарашенная таким поворотом событий.

– Может быть, и сразу, – пожала плечами Кертель. – Но скорее всего, я проживу еще несколько лет. Это называется эхом дара.

Коруна разрыдалась, отрицательно мотая головой.

– Ну что ты, – сказала Кертель и погладила ее по голове. – Мне совсем не страшно умирать, Коруночка. Почти все мои друзья в Подземном мире, я не буду скучать там.

– Нет, – твердо произнесла Коруна. – Мне будет неловко колдовать, зная, что я черпаю из чужой миски, пусть и своей ложкой.

Она поднялась.

– Я пойду – а то скоро стемнеет.

Кертель услышала, как хлопнула дверь в сенях. Старая ведьма улыбнулась.

– Маленькая гордячка… – прошептала она.

– Так и сказала? – спросила Василиса.

– Ну да, – хмуро ответила сестра.

– И ты отказалась? – продолжала допытываться Василиса.

– Ну да, говорю же тебе!

– Ох и дура же ты, сестренка! – протяжно произнесла Василиса и расхохоталась так, что платок сполз ей на плечи.

Коруна в сердцах пнула ведро из-под помоев. Оно опрокинулось, и по полу, усыпанному опилками, растеклись серо-бурые капли.

– Неужели Ясек такой нежный?

– Отстань, Вася, – мрачно ответила сестра.

– Я бы на твоем месте ни минуты не колебалась бы, – сказала Василиса. – Что здесь делать, Коруна? А ты увидишь мир. Ты увидишь Стену Мира, и, если повезет – даже Залив Вздыбленного Льда. И путешествовать притом будешь за казенный счет. Мало того, тебе даже платить будут.

– Покамест самый северный гарнизон в Трандуиловых Чертогах стоит, – возразила Коруна.

– И это немного подальше, чем Волотовка, – трезво заметила Василиса. – Ну что теряешь, сестренка? Если тебе не понравятся герцоги с королями, уж сюда-то ты всегда можешь вернуться…

– Герцоги с королями? – пробормотала ошеломленная сестра.

– А ты думаешь, боевых ведьм заклинаниям только для полета учат? – осведомилась Василиса. – На учениях манёвр покруче заложишь, улыбнешься, как ты умеешь – и никогда тебе уже над стиркой не сгибаться да плуг на себе не тянуть.

– Что же ты не пойдешь в Горную Школу? – ядовито спросила Коруна.

И тут же пожалела об этом – лицо сестры застыло.

– А мне никто не предлагает даром своим поделиться, – ответила сестра и пошла прочь из хлева. Коруна кинулась за ней.

– Вася, прости!

Она схватила сестру за плечи, но та вырвалась. Василиса хотела уйти в дом, но, взглянув на расстроенное лицо Коруны, смягчилась.

– Ладно, чего там, – сказала она. – Но пообещай мне, что как только придешь к колдунье, извинишься и согласишься принять ее дар.

Коруна кивнула. Она любила сестру и сейчас согласилась бы на все, лишь бы загладить вину.

III

Некоторые люди в одежде выглядят совсем не так впечатляюще, как без нее. Черная кожаная куртка совершенно скрадывала очертания тела Радагаста. Палач казался худым, как жердь. Однако и Искандер, и Владислав уже выбились из сил, обрубая эфирные щупальца, что лезли сквозь дверь. А Радагаст не проявляя ни малейших признаков усталости. Он поднимал огромный топор все тем же легким движением, что и пятнадцать минут назад, и опускал его. Отрубленные щупальца валились на пол, превращались в голубоватую слизь и утекали обратно в коридор. Оттуда веяло холодом и смертью.

Под потолком каморки при пыточной мерцал алый магический шар. За спинами людей на повышенных тонах спорили сидхи.

– Ты понимаешь, что они говорят? – спросил Радагаст.

– Нет, – угрюмо ответил Искандер. – Я знаю только, как спросить: «номер твоей части, фамилия, звание», и все такое.

– Все пошло наперекосяк, – сказал палач и отрубил очередную партию щупалец.

Искандер промолчал, мрачно рассматривая витиеватую жаровню, висевшую на стене за спиной палача. Жаровня наводила на цепочку мыслей такого характера, что хотелось взвыть. «Да не будет он нас жечь», подумал начальник императорских гвардейцев. – «Так сожрет, сырыми…».

Сидхи прибыли в замок императора посредством телепортации. Они появились в дежурке, где трое людей уже ждали их. Собравшись вместе, заговорщики собирались направиться в тронный зал, где спал Черное Пламя. Им предстояло справиться только с самим драконом. Живых стражников с сегодняшнего дня в замке не было, а Искандер уже получил предписание явиться в Императорскую Канцелярию.

Но духи-стражники набросились на незваных гостей не хуже дракона. Сидхи пытались стрелять. Один из них тут же выронил лук, словно обжегшись. Второй лучник очень быстро заметил, что его стрелы проходят сквозь призрачные тела, не причиняя им вреда. Духи загнали пришельцев в каморку при пыточной.

– Нас кто-то предал, – продолжал Радагаст.

– И Лайтонд думает, что это сделали мы, – прохрипел Владислав.

Один из сидхов вдруг расхохотался, а другой яростно выкрикнул что-то. Искандер обернулся.

– Кажется, они нашли предателя, – с облегчением сказал бывший начальник императорских гвардейцев.

– Что случилось? – выкрикнул Рингрин. – Ты же говорил, что духи не увидят нас!

– Это моя вина, – заметил Зигфрид. – Должны были придти люди и эльфы, а я – ни то, ни се…

Оборотень покосился на дверь, на людей. Они боролись с духами, которые рвались я в комнату. Лайтонд вынул карту, задумчиво посмотрел на нее. Верховный маг Фейре перевел взгляд на молчаливую, как всегда, Глиргвай.

– Нет, Зиг, – сказал Лайтонд. – Твое присутствие здесь вполне вписывается в условия заклинания.

Верховный маг Фейре резко шагнул к девушке и сорвал капюшон с головы. Зигфрид расхохотался.

– Ты же погубил нас, идиот! – рявкнул Рингрин.

Аннвиль шмыгнул носом. Надо было отдать должное парень ку, ложный кокон, изображавший ауру Глиргвай, у него получился на славу. Губы подростка дрожали. Оборотень только сейчас заметил глубокую, темно-алую полосу ожога, пересекавшую его ладонь. Зиг думал, что один из призраков укусил Глиргвай за руку, чтобы та не смогла стрелять, но все оказалось гораздо проще.

Лук юной партизанки был заговорен от воров.

«Ай да Лайтонд!», подумал оборотень. Верховный маг Фейре не зря потратил свои силы и время, создавая карту, по которой можно было найти всех находившихся в замке заговорщиков. Зигфрид вытащил свою. Так и есть. В квадратике камеры при пыточной толпились, налезая друг на друга, шесть разноцветных фигурок. Но крохотной зеленой фигурки в юбочке, которой Лайтонд обозначил Глиргвай, среди них не было.

– Если ты хотел пойти с нами, тебе надо было попросить, – сказал Зигфрид подростку.

– Я просил, – слабо возразил Аннвиль.

Оборотень покосился на Лайтонда и замолчал. Рингрин схватил Аннвиля за грудки и встряхнул.

– Где Глиргвай, что ты с ней сделал? – грозно спросил принц.

– Ничего, – пробормотал Аннвиль.

Подросток побледнел, из носа у него пошла кровь. Рингрин удивленно посмотрел на

Аннвиля. Принц темных эльфов не бил паренька чарами. Зигфрид понял, что Лайтонд взломал естественный щит Аннвиля и читает его мысли.

– Успокойся, Рин, – сказал Верховный маг Фейре. – Когда он уходил, Глиргвай спала.

– Чем ты ее одурманил?

Аннвиль промолчал.

– Собой, – ответил за него Лайтонд. – Только собой… Мы возвращаемся.

– Что? – переспросил ошарашенный принц.

– Мы все погибнем, если останемся здесь, – ответил Лайтонд мягко. – Для того, чтобы попробовать еще раз и преуспеть, мы должны остаться в живых. Сначала я переправлю людей – нехорошо бросать их здесь на верную смерть, а потом…

Справа от Лайтонда налилась ослепительным сиянием магическая сфера. Кто-то телепортировался в каморку при пыточной. Зигфрид попятился. Меч чуть дрожал в его руке. Рингрин выпустил Аннвиля и отступил назад. Верховный маг Фейре положил руку на рукоятку своего меча и повернулся к гостю, который должен был вот-вот прибыть.

Коруна перекинула ногу через край ступы. Ступа угрожающе зашаталась. Кертель уже отошла чуть поодаль, курила трубочку и снисходительно наблюдала за действиями ученицы. Коруне удалось выбраться из ступы. Девушка встала рядом, чувствуя противную дрожь в коленках. Голова у юной ведьмы кружилась, ее слегка подташнивало.

– Как же ты летать-то будешь? – осведомилась Кертель, выпуская затейливые колечки дыма. – Это же опытный образец. Буровей их для тяжелых ведьм оставил, а потом всех на метлы пересадил. Ступы только деревенским колдуньям продают теперь…

Коруна глубоко вздохнула.

– Мне понравилось летать, – сказала она нетвердым голосом.

Кертель хмыкнула и промолчала.

Старая ведьма ошиблась с прогнозом погоды. Такое с ней редко, но все же иногда случалось. День на Афанасия-ломоноса выдался удивительно теплым. Диск Хорса пылал так, словно на дворе уже стоял теплый кветень, а не последней день сеченя, за которым придет свирепый, но короткий лютень. С утра, глянув на небо, Кертель стала темнее тучи. Старая ведьма поняла – и объяснила ученице, что если они пойдут пешком, то не успеют. Болото вздуется от оттепели, и добраться до тайного капища, где предстоит совершить обряд, они не смогут. Ввиду чего Кертель и Коруна полетели на ступе. Несмотря на скромные размеры и изящный, даже элегантный внешний вид, ступа оказалась просто бездонной. Кроме старой ведьмы и ее ученицы, в ней уместились дрова, одеяла, шкатулка Кертель с травами и короб с разнообразной едой в дорогу, а так же живой гусь в корзинке. Его Коруна принесла из дома. Птицу предстояло принести в жертву. Кертель предупредила родителей ученицы, чтобы ждали ее не раньше чем завтра к вечеру. Василий как раз закончил работу над мечом для дочери и отдал его Коруне – на всякий случай. Но девушка оставила оружие в избушке Кертель.

Ведьмы приземлились на длинной, овальной прогалине среди леса. Коруна огляделась. Вдоль прогалины шли хорошо заметные холмики. Из-за них поляна напоминала старое, давно заброшенное кладбище.

– Здесь было кладбище? – спросила девушка.

– Нет, – сказала Кертель рассеянно. – Кладбище ты еще увидишь. Здесь находились Малые Пасеки. Их разорили Чистильщики незадолго до бунта Детей Волоса.

– Так великая Разрушительница Пчела родилась здесь, – пробормотала Коруна с благоговением.

– Дальше пойдем пешком. Ступа при полете отталкивается от земли, и ей не снести двоих над мягким болотом, – сказала Кертель. – Переложи вещи в заплечные мешки.

Коруна выудила из ступы два пустых мешка и стала ловко укладывать вещи. Кертель молчала. Старая ведьма глядела в пустоту перед собой и думала о чем-то своем. Трубка ее давно потухла. Когда большая половина припасов перекочевала в мешки, Коруна увидела

мужчину. Он вышел из-за холма. Девушка, скорее озадаченная, чем испуганная, открыла было рот, чтобы сказать об этом Кертель. Мужчина был высокого роста и одет явно не по сезону. На нем была только рубаха и штаны с эльфийским орнаментом. Да и волосы, заплетенные на висках в две косички, не оставляли сомнений в том, что перед ними сидх. На конце одной из косичек висел плоский серебряный двухлапый крюк.

И он был почти прозрачным, как дым, как туман.

Коруна закусила губу, чтобы не закричать. Вместо глаз и носа на голом черепе неожиданного гостя чернели провалы. От морока исходила удушливая волна боли и застарелого, нечеловеческого страдания. Призрак приблизился к Кертель и встал перед ней на колени. Коруна увидела ослепительно белую кость в полуистлевшей штанине, и как-то отстраненно удивилась тому, что не слышала скрипа костей, когда призрак опускался на колени.

Кертель сделала небрежный жест рукой, и морок исчез. Коруна ожидала, что рассыпавшиеся кости загрохочут, упав на землю. Но над рыхлым снегом лишь взметнулась черная змейка пыли – и исчезла.

Юная ведьма ощутила настоятельную потребность поговорить. Коруна скатала одеяло и пристегнула его к верху мешка.

– А у тебя был выбор, стать колдуньей или нет? – спросила она.

– Выбор – это непозволительная роскошь для того, у кого есть дар, – ответила Кертель. – Но ты знаешь, на самом деле это очень легко, когда от тебя ничего не зависит. Когда не нужно выбирать. Когда это просто невозможно. Есть дорога для тебя, и ты идешь по ней, ни о чем не задумываясь. Это может быть не самая приятная и хорошая дорога, но она есть. Обычным людям сложнее. Они не знают, ни что они могут, ни что они хотят. В юности нашими действиями управляет не голова, а низ живота… А к старости, вместо мудрости, приходит осознание пустоты и собственной никчемности.

– А если… мой дар, моя дорога… приведут меня ко злу? – задумчиво произнесла Коруна.

– Нет ни добра, ни зла, девочка, – спокойно ответила старая ведьма. – Оценить, к чему приведет твое действие в масштабах всего мира, сложно. Даже если предположить, что твой дар приведет тебя к таким важным решениям.

– Так как же быть?

– Попробуй просчитать ход событий и посмотреть, а что в итоге получишь ты, – сказала Кертель. – Если разрушений избежать нельзя, пусть они будут минимальными. Но гораздо лучше, если ты в итоге получишь что-то для себя. Неважно, что это будет – горсть золота, жизнь человека, или что-то еще. Но это будет твоя чистая выгода. То, что ты сможешь взять в руки и сказать: «Вот почему я так поступила».

– Я запомню, – пробормотала Коруна.

– А меня вот этому никто не научил, – вздохнула Кертель. – Не сказал – «подумай о себе»…

Коруна помогла наставнице закинуть мешок за спину, взяла свою ношу. Ведьмы двинулись по тропинке между голыми ясенями, пробились сквозь колючие заросли орешника. Коруна и Кертель миновали лес полусгнивших, обвалившихся деревянных стрел – это и было обещанное Кертель кладбище. На развилке Коруна увидела старинный, могучий дуб. С западной стороны в ствол была вбита пожелтевшая от времени медвежья челюсть. Туда они и направились. За дубом лес как-то сразу кончился, и Коруна впервые в жизни увидела заметенную снегом, искрящуюся на солнце белую пустоту зимнего Гниловрана. Прищурившись, она разглядела верстах в трех от них медленно бредущее змеедерево. Чуть ближе чернели чудовищные челюсти близнещипцев. Девушка поежилась.

– Не бойся, они нас не тронут, – сказала Кертель. – Они одурели от тепла и не могут бегать.

Старая ведьма ступила на ледяной панцирь трясины. Коруна вздохнула и последовала за ней.

Проводив заговорщиков в замок, Лакгаэр постоял немного на террасе один. Лайтонд не взял с собой Аннвиля, парнишка обиделся и провожать гостей не пришел. Старый эльф смотрел, как бьются о гальку внизу серые, сердитые волны. Ему очень хотелось верить, очень хотелось надеяться… Но скользкий, противный червячок, от которого он не мог избавиться уже несколько веков, потихоньку грыз его внутренности. Лакгаэр был достаточно смел, чтобы хотя бы наедине с собой признаться – он трус. Самый обыкновенный, дрожащий трус. Впрочем, когда-то он был смелым. Эти времена помнил не только сам Лакгаэр, тому существовали даже документальные свидетельства. В летописи людей его занесли как «Безумного Осквернителя», а эльфы звали его просто – Мстителем.

А потом Лакгаэр узнал то, чего не пожелал бы знать и врагу.

То, что узнает металл, когда его перекалят – перед тем, как рассыпаться в прах к неописуемому горю кузнеца.

Старый эльф зябко потер ногу. Она почему-то вдруг заныла, от сырости, скорее всего. Лакгаэр стал подниматься по лестнице. Из-за поворота на него налетел желто-красный вихрь, едва не уронив. Старый эльф не сразу узнал хрупкую, ладно скроенную девушку в алом платье и желтой куртке. Как и все остальные, Лакгаэр привык видеть ее в бесформенном свитере и полушубке. Но когда хозяин дворца разглядел, кто перед ним, сердце у него оборвалось.

– Извините, – буркнула Глиргвай и нацелилась обойти старого эльфа.

Припухшие со сна, ее глаза походили на щелочки. Девушка поднялась с кровати не больше пяти минут назад. Точнее, не поднялась, а вскочила, судя по небрежно завязанному поясу и криво застегнутой куртке. Лакгаэр увидел розовые полосочки на ее щеке, и темно-розовое пятно в основании шеи, у самого уха. Старый эльф отвел глаза, взялся за полы куртки девушки и принялся перестегивать крючки. Теперь он заметил на девушке кольчугу, такую же красную, как и платье. На плечах кольчуги свернулись змеи.

– Ах, оставьте… – поморщилась Глиргвай, но вырываться не стала. – Они давно телепортировались?

– Минут десять как.

Партизанка выругалась. Лагкаэр с трудом и ужасом понял, что она говорит на мандречи. Ему оказались знакомы только два корня из пяти, которыми воспользовалась девушка для выражения своих чувств. В отличие от тэлерина, мандречь была богата ругательствами, и они были точными, очень грубыми, и довольно витиеватыми.

– А зачем ты идешь? – спросил Лакгаэр, покончив с ее курткой. – Может, останешься? Что тебе там делать, они справятся – или не справятся – без тебя….

Глиргвай молча смотрела на старого эльфа. Девушка задыхалась от бешенства и немоты, неспособности высказаться. Глиргвай видела все мысли Лакгаэра о ней. Юная вертихвостка, романтичная любительница секса и приключений, страстно желающая доказать, что она ничуть не хуже мужчин и даже превосходит их. Желающая показать всем, что она – сама необычная девушка в мире. Аннвиль спас ее, дуру, можно сказать, ан нет…

Тэлери последний раз воевали шестьсот лет назад, но и тогда под знаменами собирались только мужчины. Женщины оставались дома, тосковать и переживать в тепле и безопасности. Никогда эльфки тэлери не дрались наравне с мужчинами, так что та Глиргвай, которую видел перед собой Лагкаэр, не имела ничего общего с ней – настоящей. Лакгаэр и представить себе не мог, насколько Глиргвай далека от обычных подростковых порывов, несмотря на свой юный возраст. А вот ей хватило краткого мига, чтобы понять – эту твердую картину мира не перешибить.

Она и не стала пытаться объяснить, что телепортируется в замок просто потому, что не знает и не видит другого пути для себя. Что больше готова погибнуть в замке, чем вернуться из него… Она не знала, как ей жить дальше, после победы.

Глиргвай молча вытащила меч.

Лагкаэр горько усмехнулся и отошел в сторону.

Девушка сбежала на террасу. Она остановилась в центре гексаэдра, выложенного из более светлой плитки.

– Я хочу оказаться рядом с Лайтондом! – задыхаясь, выкрикнула Глиргвай.

На террасе вспыхнула магическая сфера, на миг сделав розовые кусты угольно-черными.

Лакгаэр, чувствуя невыносимую слабость в ногах, спустился вслед за ней и замер перед входом на террасу. Ему было больно даже дышать.

В коридоре гулко заворчали, а затем все затихло. Светящиеся липкие щупальца перестали лезть сквозь дверь, как сорняки из грядки нерадивой хозяйки.

– Что такое? – удивился Радагаст.

У него за спиной громыхнуло так, словно там взорвалась средних размеров бомба, случайно оброненная боевой ведьмой. Палач обернулся, по привычке пригибаясь. Осколков, разрывающих все живое, на этот раз опасаться не приходилось. Рядом с Лайтондом стояла невысокая девушка в желтой куртке и красной юбке. Радагаст понял, что она телепортировалась сюда. Эльфы улыбались ей.

Зигфрид с чувством обнял Глиргвай.

– А мы уже думали, ты нас бросила, – сказал он.

– Бросишь вас, как же, – пробурчала эльфка.

– Вы простите меня, что так получилось, – сказала она, обращаясь к Лайтонду.

Верховный маг Фейре улыбнулся, легко и дружелюбно:

– Главное, что теперь ты здесь.

Глиргвай не хотелось смотреть на Аннвиля, но пришлось. Парень был бледен, нос у него заострился, а кожа на скулах натянулась. Глаза в неверном магическом свете казались черными. Она почувствовала, как он ждет ее слов. И что он не сомневается, какими они будут, и весь подрагивает от нетерпения, ярости и неизбежности предстоящего скандала.

Аннвиль уже понял, что ему предстоит вернуться во дворец, в тепло, уют и безопасность… но никак не мог поверить в это.

– Лук отдай, – произнесла Глиргвай неохотно.

У Аннвиля дрогнула верхняя губа. Глиргвай было бы легче, если бы сейчас он показался ей отвратительным, но Аннвиль и в ярости оставался таким же красивым, как и всегда. Эльф молча отдал лук девушке. Лайтонд поднял руки, чтобы отправить Аннвиля обратно.

И тут сын Лакгаэра не выдержал.

– Но почему? – закричал он так, что вздрогнули даже мандречены, скромно ждавшие исхода ситуации у дверей. – Да чем же она лучше? Какой из нее воин, она же девка! Почему вы вообще ее взяли? Трахается она хорошо, это и я знаю! Но мы же идем на битву, здесь на другое надо смотреть!

Глиргвай невозмутимо молчала. На нее вдруг накатила усталость; девушке хотелось, чтобы это все поскорее закончилось.

– А мы на другое и смотрим, – сказал Рингрин, поняв, что Глиргвай не собирается отвечать. – Сколько людей ты убил, Аннвиль?

Лицо парня пошло алыми пятнами.

– А приходилось ли тебе убивать эльфов? – очень холодно спросил Лайтонд. – Соплеменников?

Глиргвай незаметно покосилась на него. Убивать темных эльфов не приходилось и ей, а серых эльфов, сгоревших в Фаммирен, партизанка соплеменниками не считала.

– Передай Лакгаэру мою самую искреннюю признательность, – закончил Верховный маг Фейре и сделал неуловимый жест.

Аннвиль исчез в яркой вспышке.

– Так вот в чем дело, – сказал Владислав. – Так хотелось ему стать героем, что в женское платье нарядился…

Искандер глянул на дверь каморки и заметил:

– Похоже, именно эта девушка успокоила духов. Они перестали атаковать нас, когда она появилась. Сильная колдунья, стало быть.

– А ты тоже хочешь стать героем? – довольно-таки издевательски осведомился Радагаст у Владислава. – С Сандро все понятно, мне на него сегодня приказ принесли… Но что ты здесь делаешь? Ты же врач, я видел тебя в аптеке.

Владислав ничего не сказал, но яростно посмотрел на палача.

– Оставь его, Радик, – произнес Искандер. – Он здесь из-за меня.

– Ты болен?

– Если это можно так назвать, – пробурчал бывший командир императорских гвардейцев. – Если у меня будет… ну, припадок… он даст мне морфия.

Радагаст смерил Искандера взглядом – настолько же сочувствующим, насколько и циничным.

– Это твое дело, – сказал он. – Но я думаю, вы оба знаете – морфием не лечатся.

Сидхи подошли к людям.

– Можно продолжать путь, – сказал Лайтонд. – Духи больше не тронут нас.

– Куда теперь? – спросил Радагаст.

– Я просканирую местность, и решим, – сказал Лайтонд.

Он чуть прикрыл глаза. Сидхи и люди почтительно замолчали. Девушка в красной куртке и желтой юбке окинула мандречен взглядом – быстрым, острым, безразличным.

– Мне хотелось бы знать, с кем я вместе иду в бой, – сказала она негромко.

– Это Искандер, это Радагаст, а это Владислав, – объединив всех мандречен небрежным взмахом руки, ответил Рингрин.

– У вас смешное имя, – сказала эльфка Радагасту. – На нашем языке оно звучит почти как «красный гость».

– А у нас так зовут бога войны, – ответил мандречен. – А как тебя зовут?

– Глиргвай, – ответила эльфка. Радагаст только покачал головой – больно заковыристое имечко оказалось у девушки.

– Это Рин, а это Зиг, – заключила Глиргвай. – Лайтонда вы, наверное, знаете.

Верховный маг Фейре открыл глаза.

– Черный Кровопийца проснулся, – сказал он. – Император услышал шум, и ползет на восток от тронного зала.

– Дракон двигается ко взлетной площадке, на башне, – догадался Искандер. – Он хочет улететь.

Эта новость ободрила заговорщиков. Император не хотел драться с ними, значит, не был уверен в приятном исходе битвы для себя.

– Мы можем его перехватить? – спросил Рин.

– Да, – ответил Искандер. – Если успеем перекрыть выход из анфилады.

– Показывай дорогу, – сказала Глиргвай.

Заговорщики покинули каморку при пыточной и двинулись длинными коридорами. Прозрачно-зеленые стражи висели в воздухе над их головами, напоминая вселенские сопли. Глиргвай шмыгнула носом.

– Не обращай внимания на всяких придурков, – услышала она.

Оказалось, что Рингрин идет рядом с ней.

– Я не обращаю, – пожала плечами девушка. – Мне просто стало ужасно страшно, что вы все погибнете здесь из-за меня… ну, из-за того, что я… что я опоздаю.

– Нет. Если мы и погибнем, то все вместе. Руки не дрожат?

Глиргвай молча показала принцу свою узкую ладошку с растопыренными пальцами – ни один из них не дрожал.

– Если… мало ли… у меня эликсир есть, он делает руку твердой, – негромко произнес

Владислав, шедший рядом с ними.

Эльфы недружелюбно посмотрели на него.

– Откуда вы знаете наш язык? – спросил Рингрин.

– Я учился в храме Красной Змеи, – ответил тот.

– Спасибо, – сказала Глиргвай. – Я буду иметь в виду.

Заговорщики уже были перед тяжелыми двустворчатыми дверями. Они, как вспомнила Глиргвай, и вели в анфиладу. Из-за дверей, хотя и очень отдаленно, слышалось тяжелое, нечеловеческое дыхание. Что-то трещало и ломалось. Лайтонд не торопился открывать двери. Верховный маг Фейре ментально сканировал пространство.

– У него заложники, – сообщил он.

– Это, должно быть, из числа заключенных, – предположил Искандер.

– Они все равно приговорены на этих выходных, – заметил Радагаст. – Я читал ведомость.

– Мы не остановимся, – сказал Верховный маг Фейре. – Даже если он будет рвать их на куски на наших глазах. Ясно?

– Среди них есть люди? – нервно спросил Владислав.

Лайтонд посмотрел на него долгим взглядом.

– Нет. Только эльфы.

Потрескавшаяся каменная балка вела на другой берег канавы, полной черной воды. Коруна задумалась о том, почему мостик через окружавший капище ров сделали каменным, а не деревяным – ведь это бы обошлось намного дешевле.

Кертель ступила на каменный брус, словно это была лестница ее собственной избушки, а Коруна – с некоторой опаской. На балке отчетливо поблескивала наледь, не растаявшая за день вопреки судьбе. Но все же, через канаву удалось перебраться без потерь, и ведьмы оказались в капище.

– Это храм Третьего Лика, – сказала Кертель и махнула рукой в сторону низенького, занесенного снегом по самую крышу домика у северной стены капища.

Двери в черном проеме входа не было, но и снега внутрь не намело, и это удивило Коруну. В глубине храма что-то невнятно серебрилось, и девушке стало не по себе. Она перевела взгляд на серого, как сумерки, идола. Поясная статуя сидела в трехгранной гранитной стеле. Сторону, обращенную к Коруне, украшал барельеф в виде медведя. Изображение напоминало детский рисунок, и простота барельефа не вязалась с мощью огромной статуи. Человек с головой дракона держал в руках боевой топор.

В виде медведя традиционно изображали Волоса, покровителя охотников и скотоводов, а третьей ипостасью Волоса был Ящер, бог Смерти. Коруна слыхала, что где-то далеко на севере живут люди, поклоняющиеся Смерти больше, чем богам, несущим жизнь, но подобное не одобрялось волхвами и Кругом Волшебников Мандры. По этой причине капище и было спрятано на болоте. Люди построили храм для бога Смерти. Они даже приносили жертвы, которые нравились Ящеру – почти все пространство между идолом и странным, слишком большим жертвенником было завалено костями. Но заявлять во всеуслышание о таких предпочтениях среди божественного пантеона было опасно.

– Еще его называют храмом Отчаявшихся, – добавила старая ведьма. – Сюда приходят те, кому некуда больше идти и некого просить о помощи.

Кертель направилась к храму. Коруна обошла стелу и приблизилась к идолу, насколько смогла. Она испытывала одновременно и отвращение, и жгучее любопытство. В черных глазах статуи застыли седые снежинки. На шее висело ожерелье из черепов, связанных за косы. Точнее, за косички – тоненькие косички на висках, которые обычно носят сидхи. Одна из кос была пропущена через пустую глазницу. Надпись на алом граните гласила: «Защитник Нав..». Последняя руна была сколота, но имелась в виду, несомненно, Навь, мир мертвых, с завистливой ревностью наблюдающий за миром живых. На лезвии секиры, которую бог сжимал в правой руке, темнело пятно расплывчатой формы, которую Коруна сначала

приняла за ржавчину. Но, приглядевшись повнимательнее, девушка поняла, что на секире изображен совсем юный, еще не расставшийся со своей раковиной крабомар.

Коруна обогнула жертвенник, состоявший из двух соединенных между собой овалов, побольше и поменьше, и вошла в храм. У дальней стены белела внушительная фигура. Девушка не хотела приглядываться. Ей хватило увиденного снаружи. Но фигура словно притягивала взгляд. Голова идола была увенчана мощными рогами, которые упирались в низкий потолок. В левой руке находилась то ли небольшая палица, то ли кубок. Глаза статуи светились молочно-белым, из-за чего казалось, что на них бельма и богиня ничего не видит.

– Кто это? – почти шепотом спросила Коруна.

В тот же миг она почувствовала взгляд богини на себе. Он был тяжелым, и от него бросало в жар.

– Это Могота, жена Ящера, – ответила старая ведьма.

Коруна представляла себе младшую из богинь Судьбы несколько иначе, однако удивляться у девушки уже не было сил. Больше всего ее сейчас занимала собственная судьба, и почему-то Коруну глодали неприятные предчувствия.

Кертель развела на полу костер из принесенных с собой дров. Девушка хотела спросить, можно ли так поступать в храме, но раздумала. В конце концов, кому, как не наставнице, знать, что здесь можно, а что нельзя. Они миновали густой ельник перед тем, как попасть в капище. Коруна, которую уже порядком утомило нести дрова, спросила, зачем надо было тащить их в такую даль, на что Кертель пояснила, что этот лес священный, и ломать его на дрова нельзя. Да и от неожиданной оттепели земля в лесу раскисла, а стволы набухли от влаги и вряд ли загорелись бы. Коруна с тревогой думала о том, как они будут возвращаться – пока они шли, ледяной панцирь трескался под их ногами. Диск обезумевшего Хорса уже склонялся к горизонту, но кто знает, в каком настроении он выедет на небо завтра?

Но сильнее всего Коруну сейчас волновала предстоящая процедура передачи магических способностей. Статуя Ящера произвела на нее угнетающее впечатление. После того, что Кертель сделала с наглым сынком князя, даже самые неискушенные в магии сельчане поняли, что им покровительствует некромантка. Коруне не хотелось верить в это, но теперь, когда старая ведьма привела ее на свидание со своим богом, девушке пришлось.

И ей стало страшно.

От ощущения того, что ловушка захлопнулась и теперь Кертель может сделать с ней все, что хочет, Коруну даже подташнивало. Вдруг вспомнилась песня о Маришке и старой колдунье. Та завлекла девочку в лес обещаниями, и убила, забрав себе длинные годы непрожитой Маришкой жизни.

– Но за что Я… Волос так не любит сидхов? – спросила Коруна, чтобы отвлечься от грустных мыслей.

Кертель развязала небольшой мешочек, перевернула его над огнем и высыпала в пламя все его содержимое. Старая колдунья завесила вход в храм одним из одеял, и помещение мгновенно наполнилось дымом – горьковатым, но, как ни странно, освежающим. Коруна поморщилась. К магическим штучкам она привыкла. Но у ее отца по-черному не топилась даже баня, а в этом храме трубы не было, да что там, не было даже дырки в потолке. Очевидно, его построили очень давно.

– Эльфы отказываются следовать круговороту жизни и тем самым разрушают равновесие мира, – ответила старая колдунья. – Они живут очень, очень долго, и практически никогда не умирают. Но дело в том, Карина, что там, где ничто не умирает, ничто и не рождается. И такое состояние мира хуже смерти. Ящер и на меня сердится, – добавила она со смешком. – Задержалась я здесь.

Кертель взяла корзинку с молчащим гусем и поднялась на ноги. Вдруг Коруна поняла, что в храме очень тепло, гораздо теплее, чем могло стать от их жалкого очага.

– Ты согрела храм заклинаниями? – отчаянно цепляясь за последние мгновения перед ритуалом, спросила Коруна.

– Да, – ответила старая ведьма. – Предметы на самом деле состоят из крохотных зерен, слепленных друг с другом. Когда вещь нагревается, эти зерна начинают дергаться, быстро–быстро. Но верно и обратное – если заставить зерна сильно-сильно дрожать, предмет нагреется.

– То есть сейчас тепло излучают сами стены.

– Да. Нам придется заночевать здесь, а я люблю спать в тепле, ты же знаешь. Ты научишься этому заклинанию, оно довольно простое… А сейчас нам пора идти, Коруна.

Девушка кивнула. Кертель отбросила одеяло и вышла. Коруна последовала за ней.

Ног ниже колена она не чувствовала, но появилось и новое ощущение – спокойствия и безразличия. Голова стала тяжелой, контуры предметов дрожали и двоились. «Трава», догадалась Коруна. – «Кертель дала мне подышать дымом дурмана». Сама старая ведьма могла задержать дыхание в тот миг, когда ядовитый дым проникал в легкие Коруны. Девушке вспомнились серые, в фиолетовых прожилках цветки, которые она сама собирала для наставницы. И почему-то – та темноглазая эльфка, в сон которой Кертель отправила Коруну. Наверное, потому, что на эльфке была ночная сорочка из серого шелка, которую украшала фиолетовая вышивка. Эльфка что-то кричала ей на прощание, вдруг вспомнила Коруна. Но девушка не успела разобрать, что имнно – старая ведьма грубо выдернула Коруну из сна.

Теперь Коруна догадывалась, что хотела сказать ей темноглазая партизанка, даже в свой сон пронесшая образ лука, слишком прекрасного, чтобы не быть волшебным.

Вспоминая чудовищный бой много лет спустя, Глиргвай больше всего удивлялась, что им удалось пройти анфиладу. Черное Пламя ревел и плевался огнем. Эта часть дворца была деревянной и загорелась охотно. Огонь не угрожал заговорщикам. Между ними и драконом все время висело в воздухе тонкое, прозрачное черное полотенце – поле из мертвой силы, созданное магией Лайтонда. А дышать было почти нечем. Эльфке было жарко даже в легкой новой куртке, и она расстегнула ее. Глиргвай очень жалела, что идти в бой пришлось в ярком, красно-желтом новом костюме. Но Аннвиль забрал всю одежду, в которой Глиргвай ходила обычно – рубашку, свитер и штаны. Ему было легче создать ложную ауру, опираясь на вещи, пропитанные Чи девушки. Эльфка уже бывала в бою и знала, во что превращается одежда по его окончании. Во-вторых, в сером плаще, который унес Аннвиль, Глиргвай бы меньше бросалась в глаза. Но в красно-оранжево-черном буйстве пламени эльфка неожиданно подумала, что лучшего маскировочного наряда ей было не найти, как под заказ – и расхохоталась. Лук заплясал в ее руках, и Глиргвай на миг придержала тетиву, чтобы не разбрасываться стрелами. Стрелы из колчана Хелькара были единственным, что беспрепятственно проходило через завесу из Цин. И они даже вонзались в шеи и головы дракона, хотя Лайтонд был уверен, что они будут отскакивать от бронированной шкуры, как горох. По этой причине Верховный маг Фейре вооружил Рингрина прочным и надежным самострелом. Но принц пока не стрелял, берег болты. В отличие от неиссякаемого колчана Хелькара, запас болтов у Рингрина был не так велик.

Дракон пятился. Время от времени он рвал на глазах у заговорщиков светловолосые тела. Черное Пламя думал остановить врагов, убивая заложников, но он просчитался. Мандречены относились к сидхам более чем прохладно. Глиргвай гибнущие во всполохах пламени светловолосые эльфы напомнили бой в Фаммирен, что только придало ей бодрости и ожесточения. Рингрин тоже не испытывал больших симпатий к серым эльфам, и только Лайтонду было больно. Темная эльфка ощущала эту его боль. О ней кричала каждая нота, вырывавшаяся из аккуратной лакированной свирели Лайтонда. Но эта же музыка странным образом пьянила и толкала вперед, обещая покой, счастье и наслаждение.

Они шли вперед только благодаря музыке Лайтонда – странной, болезненной музыке – и стрелам Глиргвай.

Когда Глиргвай делилась воспоминаниями с Зигфридом, оборотень хмыкнул и сказал:

– Он боялся, что мы повернем. И он держал всех нас своим полем…

И только тогда Глиргвай вспомнила, что номер магического класса по классификации Круга Магов Фейре означает, в том числе, и число разумных существ, волю которых волшебник может одновременно подчинить себе. Заговорщиков было шестеро; а седьмой класс означал «от семи и выше».

Когда они загнали дракона в тронный зал, Рингрин испытал почти облегчение. Лайтонд утыкал столбами тренировочную площадку в замке Лакгаэра так, чтобы она максимально походила на то место, где заговорщикам придется встретиться с драконом. Огромные колонны, во множестве поддерживающие потолок, создавали у темного эльфа иллюзию, что он находится в лесу. То есть почти в безопасности.

И самое главное – теперь Рингрин знал, что делать. Тренировки даром не прошли. И хотя заговорщики собирались застать дракона врасплох, вариант боя в зале то же рассматривался. Принц же всегда чувствовал себя гораздо увереннее, когда события развивались по заранее предусмотренному сценарию; неожиданностей он не любил. Рингрин опасался в спешке, в горячке принять неверное решение и погубить всех тех, за кого он отвечает. Но сегодня он отвечал только сам за себя и за свой, небольшой, хотя и важный момент в операции.

Лайтонд двинулся по центральному проходу, не выпуская из рук дудки. Черное полотенце скрутилось в тугой жгут, которым Верховный маг Фейре хлестал дракона по морде средней головы. Принц темных эльфов же повернул направо. Прячась за колоннами, Рингрин побежал вперед. Эльф миновал среднюю голову раньше, чем она успела обратить внимание на легкую тень. Рингрин оказался напротив морщинистого черного бока. Эльф упал на одно колено и всадил в черную шкуру несколько болтов подряд.

Дракон зарычал. Боковая голова, изогнувшись, дохнула черным пламенем в сторону ничтожного, но назойливого комара. Зал был сложен из гранита и твердых пород мрамора, и гореть здесь, кроме Рингрина, было нечему. Темный эльф шарахнулся за колонну, уже чувствуя, что не успевает. Брови и ресницы принца затрещали.

Кто-то сильно дернул его за воротник модной лиловой куртки. Треснули нитки. Две руки втащили Рингрина в безопасное место. На расстоянии вытянутой руки от эльфа пронеслась волна огня. Принц обернулся, ища своего спасителя. Это оказались Искандер и Владислав. Мандречены увязались за ним, а эльф их даже не заметил.

Принц провел рукой по шее, ощупывая воротник. Он оказался оторван почти наполовину. Рингрин стряхнул с лица остатки ресниц и бровей. Отвратительно завоняло паленой шерстью.

В отличие от каждого из эльфов, Лайтонд не продумывал и не ставил перед мандреченами никаких задач. Верховный маг Фейре не рассчитывал на реальную помощь людей, ни один из которых, к тому же, не обладал магическим даром. Мандречены должны были просто держаться рядом с эльфами, не путаться под ногами и по возможности выжить. Если бы все люди из числа заговорщиков погибли, духи-стражи замка снова обрушились бы на незваных гостей.

И во время прогулки по анфиладе мандречены остро почувствовали свою ненужность. Но мириться с таким положением дел они не собирались. Лайтонд взял в соратники не капризных вельмож. За головами императора вместе с эльфами пошли палач, боевой генерал и выпускник храма Красной Змеи.

Прежде чем Рингрин успел сказать хоть слово, Владислав быстро и деловито натер его лицо какой-то жирной мазью.

– От ожога у вас заплывут глаза, и вы не сможете стрелять, – пояснил он Рингрину.

Принц рассеянно кивнул.

– Давай, братишка, – сказал Искандер. – Мы прикроем.

Рингрин глубоко вздохнул перед тем, как броситься бегом до следующей колонны. Лайтонд уже потеснил дракона, и теперь в центральном проходе можно было увидеть спину Верховного мага Фейре.

Принц темных эльфов покосился на сообщников, потрогал воротник.

– В следующий раз хватайте за рукав, – сказал он.

Искандер угрюмо кивнул.

Очутившись под прикрытием колонн, Зигфрид обрадовался ничуть не меньше, чем принц и Глиргвай. Девушка стреляла, оборотень выставлял на пути черного пламени магический щит всякий раз, когда обозленный дракон огрызался. Парочка продвигалась вперед короткими перебежками, оттесняя дракона на открытое пространство в дальнем конце зала. Там императору оставалось только спрятаться за троном. Но трон был все-таки рассчитан на человека, и за ним мог поместиться разве что кончик хвоста Черного Пламени. И дракон знал об этом.

Когда они с Глиргвай, по ощущениям оборотня, достигли середины зала, слева от них послышался какой-то шум. Зигфрид обернулся. На них бежали люди в синих кафтанах с золотыми вензелями, бодро размахивая алебардами. От удивления и испуга Зигфриду показалось, что их не меньше десяти человек. К подобному повороту событий оборотень готов не был. Один из мандречен вскинул самострел – точь-в-точь такой же, как у Рингрина.

– Глира! Сзади! – только и успел выдохнуть Зигфрид.

Из-за колонны выскользнуло длинное, худое тело. Черная куртка болталась на нем, как на вешалке. Оборотень успел напрочь забыть о Радагасте – мандречене, не знающем устали в обращении с мечом.

Двоих самых шустрых Радагаст зарубил одним широким, длинным взмахом. Зигфрид очнулся и прыгнул на воина с самострелом. Оборотень в горячке боя позабыл, что находится в человеческом теле, и что у него, кроме рук, зубов и когтей, есть еще меч и арбалет. Глиргвай, услышав шум от падения тел и крики, тоже развернулась. Темная эльфка, как завороженная, наблюдала за этим изумительным прыжком, когда человеческое тело распрямлялось в воздухе подобно кошачьему. У каждого, кто бы видел Зигфрида в тот момент, больше не осталось бы никаких сомнений насчет того, какая из ипостасей является подлинной для оборотней. Неожиданный прием произвел эффект – оборотень сбил мандречена с ног и вцепился ему в горло.

Но за опрокинутым солдатом бежало еще человек десять. Радагаст прокрутил меч в руке. Глиргвай видела, что живым из этой схватки мандречену не выйти. Скорее всего, он прихватил бы всех своих противников с собой, и можно было смело идти дальше, предоставив Радагаста его собственной судьбе.

Но темная эльфка, сама не зная почему, решила иначе.

За это время Радагаст успел отрубить руку самому неповоротливому из нападавших.

– Лежать, Рад! – крикнула Глиргвай.

Палач даже не оглянулся. Услышав ее крик, человек рухнул, словно его переломили пополам, и растянулся на полу во весь свой немалый рост. Радагаст подумал, что сейчас эта девчушка утыкает гвардейцев стрелами… сделает из них ежа, как это, вроде бы, называли партизаны Железного Леса.

Но Глиргвай перехватила лук в левую руку и подняла правую. Из перстня на безымянном пальце эльфки вырвалась длинная лента оранжевого пламени. Оно скользнуло над распластавшимся палачом. Гвардейцы вспыхнули. Раздались дикие крики людей, горящих заживо. Радагаст, не поднимая головы, отполз назад, пятясь, как рак.

Он поднялся на ноги, когда от нападавших остались черные, жутко воняющие обрубки, ничем не походившие на людей. Человеческая плоть горит быстро, а особенно в магическом огне.

Эльфка скользнула по Радагасту быстрым взглядом и убедилась, что он не ранен. Подоспел и Зифгрид, вытирая окровавленный рот. Глиргвай отвернулась и хотела двигаться дальше. Мандречен сказал:

– «Лежать» – это собачья команда.

Девушка хмыкнула, заглянула в его светлые глаза.

– Прости, – сказала она. – Я плохо знаю мандречь. Как мне сказать в следующий раз?

– «Ложись!», – ответил Радагаст.

– Хорошо, – произнесла эльфка. – Я запомню.

– Пойдем уже, – хрипло сказал оборотень.

Но Глиргвай пришла в голову новая мысль.

– Откуда здесь взялись эти люди? – осведомилась она у мандречена. – Ведь нам сказали, что замок охраняют только духи?

– Это не стражники, – ответил Радагаст. – Это были курьеры. Из почтовой императорской службы. Они тоже хорошо умеют драться, но занимаются в основном доставкой писем.

– Писем? – переспросила Глиргвай.

– Известий, – кивнул Радагаст.

– Что же это за новость, которую хотели доставить императору среди ночи, – задумчиво сказал Зигфрид.

Радагаст пожал плечами:

– Этого мы уже никогда не узнаем.

Троица двинулась дальше. Пока они сражались с курьерами и разговаривали, дымное алое пятно на центральной галерее, обозначавшее положение Лайтонда и его противника, уже успело передвинуться метров на двадцать вперед.

Лайтонд выгнал дракона на квадрат пустого пространства перед тронами, но сам почему-то не торопился выходить из-под прикрытия колонн. Черное Пламя видел, как эльф покосился куда-то вбок, неторопливо убрал флейту и вытащил меч. Эльф взмахнул мечом, приглашая дракона на последний, смертельный танец.

Как и все линдвормы, Черное Пламя обладал легкой и веселой мудростью лукавого змея, в отличие от неподвижной, холодной мудрости истинных драконов. Но сейчас не надо было быть драконом, чтобы почуять ловушку. Боец меньше двух метров ростом, вооруженный лишь смехотворной зубочисткой – именно столько же опасности нес для бронированного ящера даже самый острый меч – не мог быть серьезным противником для линдворма. Он был добычей…

И это, и только это понимали две тупые, кровожадные боковые головы, которым с недавних времен принадлежало две трети контроля над телом Черного Пламени. Император с тоской почувствовал, что бежит вперед, размахивая головами. Он запрокинул назад центральную голову, еще сохранившую остатки если не рассудка, то здравого смысла, и прижал длинную шею к спине.

Из каменного леса слева от Лайтонда появилась невысокая фигурка. В руках у бойца была… Император прищурился, чтобы разглядеть получше, и взвыл.

На локте у воина висел смотанный аркан; а петля уже со свистом раскручивалась в воздухе.

Черное Пламя рванулся назад, но было поздно. Петля затянулась на левой шее. Левая голова удивленно дернулась, оглянулась назад, еще ничего не понимая. Тонкий трос натянулся, но выдержал. Черное Пламя увидел, что он надежно обмотан вокруг нескольких колонн.

Ловушка была расставлена заранее, в то время, когда император бился с Лайтондом в центре зала. Боец прошмыгнул перед Лайтондом, поднял с пола вторую петлю. Черное Пламя, спохватившись, дохнул огнем. Верховный маг Фейре небрежным жестом поднял ладонь. На этот раз он не стал призывать Цин. Между неугасимым магическим пламенем и заговорщиками встал синий магический экран, сотканный из Чи Воды. Ударившись о него, черное пламя зашипело и погасло.

«Этот боец из химмельриттеров», понял Черное Пламя, когда петля второго аркана стянула его правую шею. – «Что же, этого следовало ожидать».

Центральная голова до сих пор оставалась в безопасности, но подвижности дракон

лишился. Привязанный за обе головы, словно распятый перед своим неумолимым противником, Черное Пламя смотрел в глаза Лайтонду.

И эльф был готов поклясться, что с насмешкой.

«Что ты можешь мне сделать?», говорили эти золотисто-огненные глаза. – «Мы же оба знаем, что ничего».

И Лайтонд, и линдворм видели тонкий эфирный кокон, переливающийся всеми цветами Чи, в который было заключено тело императора.

«Кое-что я все же могу», передал Лайтонд и шагнул вперед. Химмельриттер уже благоразумно убрался под защиту колонн. Эльф поднял руку и произнес короткую, энергичную фразу на родном языке.

Черное Пламя ощутил боль… и невыразимое облегчение. Ясность сознания вернулась в нему.

Две головы отломились от тела дракона вместе с шеями, как ломаются ветки под тяжестью плодов. Головы рухнули на пол. Затрещали под неожиданной тяжестью колонны, к которым крепились арканы, и с грохотом обвалились тоже, образовав баррикаду между императором и заговорщиками. Взметнулось облако каменной крошки, известки и пыли. Обломок одной из колонн воткнулся в макушку уже мертвой головы.

Следом отвалились и крылья. Черное Пламя крутанулся на месте, с наслаждением прислушиваясь к ощущениям. Он снисходительно прислушивался к воплям восторга, эхом гулявшим по залу. Заговорщики думали, что это начало – успешное и победоносное.

Но и дракон, и эльф, уже вскарабкавшийся на баррикаду, знали – это был предел возможностей Лайтонда. Больше ничего он сделать не мог, даже сломать коготь на мизинце левой передней лапы – самого маленького из когтей дракона.

Потолок над этой частью тронного зала был очень тонким. Император всегда опасался именно такого явления убийц в ночи. Пробить крышу было плевым делом, по крайней мере, для летающего ящера. Черное Пламя сложил лапы перед взлетом, словно сфинкс. Как и любой линдворм, он перемещался по воздуху только силой собственной магии. На прощание император оглянулся через плечо. Он почувствовал странную, зыбкую легкость во всем теле, но не придал этому значения.

К своему удивлению, дракон увидел на лице Лайтонда отвратительную, опасную улыбку. Эльф был очень сильно удивлен, но и торжествовал в то же самое время. Хотя должен был провожать улетающего врага тоскливым взглядом.

Лайтонд взмахнул мечом.

В эту неимоверно долгую секунду, Черное Пламя узнал ту весть, которую не донесли ему курьеры из особой службы. Странной службы, где в обязанности сменяющихся чиновников входило только одно. Денно и нощно, не сводя глаз, наблюдать за золотым шестиугольником, очень напоминающим огромную пчелиную соту.

И в случае, если ровное желтое сияние, исходящее от шестиугольника, начнет слабеть или, не дай Ярило, погаснет, немедленно доложить императору.

В любое время дня и ночи.

Два костра, разведенные Кертель на жертвенниках, погасли, и старая ведьма разровняла пепел, в который превратилась курица. Над капищем сгустилась тяжелая тьма. Коруна смутно понимала, что уже вечер, но мрак был слишком тяжелым, почти физически осязаемым. Его разорвало бледной, неверной вспышкой. Коруна увидела, как Кертель украшает край жертвенника длинной вязью рун. Сама девушка стояла в том месте, где овалы соединялись, с восточной стороны от жертвенника. По ушам ударил грохот. Коруна непонимающе подняла глаза.

Над храмом Третьего Лика клубились грозовые тучи, в разрывах сверкали молнии, и даже, иногда – кусочек голубого, яркого, каким оно бывает только летом, неба, хотя солнце село уже больше часа назад.

– Только бы дождь не пошел, – пробормотала девушка.

Кертель закончила с рунами и тоже глянула на небо. Старая ведьма нехорошо усмехнулась. Коруна поняла, что она не бредит, и что над капищем действительно собралась боевая конница Ярилы, выпущенная в небеса до срока. Встав рядом с ученицей, Кертель взяла ее за руку и начала нараспев читать заклинания. Коруне стало очень холодно. В небе могла грохотать настоящая кветенская гроза, но на земле еще не начинался лютень, и не стоило забывать об этом. Девушка не понимала ни слова из того, что произносила Кертель, но она при помощи дурмана уже как час перешагнула ту грань, за которой иссякает способность страшиться чего-либо. У Коруны пересохло во рту, а легкое подташивание превратилось в могучие позывы ко рвоте. Молнии разрывали небо, но ни единой капли дождя еще не пролилось над капищем.

– Ты принимаешь мой дар добровольно? – спросила Кертель.

Коруна не сразу поняла, что наставница обращается к ней. Старая ведьма свирепо дернула ее за руку. Девушка очнулась.

– Да, – пробормотала она торопливо.

Кертель сделала неуловимый жест рукой. Коруну скрутило от боли. Ощущение было такое, словно в низ живота воткнули раскаленную кочергу, и вонзали ее все глубже, стараясь достать до сердца. Мир перед глазами Коруны рассыпался белыми обжигающими брызгами.

«Вот так на одну доверчивую дурочку в мире стало меньше», отстраненно подумала Коруна. Не хотелось ни бороться, ни бежать. А Маришка, в некоторых версиях сказки, успела схватить злую каргу за руку и утащила ее в Подземный мир вместе с собой. «Но ведь у меня никогда не было выбора – я еще до рождения она была обещана старой ведьме…», грустно подумала девушка.

Кертель хрипло рассмеялась. Воздух вокруг изменился – пахло гарью, раскаленным камнем, и, одновременно, свежестью.

– Не ярись, не трать силы зазря, – громко сказала старая ведьма. – Болото растопил, огненных коней загнал, да все равно опоздал. Что отдано, того не отымешь.

Коруна увидела черное пятно на жертвеннике, огромный зигзаг трещины, разделивший два каменных круга. Она удивилась, поняв, что обжигающая вспышка не привиделась ей – это молния попала в жертвенник и расколола его. Девушка обрадовалось тому, что может хоть что-то чувствовать. Боль в животе исчезла вместе с другими странными ощущениями, словно их и не было никогда. Коруна чувствовала себя очень уставшей.

– Пойдем, – сказала Кертель. – Теперь можно и отдохнуть.

И первая направилась к покосившейся контине. Коруна благодарно кивнула. Она бы обиделась, узнав, что старая ведьма так торопится совсем не из жалости к своей измученной ученице. На полу храма дотлевали алые ниточки углей. Кертель обошла очаг, за которым обнаружились нары, уже заботливо заправленные вторым из принесенных одеял. Она пропустила ученицу к стеночке. Коруна завалилась на одеяло, не раздеваясь, страшно счастливая оттого, что осталась в живых, и мгновенно заснула.

Кертель легла рядом с ней. Старая ведьма повернулась спиной к девушке. Одну руку Кертель подложила под голову, а другую вытянула на одеяле к краю нар.

– Скорее, прошу тебя, – тихо произнесла она. – Я не хочу опоздать, не хочу, чтобы это все это было зря… Я хочу помочь ему. Хоть раз.

Во мраке что-то сухо зазвенело. Из него появилась ослепительно белая рука. Кертель знала, что эта изящная женская кисть с тонкими пальцами сделана из чистого серебра. Старая ведьма протянула навстречу руке богини свою – сухую, коричневую от старости, изрезанную морщинами и изуродованную артритом.

В тот миг, когда две руки встретились, Кертель перестала дышать.

Последний отблеск умирающего пламени отразился в глазах, искусно сделанных из лунного камня, всегда бывших мертвыми и все-таки живых и полных печали, и контина погрузилась во тьму.

Кокон из Чи всех четырех стихий, окутывавший императора разноцветным сиянием и

делавший Черное Пламя неуязвимым, побледнел, задрожал и исчез. Лайтонд не знал, почему. Но раздумывать было некогда. Эфирный щит мог вернуться в любой миг.

Эльф скатился с баррикады прямо под ноги дракону. Не теряя ни секунды, Лайтонд полоснул мечом по правой передней лапе. Он хотел лишить Черное Пламя «огненного», то есть указательного пальца. Чиркнув им по обрубкам шей, император мог прирастить потерянные головы на место. Ошеломленный линдворм переступил с ноги на ногу, и мощный удар пришелся на мизинец вместо указательного. Мизинец дракона был длиной с трехлетнего ребенка, и меч Лайтонда оторвал его почти целиком, оставив обрубок размером с человеческую голову. Эльф ловко отпрыгнул от толстой струи черной крови. Она с шипением полилась на мозаичный пол. Император был так удивлен, что ни произнес ни звука; только две струйки дыма вырвались из его ноздрей. Черное Пламя поднял раненную лапу, чтобы схватить Лайтонда и раздавить его.

Но лучше бы император этого не делал.

Огромный меч Хелькара был, тем не менее, острым как бритва. Теперь, когда кисть Черного пламени была прямо перед ним, Лайтонд смог прицелиться точнее. Крутанувшись в бедрах и вложив в удар всю свою силу – рубить кости дракону, даже мелкие, это совсем не то, что сворачивать головы курам – эльф ударил по указательному пальцу Черного Пламени.

То ли Лайтонд набил руку, то ли ему повезло. Эльф снес «огненный» палец начисто. Лайтонда чуть не пришибло обрубком размером почти с него самого. Но эльф ловко увернулся и вбежал под грудь дракона. Задрав голову, он торопливо осматривал колышущиеся кожаные складки. Линдворм вздрагивал всем телом. Заговорщики продолжали стрелять по нему, удобно укрывшись за мертвыми головами. Лайтонда охватило чувство, словно он был Мальчиком-с-пальчик, который заскочил в кузнечные мехи, что качает великан. Зигфрид говорил, что под чешуйчатой пластиной, закрывающей грудь, есть хорошо заметная мягкая впадинка, как это иногда бывает и на груди у людей. Не стоило и надеяться пробить саму пластину; надо было вонзить меч, заговоренный стараниями эльфа и оборотня, прямо в эту впадинку.

По дрожанию Чи вокруг Лайтонд понял, что насмерть перепуганный линдворм сейчас исчезнет. Телепортируется или улетит, пробив крышу. Но впадинки эльф так и не видел. Он остановился и глубоко вдохнул. Дышать было сложно. Огонь, который так щедро выдыхал император, съел почти весь имевшийся в зале кислород. Узкие вентиляционные окошки, длинной чередой идущие под потолком, не могли возместить потери так быстро. А уж здесь, под горячим брюхом дракона, и подавно было самое душное место во всем тронном зале.

Под брюхом! Лайтонд сообразил, что сгоряча пробежал слишком далеко, и развернулся. Ямочку, в которую поместился бы хороший арбуз, он заметил тут же. Она находилась почти над самой головой эльфа. Лайтонд перехватил клинок за нижнюю треть, и с маху вогнал его в колеблющуюся живую тьму у себя над головой.

– Что это? – крикнула Глиргвай. – Что происходит?

Они с Зигфридом вскарабкались на обломки колонн, завалившие проход между головами. Эльфка стреляла, оборотень отводил глаза дракону. Впрочем, императору было не до таких мелочей. Его мощное черное тело вдруг задрожало – как мираж, как морок, и словно бы собиралось исчезнуть так же легко.

Химмельриттер выругался сквозь зубы.

– Он телепортируется! – крикнул он в ответ.

Удивленная Глиргвай промолчала. Ей и в голову не могло придти, что драконы умеют телепортироваться… хотя, с другой стороны, это умеют даже партизаны.

Зигфрид смерил взглядом расстояние до черной чешуйчатой спины и отошел назад. Прежде чем эльфка успела сообразить, что он делает, оборотень разбежался. Ничто не помешало ему на ровной грани колонны.

Оборотня и дракона разделяло не меньше пяти метров. Тут какой разбег ни бери, все мало покажется. На середине полета Зигфрид понял, что силовой импульс исчерпан – и,

холодея, сообразил, что на левитационный у него не хватит сил. Оборотень колдовал от души, и колдовал сегодня уже много. Он использовал всю преобразованную Чи, которую имел, а втянуть необходимое количество энергии за раз Зигфрид не смог бы.

Химмельриттер мрачно глянул себе под ноги, прицеливаясь, куда бы удачнее упасть.

В этот момент большая и теплая рука мягко поймала его. То есть, как вдруг понял оборотень, не рука, а лапа – изящная, словно отлитая из бронзы, лапа гросайдечи. Чешуя, покрывавшая ее, была серебристо-зеленой. Сердце Зигфрида толкнулось в грудь так, что ему стало больно. Оборотень задрал голову. В высоте над собой он увидел морду Марлен. Гросайдечь стрельнула огненным глазом и фыркнула. Марлен осторожно положила Зигфрида на спину Черного Пламени рядом с шипами, торчавшими на хребте дракона подобно лесу. Оборотень тут же вцепился в один из них.

Зигфрид не сводил глаз с Марлен. Он ожидал телепатеммы, не смея позвать драконочку сам. Гросайдечь парила над Черным Пламенем, едва не задевая императора хвостом. Марлен придирчиво оглядела своего химмельриттера и убедилась, что он крепко держится.

Затем тихонько ободряюще свистнула и исчезла.

Рядом с Зигфридом на спину дракона приземлилась Глиргвай. Эльфка не стала разбегаться. Прыжки в длину никогда не были любимым развлечением девушки. Она бросила себя вперед умело направленным и сформированным телекинетическим импульсом.

А в следующий миг Черное Пламя растаял в воздухе – так же беззвучно и быстро, как и гросайдечь Зигфрида за мгновение до этого. Оборотень и темная эльфка исчезли вместе с ним.

Рингрин осторожно выглянул из-за огромного черепа. Он увидел возвышение у дальней стены, на котором стояли два трона – красный и черный. На пустом пространстве перед возвышением обнаружился Лайтонд – помятый, весь в саже и без меча.

Принц опустил самострел.

– Где император? – спросил Искандер.

Он тоже высунулся из-за плеча Рингрина и недоуменно смотрел в пустоту, где недавно находилась плюющаяся огнем огромная туша.

– И где Глира и Зиг? – спросил Рингрин.

– Не знаю, – ответил Лайтонд. – Они телепортировались вместе с драконом… Сейчас попробую их позвать.

Дракон ударился о груду золотых монет всем брюхом, и оборотня сбросило с его спины. Черное Пламя провел телепортацию крайне небрежно. Впрочем, Зигфрида удивляло, что дракон, несмотря на все, смог осуществить ее. Оборотень увидел Глиргвай. Эльфка сидела в перевернутом огромном щите, как малыш в тазу, и оглядывалась по сторонам. Магические светильники уже вспыхнули, среагировав на их появление. И оставаться на свету не следовало.

Оборотень подхватил эльфку и полувпрыгнул-полувполз в небольшой, уютный проем, который успел заметить в стене. Светильники в этом помещении тоже работали исправно, но Зигфрид погасил их усилием воли. Оборотень ощутил, что справа от входа находится развесистое колючее дерево. Он оттащил Глиргвай налево. Пол был гладким и холодным. Позади негромко журчала вода, веяло холодной сыростью.

Черное Пламя не успел заметить их.

Он вообще ничего не замечал, кроме меча, торчавшего из его груди.

Дракон заревел и схватил его лапой. Из обрубков на месте указательного пальца и мизинца брызнула черная кровь. На стене появилась россыпь клякс, краска под ними задымилась. Но задымилась и ладонь Черного Пламени.

– Лайтонд пробил его броню! – шепотом воскликнула Глиргвай.

Эльфка заметила меч в груди дракона только сейчас. И хотя воткнул его, конечно, Лайтонд, это мощное оружие подарила магу Глиргвай, партизанка из Железного Леса.

– Нет, – сказал Зигфрид. – Лайтонд воткнул в щель между пластинами, я объяснил ему, куда бить. Но без тренировок… Это великолепный удар.

Черное Пламя отдернул лапу. Дракон в ярости попытался выдохнуть пламя, но у него ничего не получилось. Со стороны это выглядело так, словно огромная кошка давится, пытаясь отрыгнуть собственную шерсть. Черное Пламя перекатился на спину, и принялся извиваться всем телом. Из раны на животе толчками выбивалась черная, густая кровь. При этом дракон не прекращал реветь, но тональность звуков сменилась – теперь это был стон, полный отчаяния, гнева и боли. Со звоном разлетались золотые монеты, которые Черное Пламя отбрасывал своими судорожными движениями.

– Что он делает? – осведомилась Глиргвай в недоумении.

– Он пытается вытолкнуть меч мышцами живота, – ответил оборотень.

– Может, всадить в него пару стрел? – предложила девушка и протянула руку к колчану.

– Подожди, – заметил бывший химмельриттер. – Мы не получали такой команды.

– А как там Лайтонд, как все?

– Я как раз пытаюсь с ним связаться, – ответил оборотень.

Зигфрид все это время пытался нащупать Лайтонда сквозь толщу земли и лабиринт дворцовых коридоров. Но если бы Верховный маг Фейре не делал того же самого, посылая в пространство мощные телепатические импульсы, сравнимые с криками «Ау!» в густом лесу, вряд ли бы даже оборотню удалось это сделать.

«Где вы?», спросил Лайтонд.

«В сокровищнице», – ответил оборотень.

Он узнал место, потому что во время пробного визита в замок Искандер приводил их и сюда Начальник императорских гвардейцев показывал ход, по которому заговорщикам предстояло выбраться на берег.

«Что делает дракон?», осведомился Верховный маг Фейре.

«Он… он сердится», – ответил оборотень.

«Ждите, мы сейчас придем»

«Почему бы тебе не телепортировать всех сюда?», предложил Зигфрид.

«Потому, что мне еще нужно будет развоплотить императора», устало ответил Лайтонд.

Глиргвай толкнула Зигфрида локтем в бок.

– Он перестал шевелиться, – сказала эльфка. – Он мертв?

Черное Пламя лежал на спине. Император повернул голову набок, прижал лапы к груди и бессильно откинул в сторону длинный шипастый хвост. Меч, почерневший от крови и скользко блестящий в свете магических светильников, торчал из его груди подобно стреле, что мандречены ставят на могилах.

– Еще нет, – ответил Зигфрид. – Лайтонд наложил заклятие на свой меч. Душу дракона выгнало из тела… поэтому он старался избавиться от меча, но не успел. Черное Пламя просто выбросило прочь, как ребенка выбрасывает из утробы при рождении. Дух императора все еще здесь. Он бессилен и не имеет власти ни над своим телом, ни над чем. Если не закончить развоплощение, не закрыть проходы, через которые душа может вернуться, дракон оживет через некоторое время. Лайтонд и наши уже спешат сюда. Скоро все будет кончено.

– Значит, больше можно не прятаться?

Зигфрид кивнул.

Глиргвай поднялась на ноги. Эльфка выпрямилась во весь рост и вышла из придела, куда ее затащил предусмотрительный Зигфрид. Приблизившись к телу дракона, девушка смачно харкнула в его раскрытый, потухший глаз и пнула голову ногой.

– Тебе теперь хорошо, император, – произнесла она негромко.

Зигфрид в этот момент расстилал свой плащ на разумном расстоянии от колючего дерева. Оборотень сумел рассмотреть, что на самом деле их несколько, и что здесь имеет

место быть искусная имитация кустов ракиты. Чем служил этот небольшой зал? Комнатой отдыха императора он быть не мог по той простой причине, что вход сюда был слишком узок для дракона. Но гадать Зигфрид не стал.

– Теперь тебе спокойно, – продолжала Глиргвай и ковырнула плечо дракона мечом. – И ничего уже не нужно… Представь себе, мне тоже! Мои друзья отомщены. И больше никто, никогда, не пошлет драконов поджечь мой лес.

Эльфка засмеялась. Зигфрид вышел из укрытия и прислонился к стене. Он смотрел, как Глиргвай зачерпнула пригоршню золотых монет и каких-то мелких украшений вроде колечек из подвернувшегося блюда и подбросила их вверх, продолжая хохотать. Драгоценности посыпались вниз золотым дождем.

– Никогда! – кричала она, разбрасывая монеты и танцуя. – Никогда!

Она кричала что-то еще – Зигфрид не все понимал. Языки неречи и темных эльфов были похожи, но все же это были разные языки. Оборотень смотрел на ее безумный, варварский танец и слышал тяжелый, вечный ритм, что изгибал это тело. Зигфриду не могло придти в голову, что танец победы, смерти и наслаждения, который он видит, является продолжением танца отчаяния, одиночества и ярости, который единственная выжившая из отряда Махи Морриган партизанка исполняла на замерзшем пруду около бани, позади таверны «У Магнуса».

Но если бы Зигфрид узнал, что в древности на этом холме приносили жертвы средней из трех сестер – богинь Судьбы, он не удивился бы.

Глиргвай заметила Зигфрида и остановилась. Мгновение она стояла неподвижно, словно забрызганная черной кровью жертв статуя идола.

– Meine fuhrerin… – произнес оборотень.

– Мой зверь… – низким голосом ответила эльфка и пошла к нему.

Зигфрид отвел руки Глиргвай от своего пояса, который девушка в нетерпении рвала на нем. Оборотень взял Глиргвай за талию, поднял и, целуя, понес к своему плащу.

– Тут есть одна дорога, тобой еще нехоженая, но вся в кочках, – сказал Зигфрид, опускаясь на колени.

Кочек на дороге действительно оказалось очень много.

Некоторые из них заслуживали почетного звания не кочек даже, а холмов, а две или три тянули на горные пики – острые, темные, и, как думалось Глиргвай прежде, недостижимые для нее так же, как для Зигфрида – драконья Валгалла.

– Я, между прочим, сирота, – томно сказала Глиргвай.

Зигфрид фыркнул.

– Ну хорошо, – ответил оборотень. – Цветов и белого платья не обещаю… но как только подходящий храм попадется нам на пути, я сделаю это.

Он услышал шум в соседнем зале и напрягся на миг. Глиргвай ощутила, как забугрились мышцы на его обнаженном плече. Но оборотень узнал голоса Рингрина и Владислава, и снова расслабился. Зигфрид поцеловал обнаженный живот эльфки, снял с плеча ее ногу и поднялся. Зашуршала ткань – парочка одевалась.

– Слушай, – произнесла Глиргвай. – А Марлен так и не приходила к тебе из своей драконьей Валгаллы?

Зигфрид пристально взглянул ей в лицо. Полутьма, окутывавшая придел, не мешала им видеть друг друга. По выражению лица Глиргвай было ясно, что для нее явление Марлен осталось незамеченным, и она просто спросила, без желания подшутить над оборотнем Зигфрида это не удивило, он с самого начала знал, что Марлен приходила к нему одному. «Интересно, как это выглядело со стороны?», мелькнуло у бывшего химмельриттера. – «Как залихватский, удивительный прыжок?».

– Приходила, – ответил Зигфрид. – У нее все хорошо.

– Ты все еще ее любишь? – спросила эльфка.

Оборотень фыркнул.

– Чтобы любить драконицу, надо быть Лайтондом, – сказал Зигфрид и поцеловал девушку.

Оборотень направился к выходу в сокровищницу, но не услышал рядом шагов Глиргвай. Он обернулся.

Он знал, что она здесь, и что ей просто некуда деться, но в эту секунду он испытал укол острого ужаса. Зигфрид знал по опыту, что и краткого мига бывает достаточно для того, чтобы тело, в котором все, превратилось в окровавленный остывающий кусок мяса. Он всегда чувствовал свое одиночество, отделенность от окружающего мира. Возможно, менее остро, чем это ощущает любой из живущих – ибо каждый химмельриттер до тех пор, пока жива его гросайдечь, никогда не бывает по-настоящему один. Но на несколько мгновений, яростных и терпких, Зигфрид забыл, что ему придется нести пылающий факел своего разума одному – до самого конца, пока смола не прогорит и не нужную больше, потухшую головешку не швырнут под ноги.

– Я попью. Тут где-то вода льется. А ты иди, набивай скорее сумку золотом, – сказала эльфка. – А то нам ничего не достанется.

Химмельриттер двинулся вперед. У входа в сокровищницу он, как показалось Глиргвай, заколебался на мгновение, но все-таки вышел.

Рингрин заметил Зигфрида, но не подал вида. Оборотень появился из незаметного прохода в углу сокровищницы, развязал завязки на своей пошитой на заказ сумке и принялся рассеянно, горстями забрасывать в нее монеты.

Принц пришел сюда не за сокровищами, но он полагал, что каждый имеет право на вознаграждение. Сам он деньги брать не стал, однако прихватил несколько изысканных вещиц, среди которых был поставец с забавной башенкой на крышке, которая напомнила ему башню Светлого Всадника. Поставец был украшен сапфирами и яркой эмалью. Так же Рингрину приглянулись кинжал, рукоятка которого была усыпана мелкими рубинами, а на самом конце расположился крупный алмаз в золотой оправе, и золотое ожерелье в виде тонких кленовых листочков. Принцу темных эльфов вдруг пришло в голову соображение, столь же простое, сколь и практичное. Любому другому оно пришло бы в голову первым. Рингрин понял, что самый опасный момент операции был не в тронном зале, когда огромные когти Черного Пламени щелкали у его груди.

Самый опасный момент был сейчас, когда заговорщики могли перессориться из-за сокровищ. Рингрин твердо решил не допустить этого. Принц стоял чуть позади Лайтонда, закинув меч на плечо, словно коромысло, и внимательно наблюдал за остальными. Пока его страхи казались напрасными. Едва войдя в зал, заговорщики разбрелись по углам. Мандречены пробрались за хвост дракона, а эльфы остались возле его головы. Верховный маг Фейре был единственным, кто еще не взял себе ни монетки. Лайтонд уселся на обитый синим шелком стул. Черно-синий дрожащий жгут толщиной в руку соединял тело императора и лицо Верховного мага Фейре. Бесчувственный дракон занимал почти половину сокровищницы, но даже несмотря на это она оставалась достаточно просторной.

Лайтонд колдовал. Рингрин видел, как скручиваются, переплетаясь, светящиеся нити в энергетическом жгуте. Принц чуял холодную, жуткую силу, что переливалась сейчас по этому тонкому канату из Верховного мага Фейре в тело дракона. Ощущал гнев и ярость самого Черного Пламени, от которых чуть дрожало пламя в магических светильниках. Прямо перед ним, бесшумная, невидимая, происходила величайшая за последнее столетие магическая битва – оставаясь при этом незамеченной. Рингрин не обладал достаточным магическим даром, чтобы увидеть происходящее на эфирном уровне, а уж люди и подавно. Оборотень, скорее всего, видел; когда он глянул на Лайтонда, взгляд бывшего химмельриттера задержался в пустоте перед лицом Верховного мага Фейре. Потом Зигфрид покачал головой и одобрительно, как показалось Рингрину, хмыкнул. Но это был не первый дракон, которого убивали на глазах химмельриттера, поэтому Зигфрид не стал рассматривать происходящее в деталях.

Первая неожиданность повстречала Лайтонда, когда он вошел в эфирное тело дракона через отверстие, проделанное чарами клинка. Тело Черного Пламени вовсе не походило на боевую ладью, как рассказывал Зигфрид. Лайтонд ожидал чего-то в этом роде. Химмельриттер был честен и искренен, но ему и в голову не могло придти, что огнедышащие чудовища Драконьей Пустоши, это проклятие Боремии, не являются истинными драконами. Черное Пламя же был истинным линдвормом из Загорья, что не могло не сказаться на его внутреннем устройстве. Оно оказалось весьма примитивным и представляло собой огромную полую трубку. Лайтонд очутился в том месте, где трубка расширялась, образуя мышечный мешок. До колена мешок был наполнен жидким огнем. Эльф догадался, что дракон плавает в море огня, в котором и живет, прогоняя пламя через себя подобно медузе. Меч Лайтонда на эфирном уровне превратился в сияющий синий столб, который пробил мешок в двух местах, лишив его возможности сокращаться. Черные, грязные кляксы на стенах трубки отмечали путь заклятия, заткнувшего верхние и нижние ворота эфирного тела Черного Пламени. Мышечный мешок так же являлся такими воротами, и эльфу первым делом предстояло наложить постоянные печати в тех точках, где меч проткнул его.

Возможно, конечно, что устройство тонкого тела Черного Пламени выглядело совсем иначе. Но Лайтонд во время своих прогулок по разным слоям реальности успел твердо понять только одно: что бы ты ни видел, даже если это самый странный морок – относись к нему как к реальности и действуй соответственно. Оказавшись по колено в пламени, изо всех сил вообрази на себе сапоги. Иначе лишишься ног. Конечности, «испарившиеся» на эфирном уровне, на телесном просто отнялись бы. Вернуть в них жизнь было нельзя – их пришлось бы ампутировать.

Лайтонд призвал мертвую силу, и его прозрачно-синие ноги – эльф превратился в водяную фигурку – скрылись под высокими, доходящими до бедра, черными сапогами, вроде тех, что носят охотники и рыбаки. Лайтонд возблагодарил судьбу, что не оказался здесь в тот момент, когда мешок был заполнен пламенем. Затем в его руках появился длинный черный жгут. Эльф представил на руках длинные, до плеча перчатки, и запустил руки в алую жижу под ногами. Он ощутил тепло, и принялся ощупывать дно. Мыщцы беспорядочно, слабо сокращались. Найдя край меча, Лайтонд принялся обматывать лезвие жгутом из мертвой силы, выпуская его из руки, как паук выпускает тонкую нить паутины. Когда нашлепка, по расчетам эльфа, получилась внушительная, он одной рукой толкнул меч вверх, а второй вогнал получившуюся плетеную печать в рану. Его оглушил тонкий, запредельный крик.

Первая печать была наложена.

Глиргвай склонилась к источнику. Вода оказалась не такой холодной, как ожидала эльфка, но очень чистой и свежей. Девушка с удовольствием напилась и умылась. Она смутно почувствовала дрожание Чи в стене прямо перед собой, откуда извергалась вода. Источник был сделан в виде вделанного в стену кувшина, и Глиргвай поняла, что кувшин опутан какими-то чарами. Возможно, благодаря им вода и становилась такой чистой – дезинфицирующие заклинания стабильного контура были применялись и в Железном Лесу.

Но в следующий миг она поняла, что ошиблась.

Из кувшина вырвался черный зигзаг. Его лохматая кривая лапа скользнула над плечом ошеломленной эльфки и проскочила в сокровищницу. Тут же все исчезло, так что Глиргвай даже засомневалась, не привиделось ли это ей. Замок дракона был пропитан магией, как торт кремом, и удивляться мороку не приходилось.

Эльфка услышала крики из сокровищницы. Кричал Рингрин, а вот Зигфрид…

Оборотень рычал.

Глиргвай бросилась к выходу, срывая лук с плеча.

Со второй печатью дело пошло проще. Лайтонд оказался достаточно высокого роста, чтобы достать до верхнего края мешка. Руки его порядком затекли, пока он плел печать из жгута Цин, и начали дрожать к тому моменту, когда он вытолкнул второй край клинка из раны. Черная круглая печать, похожая на дно небольшой ивовой корзинки, вошла в глубь мышц. Эфирное отражение клинка в последний вспыхнуло синим и исчезло. Лайтонд остался один. В этом момент он показался себе мышью внутри огромной кастрюли, стоящей на огне.

Однако черная, с алыми прожилками сосудов ткань живого мешка начала сереть в том месте, где в нее погрузилась печать. Лайтонд счел это добрым знаком.

Следовало решить, куда двинуться дальше. Какие из ворот закрыть первыми – нижние или верхние. Зигфрид очень советовал начать с нижних. Химмельриттерам они представлялись в виде руля на корме боевой ладьи. Руль следовало сломать, а отверстие, в котором он крепился, залить свинцом. Лайтонд понимал, почему Зигфрид считает нижние ворота самыми важными. Оборотень сам не раз проходил сквозь них – целиком, выворачивая свое эфирное тело, словно чулок. Зигфрид боялся, что Черное Пламя перекинется, примет человеческий облик. В этой ипостаси дракона нельзя было убить, как нельзя причинить вред человеку, разбив зеркало с его отражением.

Однако Лайтонд решил начать с верхних ворот. По описанию оборотня, они должны были выглядеть, как один-единственный глаз на морде носовой фигуры, украшающей ладью. Эльф подозревал, что у Черного Пламени не трое, а четверо ворот. У самого Лайтонда вместо шести досконально изученных магами шести эфирных ворот было семь, причем седьмые находились не в его теле, а отдельно от него, над макушкой. Проходя через них, Лайтонд выворачивался почти так же, как оборотень, меняя человеческий облик на звериный.

Так, да не совсем.

Проходя через верхние ворота, Лайтонд терял свое физическое тело и становился магическим полем. Когда у него это случайно получилось первый раз, эльф жутко испугался и решил, что умер. Но он ошибся.

За седьмыми воротами была не смерть, а вечность.

После этого Лайтонд понял все туманные намеки, которыми пестрели магические книги. Понял он так же, что никому раньше не доводилось выходить через седьмые ворота, кроме разве что великого и мрачного некроманта древности Ульвхаарта. Некромант не был склонен к излишней откровенности; он изложил подробности своего путешествия в песне, изобилующей кённингами и недомолвками. Остальные маги поняли немного, но достаточно, чтобы позавидовать некроманту черной завистью, и исказить его и без того не самое внятное послание своими домыслами и догадками.

Таким образом, Ульвхаарт добился того, чего хотел, и здесь его не смог бы осудить никто из магов – пройти через седьмые ворота случайно стало невозможно. И причина была не в мелочном желании сохранить монополию на темное знание, в чем Ульвхаарта в голос обвиняли его коллеги по волшебному искусству (именно после этого путешествия Ульвхаарта некромантия в отместку была объявлена запретным колдовством). Некромант проявил немалое благородство характера.

Проблема, как всегда, заключалась не в том, чтобы пройти через седьмые ворота – а в том, чтобы вернуться.

Невнятная песня Ульвхаарта спасла жизнь многим магам авантюрного склада характера, которые просто не смогли бы повторить описанный в ней путь.

Лайтонд же сильно сомневался, что он сможет пройти самые верхние ворота в теле Черного Пламени и последовать за ним на седьмое небо драконов. Но Верховный маг Фейре со всей отчетливостью понимал, что даже если у него получится, то вернуться оттуда в физический мир ему не удастся. Если бы эльф не закрыл высшие эфирные ворота дракона, император бы запросто улизнул от него – в очередной раз. А Лайтонду ничего не хотелось так сильно, как закончить эту бесконечную игру в злого дракона и благородного

драконоборца.

Эльф развернулся и двинулся по трубе в ту сторону, откуда, судя по строению мышечных волокон, всасывался жидкий огонь.

Владислав не увлекался драгоценными безделушками; они слишком индивидуальны, слишком ярки. Наверняка у дракона имелась опись его сокровищ, по крайней мере, наиболее значимых драгоценностей. По этой причине сын рабинского аптекаря остался совершенно равнодушен к тяжелому золотому венцу, который так глянулся Искандеру, и к украшенному рубинами парадному панцирю. Владислав планомерно и методично набивал карманы своей куртки золотыми монетами – тонкими, как лепесток, эльфийскими розеноблями, боремскими талерами, украшенными замысловатыми рунами и витиеватой чеканкой, сюркистанскими квадригами с дыркой посередине. Владислав чуть не прослезился, обнаружив в этой груде мандреченского «всадника», монету старой чеканки, на которой изображался всадник с копьем, протыкающий змея – придя к власти, Черное Пламя особым указом заменил литейный штамп.

Смотреть в сторону Лайтонда Владислав избегал. Даже он, начисто лишенный магического дара, чувствовал колебания эфира. Ему не было страшно в анфиладе, когда они шли сквозь пламя, выпущенное отчаявшимся императором. В тронном зале Владислава охватил азарт рубки, ярость ближнего боя. Так что трусом сын рабинского аптекаря совсем не был. Но сейчас ему было жутко, и Владислав сосредоточил все свое внимание на медово-желтых монетах.

Из-за этого он и упустил момент, когда Искандер вдруг резко выпрямился и повернулся к Верховному магу Фейре. Искандер покосился на соратника – неловко, как кукла, повернувшись к нему всем корпусом. Но Владислав любовно поглаживал ребро «всадника», проверяя наличие насечки.

Искандер медленно, по широкому полукругу, двинулся к Лайтонду. Он заходил со стороны лапы Черного Пламени, невидимый и недосягаемый для Рингрина.

Лайтонд не ошибся. Шагов через сорок труба начала сужаться, и вскоре эльф очутился перед узким выходом из нее. Он был забит липким комком темно-синей слизи, в который под действием жара от тела дракона превратилось заклинание. Края комка уже совсем обуглились и почернели. Лайтонд понял, что надо торопиться. Как только такой же такой комок в нижних воротах эфирного тела Черного Пламени рассыплется в прах – а произойдет это довольно скоро – дракон вернется в свое тело, и горе тогда незваному гостю!

Эльф проворно сплел еще одну печать из Цин. Затем быстрым и сильным движением выбил почти усохшую пробку. Снаружи донесся рев огня. Лайтонд выпрыгнул – хотя, точнее будет сказать «вылился» наружу, поспешно окутывая себе коконом из жаронепроницаемой Цин. Сейчас эльф напоминал огромную жужелицу. Он впихнул печать в узкую горловину трубки и упал вперед.

Лайтонд думал, что окажется в океане огня. Эльф хотел забраться обратно на трубку и пройти по ней, как мальчишка проходит по забору. Он не хотел встречаться с Черным Пламенем в его собственном теле. Если бы забраться на гладкую трубку не удалось, Лайтонд бы обплыл ее.

Но эльф упал на что-то твердое и приятно холодное. Он поднялся на колени и огляделся. Лайтонд оказался на островке, покрытым твердым черным песком. Если бы эльф находился в Фейре, он был прозакладывал бы голову за то, что песок этот – искрошившаяся со временем, застывшая лава ближайшего вулкана. Островок был невелик. По форме он походил на узкое днище перевернутой лодки, да и по размерам был немногим больше.

В черный песок уходила грубая, ржавая цепь.

Лайтонд обернулся.

Второй конец цепи был намертво приварен к основанию стальной трубы, что покоилась на груди огненного океана, окружавшего островок.

Лайтонд принялся осторожно разгребать песок. Он был рад, что не ошибся в своих предположениях и нашел верхние ворота эфирного тела Черного Пламени. Но очень уж странно они выглядели.

Из песка показался магический шар черного хрусталя. Цепь уходила в него. Эльф разбил его, вырвал из шара цепь… и подался назад, уже поняв, что ошибся, но было поздно.

Из-под разлетевшихся осколков появились черные, скрюченные пальцы, а затем и вся рука до локтя. Она стала огромной, размером со взрослую анаконду, и стиснула голову Лайтонда. Череп эльфа затрещал, словно орех.

Голову Лайтонда огненным венцом охватила боль.

Он рванулся назад, в мир физических, плотных тел – и застонал от ужаса.

Лайтонду следовало следить за цветом своего водяного тела. Тогда бы он заметил, что из ярко-синего оно уже стало почти черным. Эльф беспечно призывал Цин каждый раз, когда чувствовал нехватку магической силы… и вся мертвая сила, что он не израсходовал на эфирные печати, влилась в него.

Радагасту показалось, что из дальнего придела вырвался столб старой, черно-серой пыли. «Обрушилось там что-то, что ли», без особой, впрочем, тревоги подумал мандречен. Он не слышал характерного треска проседающего камня.

Если бы Радагаст был больше искушен в магических штучках, он бы испугался именно этого.

Мандречен увидел, как пыль с головой накрыла Лайтонда и Рина, чуть задела Зига – тот чихнул, не отрываясь от своей сумки. Радагаст сразу оценил объемистую, удобную сумку эльфа. Еще во время драки в зале он заподозрил в Зиге профессионального солдата, наемника, а теперь окончательно убедился в своем предположении. Сам он не был столь опытным мародером и не догадался захватить с собой что-нибудь, в чем можно было бы вынести сокровища. Однако и отбирать у Зига приглянувшуюся сумку Радагаст не собирался. Род императорских палачей не относился к благородным, но был довольно-таки обеспеченным родом. Радагаст вырос в той уверенной сытости, которая воспитывает в человеке спокойствие, и, будь род его деятельности другим – благодушие и снисходительность к окружающим.

Радагаст нашел место, где смотрителями сокровищницы были размещены женские украшения, и набрал различных колечек и ожерелий на подарки девушкам. Себе он взял тяжелый серебряный браслет. Носить его молодой палач не собирался. За такой браслет вполне можно было купить участок земли с домом.

Пыль осела у ног Искандера, словно ударившись о бывшего начальника императорских гвардейцев. Радагаст очень удивился, обнаружив его в двух шагах от Лайтонда. Верховный маг Фейре все еще пребывал в колдовском трансе.

То, что произошло потом, было нелепо, жутко, и очень быстро.

Искандер прыгнул вперед и ударил Лайтонда по голове. Из виска эльфа брызнула кровь. Верховный маг Фейре беззвучно свалился со стула, словно кукла. Стоявший рядом Рин еще поворачивался к Лайтонду, когда Зиг, рыча словно зверь, напрыгнул на Искандера со спины. Вцепившись ему в шею зубами, как заправский вампир, Зиг сбил Искандера с ног. Они упали на край огромного, как щит, серебряного с чернью блюда. Оно перевернулось и накрыло их. В воздух взлетело несколько монет, упавших обратно с печальным звоном.

Радагасту показалось, что его подхватила темная волна и бросила вперед. Уже перепрыгивая хвост дракона, палач понял, что мчится на помощь Искандеру. Он чуть не столкнулся с Владиславом.

В этот миг Радагаст понял, что из сокровищницы не выйдет никто. Но мандречен уже не жалел об этом – он хотел только драться.

Несмотря на свою любовь к Тиндекету, Маха иногда делила ложе и с Хелькаром. Глиргвай не знала, что такое мог дать ей назгул, чего не умел темный эльф, но и особенно не

интересовалась. И не ревновала, чем в высшей степени удивляла Квендихен.

– Если у него хватает сил любить всех, – пояснила она недоумевающей подруге. – То пусть так и будет.

Маха искусно скрывала моменты триумфа светловолосого эльфа, управлявшегося с кисточкой из беличьего хвоста ничуть не хуже, чем со своим волшебным луком. Но однажды Тиндекет столкнулся с Хелькаром, томным и рассеянным, когда тот выходил из комнаты Махи. Из одежды на Хелькаре было только полотенце – он направлялся в душ. Тиндекет убил бы его. Хелькар был вооружен только своим природным оружием, а у темного эльфа на поясе висел и стальной меч.

Глиргвай слышала дикий, пронзительный вопль, который издал Тиндекет. Перепуганная эльфка выскочила в коридор, крепко сжимая лютню – больше ничего ей под руку не подвернулось.

Силуэт Махи мелькнул в проеме двери, а затем между соперниками взорвался шар белого пламени. Раскаленные брызги окатили стены и дерущихся. Глиргвай ослепла на миг, а когда она открыла глаза, Хелькар и Тиндекет сидели метрах трех друг от друга. Глаза светловолосого эльфа были закрыты. Судя по выражению его лица, на распахнутых полотнищах век перед ним проходило первоклассное представление театра теней. Тиндекет держался за стену, закатив глаза.

– В ушах не зудит? – заботливо спросила Маха у девушки и зябко запахнула халат.

Глиргвай отрицательно покачала головой.

– Как ты это сделала? – с трудом спросила она.

Рингрин привычно, широко замахнулся мечом. Таким ударом он наверняка скосил бы Влада и подрубил бы Радика – мандречены стояли совсем рядом друг с другом. Эльфу вспомнилось, как он мальчишкой сшибал с пней поганки из рогатки.

Принца скрутило от боли – и в то же время он ощутил чувство, близкое к оргазму, мучительному и жестокому. Рингрин выронил меч, и на несколько мгновений ослеп в безжалостно-белом, режущем сиянии.

– Это чары замка, – услышал беспомощный принц чей-то спокойный, томный голос. – Морул Кер хотел, чтобы отсюда никто не вышел. Вы под властью морока, и вы хотите убить друг друга, но я вам этого не позволю.

Сияние погасло. Рингрин осторожно огляделся.

Владислав лежал ничком в яме, что продавила в груде монет туша Черного Пламени. Радагаст сидел на корточках, схватившись руками за голову. Лайтонд по-прежнему неподвижно лежал рядом со стулом, с которого упал. Кровь из его пробитого виска стекала по щеке. Шагах в двух от эльфа валялся окровавленный золотой венец, которым Искандер ударил эльфа.

Загремело блюдо, подобно огромному барабану. Рингрин поморщился. Из-под блюда появился Зигфрид. Не поднимая головы, он пополз по сокровищам, пока не уперся в ноги Глиргвай. Принц даже не заметил, когда она вошла в зал. Но, в любом случае, эльфка сделала это очень вовремя. Рингрин понял, чей голос он слышал. Глиргвай переломила действие чудовищного морока и спасла их всех.

Рингрин склонился над Лайтондом. Черно-синий жгут, связывавший друга и бездыханное тело дракона, уже исчез. Верховный маг Фейре выглядел спящим, только был очень уж бледен. Рингрин стер кровь с виска Лайтонда. Принц чувствовал, как замерло сердце у него груди – эльф боялся обнаружить обломки кости. Височная кость тонкая…

Но на виске обнаружилась лишь глубокая, до самой кости царапина. Кость же была цела.

Рингрин глубоко вздохнул. Принц перевел взгляд. Владислав уже извлек начальника императорских гвардейцев из-под блюда. Радагаст держал Искандера, а врач делал ему инъекцию в руку. Под взглядом темного эльфа императорского палачу стало очень неуютно.

– Сандро болен, – напомнил Радагаст. Вид у палача был изумленный и усталый.

Рингрин подозревал, что мандречен только что кончил, как и он сам. – Сандро одержим. И он предупреждал об этом.

– Я знаю, – сказал Рингрин.

Подошли Зигфрид и Глиргвай.

– Что с Лайтондом? – спросила эльфка.

Рингрин молчал. Ответ был очевиден из ауры Верховного мага Фейре, и было странно, почему Глиргвай до сих пор не заметила этого. Если бы не фейерверк, который она только что устроила, можно было бы подумать, что ее способности к управлению Чи еще слабее, чем у принца. Глаза оборотня сузились – уж он-то чуял все. Вертикальные зрачки задрожали, словно взбешенные змеи.

Владислав закончил с Искандером. Врач на заплетающихся ногах приблизился к Лайтонду. По дороге споткнулся о парадный, украшенный рубинами панцирь, который Черное Пламя носил, пребывая в человеческом облике, и чуть не упал снова. Рингрин заметил, что лицо его расцарапано – мандеречен, видимо, поранился, когда рухнул под ударом Глиргвай.

Владислав присел рядом с Лайтондом, потрогал пульс, заглянул в застывшие зрачки. С трудом сглотнул и произнес:

– Он мертв.

«И мы тоже», подумал Радагаст, державший Искандера. Бывший начальник императорских гвардейцев бессмысленно улыбался. Радагаст хорошо относился к нему, но в этот миг палач прикинул, удастся ли ему прорваться к потайному выходу, закрываясь телом Сандро. Сидхи и так не испытывали к сообщникам теплых чувств; а теперь, когда Искандер убил их предводителя, мандречены были обречены.

– Не может быть, – тихо, безнадежно сказал Рингрин. – На теле нет ран, ну разве кроме этой. Не может жизнь покинуть тело сквозь такую крохотную дырочку!

– Иногда волшебники умирают от своей магии, – заметил Зигфрид. – Если Владислав говорит, что Лайтонд мертв, значит, так оно и есть. Врачи не ошибаются.

– Рингрин, мы не можем помочь ему, – добавила Глиргвай очень спокойно и даже ласково, и вдруг добавила всплывшую в памяти фразу. – А отсюда надо убираться. Чем дальше, тем лучше.

Радагаст тут же поднялся и потащил Искандера к выходу. Тот был спрятан в дальней стене сокровищницы, за настенной малахитовой плитой. На плите находился позолоченный барельеф, изображавший Жар-птицу, ошибиться было сложно. Владислав помогал палачу, придерживая Искандера с другой стороны. Зигфрид обнял Глиргвай за талию, и аккуратно поцеловал эльфку в уголок глаза. Она плакала, тихо, не всхлипывая – кроме оборотня, этого никто и не заметил.

– Лайтонд очень устал от всего этого, – негромко сказал Зигфрид, целуя Глиргвай. – Он сделал то, что должен был, и погиб, как герой. Он заслужил право на отдых.

Парочка последовала за мандреченами, которые угрюмо топтались под хвостом былинной птицы. Поднять плиту без помощи магии было невозможно.

Рингрин провел ладонью по лицу друга, опуская веки. Принц чувствовал, что плачет, и отвернулся, чтобы ни друзья, ни случайные соратники не видели его слабости. Несмотря ни на что, Рингрин оставался принцем темных эльфов.

Дракон был мертв. Но друг Рингрина, тот, вместе с которым прошла юность и бок о бок проделан этот длинный, страшный путь, лежал перед ним – недвижимый и бездыханный.

Вдруг Рингрину вспомнилась фраза, которую сказал Марфор, оказавшись лицом к лицу с химмельриттером в яме. Принц был, пожалуй, единственным кроме Змееслава, кто слышал ее – от страха и возбуждения у Рингрина тогда до невозможности обострился слух.

«Все в этой жизни имеет свою цену. Но я не думал, что она будет так высока…».

Заскрипел подъемный механизм плиты – Зигфрид открыл выход небрежным щелчком пальца.

– Рин, пойдем, – окликнула принца Глиргвай.

Принц темных эльфов бросил последний взгляд на прозрачно-желтое, словно восковое, лицо Лайтонда. Оно было мокрым от слез, словно мертвец тоже плакал. Рингрин осторожно выпустил голову Верховного мага Фейре, и она с глухим стуком ударилась о ковер из драгоценностей, покрывавший пол сокровищницы. Темный эльф похлопал по карманам Лайтонда и вытащил оттуда черный нефритовый браслет. Затем принц двинулся вдоль хребта мертвого дракона к черному рту тайного хода, уже поглотившего его друзей.

Проход оказался узким. Низкие, очень широкие и неудобные ступени были вырублены в скале и вели куда-то вниз. Заговорщикам пришлось перестроиться. Первыми двигался Владислав, который тащил еще не пришедшего в себя после дозы морфия Искандера. За ними шли Радагаст и Глиргвай. Замыкали процессию Зигфрид и Рингрин.

Как и во всем замке, на стенах потайного хода висели магические светильники, заработавшие при появлении беглецов. Правда, горели они слабее, а расстояние между ними было побольше. Большую часть пути заговорщикам предстояло проделать в полумраке.

– Я плохой принц, – сказал Рингрин.

Серые стены съели звук его голоса. Принца услышал только Зигфрид.

– Немного я знал королей или принцев, сделавших для своей страны то же, что и ты, – возразил бывший химмельриттер. – Правители в трудные времена больше горазды в своих замках отсиживаться, а ты совсем наоборот. Погляди, куда добрался и кого убил.

– Мы победили Черное пламя все вместе. Иначе не получилось бы. Я не должен был плакать.

– Не плачут только бёзмюли, – заметил бывший химмельриттер. – Но все же, не стоит так расстраиваться. Я забыл, как называется ваша Валгалла, но вы обязательно встретитесь там с Лайтондом.

Рингрин очень печально улыбнулся:

– В том-то и дело, что нет.

– Почему же? – удивился Зигфрид. – Вы оба – храбрые воины.

– У вас есть бог… ненавистный враг главного бога?

– Да, есть, – кивнул оборотень. – Локи не бог, он великан, но по могуществу он равен богам.

– У него есть свое царство?

– Ну, не то чтобы. Локи родом из Ётунхейма, там живут и другие великаны, кроме него… Но у него есть собственная земля, да.

– Когда наш Локи поругался с нашим верховным богом, мы, темные эльфы, выбрали его, – сообщил Рингрин. – Мы выбрали Мелькора – так зовут нашего Локи. И теперь мы, темные эльфы, когда умираем, уходим в… Ётунхейм, так скажем. В земли нашего повелителя. А Лайтонд и его родичи сохранили верность главному богу, и их путь лежит прямиком в Валинор… ну, в Валгаллу. Мы с ним больше никогда не встретимся, понимаешь?

Принц помолчал, отсчитал ногами еще ступеней пять и повторил:

– Никогда.

– Я и не знал, что у вас такие сложные отношения с богами, – покачал головой оборотень. – Но тогда тем более нет ничего позорного в том, что ты плакал. Вечность – это слишком много для расставания.

Шедший впереди Радагаст тем временем спрашивал темную эльфку:

– Почему ты остановила мордобой? Дело сделано, мы вам больше не нужны.

– Да, мне хотелось увидеть, какого цвета ваши кишки, – призналась Глиргвай.

Мандречен содрогнулся, но не подал вида. Они, все трое, были обязаны жизнью этой изящной, словно куколка, крохе. А ей не за что было любить мандречен, совсем наоборот. И Радагаст, хотя и знал, что сгубило кошку, не мог сдержаться и не удовлетворить свое любопытство.

– На какой-то миг я почти увидела, как мы все сходимся в бешеной схватке, – продолжала Глиргвай мечтательно. – И в сокровищнице остаются наши тела, на радость

мародерам. Видишь ли, я так хотела убить дракона, что мне было незачем жить дальше.

– Так почему же…?

– Я очнулась, – улыбаясь, ответила темная эльфка. – Стряхнула чары. Мы теперь богаты. Мы все. И Рингрин, и Зигфрид, и я, и ты… Этих денег хватит, чтобы больше не воевать, понимаешь? Ваниэль уехала из Железного Леса, бросила все. Я осуждала ее. Но теперь я ее понимаю. Мы сделали все, что могли. Пусть теперь кто-нибудь сделает больше. Мы можем уехать куда-нибудь в тихое место, купить дом… Я буду сочинять песни и играть на лютне. Первая песня, которую я спою, будет, конечно, про свержение Морул Кера. И такая концовка песни – я стою одна над бездыханными телами – меня не устраивает.

«Как нам всем повезло, что у Зигфрида такой толстый и горячий», подумал Радагаст. Но вслух он произнес:

– Значит, я остался в живых потому, что ты хочешь спеть песню. Никогда не любил странствующих бардов, но теперь всегда, если встречу певца, буду бросать ему монетку. В память о тебе.

Глиргвай засмеялась.

– Говорят, у мандречен короткая память, – сказала она. – Но знай – боги помнят и слышат все. Они накажут тебя, если ты отступишь от клятвы.

Затхлый воздух тайного хода заметно посвежел, стало прохладно. Заговорщики приближались к конечной цели своего путешествия.

Ульрик наотрез отказался возиться с манекеном. Он знал, сколько стоит огромная кукла, и боялся ее разбить. Брат прошел вглубь ателье, открыл люк в подвал и принялся телепортировать туда машинки в деревянных защитных чехлах, примерочные манекены и штуки ткани. Урсуле же пришлось забраться в витрину и, обняв фарфоровую красавицу, вытащить ее оттуда. Стекло было защищено тяжелым ставнем, и эльфка не видела, что происходит на улице.

Да она и не хотела.

Ульрик разбудил ее час назад криком: «Замок дракона горит!». Урсула почему-то совсем не удивилась этому сообщению. Скоро выяснилось, что горел не сам замок, а только восточная анфилада. Но и самый слабый маг сейчас видел, как дрожит эфир над замком императора. В замке колдовали, и эти заклинания были не из тех, что лекари применяют против вздутия животиков у младенцев. В замке применяли самую чистую и мощную боевую магию, от которой разлетаются на куски крепостные стены и воинские подразделения превращаются в кровоточащие спутанные клубки.

Урсула и ее брат добрались до ателье по ночному городу. На улицах уже шныряли подозрительные личности в тряпье, из тех, что всегда выныривают со дна самых вонючих клоак в моменты смуты с одной мыслью – отобрать и поделить. В эту ночь мародеры будут искать легкой добычи. Ателье следовало укрепить заклинаниями, ну, а на случай, если кто-нибудь будет настойчив и всковырнет каменную раковину, спрятать все ценное.

В коридоре Урсула столкнулась с кем-то. Из-за куклы ей было не видно, кто это, и она решила, что это Ульрик.

– Помоги мне, – пропыхтела эльфка.

– Я за этим и пришел, – ответил приятный мужской голос.

Урсула завизжала так, что в витрине задрожало стекло. Эльфка при этом пыталась пихнуть незнакомца твердой ногой манекена. Ульрик, не тратя зря времени, метнул в незваного гостя скатанный тюк ткани. Раздался глухой удар, упало что-то тяжелое. Ульрик вытащил меч и одним прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от сестры.

– Не ори так, – сказал он ей на ухо. – А то сейчас набегут… ценители женского крика.

Урсула замолчала, тяжело переводя дыхание. Ульрик вычаровал небольшой магический шар, и подвел его так, чтобы осветить незнакомца. В бледном свете были видны только ноги в черных кожаных штанах и бок в бархатном дублете.

Зеленом бархатном дублете с оранжевыми вставками.

У Урсулы было много клиентов и просто знакомых, и иных она могла и не узнать при встрече на рынке. Но эльфа в одежде своего пошива она узнала бы даже в Валиноре.

– Кулумит? – хрипло спросила она. Урсула сорвала голос, когда вопила.

Лежавший на полу мужчина зашевелился.

– Ты его знаешь? – осведомился Ульрик, на всякий случай не убирая меч в ножны.

Мужчина сел, зажмурился, когда свет ударил ему в глаза. Урсула увидела рыжие буйные кудри, и последние сомнения оставили ее.

– Да, – сказала она.

– Что вам нужно, уважаемый? – спросил Ульрик.

– Я подумал, что вы захотите покинуть город, – ответил Кулумит.

Он говорил с легким, неуловимым и каким-то странным акцентом. Урсула с чувством стиснула руку брата. Рыжий эльф выразил их самые сокровенные надежды.

– Допустим, – сказал Ульрик. – Что с того?

– Я знаю пещеру, где можно спрятаться и пересидеть, – произнес Кулумит.

– Это большая пещера? – задумчиво спросила Урсула.

– Очень.

– Так чего же мы ждем! – воскликнул Ульрик.

– У меня есть еще дело в городе, – ответил Кулумит. – Собирайте вещи и выходите на набережную Зеленого мыса, туда, где поворот на рынок. Возьмите оружие, еду, одеяла, теплые вещи, пару сковородок. Можете прихватить карты, шахматы, книги.

– А ты знаешь в этом толк, – пробормотал ошеломленный Ульрик.

Ему еще никогда не приходилось прятаться по пещерам, но он сразу понял, что судьба свела его с мастером этого дела.

– Встретимся через два часа, – закончил Кулумит.

Он поднялся и вышел. Ульрик запер дверь на тяжелый засов. Впопыхах они совершенно забыли это сделать, а ведь их мог навестить гораздо менее дружелюбный гость.

– Кто это? – спросил Ульрик у сестры. – Ему можно верить?

– Да, – ответила Урсула.

Ульрик крякнул, почесал подбородок и осведомился:

– Помнишь, у тебя заказывали сорок штук матросских одеял? Ты еще не выдала заказ?

Никто не закрыл глаза императору, и погасшие, похожие на покрытые толстым слоем пыли гигантские алмазы глаза смотрели в потолок. По длинному черному хвосту дракона прошла судорога. Торчащие на нем жуткие шипы зашевелились, словно их пригладила невидимая огромная рука. В прозрачной глубине глаз императора заплясал алый огонек, заискрился, наполняя радужку золотистым сиянием.

Черное Пламя с усилием приподнял голову и огляделся. Магические светильники все еще работали. Император увидел порядком опустевшую сокровищницу, черный лаз потайного хода и поднятую над ним плиту.

У правой передней лапы дракон увидел своего заклятого врага. Эльф растянулся на золотом ковре и как будто спал. Черное Пламя испуганно отдернул лапу, но тут же сообразил, что будь Лайтонд жив, сообщники бы не бросили его здесь. Дракон осторожно перевернул тело. Даже кошка может перевернуть мышонка, не оставив на нем ни царапины, если она этого не хочет. Черное Пламя быстро ощупал Лайтонда своим длинным, теплым, раздвоенным языком.

Эльф был безнадежно мертв.

Черное Пламя занес было лапу, чтобы превратить эту голову в алую лепешку… но что-то вспомнил и передумал. Горько, совершенно по-человечески вздохнув, он с трудом развернулся и пополз к стене, украшенной барельефом с изображением Небесного Коня. Земля вокруг сокровищницы была пронизана потайными ходами, как сыр дырками – сыра было очень мало, а дырок много. Каменные створки бесшумно разъехались, затянутые в пазы хитроумным механизмом.

Император потерял возможность выдыхать огонь после того, как Лайтонд применил к нему заклятье Истинного Облика. Но к Черному Пламени вернулись некоторые другие способности, о которых он уже успел позабыть. Слюна, капнувшая с языка линдворма на лицо погибшего, полностью впиталась в тот момент, когда из подземного хода еще торчал черный шипастый хвост. Император здорово поправился последнее время, и с трудом помещался в проходе, созданном для него в лучшие годы. Линдворм не мог обернуться и последний раз глянуть на своего противника.

Впрочем, это было и к лучшему.

Лайтонд болезненно наморщился. Эльф открыл глаза в тот миг, когда кончик императорского хвоста исчезал во мраке потайного хода.

Еще когда Искандер показывал заговорщикам, куда приводит подземный ход, Зигфрид подумал, что безрадостнее ночного берега зимнего моря может быть только Нильфхель. Именно таким химмельриттер видел обиталище трусов в своих снах – голый, бесприютный берег, покрытый скользкой хрустящей коркой наста. В Нильфхеле на этом берегу лежали скелеты кораблей с истрепанными парусами и ободранной обшивкой. Сквозь дыры в ней, как ребра, зияли шпангоуты.

Оборотень ошибся. Безрадостнее берега моря ночью и зимой может быть только этот же берег в безлунную ночь. Маскировать выход заговорщики на этот раз не стали. Все предосторожности были теперь ни к чему. Да и чары, которыми был оплетен туннель, должны были поднять перед приливом тяжелый щит и закрыть проход.

Песок был очень влажным и тяжелым. Идти по нему было бы легко, если бы не корочка наста, стеклянным налетом покрывшая побережье. Мандречены были в состоянии разглядеть только мерцавшие метрах в пятидесяти слева фонари набережной. Если бы эльфы не видели в темноте, заговорщикам никогда не удалось бы выйти к назначенной точке встречи, где их должен был ждать Кулумит и шлюпка. Это «никогда» было бы очень коротким. Владислав услышал, как отбивают часы на городской звоннице и сказал нервно:

– До начала прилива осталось полчаса. Где же наша лодка?

– Где Лайтонд? – спросил вдруг Искандер очень ясным голосом.

– Иди, иди, – подтолкнул его Радагаст.

Зигфрид первым заметил Кулумита. Рыжий эльф сидел на корточках около лодки. Услышав голоса, Кулумит поднялся на ноги.

– Лодка уже здесь, – ответил Кулумит громко.

– Да мы видим тебя, – весело сказала Глиргвай. – Ты наш спаситель!

Теперь стал заметен и корабль, уютно лежавший в дрейфе в полукилометре от берега, с подветренной стороны острова Крука. По мачтам его бегали небольшие голубые огоньки – Кулумит не пожалел Чи, когда оплетал шнек чарами. Люди, эльфы и оборотень спешно погрузились в лодку.

– А где Лайтонд? – тихо спросил Кулумит у Рингрина. – Почему этот мандречен о нем спрашивал? Что-то случилось?

– Лайтонд умер от ран, – помолчав, ответил принц. – Мы оставили тело в сокровищнице. Дракон тоже мертв.

– Да посадит Мелькор Лайтонда одесную от себя, – пробормотал потрясенный эльф.

– Забирайся в лодку, Кулумит, – сказал Рингрин. – Нам пора.

– Ваше величество, разрешите мне остаться здесь, – произнес Кулумит.

– Что? – изумился принц.

И в тот же миг понял, что в глубине души он знал – Кулумит попросит его об этом. Знал с того самого момента, когда изливал ему на кухне душу, ругательски ругая Рабин, а рыжий эльф кивал и отводил глаза.

– Пожалуйста, Рин, – сказал Кулумит. – Я все сделал. Матросов я заколдовал, они подчинятся любому вашему слову. Капитан заверил меня, что к рассвету уже будете в Куле.

– Скоро там? – раздраженно, но вместе с тем почти умоляюще спросил Владислав.

Рингрин покачал головой, тяжело вздохнул и сказал:

– Ну хорошо, оставайся.

Он торопливо обнял Кулумита на прощанье, всучил ему тяжелый поставец и запрыгнул в лодку. Глиргвай уже подняла якорь. Радагаст и Зигфрид сидели на веслах и ждали только принца, чтобы оттолкнуться от берега и направиться к замершему в черноте кораблю.

Волна лизнула носки сапог Кулумита. Рыжий эльф повернулся и торопливо зашагал к гранитной лестнице, ведущей на высоко поднятую над берегом набережную Зеленого мыса. В горле у него першило – наверняка от холодного ветра. Кулумит не ожидал, что Рингрин так легко согласится. Только когда позади стукнул якорь шнека, который матросы поднимали со дна, рыжий эльф окончательно понял, что он сделал.

Он остался совершенно один в чужой стране, где с рассветом вспыхнет гражданская война. Собственно говоря, она началась в тот миг, когда первые капли крови дракона оросили пол замка. Возможно, Кулумиту больше никогда не доведется встретить всех тех, кого он так хорошо знал и любил. Его ждала совсем иная жизнь, с совсем другими правилами, чем те, к которым он привык.

А из средств к существованию у него был только покрытый богатой эмалью поставец с крышкой в виде островерхой башенки.

Кулумит услышал сзади шорох набегающей воды и прибавил шагу. Но существо, оседлавшее прилив, не отставало. Рыжий эльф обернулся. Он увидел крупный темный силуэт. В голове Кулумита короткой вспышкой мелькнул обрывок сказки про озерного дракона.

Чудовище изрыгало не огонь, а воду, и питалось рыбой. В годы, когда рыбы становилось мало, оно выходило к лесной дороге на четырех костяных плавниках. Дракон охотился на лис и волков, но не брезговал и путниками. Взрослым эльфам он предпочитал детей – у них мясо мягче.

Кто же тогда должен жить в море?

Рыжий эльф легко, словно у него в руках был не тяжеленный поставец, а тонкая трость, замахнулся и обрушил его на голову твари.

– Кулумит… – отчетливо пробулькала она и тяжело осела на песок.

Удача сопутствовала Лайтонду до тех пор, пока он не выбрался на берег. Голова у него кружилась, ноги не вполне слушались, но эльф смог, придерживаясь за стеночку, спуститься по подземной лестнице. Яроцвет все еще находился в теле Искандера, и сразу ощутил присутствие своего заклятого врага. Но заговорщики не придали значения словам безумного товарища. Лайтонд слышал голоса друзей – над водой звуки разносятся далеко. Когда он понял, что опоздал, что корабль ушел без него, силы оставили Лайтонда. Он попытался вернуться в подземный ход. Эльфу нужно было восстановить баланс живой и мертвой сил в своей ауре, для чего он хотел втянуть Чи из вод залива. Однако купаться для этого в суровой, холодной приливной волне было бы чересчур.

Но щит, повинуясь чарам, уже поднялся и закрыл проход.

За секунду до этого эльфу казалось, что смертельно устал, измучился и ему совершенно все равно, жить или умереть. Лайтонд преодолел половину расстояния до призывно мерцавших на набережной фонарей за какие-то пять минут, и отстраненно понял, что сильно недооценивал себя. Вода лизала его пятки, но эльф еще успевал спастись и знал это. Он заметил впереди себя мужчину и с удивлением узнал по ауре Кулумита. Лайтонд не мог даже представить себе, почему заговорщики бросили в Рабине и его. Эльф ускорил шаг, чтобы нагнать товарища. Кулумит обернулся. Лайтонд увидел, как эльф замахивается, но предотвратить удар не успел.

Лайтонд снова пришел в себя оттого, что сильно ударился головой обо что-то твердое. В голове заухали голодные тролли. «Надо было шлем одеть», подумал эльф. Он вышел из схватки с Черным Пламенем без царапины – и получил уже третий удар по голове от собственных соратников. Лайтонд, не открывая глаз, ментально просканировал местность.

Он лежал на мостовой, недалеко от фонаря. По тритону и наяде, державшим основание фонаря, эльф понял, что лежит на набережной Зеленого мыса. Чуть правее начинались ступени лестницы, ведущей на берег. Слышапся плеск набегающей воды. Булыжники, вделанные в мостовую, были острыми, как ножи, и холодными, как сердце зимы. Они пахли солью, водорослью и гниющей рыбой. В следующий миг темнота выплюнула из себя стремительную фигуру – кто-то перепрыгивал через парапет со стороны моря. Это оказался Кулумит, мокрый и грязный. В следующий миг последний пролет лестницы скрылся под черной водой. В ней замерцало отражение фонаря. Волна дошла до края парапета и остановилась. Море, послушное колдовству Ифиль, нахлынуло и прижалось к набережной своей соленой холодной грудью. Лайтонд понял, что рыжий эльф, не успевая убежать от прибывающей воды, перебросил через ограждение набережной свою тяжелую ношу, а потом перепрыгнул сам.

Кулумит сел на мостовую, привалился спиной к парапету. Лайтонд чихнул, поднял голову и прищурился от света. Разноцветная эмаль блеснула на пузатом поставце, который Кулумит нежно прижимал к боку. Лайтонд заметил на крышке жбана темное пятно. Эльф ощупал себя. Лицо покрывала корка засохшей крови, которая, очевидно, вылилась из небольшой, но глубокой треугольной раны на лбу. Лайтонд еще раз покосился на островерхую башенку, венчавшую крышку жбана. Украшение было покрыто коричневым налетом. Эльф вздохнул. Кулумит заметил, куда он смотрит, и сказал виновато:

– Прости. Я не узнал тебя и испугался.

– Почему Рингрин бросил тебя? – хрипло спросил Лайтонд.

– Я сам захотел остаться, – ответил Кулумит. – А ты?

Несмотря на легкий тон, Лайтонд понял, чего стоило рыжеволосому эльфу задать такой вопрос о своем принце.

– Я был мертв, и они оставили меня, – ответил он таким тоном, словно гулять туда-сюда через ворота смерти было самой обычной вещью.

Кулумит покачал головой и встал.

– Пошли, – сказал он.

Рыжий эльф легко, как пустой мешок, поднял Верховного мага Фейре и поставил на ноги. Затем он крепко обнял его за талию, и они двинулись вперед по набережной.

– Да брось ты этот жбан, – сказал Лайтонд кряхтящему от натуги рыжему эльфу.

– А на что мы тогда будем жить? – возразил практичный тэлери.

– Мы, – повторил Лайтонд. – Мы… Кулумит, а куда ты меня тащишь?

– В пещеру, где мы ночевали в первый день, – ответил Кулумит. – Я других мест здесь не знаю.

– С нами будет кто-то еще? – осторожно осведомился Лайтонд.

– Да, – помявшись, признался рыжий эльф. – Одна девушка и ее брат.

Верховный маг Фейре остановился.

– Брось меня.

– Это еще почему? – сердито поинтересовался Кулумит.

– Послушай, я только что умер, – ответил Лайтонд. – Я призвал слишком много Цин, она заполнила всю мою ауру. Рингрин заплакал надо мной и показал мне путь к жизни. Я был слишком слаб, чтобы выйти на свет… но слюна линдворма придала мне сил. Скоро ее действие закончится. У меня аура переполнена мертвой силой. Я труп, понимаешь? Когда я умру, откроется большая дыра в мир Смерти. Я создал над Рабином магическое поле, которое не позволит городу провалиться в эту дыру. Но до пещеры это поле не достанет. Эти эльфы, которых ты туда позвал… они все могут погибнуть вместе со мной и тобой.

– Я так думаю, надо тебя еще раз по башке стукнуть, – ответил Кулумит. – Может, тогда мозги на место встанут. Я бы тоже обиделся, если бы друзья бросили меня, не разобрав, жив я или мертв… но я тебя не брошу. Я не так хорошо разбираюсь в магии, как ты. Возможно, ты не бредишь, а говоришь правду. Ну, значит, ты наш амарт.

Лайтонд неплохо знал тэлерин, но язык изгнанников, осевших на берегах залива

Полумесяца, несколько отличался от языка их родичей, живущих у залива Вздыбленного Льда.

– Извини, не понял?

– Ты как Мелькор, – сказал Кулумит. – Ты переворачиваешь Вселенную, заливаешь землю кровью тысяч и тысяч воинов, и когда стоишь рядом с тобой по колено в крови, неясно, к добру это все или к худу. Это становится ясно через несколько веков… Ты – как мельничные жернова, в которые мы все попали. Зерно не может убежать, когда его насыпают на жернов. Мы будем ухаживать за тобой. Если ты умрешь, мы все умрем вместе с тобой. Поздно размышлять.

Он решительно двинулся дальше, увлекая за собой и Лайтонда. Тот не сопротивлялся. Эльфы оказались в хвосте длинной вереницы повозок, на которых сидели и чего-то ждали женщины в теплых пальто и укутанные дети, громоздились какие-то узлы с тряпьем и прочий немудрящий скарб. Между повозок попадались и хмуро-озабоченные мужчины. Было совершенно ясно, что какая-то большая компания собирается покинуть город, и Верховный маг Фейре не мог не одобрить их решения. Рабинцы, конечно, не знали, что в эту ночь Эрустим лишился тростинки, хотя скорее – огромной черной воронки, через которую сосал из мира живых боль и страх. Лайтонду удалось разорвать цепь, которой Жезл Власти и аура дракона были соединены в одну энергосистему. Черное Пламя подпитывал Эрустим и своей собственной Чи, но теперь все кончилось.

А сейчас жезл ощущал жуткий голод – как если бы человек, привыкший каждый день есть до отвала, и не безвкусную солдатскую кашу, а деликатесы, приготовленные опытными и старательными поварами, вдруг оказался без хлеба и воды. Утро субботы уже наступило, но ни одна из казней, запланированных на сегодня, не будет проведена.

Верховный маг Фейре ощущал, как черные щупальца появляются из стен замка, как проникают в головы горожан тысячами присосок. Из центра Рабина тянуло горьким дымом. Лайтонд видел розовый туман гнева, ярости и бессмысленной корысти, затянувший город. А с рассветом туман превратится в потоки крови, текущие по улицам, и в дрожание лаково-черной, разбухшей от насыщения магической сферы над Жезлом Власти.

Обычные эльфы и мандречены не могли видеть всего этого так ясно, как видит маг седьмого уровня; но они ощущали, более или менее смутно, что им предстоит. И те, кого жезлу не удалось поймать на крючок наслаждения чужой болью, старались покинуть Рабин.

– Ты сказал, что я новый Мелькор? – только и переспросил Лайтонд.

– Не кощунствуй, – строго одернул его Кулумит. – Мелькор был валар, а ты – просто эльф.

– Хуже. Я полукровка.

– Тем более. Я сказал – *как* Мелькор, – сообщил рыжий эльф.

Кулумит остановился и закрутил головой, словно ища что-то. Друзья уже достигли места, где от набережной ответвлялась улица, ведущая к рынку. На перекрестке находилась голова сбитого наспех каравана, в котором низкие, широкие телеги с облупившимися лаковыми задниками соседствовали с изящными выездными колясками с кожаным верхом. Именно такая коляска и стояла первой. Кожаный верх был опущен, и было видно, что вся коляска забита аккуратно скатанными стеганными одеялами, которые в свете фонарей казались малиновыми. На одеялах сидела высокая энергичная блондинка. Рядом с коляской стоял молодой эльф, очень похожий на владелицу коляски.

– Мне неприятно, что ты сравнил меня с Врагом, – ответил Лайтонд.

– Ну, прости, – сказал Кулумит утомленно. – Он все равно почти восемь веков как мертв.

Ульрик и Урсула прибыли на место встречи последними – через полчаса после того, как отзвонили полночь. Эльфка провозилась дольше, чем рассчитывала, увязывая одеяла. Но Кулумита на заветном перекрестке они не нашли. Вместо рыжего эльфа там уже стояли повозки с семьями всех швей из ателье Урсулы. Телепатический импульс не мог пробить

ауру спящего, но когда Урсула решила связаться со своими работницами, обнаружилось, что в эту ночь почти никто не спал. Ульрик тоже мысленно позвал своих столяров. Некоторые работники сочли предложение своего хозяина здравым, и тоже решили отправить своих родных и близких прочь из Рабина.

– Ну, и где он? – спросил Ульрик.

– Откуда мне знать, – чуть не плача, ответила Урсула.

В этот момент из-за огромной подводы швеи Амарги появились двое мужчин. В руках одного из них был огромный жбан. Урсула облегченно вздохнула, узнав Кулумита. Второй мужчина был в желтой замшевой куртке, когда-то очень модной, судя по бахроме на рукавах и спине, а сейчас безжалостно вымазанной в грязи, словно ее обладатель провел бурную ночь в угольной шахте. Что-то в глубине души Ульрика дрогнуло при этом сравнении, словно легкая рябь прошла по реальности. На боку эльфа в грязной куртке висели внушительные ножны – увы, пустые. Урсула подумала, что его лицо спрятано под кожаной красной маской, но брат ее сразу понял, что все лицо незнакомца покрыто засохшей кровью. Волосы у него были светлые, на висках на эльфийский манер были заплетены две косички – совершенно измочаленные, побуревшие от крови. Судя по доносившимся обрывкам фраз, эти двое спорили о Мелькоре. Ульрик вздрогнул. «А кого еще вспоминать в такую ночь», мрачно подумал столяр. Рыжий эльф принялся оглядываться, и стало ясно, что швею и ее брата он попросту не замечает.

– Привет, – сказал Ульрик, подходя к парочке.

Кулумит кивнул. Затем он обвел медленным взглядом выстроившуюся череду повозок. На его лице начало проступать понимание.

– Ты же сказал, там большая пещера, – робко сказала Урсула.

Кулумит громко откашлялся.

– Большая, – сказал он с непонятной интонацией.

Ситуацию спас окровавленный эльф.

– Амарт, – непонятно сказал он и засмеялся. – Амарт…

– Вы не будете возражать, если я тут прилягу? – осведомился раненный у Урсулы. – Голова что-то кружится.

– Конечно, забирайтесь, – хриплым, бандитским голосом, совершенно не вязавшимся с ее миловидным личиком, произнесла эльфка.

Ульрик помог эльфу с разбитым лицом подняться на подножку. Когда раненый оперся на плечо столяра, его сильно качнуло, и он почти что свалился на дно коляски, в теплые и мягкие одеяла.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кулумит встревожено.

– По сравнению со Змееславом, неплохо, – глухо ответил тот из одеял и добавил, обращаясь к Урсуле: – Меня зовут Шенвэль.

Эльфка, с осторожным любопытством глядя на распростертого у ее ног мужчину, тоже представилась.

– Поехали, что ли? – осведомился Шенвэль.

Кулумит сел на козлы, пристроил рядом поставец, и места для Ульрика не осталось. Столяр несколько мгновений разглядывал дорогую эмаль и башенку на откидывающейся крышке.

– Может, положим его в мешок? – предложил Ульрик.

Кулумит кивнул. Жбан переместили в мешок, убрали назад. Ульрик устроился рядом с рыжим эльфом и взял в руки вожжи. Столяр стегнул лошадей, и коляска тронулась. А за ней – и весь караван. Ульрик с интересом посматривал на рыжего эльфа, но молчал.

«Ты знаешь, кто твой рыжий любовник?», телепатировал брат Урсуле.

– Странная ситуация сложилась с налогами, – сказал Черное Пламя.

Император принял старшин рабинских цехов в тронном зале. В качестве особой милости он вышел к гостям в человеческом облике. Император попросил старшин придти

вместе с помощниками, и таким образом Ульрик впервые встретился с Черным Пламенем лицом к лицу.

– Я к тому, что их поступает в казну все меньше и меньше, – продолжил Черное Пламя.

Тишина в зале стояла гробовая. Было очень душно, словно не пышная золотая осень заглядывала в прорубленные под самым потолком многочисленные окна, а безжалостно горячая макушка лета.

Черное Пламя протянул руку к столику из черного дерева. На нем стоял высокий жбан, украшенный дорогой эмалью, с забавной башенкой на откидывающейся крышке. Император налил себе холодного квасу в серебряный стакан с чернью.

– Неужели горожане перестали бить тарелки и миски? – спросил Черное Пламя. – И больше не ломают табуреток об головы друг друга на семейных праздниках?

Он усмехнулся, обвел присутствующих взглядом, от которого, несмотря на жару, холод продирал до костей. Ульрик ощутил всю нечеловеческую сущность императора, которой было тесно в потасканном плаще человеческого облика. Черное Пламя отпил кваса. Старшина цеха столяров, сидевший рядом с Ульриком, громко и судорожно сглотнул.

Из замка его молодой помощник вернулся с повышением, но отнюдь не обрадованный таким поворотом событий. Черное Пламя, приняв свой истинный вид, разорвал по одному старшин всех рабинских цехов на глазах у остальных, кому милостиво была дарована жизнь.

Пока.

«Кулумит мне не любовник», сердито ответила Урсула. – «Пару раз встречались…»

«Он из тех парней, что распотрошили брюхо императору», сообщил Ульрик.

«Я знаю», телепатировала сестра.

Ульрик тихо засмеялся. Урсула пнула его ногой в спину, но брат продолжал мысленно хохотать. Сестра его была красива, обаятельна, и финансово независима. Короче говоря, ничто не мешало ей рыться в ухажерах, как в сору. Иногда она рассказывала брату о своей личной жизни. Неизменно оказывалось, что у одного из претендентов слишком длинный нос, другой совершенно не обучен галантной беседе, а третьему нужны только деньги, которые приносит ее ателье.

«Так вот кого тебе было надо», думал столяр. – «Не купца, не поэта, не красавца, а заговорщика! Героя! Борца! Ну надо же! Ну наконец-то!»

«Перестань», зло телепатировала сестра. – «Я все слышу».

Ульрик повернул коляску, следуя изгибам набережной, и оказался в толпе оборванцев. Похоже, они ждали беженцев – иначе чем еще объяснить, что они стояли так тихо на перекрестке, а тот из них, что оказался ближе всех к повозке, ничуть не удивился, а тут же ловко схватил лошадь под уздцы. Эльф обернулся. Из боковой улочки, которую обоз миновал чуть ранее, тоже высыпали серые в предрассветных сумерках тела, укутанные в живописные лохмотья. Эльфы были окружены.

– Стоять, милая, – почти нежно сказал оборванец, придерживая лошадь.

– Все покидающие Рабин должны пройти таможню, – сказал пузан в широкополой шляпе. – Сдать излишки, стало быть. Предлагаю сделать это добровольно.

В толпе гнусно захихикали. Сзади подъезжали остальные повозки, и их тоже обступали грабители. Ульрик бессильно выругался. Он не владел боевой магией, да и вооруженных мужчин в обозе не было. Город вымирал с окраин, а эльфы сейчас проезжали мимо давно брошенных, мертвых кварталов, где и днем-то было опасно.

– А, так я тебя знаю! – закричал тот, что держал их лошадь. – Ты же столяр. Что везешь? Столы, табуретки?

– Нее, тут одеяла какие-то, – сказал другой, заглянув в коляску.

Урсула завизжала – он ущипнул ее за грудь. Кулумит, красный от гнева, повернулся. Ульрик думал, что он сейчас заедет грабителю в ухо, и схватил его за руку. Но вместо этого рыжий эльф вцепился в столяра и пригнул его к облучку.

Коляску охватило нестерпимо холодное черное сияние. Ульрик услышал громкий

треск, хруст и чавканье. Звуки были ему знакомы с памятного визита во дворец дракона. Кулумит вздрагивал и все сильнее прижимал Ульрика к сиденью, хотя столяр и не думал вырываться. Когда темная сфера, отделявшая их мира, исчезла, Ульрик увидел стол и две табуретки, стоявшие слева от коляски. Они были странного, темно-красного цвета в белых прожилках. Приглядевшись, столяр понял, что они сделаны не из бука или тиса, а из страшно искореженных, вывернутых наизнанку тел оборванцев.

Ульрик оглянулся. Кроме белого, как бумага, пузана в шляпе, на набережной никого не осталось.

– Таможня, так мы поедем? – раздался голос раненного со дна коляски.

Пузан кивнул и поспешно отвернулся. Его начало рвать.

Ульрик хлестнул лошадь.

– Когда все это закончится, – сказал он, не оборачиваясь. – Приходи ко мне в мастерскую, Шенвэль. Я думаю, из тебя выйдет отличный столяр.

– Благодарю за предложение, – откликнулся тот.

– Ты говорил, что тебе вредно колдовать, или мне показалось? – стеклянным голосом спросил Кулумит.

– О, теперь я чувствую себя гораздо лучше, – бодро ответил Шенвэль. – Я излил на них то, что убивало меня.

– Я понял, – пробормотал рыжий эльф.

Обоз тем временем добрался до самого конца набережной, где она превращалась в неухоженную тропу.

– Мы уже приехали, – сказал Кулумит Ульрику. – Дальше надо будет пешком. Скажи, чтобы все выгрузились и взяли вещи. Повозки придется сбросить в море.

– Зачем же, – сказал столяр. – Можно будет перегородить ими тот переулок, откуда на нас вылезла эта мразь.

– Или так, – кивнул рыжий эльф.

Ульрик спрыгнул с козел, помог выбраться из коляски сестре.

– Я останусь в городе, – сказал он негромко. – Кто-то должен присмотреть за мастерской и лавкой.

Урсула всплеснула руками и хотела, судя по ее выражению лица, заголосить. Брат крепко сжал ее локоть.

– Если будет совсем туго, я уйду в старые шахты, – произнес он.

И снова что-то толкнулось со дна его души. Предчувствие, какое-то невнятное эхо будущего, которое Ульрик не успел разобрать. Эльф торопливо поцеловал сестру.

Лайтонд же смотрел на розовеющую полоску неба над горами и думал о том, что ему первый раз в жизни хочется, чтобы солнце не вставало. Боги услышали его, и для него солнце в тот день так и не взошло. Верховный маг Фейре не увидел восхода. Он забылся в счастливом беспамятстве среди теплых стеганых одеял, обшитых малиновым атласом.

Коруна проснулась от холода. Видимо, заклинание, наложенное Кертель на стены контины, исчерпало себя. Подняв голову, девушка увидела, что серебряная статуя Моготы стоит у самого края нар и держит Кертель за руку. Коруна вздрогнула. Перед глазами у нее все поплыло, девушку окатило жаром, как вчера, когда она неосторожно посмотрела в глаза Судьбе. Раздался тихий сухой звон, и что-то глухо ударилось об пол. Коруна потрясла головой. В глазах у нее прояснилось. Идол стоял на своем месте. Рука наставницы безвольно свисала с края нар. Девушка коснулась плеча Кертель – оно оказалось твердым и холодным.

Коруна в ужасе подскочила. Не помня себя, она перепрыгнула через тело старой ведьмы и вылетела на улицу. Холодный воздух ударил ей по лицу шершавым платком, резанул легкие. Потрясенная Коруна остановилась.

Гниловранская трясина сияла под солнцем, как огромный леденец. Как каток, до блеска раскатанный местной ребятней. По сияющему льду разгуливали темные, легкие силуэты змеедеревьев, с удивительной грациозностью передвигались тяжелые и неповоротливые

дубокраки, усиливая сходство с катком в выходной день. Верстах в двух к югу Коруна отчетливо различила огромную гребенку близнещипцев. Странной оттепели хватило ненадолго. Перед Коруной стояла совершенно невыполнимая задача. Точнее, две. Добраться до дому и похоронить свою наставницу. Как бы сильно не испугалась Коруна в первый момент, бросить тело Кертель в храме показалось ей кощунством. Девушка вернулась в храм – в борьбе со жгучим холодом страх перед мертвым телом уступил. Стараясь не смотреть в сторону прикрытого одеялом бесформенного кома, Коруна добралась до стоявшей в углу корзинки и пошарила там в поисках еды. Ее поиски увенчались успехом – девушка обнаружила кусок твердой, как сталь, буженины, хлеб и небольшую фляжку. Присев на корточки, Коруна разгрызла мясо. Это ей далось с некоторым трудом. С хлебом девушка справилась легче. Пить из фляжки она не стала, решив оставить водку на крайний случай – Коруне еще предстояло как-то пересечь огромную равнину, над которой свистел пробирающий до костей ветер.

Поев, Коруна отчетливо поняла, что ей не пересечь трясину с телом на руках. Даже без груза это было проблемой – чудовища, вчера размягченные неожиданным теплом, сегодня были бодры и полны сил. И голодны, как всегда. Ситуация осложнялась тем, что Коруна весьма смутно представляла себе, куда ей нужно двигаться – так, общее направление. «Главное, добраться до Малых Пасек», размышляла девушка. – «Там ждет ступа… если мне удастся заставить ее слушаться». А еще через секунду Коруна сообразила, что ступу надо вызвать сюда, в капище. По крайней мере, попробовать. Кертель отказалась лететь на ней потому, что вчера болото было мягким и рыхлым, а ступе нужно было нести двойной груз. Сегодня болото было твердым, как серебряное зеркало, да и груз существенно уменьшился.

Коруна покинула храм и встала лицом на юг. Теперь они с идолом Ящера смотрели точнехонько друг на друга. Стараясь не отвлекаться таким соседством, юная ведьма подняла руки и выкрикнула заклинание-призыв. Голос у нее не дрожал, но оказался очень хриплым. Коруна с надеждой уставилась на небо. Появиться мгновенно ступа не могла, и поэтому девушка не знала, услышан ее призыв, или нет. Девушка вздохнула. «А Кертель надо похоронить здесь, в ельнике», удивляясь своему хладнокровию и здравомыслию, подумала Коруна. Священный лес вокруг капища бога Смерти как нельзя лучше подходил для захоронения. – «Завернуть в одеяло, срезать пучком Чи пласт дерна, и укрыть тело под корнями ели побольше. А сверху дерн положить и прикрепить „волосяными нитями“.

Коруна вернулась в храм Третьего Лика. Девушка глубоко вздохнула и принялась заворачивать застывшее тело наставницы в одеяло. Кертель оказалась неожиданно легкой. Когда Коруна с телом на руках выходила из капища, то увидела в небе черную, стремительно приближающуюся точку.

Юная ведьма прищурилась и разглядела ступу. Коруна улыбнулась – в первый раз за сегодняшний день.

ЭПИЛОГ

Кула готовилась к осаде. Спешно укрепляли восточную стену, телегами свозили туда булыжник. Из порта уходили тяжело груженные фелюги, ладьи и просто лодки – все, кто мог, отсылал из столицы своих женщин, детей и стариков. В бывшем дворце Тайнеридов, впервые после визита Черного Пламени в Кулу, после которого старейший княжеский род Мандры прекратил свое существование, поставили гарнизон. Гарнизон представлял собой батальон Морских Котиков, в мирное время охранявших порт. Командовал ими чудом спасшийся из уже захваченного сюрками Рабина бывший начальник императорских гвардейцев. Это внушало некоторые надежды. По правде сказать, Искандер Гургенид, покрывший себя славой во время последней военной кампании, был единственной надеждой горожан. В подвалах дворца великих князей были обнаружены огромные котлы для смолы и масла, которые пришлось доставлять на внешние стены по Нудаю на плотах – так велики они были.

Капище Всех Богов было единственным местом в охваченной лихорадкой столице, где никто не суетился и не спешил. Маги Радагаста и Парваты были готовы выступить. Ученики старших ступеней обучения повторяли заклинания в предвкушении битвы, когда их удастся применить на деле. Остальные завидовали. Юным послушникам мирного Авсеня или Ярило было категорически запрещено участвовать в боях – именно поэтому многие матери и отправляли своих сыновей на учебу в Капище Всех Богов. Волхвы Ящера стали еще более сонными и рассеянными, чем всегда. Как будто не им предстояло расчищать завалы трупов на улицах. А в самом крайнем случае – повторить то заклятье, что навеки скрыло Китеж от раздосадованного противника.

Волхвы же Ладо сейчас были никому не нужны. Война не время для создания семьи. И старый Ядрун очень удивился, когда в его келью пришел посыльный с запиской от главного волхва Ящера. Дренадан вернулся из своего логова на болотах за день до того, как заговорщики прикончили Черное Пламя. Старый упырь словно почуял что-то.

Прочитав записку, Ядрун улыбнулся.

– Передай Дренадану, что я согласен, – сказал главный волхв Ладо. – Пусть… – он сверился с запиской. – Зигфрид и Глир.. гм… Глива… Вообще, мне кажется, этой девушке очень пошло бы имя Пелагея!

Волхв сердито посмотрел на посланника. Тот даже глазом не моргнул, не шелохнулся. И уж конечно, не собирался отвечать. Такие уж были манеры у жрецов бога Смерти, даже у тех, кто занимал самые низшие ступени на иерархической лестнице.

Ядрун знал, о ком говорится в записке. Он видел их, двух необычных странников, нашедших приют в тени бога Смерти. Парочка появилась вместе с небольшой компанией человек из шести, но их друзья уже покинули безопасный остров.

Посыльный все так же молча пялился на волхва.

– Пусть они приходят сегодня после обеда, – продолжил Ядрун. – Оба должны знать стандартную клятву. Ее можно найти в Велесовой книге, параграф Жизнь и Плодородие, у Дренадана она есть. Ритуал будет стоить, со скидкой на военное время, четыре ногаты. У них есть деньги?

Посыльный кивнул, и Ядрун отпустил его. Пора было готовиться к обряду. Доставая из ларя белый фартук с оранжевыми изображениями Рожаниц, волхв негромко напевал себе под нос что-то бодрое. Ядруна не смутили откровенно немандреченские имена пары, желающей связать себя клятвой перед милостивым и веселым богом семьи. Свидетельство о браке, выданное главным волхвом Ладо, будет действительно в любом уголке Мандры. Старого жреца радовало, что несмотря на надвигающийся хаос войны, голода и разрухи, находятся те, кому хватает смелости любить и жить.

Тетерев стучался в окно избушки – жалобно, обессилено. Красный хохолок у него на голове поник и качался в такт движениям. Коруна удивилась – чтобы достать до окон избушки, птица должна была быть размером с хорошего быка. Девушка вспомнила, что окон в избушке нет, и проснулась окончательно.

Она добралась сюда вечером. Первый в ее жизни самостоятельный полет дорого дался Коруне. Ступа оказалась покорна новой хозяйке, но юная ведьма сама толком не знала, как ею управлять. Смотреть вниз Коруна старалась как можно реже, только для того, чтобы сориентироваться. Ледяной щит блестел так, что слепил глаза. На высоте оказалось еще холоднее, чем на земле. Коруна выпила всю водку из фляги раньше, чем ступа со своей растерянной ношей добралась до края трясины. Оказавшись над лесом, юная ведьма прочувствовала все сложности нахождения пути с воздуха. Кертель наверняка пользовалась какими-то приметными знаками, но, увы, Коруне они были неизвестны.

А диск Хорса, блестящий и маленький, как медный пламенец, тем временем уже приближался к зубчатой гряде леса.

Каким-то чудом Коруне удалось выбраться к овальной прогалине, в которой она узнала Малые Пасеки. Юная ведьма, которая уже успела в красках представить себе ночевку в лесу,

воспряла духом и направила ступу на юго-восток под сорок пять градусов. Когда они стартовали из избушки, Кертель сказала: «Северо-запад, сорок пять градусов». Коруна не знала, что означают градусы, и не рискнула изменить эту часть заклинания. Но в частях света девушка разбиралась.

Увидев через полчаса островерхую крышу избушки на курьих ножках, Коруна чуть не закричала от радости. Закричать в голос у нее уже не было сил. Вместо ног в валенках лежали бесчувственные культяпки, руки почти не шевелились. Снижаясь, ступа попала в нисходящий поток воздуха, и ее затрясло так, что Коруну едва не выбросило прямо на верхушки деревьев, торчавшие, словно пики. Юная ведьма удержалась за борт ступы, но с позывами к рвоте справиться не смогла. Коруна блевала на кривые черные ветки осин, проносившиеся мимо. «Вот белки-то удивятся», вяло подумала девушка. Коруна с размаху стукнулась подбородком о край ступы. Если бы ее зубы не были плотно сжаты, девушка наверняка откусила бы себе язык.

Ступа влетела в окно и приземлилась на дощатый пол чердака. Коруна выползла из нее. Слабым движением руки юная ведьма закрыла окно. Не поднимаясь с четверенек, Коруна двинулась к лестнице. Добравшись до печи, она пробормотала заклинание отопления – когда Кертель было неохота возиться с растопкой, старая ведьма всегда им пользовалась. Не желая проснуться вовсе без ног и рук, Коруна вспомнила и проговорила несколько заклинаний, возвращающих здоровье, а так же приговор, предотвращающий воспаление легких.

И заснула, совершенно обессиленная.

Стук повторился. Стучали сильно, но при этом как-то неуверенно.

Юная ведьма слезла с печи и двинулась к выходу. В сенях она накинула на себя полушубок.

– Кто там? – спросила Коруна.

Виски ломило, голову словно охватывал тяжелый обруч. Поспать ей удалось до ужаса мало. За дверью не ответили. Вместо этого там раздалось шипение, переходящее в свист. Коруна вздохнула, извлекла припрятанный в углу топор – идти за своим мечом было слишком далеко. Девушка прикрыла топор полой полушубка и открыла дверь.

Поляну заливал алый свет закатного солнца. Снег, весь в черных пятнах, был перемешан и истоптан. Две толстые осины, росшие из одного корня, были вывороченыместе с комлем. Видимо, черный дракон, свившийся кольцами на тесной прогалине, задел их своим хвостом, когда устраивался.

Дракон – а это он стучал – опустил лапу. На Коруну глянули огромные глаза, бордовые, как гранаты.

Девушка узнала его. И даже не удивилась. Коруна сглотнула.

– Перекинься, – сказала она. – Я не умею лечить драконов.

Над поляной задрожала разноцветная сфера. Юная ведьма стояла на крылечке и терпеливо ждала, кутаясь в полушубок. Топор, оттягивавший руку, она прислонила к стене.

Когда из разноцветного клубка силовых линий перед ней появился обнаженный Тенквисс, Коруне стало жарко. Маг дрожал от усталости, руки его были в крови, и не только руки. Тело Тенквисса не так давно кто-то использовал для написания саги. Сочинитель придерживался в основном строгих черно-синих тонов в освещении сюжета, но не чурался и ярких красных и желтых мазков. Поэт был охвачен вдохновением и жал на перо так, что брызги и замысловатые кляксы делали хвостатые эльфийские руны совершенно неудобочитаемыми, элементы одних накладывались на другие, стирая смысл. Но Коруна была опытным читателем. Перед ней была повесть о предательстве, о засаде, о беспощадной драке в ночи. На спине, скорее всего, нетерпеливого читателя ждало продолжение.

И несмотря на то, что Тенквисс был ужасен и жалок, никого и никогда в своей жизни Коруна не хотела сильнее, чем его в этот момент.

Девушка подставила магу плечо, и помогла войти в избушку. От Тенквисса неприятно пахло – кровью, гарью, и какой-то затхлой слизью, как это иногда бывает во влажных пещерах. Маг с трудом улыбнулся ей. Мышцы лица еще не вполне слушались его после

перевоплощения, поскольку у драконов мимика совсем другая.

Коруна опустила глаза, и они вместе с магом направились в медблок избушки – отдельное помещение, занимавшее добрую половину пространства внутри. Здесь Кертель лечила охотников после неудачных встреч с дубокраком или медведем, принимала роды у станичниц и шестнадцать лет назад выходила обожженного Василия.

Так что место было вполне подходящим, чтобы принять раненного дракона.

Лайтонд несколько мгновений рассматривал синий фаллос с драконьими крылышками. Его можно было уже считать неким символом постоянства. Каждый раз, выныривая из череды видений, болезненных и безумных, эльф находил себя на мятом, сбитом стеганом одеяле, обшитом малиновым атласом, и видел неровную каменную стену с потеками, синий член с крылышками и бессмысленной подписью под ним.

Иногда он видел ласковую, но очень печальную эльфку. Он кормила его бульоном и почти не разговаривала. Сегодня Лайтонд вспомнил, что ее зовут Урсула, и что молчит она потому, что у нее сорван голос. А потом Лайтонд увидел Кулумита и окончательно понял, что именно этот островок, куда его время от времени выбрасывает буря расплаты за бездумное использование собственных способностей, и есть реальность. В пещере было тепло, чувствовался запах дыма из соседнего зала, и негромкий гул множества голосов. Верховный маг Фейре испытал невыразимое облегчение – он и не смел надеяться на столь удачный исход дела.

– Дракон убит? – хрипло спросил Лайтонд.

– Убит, убит… – ответила эльфка не менее хрипло и попыталась впихнуть в него ложечку бульона.

Но Верховный маг Фейре увернулся и вопросительно посмотрел на Кулумита. Тот сидел у входа в закуток и наблюдал за кормлением раненного.

– Прошла уже неделя, а Черное Пламя никто не видел, – ответил рыжий эльф. – Поешь, тебе надо набираться сил.

Тенквисс медленно, осторожно перекувырнулся через хвост. Тело уже повиновалось дракону, но он еще не был до конца в себе уверен, чтобы пользоваться им с прежней небрежной грацией. Дракон глянул вниз. С высоты двести метров фигурки всадников на дороге к станице казались не больше муравьев. Но то, что эти муравьи резко замедлили свое движение, было заметно и отсюда.

Тенквисс вытянулся во весь рост, качаясь в восходящих потоках воздуха, и принялся бездумно свивать и развивать хвост кольцами. Вряд ли кто-нибудь из сюрков разбирался в породах драконов и мог поведать военачальнику, что перед ними – линдворм. Воздушный змей, единственный среди своих собратьев не выдыхающий огня.

Хотя это уже мало заботило Тенквисса. Иногда для того, чтобы собраться с мыслями и трезво взглянуть на вещи, необходимо забраться на высоту двести метров. Он думал не о юной ведьме, спасшей ему жизнь. Коруна оказалась Хозяйкой Четырех Стихий, как Тенквисс и предполагал. Старая ведьма каким-то образом искривила ее каналы Чи, но дракон, в отличие от людей и эльфов видел не только Чи, протекающую по своим руслам, но и пустые, высохшие русла волшебной силы. Он понял, почему щит из Чи Кертель исчез в разгар битвы – старая ведьма покончила с собой и лишила дракона своей любви. Она же прокляла Коруну на невозможность любить. Юная ведьма и маг сошлись в неистовом танце любви в первый же день, когда он смог двигаться; и сразу после этого Коруна обрушилась на Тенквисса с такой жуткой бранью, которой он не слыхал за всю свою долгую жизнь.

Кертель хотела спасти Коруну от повторения своей судьбы, и метод, который выбрала старая ведьма, оказался действенным, хотя и жестоким.

Но все это было уже безразлично Тенквиссу, ибо он не чувствовал к Коруне ничего, кроме некоторой благодарности и легкого влечения, уже, впрочем, остывшего.

И благодарить за это надо было, как ни странно, эльфа, который ненавидел Тенквисса

всей душой.

Маг нашел в вещах Кертель магическое зеркало, позволяющее внимательно исследовать собственную ауру. Тенквисс почувствовал тяжелый обруч на голове, едва вернулся в собственное тело. Бывший император Мандры не сомневался, что это злокозненные чары Лайтонда, и изыскивал способы снять магический обруч. Но, увидев, чем являлся обруч из Цин на самом деле, Тенквисс передумал.

Черная полоса, обхватывавшая голову мага, выбрасывала колючие шипы-щупальца всякий раз, когда в ауру мага вторгалось влияние извне – энергетический жгут из четырех сил Жизни, обернутый в мертвую силу. Тенквисс узнал эти жгуты. Излучать их мог только один объект в мире.

Эрустим.

Лайтонд разорвал пуповину, связывающую владельца Жезла Власти с артефактом. Тенквисс намеревался воспользоваться свободой, которой давно был лишен, и предоставить и Лайтонда, и юную Хозяйку Четырех Стихий, и всех остальных людей, чья жизнь оказалась переплетена с судьбой Эрустима, их собственной участи. Сам Тенквисс был уже по горло, до отрыжки сыт необходимостью решать судьбы мира.

Тенквисс переложился в потоках воздуха, забираясь на высоту.

Линдворм возвращался в Загорье, которое так опрометчиво покинул полтора века назад.

Зейнеддин приподнялся на стременах, чтобы лучше видеть. Его воины молчали.

В бледно-синем зимнем небе, чуть восточнее пути сюрков, в восходящих потоках воздуха медленно, словно сорванный лист, кружился дракон. Расстояние не позволяло определить его истинные размеры. Но Зейнеддин знал, что черная фигурка, которая отсюда кажется игрушечной, на самом деле принадлежит могучему и совсем не маленькому зверю, один из родственников которого чуть не сожрал Луну.

Младший сын Великого Бека не был трусом, но и идиотом он тоже не был, иначе бы он в двадцать лет не командовал сотней лучших разведчиков. Конечной целью сюрков была Кула, богатая, как старуха-процентщица, и прекрасная, как гурия. Самый короткий путь в бывшую столицу Мандры лежал между северным склоном Черных гор и краем Гниловранской трясины. Кулы надо было достичь как можно скорее – армия, застигнутая на этом узком перешейке, была беззащитна. Войска Великого Бека и так растянулась на марше, как огромная змея.

Оставлять дракона с фланга было рискованно. Но Зейнеддину почему-то казалось, что если бы чудовище хотело атаковать, оно давно напало бы. Скорее всего, дракон лишь хотел защитить свое логово, и сигналил нежданным гостям: «Это земля – моя».

Зейнеддин хлестнул нагайкой своего маленького мохноногого коня, поднимая на дыбы, и развернул практически на месте. Высокий, гибкий, с огромными синими глазами и копной светлых кудрей, делавших его похожим на молодого львифона, в окружении своих черноголовых воинов в полосатых халатах младший сын Великого Бека выглядел таким же странным и необъяснимым сном, как и черный дракон в утреннем небе над Нудайдолом.

Сотня лучших бойцов, вернувшись из разведки, сообщила об отсутствии угрозы с востока.

– Что это было? – спросил Василий.

Только у кузнеца хватило духу разговаривать с дочерью после того, как она вычаровала в небе над станицей иллюзию дракона. То есть, Василий был почти уверен, что это – иллюзия… но он хотел убедиться.

Коруна посмотрела на отца ничего не выражающим, мертвым взглядом. Неделя прошла после нелепой, и от того еще более страшной грозы, сотрясшей станицу. На следующий день люди князя принесли удивительные вести о том, что Черное Пламя убит заговорщиками, а со стороны Мертвой Пустыни движутся полчища сюрков. Княжеские дружинники забрали из

деревни всех мужчин, кроме кузнеца и Антона, сухорукого подростка. Станичники не решились бы подойти к избушке ведьмы и дольше, если бы в окрестностях Пламенной не появился разъезд сюрков. Теперь некому было защитить их, кроме колдуньи. За Кертель отправили Василису, старшую дочь кузнеца – даже если бы ведьма была сильно не в духе, вряд ли бы она сразу бы убила сестру своей ученицы.

Оказалось, что старая колдунья умерла. Но ее воспитанница не ударила в грязь лицом. Увидев в небе огромную огнедышащую тварь, сюрки повернули назад и скрылись в лесу.

– Это был дракон, – ответила Коруна отцу.

Василий покачал головой, стараясь скрыть охвативший его ужас. За прошедшие три дня Коруна изменилась сильнее, чем за предыдущий год. Она стала старше, мрачнее… а в ее глазах отцу чудился странный, развратный блеск.

– Станичники отблагодарят тебя, – сказал кузнец.

Новая ведьма-покровительница станицы Пламенной следила за полетом дракона. Он закончил прихотливый вираж и теперь двигался на северо-восток. Избушка ведьмы, у дверей которой Коруна нашла это великолепное, жутко израненное тело, и где словно одно мгновение в безумных ласках пролетели эти дни и ночи, находилась к югу от станицы.

– Не за что, – сказала она глухо. – Я ухожу в Горную Школу, и отныне вам придется защищаться самим.

Василий склонил голову.

– Воля твоя, – произнес он, как показалось Коруне, скорее с облегчением, чем с сожалением.

И все же она вернулась в избушку – проверить.

На столе лежала крупная брошь с алыми, как глаз дракона, камнями. Самого дракона не было.

Юная ведьма зарыдала.

Как он мог уйти? Ведь она любила его, и только его она будет любить всегда.

Но трезвый голос напомнил Коруне о ее характере, неожиданно оказавшимся весьма сварливым. О приступах ярости, охватывавших ее в те моменты, когда все женщины засыпают в объятиях сладкой усталости. О потоках брани, которые она изливала на голову Тенквисса совершенно незаслуженно.

Коруна приколола брошь к плечу, достала меч из сундука и поднялась на чердак, где ее ожидала уже отдохнувшая ступа.